

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

КОЛЬСКИЙ СБОРНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КОЛЬСКИЙ СБОРНИК

Посвящается 60-летию
Владимира Яковлевича Шумкина

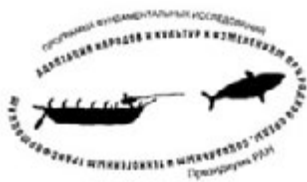
Санкт-Петербург
2007

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

КОЛЬСКИЙ СБОРНИК

Vladimir Shumkin Festschrift

Saint-Petersburg
2007

Издание «Кольский сборник» выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Сборник посвящается 60-летию старшего научного сотрудника Отдела палеолита, руководителя Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН Владимира Яковлевича Шумкина.

Авторы статей — друзья и коллеги юбиляра, область научных интересов которых связана с изучением древней истории Фенноскандии. Статьи охватывают период от мезолита до позднего средневековья и посвящены отдельным вопросам геоморфологии, культурогенеза и этнической истории региона. Публикуются предварительные результаты полевых и лабораторных исследований, проведенных Кольской археологической экспедицией в последние годы.

Особое место занимают статьи, посвященные проблемам изучения и сохранения наскального искусства.

Для археологов, этнографов, историков, для тех, кто интересуется древней историей Европейского Севера, и для всех друзей Владимира Яковлевича.

The Festschrift is dedicated to the 60th birthday of Vladimir Ya. Shumkin, a senior research fellow in the Department of Palaeolith and the head of Kola Archaeological expedition of IHMC RAS.

The contributing authors are friends and colleagues of Vladimir Shumkin, who study the ancient history of Fennoscandia. The articles cover the period from Mesolith to Late Medieval and address selected problems of geomorphology, culture origin and ethnic history of the region. Recent results of field and lab studies performed by Kola Archaeological expedition are presented.

A special place is taken by the articles dedicated to study and preservation of rock carving art.

This volume is intended for ethnologists, historians, those who are interested in the ancient history of European North, and for all friends of Vladimir Shumkin.

Ответственный редактор: Л. Г. Шаяхметова

Редактор английского текста: Г. Н. Уральцев

Компьютерная верстка: А. Ю. Гордилов

На обложке — антропоморфная фигура с о-ва Каменный. Петроглифы оз. Канозеро, Кольский п-ов

© Коллектив авторов, 2007

© Институт истории материальной культуры РАН, 2007

Содержание

К 60-летию В. Я. Шумкина.....	9
<i>М. М. Шахнович</i>	
Культурно-хронологическая атрибуция мезолитических памятников Северной и Западной Карелии и их место в мезолите Северной Европы.....	11
<i>А. Ю. Тарасов, А. И. Мурашкин, К. Э. Герман</i>	
Новые исследования на Южном Оленьем острове Онежского озера.....	41
<i>Matti Saarnisto and Irmeli Vuorela</i>	
Palaeogeography and Palynology of Orov Navolok, NE Lake Onega.....	82
<i>А. М. Жульников</i>	
Памятники с керамикой типа Залавруга Ів Прибеломорье и некоторые вопросы изучения Беломорских петроглифов.....	102
<i>J.-P. Taavitsainen</i>	
A radiocarbon-dated rock painting in Finland?.....	138
<i>Вяйно Пойкалайнен</i>	
Наскальное искусство завораживает.....	142
<i>В. А. Лихачев</i>	
Петроглифы оз. Канозеро: история открытия.....	146
<i>Е. М. Колпаков</i>	
Петроглифы Канозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.).....	155
<i>А. Ю. Городилов</i>	
Техника выбивки петроглифов озера Канозеро	184
<i>А. И. Мурашкин</i>	
Костяной и роговой инвентарь из могильника Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (по материалам раскопок 2002–2004 гг.).....	192

Г. Н. Поплевко

Трасологическое исследование изделий из кости и рога
из могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря
(предварительные наблюдения).....221

М. М. Шахнович

«Лопь» и «лопарские» памятники Северной и Западной
Карелии.....228

А. Д. Столяр

Летописец древностей Русской Лапландии.....247

Список публикаций В. Я. Шумкина.....251

Список сокращений.....259

Contents

M. Shakhnovitch

Cultural and chronological attribution of Mesolithic sites in Northern and Western Karelia and their role in the North European Mesolith.....11

A. Tarasov, A. Murashkin, K. German

New studies on South Oleny island on Onega lake.....41

M. Saarnisto, I. Vuorela

Palaeogeography and palynology of Orov Navolok NE lake Onega.....82

A. Zhulnikov

The sites with the Zalavruga I type ceramics in the White Sea region and selected issues in studying White Sea rock carvings.....102

J.-P. Taavitsainen

A radiocarbon-dated rock painting in Finland?.....138

V. Poikalainen

Under the spell of Rock Art.....142

V. Likhatchev

Rock carvings of Kanozero: The discovery history.....146

E. Kolpakov

Rock carvings of Kanozero: typological analysis.....155

A. Gorodilov

Carving technique of Kanozero lake rock carvings.....184

A. Murashkin

Bone and antler inventory of the Bolshoy Oleny island cemetery in Kola bay of Barents Sea (excavation materials 2000–2004).....192

G. Poplevko

Use-wear analysis of bone and antler artifacts from the Bolshoy Oleny island cemetery in Barents Sea.....221

<i>M. Shakhnovitch</i>	
«Lapps» and «Lapp» monuments of Northern and Western Karelia.....	228
<i>A. Stolyar</i>	
The Annalist of Russian Lapland antiquity.....	247
Publication List of V. Shumkin.....	251
List of Abbreviations.....	259

К 60-летию В. Я. Шумкина

Владимир Яковлевич Шумкин родился 10 июля 1947 г. в г. Пскове в семье военнослужащего.

Школьные годы его прошли в г. Кирове Калужской области. В 1965 г. В. Я. Шумкин поступил на вечернее отделение Исторического факультета Ленинградского университета, где специализировался на кафедре археологии. Это было довольно трудное время: средства на образование и жизнь Владимир Яковлевич зарабатывал на Кировском заводе (токарь-универсал 5 разряда).

Важную роль в его жизни (как и для многих археологов-неолитчиков) сыграла Т. Д. Белановская, которая была его руководителем на кафедре археологии. В течение нескольких сезонов он работал на раскопках поселения Ракушечный Яр на Дону. Здесь он познакомился со многими своими будущими друзьями, которые занимали (к сожалению, некоторых из них уже нет) и продолжают занимать важное место в его жизни.

Татьяна Дмитриевна познакомила его с Н. Н. Гуриной, начальником Кольской неолитической экспедиции и руководителем неолитической группы Отдела палеолита ЛОИА. Так, в 1969 г. Владимир Яковлевич впервые попал на Кольский п-ов в качестве сотрудника Кольской неолитической экспедиции. В 1970 г. он был принят в штат ЛОИА АН на должность старшего лаборанта. В 1973 г. В. Я. Шумкин закончил Университет; в 1979 — поступил в заочную аспирантуру и в 1983 г. успешно ее закончил. В 1984 г. В. Я. Шумкин защитил диссертацию «Каменная и костяная индустрия мезолита — раннего металла Кольского п-ова» на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

С 1973 по 1983 гг. Владимир Яковлевич постоянно участвует в работе Кольской и Верхневолжской археологических экспедиций ЛОИА АН, возглавляемых д. и. н. Н. Н. Гуриной, а также проводит самостоятельные полевые работы в их составе.

За это время В. Я. Шумкиным были обнаружены десятки новых археологических объектов на Кольском п-ове (среди которых — петроглифы на р. Поной, поселение Маяк в Дроздовской губе Баренцева моря) и на Верхней Волге, часть из них исследовалась им самостоятельно. Кроме этого, он участвует в экспедициях, работавших на Кавказе, в Молдавии, в Краснодарском крае, в Карелии, Дальнем Востоке и т. д.

С 1978 г. он — заместитель начальника обеих экспедиций, с 1984 — начальник Североморского отряда.

В. Я. Шумкин, как высококвалифицированный специалист по каменному веку севера Европейской части СССР и Фенноскандии, принимает участие в крупных международных собраниях: VI Международном финно-угорском конгрессе (1985 г.), Советско-Финляндском симпозиуме (1986 г.), Международной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии (1986 г.).

С 1989 г. он — научный сотрудник, ведет активную научную работу и полевые исследования. В 1998 г. он утвержден в звании старшего научного сотрудника.

В тяжелые для всей российской науки годы после развала СССР В. Я. Шумкин продолжает археологические исследования в Заполярье. На скудные средства (в том числе на собственные средства начальника) Кольская археологическая экспедиция, состоявшая тогда из 2–3 человек, проводит поиски новых памятников. За это время на п-ове Рыбачьем и в районе Дроздовской губы найдено несколько десятков поселений от мезолита до железного века, насчитывающих в общей сложности более 300 жилищ, которые ранее вообще не были известны на Кольском. В 1998 г. В. Я. Шумкиным начаты исследования вновь открытого комплекса древних петроглифов на оз. Канозеро. К настоящему времени здесь зафиксировано более 1000 гравировок. В 2001 г. возобновлены раскопки знаменитого могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря, считавшегося полностью уничтоженным. Полученные результаты превзошли самые смелые ожидания.

Как крупный специалист в области каменного века Европейского Севера В. Я. Шумкин принимает участие в раскопках памятников в Швеции, Норвегии, Финляндии и т. д., участвует в международных конференциях и симпозиумах: в Норвегии, Испании, Франции, Италии, Швеции, Финляндии. Он активно сотрудничает с иностранными коллегами, проводит совместные экспедиции. Им написаны около 100 научных работ.

И все же главное — с 1987 г. и по настоящее время В. Я. Шумкин — бессменный начальник Кольской археологической экспедиции ЛОИА АН — ИИМК РАН. Вокруг него сплотилась группа исследователей, друзей и единомышленников, совместно с которыми он продолжает успешное исследование уникальных памятников Кольского п-ова.

Поздравляем Владимира Яковлевича с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, бодрости духа и дальнейших творческих успехов.

Культурно-хронологическая атрибуция мезолитических памятников Северной и Западной Карелии и их место в мезолите Северной Европы

М. М. Шахнович¹

К 80-м гг. XX в. территория Карелии в археологическом плане была изучена очень неравномерно. Кроме многочисленных памятников бассейна Онежского озера на огромном пространстве Северной и Западной Карелии (далее — СЗК) был известен 21 пункт с находками, обнаруженных в 40–60-е гг. Н. Н. Гуриной и Г. А. Панкрушевым, а также стоянки, раскопанные в 1965–1967 гг. А. В. Анпиловым в низовье р. Кеми, и в 1974–1978 гг. М. Г. Косменко — по Кенто-Костомукшской гидросистеме (Гурина, 1961; Анпилов, 1972. С. 3–10; Косменко, 1978. С. 59–93). Н. Н. Гурина применяла термин «бескерамические стоянки», но считала зафиксированные ею памятники относящимися к эпохе неолита (Гурина, 1961. С. 177–190). М. Г. Косменко использовал «термин «стоянки мезолитического типа» или «мезолитические», несмотря на то, что их абсолютная хронология ещё недостаточно выяснена» (Косменко, 1978. С. 61). Ряд «кемских» памятников, находящихся на террасах с высокими гипсометрическими отметками (относительно уровня Белого моря), вместе с несколькими стоянками северного берега Онежского озера были выделены в одну группу «раннего этапа мезолита Карелии» и датированы X–IX тыс. до н. э. (Панкрушев, 1978. С. 54). Памятники Западной Карелии рассматривались как «северный локальный вариант» мезолитической культуры Онежского озера (Косменко, 1978. С. 92).

Источниковая база несколько увеличилась к концу 80-х гг. XX века. В это время на севере Карелии уже выделялись две «сравнительно крупные группировки памятников — в бассейне р. Кеми и на Кенто-Костомукшской озёрной системе». В литературе сформировалось мнение, что два удалённых друг от друга региона (Северная и Южная Карелия) «во всех отношениях противостоят друг другу, и материальную культуру памятников каждого из них отличает значительная доля специфичности и своеобразия», а так же, что проведённые на «северных» стоянках в 60–70 гг. XX в. раскопки, «позволяют решить вопросы их культурной принадлежности, хронологии и взаимоотношения с памятниками

¹ Карельский государственный краеведческий музей (Петрозаводск).

Обонежья» (Филатова, 1991. С. 13). Для памятников Северной и Западной Карелии в качестве культуроопределяющего признака выделялась «одна особенность — их индустрия базировалась либо исключительно на кварцевом сырьё, либо с незначительной долей для отдельных форм орудий местного сланца и привозного кремня. По этим показателям они тяготеют к культурам северного региона — Кольской и Аскола-Сумусьярви, сравнительно резко отличаясь тем самым от Обонежской» (Филатова, 1988. С. 19; 1991. С. 51–52). Все известные к этому времени памятники на северо-западе Карелии, включая сборы с «бескерамических» стоянок Н. Н. Гуриной, которые она по набору и типологии кварцевого материала и характеру культурного слоя закономерно определяла как неолитические (Гурина, 1961. С. 177–188), на основе формального сходства кварцевых орудий и отсутствия керамики, были объединены в «единый культурный комплекс, в котором наиболее ранними являются кемские», существовавший в период VII–V тыс. до н. э. (Филатова, 1988. С. 19; 1991. С. 61; Археология Карелии, 1996. С. 40). При отсутствии данных о мезолитических объектах на промежуточных территориях вопросы соотношения «северного» и «южного» мезолита Карелии в основном решались на уровне предположений и вероятностных категорий: «с точки зрения географии и геоморфологии»: «обособленны территориально, отсутствие связывающих и доступных путей между этими территориями» и т. п. (Филатова, 1991. С. 52). Место «северокарельских памятников в крупном северном культурно-историческом регионе» было определено как «локальный вариант кольской мезолитической группировки, с возможным выделением в самостоятельную культурную единицу» (Филатова, 1991. С. 63; 2006. С. 33).

Поверхностное восприятие «северокарельского мезолита» было следствием как малого количества привлекаемого материала и низкого качества раскопок в тот период, так и с существующим до сего времени у ряда исследователей постулатом о том, что отсутствие среди находок фрагментов керамики позволяет относить памятник к эпохе мезолита, что чаще всего не соответствует действительности. Так из двадцати «бескерамических» стоянок, широко используемых для культурных построений, «крупной мезолитической группировки» Кенто-Костомукшской озёрной системы (Косменко, 1978. С. 59–93), только три коллекции (Костомукша II, IV, V), на наш взгляд, можно достоверно датировать мезолитическим временем (Шахнович, 2005. С. 206). Несмотря на значительное количество публикаций, вышедших за последние полтора десятилетия по различным вопросам мезолита — раннего неолита Северной

и Западной Карелии (Шахнович, Харин, 1993; Шахнович, Шпаковский, 1993; Шахнович, 1994; Шахнович, Васильева, 1995; Шахнович, 1996; 1997а; 1997б; 1998; 2000а; 2000б; 2005; 2006а; 2006б; Шахнович, Мартынов, 2006; Тарасов, Шахнович, 2006), схематичные суждения, с очень небольшими вариациями, высказанные на эту тему в 70–80-х гг. XX в. и во многом уже ставшие достоянием историографии, присутствуют в литературе до последнего времени (Ошибкина, 2005. С. 91; Филатова, 2006. С. 32–35, 71).

Результаты полевых работ последних лет привели к значительному росту числа изученных раскопками памятников, позволили качественно переосмыслить имеющиеся коллекции предшественников, ввести в исследовательский оборот новые данные. По мере накопления материалов происходил серьёзный пересмотр сложившихся ранее взглядов, формулировка и проверка новых гипотез. Например, первоначально памятники мезолита Северной и Западной Карелии и Северной Финляндии определялись как «северный локальный вариант двух расположенных южнее различных мезолитических общностей» (Шахнович, 1996. С. 31; 1997б. С. 46). На основе анализа всех имеющихся материалов на территории Северной Финляндии и Северной и Западной Карелии в эпоху мезолита нами выделяется самостоятельная северокарелофинская археологическая культура². В настоящее время к ней отнесено до пятидесяти стоянок, из которых около сорока исследованы в разной степени раскопками.

Территория. Картирование известных к настоящему времени памятников северокарелофинской культуры показывает, что все они находятся на территории от Ботнического залива Балтийского моря на западе до Белого моря на востоке, от Полярного Круга на севере и приблизительно до широты Выгозера на юге (без включения водораздела Онежского озера). Очертания побережий севера Европы в период Анцилового озера (9.5–8.2 тыс. л. н.) значительно отличались от современных контуров. Это было обусловлено повышением уровня морских акваторий из-за интенсивного таяния остатков ледника (раннеголоценовая трансгрессия фолас). Акватория древней Балтики (Анцилово озеро) в это время распространялась на восток вглубь континента на 150–200 км от современных берегов, а в период Литоринового моря на 50–70 км. Внутренние районы Финляндии изобиловали крупными озёрами и глубоко вдающимися в сушу морскими заливами. Прибеломорская низменность была затоплена до отметок 50–60 м абсолютной высоты. Расстояние между Ботни-

² Понятие «археологическая культура» используется нами только как способ систематизации материала.

ческим заливом и Белым морем было меньше современного почти в два раза и не превышало в среднем 250 км (в самом узком месте — 150 км). Регион в эпоху мезолита по площади был более компактным. И если сейчас он воспринимается как глубинные материковые области, то в бореальный период удалённость известных мезолитических памятников от морского побережья была менее значительной. В это время уже существовало орографическое разделение по естественным водоразделам Онежского озера, Ботнического залива и Белого моря, сохранившееся до настоящего времени. Сформировалась сеть современных гидросистем: более многочисленные озёра несколько больших размеров и реки, за последние девять тысяч лет в очень редких случаях изменившие на небольших участках своё русло. Памятники северокарелофинской культуры на карте региона расположены неравномерно, что скорее отражает степень изученности региона и, возможно, часто отмечаемую незначительную плотность обитания населения мезолита лесной зоны Европы, чем какую-то закономерность культурного характера.

Немногочисленные, способные к сезонному перемещению на большие расстояния из одной природной зоны в другую, коллективы существовали в единой геоморфологической области, естественными границами которой можно рассматривать только побережья Белого и Балтийского морей. Повышения рельефа Карелии (Ветреный Пояс и Манселькя) и водораздельные участки местности, нельзя считать «практически непреодолимыми» географическими рубежами, которые могли сдерживать передвижение населения (Филатова, 1991. С. 52).

Характеристика памятников. Топографический стандарт поселенческих площадок отражает как культурное, так и адаптационное своеобразие общности. В Карелии и сопредельных регионах эта ситуация в мезолите во многом различается. Например, стоянки культуры веретье находятся на низких участках озёрного побережья около устьев рек; места поселений на Онежском озере — это берега древних островов, часто удалённых от материка на значительное расстояние; население культур комса и суомусъярви было ориентировано на заселение высоких приморских террас. В Северной Финляндии и СЗК в эпоху мезолита для поселений выбирались преимущественно низкие песчаные террасы на мысах и островах внутренних озёрных систем, или локальные возвышенности древнего рельефа морского побережья. В северокарелофинской культуре представлены несколько типов памятников, различия между которыми обусловлены решением определённых хозяйственно-бытовых задач: многосезонные «базовые лагеря», сезонные стоянки, «охотничьи лаге-

ря», стоянки-мастерские. Последние более дробно подразделяются на «мастерские для добычи и первичного раскалывания каменного сырья», «мастерские по изготовлению кварцевых орудий из подготовленных нуклеусов», «мастерские по изготовлению орудий из подготовленных в другом месте заготовок» (Тарасов, Шахнович и др., 2006. С. 261). Характерной чертой северокарелофинской культуры является значительное преобладание небольших сезонных стоянок с кратковременным интервалом обитания над поселениями, так называемого «базового» типа.

За редким исключением культуросодержащие горизонты памятников не имеют искусственной окрашенности и не выделяется по литологическим признакам. В культурных отложениях различаются только небольшие пятна, содержащие золу, древесный уголь или имеющие тёмный оттенок, часто сопровождающиеся скоплениями находок. Средняя мощность горизонтов с находками в рыхлом песчаном грунте не превышает 0,25 м, максимальная концентрация расщеплённого каменного материала — 0,1–0,15 м. Площадь распространения культурных остатков сильно варьирует в зависимости от продолжительности обитания и специализации памятника (от 20–30 м² до 1500 м²). В плане находки распространены преимущественно обособленными зонами концентрации, позволяющими проследить в границах исследованного участка несложную структуру обитания. На небольших сезонных стоянках — это одно или несколько скоплений расколотого кварца, локализуемое около цветковых пятен кострищ. За пределами скоплений находки практически отсутствуют. Хозяйственно-бытовые сооружения представлены кострищами различной мощности и редкими очажными кладками на поселениях. Структуры, которые можно интерпретировать как следы от углублённых жилищ, пока не выявлены. Почвенно-климатические условия не способствовали сохранению органических остатков, поэтому кроме древесного угля встречаются только мелкие фрагменты кальцинированных костей и костная труха.

Система хозяйствования. Рассматриваемая общность, как отмечалось ранее, занимала определённую экологическую нишу, отличную от ситуации в соседних археологических культурах. Как специфическую черту северокарелофинской культуры можно рассматривать то обстоятельство, что по палеогеографическим данным её ареал распространялся на несколько, существовавших на этой территории в пребореальном и бореальном периодах, природно-климатических зон послеледниковья: тундровую, лесотундровую и северо-таёжную. В середине бореала в ходе плавного потепления происходили крупные экологические измене-

ния растительного и животного мира — сосуществование, а затем смена берёзового редколесья тундр лесотундрой, а в начале атлантического периода — наступление таёжных сосновых лесов. Граница лесной зоны к началу атлантикума резко продвинулась на север, что, несомненно, повлияло, но не кардинально, на смену палеофауны. Лесной северный олень (в отличие от более южных территорий) продолжал соседствовать с лосем в северо-таёжной зоне. Хозяйство коллективов было ориентировано, в основном, на промысел крупных копытных и нерестящейся рыбы. Предположительно существовали различные формы собирательства (пресноводное, морское и лесное). При обилии потенциальных пищевых ресурсов поселенческая стратегия предполагает высокую степень устойчивости, что говорит о единообразии и стабильности охотничьей практики.

С одной стороны, нельзя окончательно утверждать, что «длительные сезонные миграции населения могли сложиться и существовать только при охоте на северного оленя» (Сорокин, 2004а. С. 126), с другой — территория, отводимая северокарелофинской общности, совпадает с современным ареалом таёжных миграций лесного северного оленя в Восточной Фенноскандии. Данная гипотеза, объясняющая «экономическую мотивацию перемещений и общность территорий», представляется во многом правдоподобной. Можно согласиться с мнением, что территория археологической культуры в мезолите — это географическое пространство, в пределах которого популяция жила по сезонному циклу, которая могла смещаться или перекрываться хозяйственным ареалом другого сообщества (Сорокин, 2002. С. 76; Косинская, 2006. С. 24). В ходе распространения на север таёжных лесов происходит уменьшение дальности сезонных миграций.

Каменная индустрия. Мезолитические комплексы этой территории объединяет единство техники и технологии расщепления, сходство типологического набора каменного инвентаря. Охарактеризуем технико-морфологические и типологические особенности коллекций памятников северокарелофинской культуры, которые являются показателями их культурной специфики.

На территории Северной и Западной Карелии в эпоху мезолита одновременно существовало несколько каменных индустрий, различающихся по специфике освоения и использованию того или иного сырья — сланцевая, кварцевая и кремнево-лидитовая индустрии. Находки из сланца, кремня и лидита (окремнённого сланца), песчаника и кварцита (широко представленные в мезолите Южной Карелии) не-

значительны в орудийных комплексах (0–1.5%), и в основном являются готовыми изделиями. Это можно объяснить отсутствием на этой территории выходов кремня, лидита и спорадичностью их поступлений извне (Шахнович, 2006б. С. 131). Применение сланца, песчаника, кварцита единично из-за небольшой востребованности в этом регионе сланцевых макроорудий. Доступным и повсеместно распространенным сырьём для производства каменных орудий на этой территории был кварц. Кварцевая индустрия сформировала своеобразный облик мезолитической общности в этом регионе Карелии.

Кварцевая индустрия памятников северокарелофинской культуры базировалась на самом простом, слабо структурированном варианте каменной технологии — биполярной технике скола (ударной, с применением каменного отбойника и наковальни), не предполагающей специализированного, массового получения пластин. Единичные пластинчатые снятия случайны и нетипичны. Кварцевый инвентарь этих памятников характеризуется использованием в качестве основного типа заготовки средних размеров биполярных осколков или отщепов, что определило морфологию законченных орудий. Продукты расщепления представлены биполярными и площадочными нуклеусами и нуклевидными кусками. Количество «классических» площадочных нуклеусов минимально.

Сужение сырьевого набора горных пород на памятниках эпохи мезолита этой территории привело к уменьшению комплекса приёмов оформления поверхности изделий из камня. Вторичная обработка орудий на кварце представлена притупляющим ретушированием — крутым и полукрутым, эпизодично — приостряющей ретушью, а также резцовым сколом. При обработке сланцевых пород используются пикетаж, оббивка и шлифование. Отмечается значительно меньшее, чем в соседних регионах, применение ретуширования, редкость абразивной обработки (пиление, сверление и шлифование). Если в культурах суомусъярви и онежской ретушью обрабатывались скребки, ножи, скобели, наконечники стрел, свёрла и отщепы с ретушью, то в рассматриваемых комплексах северокарелофинской культуры — только скребки и единичные наконечники стрел. Таким образом, население знало эти приёмы, но не использовало их так разнообразно, как мы можем наблюдать на мезолитических памятниках, расположенных южнее и севернее. Некоторые признаки, которые можно обозначить как влияние кремневой технологии, и которые присущи мезолитическим индустриям сопредельных территорий, например, «длиннофасеточное ретуширование» скребков в мезолите Обонежья (Филатова, 2004. С. 119), здесь появляются только в эпоху неолита.

Для памятников присущ стабильно повторяющийся, скудный по количеству групп и типов, но, в целом, универсальный состав орудийных комплексов. Такие коллекции характеризуют специализированный набор инвентаря охотничьих лагерей. Наблюдаемые количественные вариации различных групп орудий на разных памятниках являются следствием длительности обитания и направленностью хозяйственной деятельности на стоянках.

В наборе инвентаря памятников ведущей группой орудий, образующей устойчивые серии, являются кварцевые скребки. Во всех коллекциях отмечается очень близкая морфология скребков и их незначительная вариационность. Ведущим, культууроопределяющим типом для северокарелофинской культуры является концевой скребок на уплощённом отщепе или осколке укороченных пропорций подпрямоугольной формы, с минимальной обработкой края рабочего лезвия крутой и полукрутой ретушью.

Другие орудия не образуют многочисленных серий, но представлены выразительными формами. Это — топоры и стамески из сланца, наконечники стрел, копий, острия, скобели, резцы, долотовидные орудия, ножи, свёрла, проколки, орудия обработки камня (абразивы, отбойники, ретушеры, пилы), перфорированные камни, отщепы с ретушью или следами использования. Комбинированных орудий немного, сочетания их случайны и неустойчивы. Большинство выделенных групп орудий являются универсальными, повсеместно представленными в материалах мезолита лесной зоны Европы. Однако есть и своеобразные типы изделий из кварца, которые не отмечены в соседних археологических культурах: кварцевые наконечники стрел, острия. Они не многочисленны, типологически не разнообразны и встречаются не на всех стоянках северокарелофинской культуры.

Охотничье вооружение является одной из основных культууроопределяющих групп изделий в мезолитических комплексах лесной зоны Европы. Данная группа орудий в круге памятников северокарелофинской культуры представлена двумя типами кварцевых и одним — кремневых наконечников. Колющие, листовидной формы наконечники из кварца (черешковые и бесчерешковые) изготовлены в технике, применяемой для изготовления кремневых постсвидероидных форм, но с частичной или полной заменой ретуширования резцовым сколом. Кремневые наконечники подобных форм широко распространены в мезолите лесной зоны Северной Европы (Филатова, 1987; Ошибкина, 2004). Кварцевые косо- и поперечнолезвийные наконечники стрел в форме трапеции можно счи-

тать хронологическим орудием-«маркёром» для северокарелофинской культуры. Аналогичные кремнёвые наконечники на отщепках, с обязательным ретушированием насада, единичны в финальномезолитических и раннеолитических комплексах памятников Южной Финляндии, Карельского перешейка, Южного Обонежья и Европейского Северо-Востока (Luho, 1957. P. 152; Matiskainen, 1986. P. 85; Карманов, 2002. С. 96). В более южных регионах Волго-Окского междуречья, Подесенья, р. Камы, а также Кольского п-ова они относятся к финальнопалеолитическим и мезолитическим культурам (Гурина, 1997. С. 21–22; Галимова, Истомин, 2000. С. 143–150; Кравцов, Конов, 2002. С. 132). Острия, листовидные и косолезвийные наконечники из кварца неизвестны в многочисленных коллекциях мезолита Обонежья. Кремневые наконечники листовидной формы представлены одним типом — черешковым на микропластине, с обработкой ретушью с брюшка насада и острия. К группе охотничьего вооружения так же отнесены кварцевые острия и единственный в мезолите Карелии фрагмент шиферного листовидного наконечника копья. В соседних районах Северной Финляндии (провинция Кайнуу) находки подобных наконечников копий не редкость.

Показательно минимальное присутствие в материалах артефактов, связанных со сланцевой индустрией. Ситуацию, когда многие хорошо «разработанные/внедрённые» в общества ближайших территорий типы макроорудий и приёмы обработки камня единично встречаются в мезолитических коллекциях Северной и Западной Карелии, можно объяснить только направленностью жизнедеятельности коллективов в данном регионе. Такое положение сохраняется здесь и в более позднее время энеолита — эпохи бронзы (Тарасов, 2003. С. 125).

Во многом развитие каменной индустрии северокарелофинской культуры сходно с моделью «активной адаптации», предложенной для бутовской культуры мезолита Верхней Волги: отсутствие и значительная удалённость от источников качественного сырья приводило к переходу на активное использование местных горных пород, что влекло за собой технологические перемены, качественную и структурную трансформацию каменного инвентаря. Важно, что эти изменения на ранних этапах процесса происходили достаточно быстро и в последующем существенных модификаций, связанных с обеспеченностью сырьём, не наблюдается (Жилин, 1998. С. 29).

Хронология и периодизация. Число независимых дат в этом регионе Фенноскандии остаётся незначительным. На период до 2006 г. радиоуглеродные определения представлены шестнадцатью датами с вось-

ми памятников, в основном, со смешанными материалами, из Северной Финляндии. Единственные даты по C-14, полученные с участков с «чистым» мезолитическим материалом: 8310 ± 100 л. н. и 7310 ± 100 л. н. (Пуоланка Хаутола) и 7110 ± 60 л. н. и 6970 ± 200 л. н. (Кереть XIX). На основе радиоуглеродных данных мы можем более или менее уверенно наметить время первоначального освоения территории Северной Финляндии и Северной Карелии с начала VII тыс. до н. э. Только четыре даты приходится на VI тыс. до н. э. Верхняя граница мезолита — начало эпохи неолита Северного Прибеломорья обычно датируется V — началом IV тыс. до н. э. (Шумкин, 1996. С. 72; 2000. С. 93).

Таблица 1. Радиоуглеродные даты памятников мезолита Северной Финляндии и Северной Карелии

Суомуссалми Ванха Кирккосаари	8950 ± 120 л. н. (Hel 2313) 8200 ± 130 л. н. (Hel 3035)
Хюрюнсалми Нуолихарью В	8960 ± 120 л. н. (Hel 3924) 8890 ± 110 л. н. (Hel 4045)
Хюрюнсалми Коппелониemi	8440 ± 130 л. н. (Hel 3033) 8260 ± 120 л. н. (Hel 1425)
Пуоланка Хаутола	8310 ± 120 л. н. (b 1231182) 7310 ± 100 л. н. (Hel 4044)
Каяни Якялянниemi	8150 ± 110 л. н. (Hel 2097) 8150 ± 110 л. н. (Hel 2099) 8070 ± 110 л. н. (Hel 2100)
Хюрюнсалми Вонкка	8020 ± 60 л. н. (b 148609) 7640 ± 80 л. н. (b 148608)
Кухмо Васикканиemi	7380 ± 95 л. н. (Hela 93)
Кереть XIX	7110 ± 60 л. н. (Le 7606) 6970 ± 200 л. н. (Le 7402)

Работы последних лет на юго-восточном побережье Онежского озера позволили получить стратифицированные керамические материалы, подкреплённые радиоуглеродными датами, предшествующие керамике сперрингс и относящие начальный этап керамического производства в Южной Карелии к концу VI тыс. до н. э. (Иванищев, Иванищева, 2000. С. 284). Это хорошо согласуется с общей тенденцией в хронологии каменного века лесной зоны Европы и имеющимися радиоуглеродными датами для керамики сяр I на севере Фенноскандии, находящимися в границах 7.9–6.3 тыс. л. н. (Тимофеев, Зайцева., 2004; Skandfer, 2005. P. 5–6). Можно предположить, что при увеличении объёма работ и на территории Северной и Западной Карелии будут найдены «керамические» комплексы, также датируемые этим временем. Подтверждением

этому могут быть первые для памятников каменного века Северной Карелии радиоуглеродные даты со стоянки Кереть XIX, относящиеся к финальному мезолитическому комплексу находок (Тарасов, Шахнович, 2006. С. 265–266), что, возможно, позволит вести отсчёт процесса «неолитизации» в этом регионе с начала V тыс. до н. э.

Таким образом, радиоуглеродная хронология северокарелофинской культуры может быть определена периодом с начала VII по начало V тыс. до н. э. Данный временной отрезок приблизительно синхронен времени существования соседних мезолитических культур. Например, культура комса — это 2.5 тыс. лет (VIII–V тыс. до н. э.), культура суомусъярви — 3 тыс. лет (вторая половина VIII — середина V тыс. до н. э.), онежская культура — около 2 тыс. лет (вторая четверть VII — начало V тыс. до н. э.). Возникает ситуация, когда нижняя граница северокарелофинской культуры, основывающаяся на датах по C-14, несколько древнее, чем намеченное типологическим методом время возникновения расположенной южнее онежской культуры.

Памятники северокарелофинской культуры не одновременны и занимают временной интервал, приблизительно, в две тысячи лет. Развитие культуры на ограниченной территории Северной и Западной Карелии и Северной Финляндии в намеченных хронологических границах можно разделить на три условных этапа: ранний — время первичного проникновения населения и хозяйственной адаптации этих территорий, средний — сложение самобытной каменной индустрии, как следствие изолированности общности, финальный — увеличение контактов с соседними культурами.

Ранний этап (первая половина VII тыс. до н. э.) нельзя считать надёжно документированным. Он пока очень предварительно намечен рядом памятников, датированных или по палеогеографическим данным — нахождение их на берегах приледниковых водоемов (Тунгозеро I, Контокки VIII) — или по радиоуглеродным определениям, относящих их возраст к началу VII тыс. до н. э. (Суомуссалми Ванха Кирконсаари, Хюрюнсалми Нуолихарью В, Хюрюнсалми Коппелониemi). В первом случае, мы имеем очень незначительные, обеднённые коллекции, а во втором — памятники со смешанными комплексами (Шахнович, 1997а. С. 7–8; 1998. С. 147–157). Наличие первой ступени мезолита данного региона более чем реально, но пока она не может быть полностью использована в качестве равновесной и существенной части периодизационной схемы.

Средний этап (вторая половина VII — вторая половина VI тыс. до н. э. Северной и Западной Карелии) северокарелофинской культуры характе-

ризуется единообразием первичной и вторичной обработки и типологии каменного инвентаря памятников, основанных на биполярной технике раскалывания кварца. Наиболее выразительными являются материалы Тунгуды XIV–XXV, Суккозеро I, Костомукши II, Кенто XII, Контокки V, Пуоланка Хаутола, датированные, в основном, типологическим методом.

Характеризовать финальный этап культуры (конец VI — начало V тыс. до н. э.) может материал стоянки Кереть XIX. Доминировавшее на среднем этапе развития кварцевой индустрии биполярное расщепление сменилось преимущественным скалыванием с подготовленной площадки нуклеуса отщепов и пластинчатых отщепов. Значительно увеличилось количество призматических нуклеусов и пластинчатых форм, расширился типологический набор орудий: в группе скребков вырос процент микролитических, экземпляров удлинённых пропорций, подтреугольной и округлой формы (полностью отсутствовавшие в коллекциях среднего этапа); несколько возросла роль ретуширования, как приёма оформления рабочего края и формообразования орудия.

«Кемский мезолит». На территории Северной и Западной Карелии можно выделить два блока синхронных, но отличных по культурной принадлежности мезолитических памятников. Это стоянки, локализующиеся в низовье р. Кемь около п. Авнепорог и все остальные мезолитические объекты.

Коллекции мезолитических стоянок в нижнем течении р. Кемь были получены в ходе спасательных раскопок в 1965–1967 гг. (Анпилогов, 1972. С. 3). Долгое время это была единственная группа мезолитических памятников в этом регионе, раскопанная широкими площадями (от 52 до 442 м²) и поэтому «кемские» материалы на протяжении последних сорока лет активно привлекались при построении часто взаимоисключающих, культурных схем для эпохи мезолита Карелии. Это обстоятельство требует высказать ряд критических соображений по характеристике «кемского мезолита».

К сожалению, материалы данных памятников являются максимально сортированными, количество сохранившихся единиц хранения большинства «кемских» коллекций колеблется от одной до двадцати. В ряде случаев из-за низкого уровня камеральной обработки как кварцевые артефакты «архаического облика» (топоры, тёсла, долота, «нуклевидные орудия неизвестного назначения») были определены простые сколы или гальки со следами современного механического воздействия (Анпилогов, 1972. С. 4–5). Также спорным представляются предложенные позднее абстрактные

типологические построения для кварцевого инвентаря «кемских» памятников, такие как «комбинация сверла со скребком и резцом», «клиновидные нуклеусы для рубки — подтёски» и т.п. (Филатова, 1991. С. 56–59).

Геологическая история Белого моря и формирование его береговых контуров использовались как основной критерий для определения возраста «кемских» стоянок. Но высотные и топографические определения для памятников, сделанные в 60-х гг. XX в., произведены со значительными погрешностями, что делает сомнительными хронологические построения, основанные на анализе высотных уровней нахождения археологических объектов (Филатова, 1991. С. 53–55).

Под большим вопросом до сих пор бытующие в литературе мнения, что «мезолитические стоянки на р.Кеми, располагающиеся в нижнем её течении, все размещаются на древних морских береговых террасах» (Филатова, 1991. С. 53) и о «культурном единстве кемских мезолитических памятников» (Филатова, 1991. С. 56). Кроме очевидной искусственности объединения в один блок четырех групп из двадцати стоянок, расположенных на протяжении 55 км вдоль современного русла р.Кемь, сомнение так же основывается на аспектах, предварительно высказанных ещё сорок лет назад (Анпилогов, 1972. С. 5). Существует кардинальная разница в топографическом положении рассматриваемых объектов. Выделяется небольшая группа «ранних» стоянок, расположенных на песчаных террасах древнего морского залива у устья ручья, на высоте от 71 м до 65 м над уровнем моря, удаленных от современного побережья на 50 км и от берега р.Кемь на 0.5 км (Авнепорог VIII–X). Остальные «бескерамические» памятники занимают каменистые площадки по берегу реки, в непосредственной близости от воды и на небольших палеоостровах у речных расширений около порогов (Авнепоро IV, Кривопорожская I, II,) или в древнем устье р.Кемь (Вочаж I–IV, VI, Подужемская I, Ia, II, IIa, III, IIIa, VI, Путкинская V, Va) на высоте от 50 до 20 м над уровнем моря. Эти две группы памятников не могли существовать одновременно (Филатова, 1991. С. 60). Их разделяет значительный хронологический период, необходимый для снижения уровня Белого моря на 20–40 м. Возможно, первую группу можно датировать серединой VI тыс. до н. э. или несколько ранее, а вторую — в очень широких временных пределах: от середины V тыс. до н. э. (Вочаж, Подужемские) и до более позднего времени (Путкинские). Первая группа осваивала экологическую лагуну морского побережья, а вторая была ориентирована на промысел нерестящейся рыбы на речных порогах и расширениях. По

незначительной мощности культурного слоя (0.05–0.1 м), редкости кострищ, минимальной плотности распространения находок (0.8–1.3 экз. на 1 м²) можно утверждать, что по функциональному назначению памятники являются кратковременными сезонными стоянками.

Если не рассматривать «кемские» памятники суммарно, исходя из спорного утверждения о том, что «состав изделий на всех стоянках независимо от высотного расположения довольно однороден и мало разнообразен» (Филатова, 1991. С. 56), то хорошо наблюдаются и отличия в кварцевом инвентаре, указывающие на не мезолитический возраст «бескерамических» стоянок второй группы: обработанный плоской ретушью фрагмент наконечника копья, сечения пластин, кварцевые скребки подтреугольной и округлой формы, удлинённых пропорций на пластинчатых отщепах, обработка уплощающей ретушью не только рабочего края, но и спинки орудий (Анпилогов, 1972. С. 5–8; Филатова, 1991. С. 56–59). Это говорит о том, что ряд «бескерамических» коллекций является значительно более «поздними», не имеющими керамики в материале из-за функционального назначения памятников — кратковременных сезонных стоянок. Нельзя исключить также смешение разновременных материалов на ряде памятников второй группы. Не исключена также ситуация смешения разновременных материалов на ряде памятников второй группы.

Можно согласиться с мнением об определённом сходстве каменных индустрий мезолитических памятников на р. Нива около Кандалакшского залива (Песонен, 1978) и небольшой группы стоянок в нижнем течении р. Кемь, выделенных нами как самые ранние (Авнепорог VIII–X). Они расположены в одинаковых топографических условиях — около устьев небольших ручьев, на берегу глубоко врезающегося в материк древнего морского залива — и, вероятно, являются стоянками коллективов, ориентированных на путинную добычу сёмги и, возможно, на морское собирательство. По типологии инвентаря они отнесены приблизительно к одному временному отрезку: «кемские» стоянки — VI тыс. до н. э. (Филатова, 1991. С. 60), «кандалакшские» — VI — начало V тыс. до н. э. (Песонен, 1978). Это позволяет предположить существование на последнем этапе эпохи мезолита Северной и Западной Карелии двух культурно отличных групп населения, освоивших кардинально различные экологические ниши и соответственно имевших разные формы хозяйствования. Одна группа — охотничьи коллективы континентальных районов, генетически связанные с ранним этапом мезолитической общности бассейна Онежского озера и Финляндии; другая — редкое приморское население

позднего этапа культуры комса, продвинувшееся на юг по западному берегу Белого моря.

Северокарелофинская мезолитическая культура и ранний неолит. Процесс культурного обособления общностей континентальной Северной Финляндии от населения прибрежной Южной и Западной Финляндии, а также коллективов Северной и Западной Карелии от культуры Обонежья начался в эпоху мезолита и, в целом, хорошо прослеживается и в раннем неолите. В подтверждение тезиса об изоляции населения Северной Финляндии от общего массива культуры суомусъярви можно сослаться на мнение финских исследователей о возникновении на местной мезолитической основе именно в Северной Финляндии культуры, как считается, с самой ранней в этом регионе керамикой сярйсьнеми I (сяр I), отличной от керамики сперрингс Южной Финляндии. Ареал памятников с керамикой сяр I в Северной Финляндии, Южной Лапландии и в Северной и Западной Карелии, в целом, идентичен территории северокарелофинской общности (Torvinen, 1997. С. 30; 1998. Р. 39; Торвинен, 2000. С. 218–220). Технологические характеристики и декорирование керамики сяр I Карелии соответствуют «типичным» образцам этой керамики в Северной Финляндии и Финнмаркене (Skandfer, 2005. Р. 4–21). Но при сравнении керамики сяр I и сперрингс с «карельских» памятников в составе элементов орнамента и орнаментальных композиций встречаются как черты сходства, так и различия, что воспринимается как «следы влияния южной керамики» сперрингс (Герман, 2006. С. 232–236). На технико-морфологическом и типологическом уровне преемственность каменного инвентаря позднемезолитических памятников и неолитических с керамикой сяр I наблюдается для территории Финляндии, Северной Карелии и Кольского п-ова (Matiskainen, 1989б. Р. 379–385; Schulz, 1990. Р. 13; Шахнович, 1997а. С. 20–23; 2000б. С. 92; Шумкин, 1986. С. 35; 1996а. С. 67–68; 2000. С. 93; 2003. С. 281).

Можно предположить, что северокарелофинская культура на своём заключительном этапе трансформируется в общность с керамикой сяр I, но данный вывод далеко не бесспорен и требует специального исследования. Для объективности подчеркнём, что в качестве источниковой базы по выделению ранненеолитических памятников в основном использовались только керамические находки. Единичны исследованные раскопками, надёжно документированные и опубликованные ранненеолитические коллекции. Имеющийся каменный материал остаётся в литературе пока в полной мере не представленным. Типологические схемы, основные тенденции развития каменного инвентаря периода раннего неолита

для территории Северной Карелии, Северной Финляндии, южных районов Кольского п-ова или отсутствуют или находятся на предварительном этапе разработки (Песонен, 1980. С. 37–79; Шумкин, 1996а. С. 67–74; Гурина, 1997. С. 35–41; Шахнович, 1997а. С. 6–25; 2000б. С. 91–92; Тарасов, Шахнович, 2006. С. 264–282). Поэтому в настоящее время можно говорить о недостатке данных для серьёзного анализа проблемы перехода от мезолита к неолиту в данном регионе и предварительности мнений по этому вопросу.

Северокарелофинская общность и соседние археологические культуры. Эпоха мезолита такой огромной территории как Фенноскандия изучалась большим количеством археологов. В разное время здесь проводили работы А. Нуммендаль, Б. Ф. Земляков, Г. И. Горецкий, В. Лухо, А. Сиирияйнен, Х. Матискайнен, П. Симонсен, К. Однер, К. Хельског, Х. Такала, Н. Н. Гурина, В. Я. Шумкин, Л. Г. Шаяхметова, Г. А. Панкрушев, А. В. Анпилогов, П. Э. Песонен, А. Ю. Тарасов, В. Ф. Филатова, М. М. Шахнович и другие. С современных позиций источниковедения можно критически отнестись к полноте и качеству исследования известных здесь мезолитических памятников, однако объективное состояние вопроса предполагает необходимость работы с блоком материалов, существующим *de facto*.

В последние три десятилетия на основе типологических критериев был выделен и обоснован ряд археологических общностей эпохи мезолита Северной Европы: культуры комса, фосна, суомусъярви и онежская (рис. 1). Остановимся на краткой характеристике трёх из них, непосредственно территориально соприкасающихся с рассматриваемым регионом СЗК, а также на вопросе сравнения их с синхронным блоком «северокарелофинских» памятников.

Культура комса. Территориально самая северная и, как считается, одна из древнейших групп памятников раннего каменного века Фенноскандии, располагающихся на арктическом побережье Кольского п-ова и Финнмаркена. В. Я. Шумкин рассматривает её как «однородную и частично изолированную» общность, существовавшую в период с VIII по V тыс. до н. э. (Шумкин, 2000. С. 93). Мезолитические памятники Кольского п-ова «представляют единое целое и входят составной частью в культуру комса» (Шумкин, 1986. С. 31). На раннем этапе мезолита её население было ориентировано на освоение морской прибрежной зоны, на среднем и позднем — и внутриматериковых пространств. Небольшие стоянки находятся на высоких морских и речных террасах (Шумкин, 1986. С. 15–34; 1993. С. 34–58). Наиболее обоснованная на се-

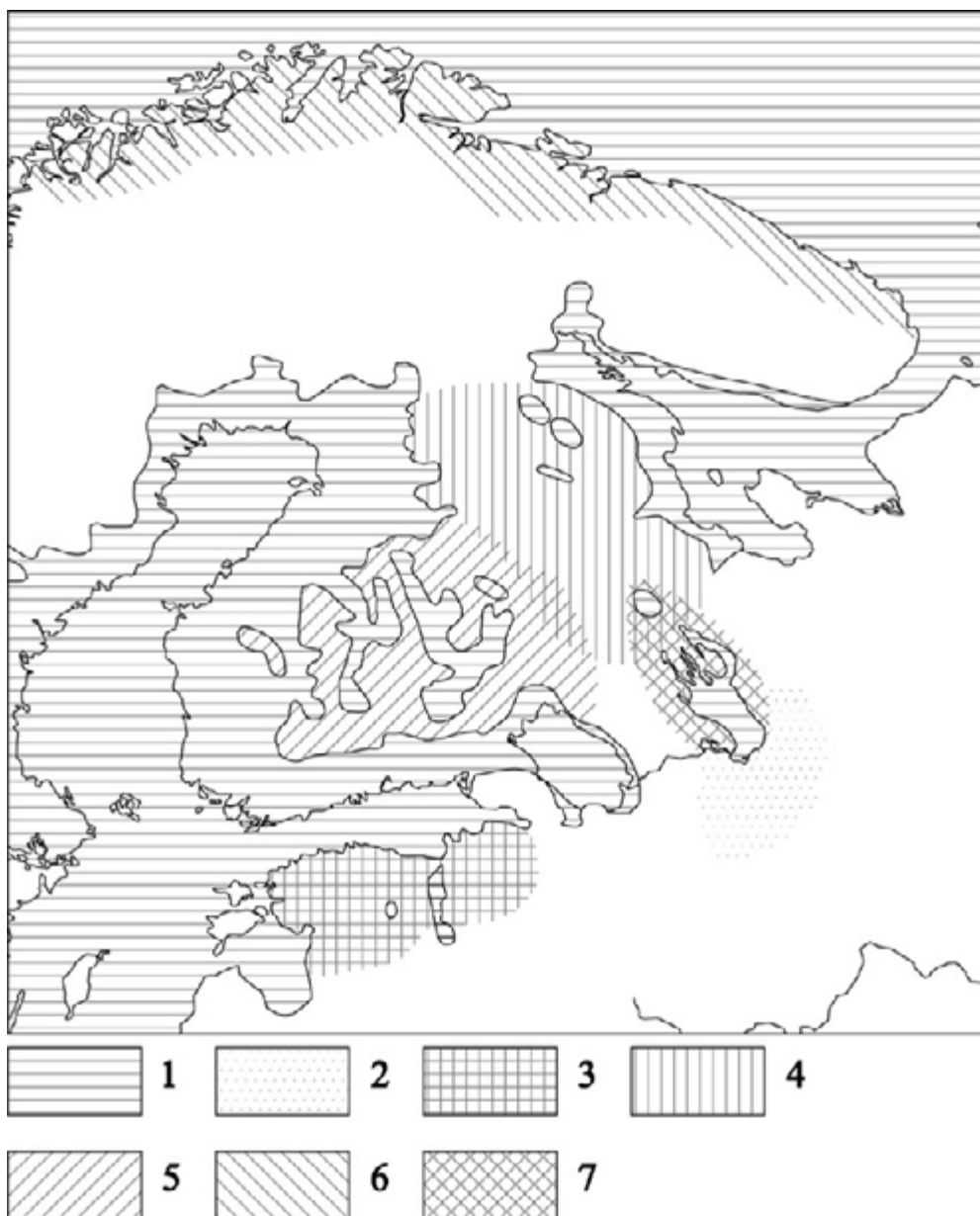

Рис. 1. Мезолитические общности Северной Европы: 1 —акватория в период Анцилового озера (8.5 тыс. л. н.); 2 —памятники типа Андозеро-М и культуры веретье; 3 —культура кунда; 4 —северокарелофинская культура; 5 —культура суомусъярви; 6 —культура комса; 7 —онежская культура

Fig. 1. Mesolithic cultures of Northern Europe: 1 —aquatic system during the lake Ancylus (8 500 years BP); 2 —sites of the Andozero-M type and of the Veretje culture; 3 —Kunda culture; 4 —Northern-Karelian-Finnish culture; 5 —Suomusjarvi culture; 6 —Komsa culture; 7 —Onega culture

годня гипотеза состоит в том, что ареал культуры комса — это крайний рубеж продвижения на север по атлантическому берегу Скандинавии постаренбургской общности.

Подробнее остановимся на локальном, юго-западном варианте культуры комса — мезолитических стоянках мурманского берега Кандалакшского залива (нижнее течение р. Нива, оз. Колвица), исследовавшихся П. Э. Песонен (Песонен, 1978. С. 94–159). Считается, что они могут быть датированы только периодом позднего мезолита (конец VI — начало V тыс. до н. э.). Причиной отсутствия в этом районе памятников раннего и среднего этапов мезолита стала неблагоприятная природная обстановка в поздней фазе бореального и ранней — атлантического периодов, возникшая из-за продолжительного таянья Понойского ледника в центральной части Кольского п-ова (Гурина, 1989. С. 25; Шумкин, 1986. С. 29). В период максимального распространения бассейна Портландия (10.2–9 тыс. л. н.) Кандалакшский залив был значительно больше его современного состояния (в два-три раза) (Никонов, 1964. С. 173), что также создавало дополнительную, серьёзную преграду на пути возможных миграций населения с севера на юг Кольского п-ова.

В рамках нашей работы наиболее важным будет анализ бытующего более двадцати лет в литературе мнения, что «кандалакшские» мезолитические памятники близки к «карельской» общности. В круг памятников «северного мезолитического региона» были включены как «кемские» (относимые в последнее время ко второй половине VI тыс. до н. э.), так и «кандалакшские» стоянки (Песонен, 1978. С. 159; Филатова, 1991. С. 51, 60–61) и, естественно, находящиеся географически между ними, предполагающиеся объекты Северной Карелии. Считалось, что мезолитические памятники СЗК первоначально входили в один из локальных районов «кольской мезолитической группировки», с обособлением в самостоятельную культурную единицу (Филатова, 1991. С. 63). Выводы о данной «отчётливой и тесной близости» опирались только на фиксацию «господства кварца» в каменных индустриях и формального сходства основных стандартных групп инвентаря на сравниваемых объектах (Песонен, 1978. С. 155–157).

Нельзя исключить возможность движения населения по направлению север — юг (Кандалакша — Кемь) с середины VI тыс. до н. э. Есть определённое сходство между материалами ряда стоянок в низовье р. Кемь (п. Авнепорог) и р. Нива. Оно выражается не только в идентичности топографического расположения стоянок обеих групп памятников, но и в схожести кварцевых индустрий (активное использование мелких галек

кварца). Эти две группы памятников относятся приблизительно к одному хронологическому отрезку — вторая половина VI — начало V тыс. до н. э., т. е. к финальному мезолиту.

В то же время, при сравнении материалов мезолитических стоянок материковых районов СЗК как с «классическим» набором каменного инвентаря опорных памятников культуры комса, так и с коллекциями её юго-западной группы наблюдается почти полное их несоответствие. Типичные черты комплексов позднего этапа культуры комса: техника расщепления направлена на получение пластины и пластинчатого отщепца с подготовленных нуклеусов; использование местных кремневых пород и отсутствие сланца; широкое применение ретуширования; «микролитический компонент» (микропластины, сечения, острия, трапеции); разнообразные формы наконечников стрел на пластинах и отщепцах; серии ножей, обработанных ретушью, долотовидных скребелей и резцов из кварца; редкие кварцевые «топорообразные» орудия (Гурина, 1997. С. 21–25; Шумкин, 1986. С. 18–22). Можно говорить о значительном влиянии традиции обработки кремня на кварцевую индустрию, которая является одним из характерных признаков культуры комса.

Для мезолитических стоянок р. Нивы и оз. Колвицкого, в аспекте данного сравнения, следует отметить следующие важные черты: наличие единичных кремневых находок и даже кремневых нуклеусов (Нива XVIII); обработка ретушью кварцевых наконечников стрел, пластин, ножей уже в позднем мезолите; значительная доля среди кварцевых скребков орудий округлой формы и широких пропорций; использование резцового скола при оформлении рабочих лезвий скребков наравне, если не чаще, чем ретуширования; устойчивые серии резцов и долотовидных орудий, в частности, желобчатых (Песонен, 1978. С. 102–105). Данные признаки хорошо укладываются в схему развития орудийных комплексов позднего этапа культуры комса (Шумкин, 1993. С. 57–58), суммарно и по отдельности являются культууроопределяющими и в контексте изложения не могут игнорироваться.

Присутствие в инвентаре сланцевых орудий, грузил, абразивов — массовых изделий мезолита Карелии, для каменного века Кольского п-ова является чертой, появляющейся только с наступлением эпохи неолита, что отмечал ещё в 30-е гг. XX в. Б. Ф. Земляков (Земляков, 1936. С. 127; Шумкин, 1996а. С. 67–69). Изолированное в эпоху мезолита население Кольского п-ова, только в неолите стало устанавливать связи на уровне контактов и заимствований, с населением южных территорий (Шумкин, 1996а. С. 72; Шахнович, 1997а. С. 24). Конечно, нельзя полностью исклю-

читать возможность взаимодействия и в мезолите коллективов южных районов Восточной Лапландии и Северной Карелии, но на имеющемся материале это пока не прослеживается.

Культура суомусъярви. На территории Финляндии в начале 90-х гг. XX в. было известно более трёхсот памятников, которые по тем или иным признакам были отнесены исследователями к эпохе мезолита. На восьмидесяти из них были проведены раскопки разной площади (Schulz, 1990. Р. 7). Для характеристики мезолитических памятников Финляндии, необходимо рассмотреть существующее понятие «культура суомусъярви». Эпоху мезолита — «предкерамического времени» финские археологи ограничивают хронологическим промежутком с конца VIII по вторую половину V тыс. до н. э., причем конкретно для культуры суомусъярви отводится период с середины VII тыс. до н. э. (Suomen Esihistoria, 1985. Р. 4–6). Первоначально к территории культуры суомусъярви относили весь регион от Финского залива до Ледовитого океана, а также Русскую Карелию (Luho, 1956. Р. 150). Позднее, в конце 60-х гг. XX в., её ареал был значительно сужен до областей «собственно Финляндии», т. е. полосы шириной 100–150 км вдоль восточного побережья Ботнического и северной части Финского заливов (Luho, 1967; Мейнандер, 1982. С. 12). Однако, в российской историографии термины «культура суомусъярви» и «кварцево-сланцевая» культура Карелии вплоть до середины 80-х гг. XX в. были понятиями одной, этнически единой, мезолитической, «протосаамской» общности, автохтонно развивающейся, с разделением по линии государственной границы второй половины XX в. (Панкрусев, 1978. С. 10, 91; Гурина, 1961. С. 30–40, 175–177). Необходимо высказать ряд соображений по этому вопросу. При всей близости каменного инвентаря памятников культуры суомусъярви со сланцевыми и, особенно, с кварцевыми изделиями мезолитических комплексов Обонежья существуют чёткие отличия в ряде черт кварцевой индустрии и в наборе маркирующих артефактов. Основные типы орудий для культуры суомусъярви — это известные сланцевые наконечники копий, орнаментированные перфорированные камни (так называемые «навершия булав с воронкообразным отверстием»), прямые долота южно-финского типа, желобчатые долота с изогнутой спинкой, кварцевые косо- и поперечно-лезвийные наконечники стрел (Äyräpää, 1950; Luho, 1967; Matiskainen, 1987. Р. 21). Следует отметить, что разделение каменного материала на «достоверные хронологические группы» было произведено ещё в 40-х XX в. и с тех пор не подвергалось критическому анализу.

Прямые долота южно-финского типа из диабазы («топоры киско») от-

носятся к поздней фазе эпохи мезолита и занимают очень ограниченный ареал на южном побережье Финляндии. Сходные «рубящие» формы, а также желобчатые долота, встречаются и на памятниках Онежского озера, что объясняется универсальностью модели данного типа орудия. Вопрос о хронологической принадлежности «булав» во многом остается открытым, но на стоянке Большое Заветное IV на Карельском перешейке, в позднемезолитическом слое (7750 ± 180 л. н.) были найдены одно целое и три фрагмента данных изделий (Герасимов, Лисицын, Тимофеев, 2003. С. 41). Кварцевые микролиты и поперечнолезвийные наконечники стрел эпизодически фиксируются на памятниках раннекаменного века Западной Карелии, но встречаются они и на раннеолитических стоянках (7.8–6 тыс. л. н.) (Schulz, 1990. P. 11, 13). Сланцевые наконечники копий, по данным К. Мейнандера и А. Европеуса и по современным сообщениям, происходят со стоянок на древнем побережье Литоринового моря, а также из районов внутренних озёр Северной и Центральной Финляндии (Аугеряй, 1950). В границах Русской Карелии (без материалов Карельского перешейка) этот тип орудия был встречен только один раз — обломок пера наконечника на стоянке Костомукша II (Косменко, 1978. Рис. 4–9). Отсутствие такого характерного орудия может быть объяснено недостаточным объёмом раскопок в приграничных районах Карелии, но финские археологи считают, что причина всё же в хозяйственной направленности населения: сланцевый наконечник копья — специфичный атрибут охоты на морского зверя. Однако его находки отмечаются не только вдоль линии древнего побережья Балтийского моря, но и в глубинных континентальных районах Финляндии, что может объясняться тем, что по морфологии они очень сходны с костяными кинжалами лесной зоны Восточной Европы (Жилин, 2001. С. 107–109). В любом случае его можно принять за основной тип-определитель культуры суомусьярви. На памятниках Финляндии единичны кремневые наконечники стрел постсвидерского типа, в значительном количестве присутствующие в мезолите Обонежья (Филатова, 1987). Относительно характера кварцевой индустрии можно согласиться с мнением, что в мезолитических комплексах Южной Финляндии существуют некоторые традиционные черты кремневого технокомплекса. Это — хорошо заметная микропластинчатость, отжим пластин с подготовленных нуклеусов и большее применение ретуширования при изготовлении орудий, микролиты, имитация на кварце сланцевых орудий («долотовидные» изделия, крупные плоские отщепы), наличие на раннем этапе кремневых черешковых наконечников и наконечников с вентральной ретушью (типа Пулли). В сумме,

это рассматривается, как «иностранный элемент» в едином, «закрытом технокомплексе финской кварцевой индустрии», которая существовала с конца VIII тыс. до н. э. до IV тыс. до н. э. (ранний неолит). Отмечается единство кварцевой индустрии финально-мезолитических и ранне-неолитических памятников (Schulz, 1990. P. 13, 22).

Подводя итог, можно сказать, что культура суомусъярви воспринимается как охватывающая не все известные мезолитические памятники на территории Финляндии, а только те из них, которые тяготеют к прибрежной зоне Балтики. Данный вывод делается, главным образом, по картированию основных выделенных для культуры суомусъярви типов орудий (Мейнандер, 1982. С. 11; Matiskainen, 1989). Для объективности нужно подчеркнуть, что трансгрессивные процессы в эпоху мезолита в огромной системе внутренних озёр Биннем разрушили большинство памятников этого периода в континентальной Средней Финляндии (Matiskainen, 1987). Отсутствие информации о поселениях этого региона неизбежно повлияло на восприятие культуры суомусъярви как общности, представленной памятниками исключительно прибрежного расположения.

Как следствие воздействия культуры суомусъярви на внутренние районы Северной Финляндии и Западной Карелии можно рассматривать пока единичные находки на памятниках кварцевых косо- и поперечно-лезвийных наконечников стрел и «шиферных» наконечников копий. На примере материалов стоянки Пуоланка Хаутола также отмечается влияние приёмов техники обработки кремня на кварцевую индустрию северокарелофинской культуры уже в конце VII тыс. до н. э.

Мезолит Обонежья. В Южной Карелии известно более 170 памятников эпохи мезолита, многие из которых были исследованы на площади от 100 до 1000 м². Выделенная в этом регионе «мезолитическая культура Обонежья» (Филатова, 1991. С. 39, 50) или «онежское культурное образование или традиция» (Археология Карелии, 1996. С. 61) или «онежская группировка в ранге археологической культуры» (Филатова, 2006. С. 36) локализуется в административных границах Республики Карелии в бассейне Онежского озера (260 × 100 км) и типологически датируется второй четвертью VII — началом V тыс. до н. э. (Филатова, 1991. С. 13; 2006. С. 35–37). Вопросы хронологии и периодизации мезолита этого региона, в основном, решались на материалах поселений северного и северо-восточного побережья Онежского озера (Археология Карелии, 1996. С. 59). Исходными для онежской археологической культуры признаны памятники «веретинской культуры Восточного Прионежья и бутовской позднего этапа или производные от неё бассейна верхней Волги»

(Филатова, 2006. С. 71). М. Г. Косменко по материалам многослойных памятников Южной и Юго-Восточной Карелии (Шеттима II, Муромское VII) выделяет «кремневый вариант» обонежской культуры (Косменко, 1992. С. 110, 214). К различным этапам онежской культуре относят и ряд мезолитических памятников с кремнёво-сланцевым набором инвентаря Южного Прионежья (Иванищев, 2007. С. 154).

Последнюю стадию развития культуры (со второй четверти VI тыс. до н. э.) В. Ф. Филатова определяет как начало «упадка», который выразился в «исчезновении отдельных технико-технологических направлений и стилей в индустрии камня, уменьшении ассортимента изделий, их морфологического разнообразия, деградации форм некоторых из них (кремневые наконечники стрел), сокращении числа жилищ на одном поселении, исчезновении стационарных, фундаментальных полуполземлянок, появлении различного рода сезонных небольших стоянок, в переходе от полностью оседлого к частично оседлому образу жизни, уменьшении контактов с соседними областями» (Филатова, 1991. С. 38; 2006. С. 40–41). «Согласно последним данным, немногочисленное мезолитическое население слабо контактирующих между собой локальных групп в короткий срок было ассимилировано мощной волной носителей керамики типа сперрингс» (Филатова, 2006. С. 41). Данный тезис, предварительно высказанный в начале 90-х гг. XX в. (Филатова, 1991. С. 13–14), кардинально отличается от общепринятого представления о преемственности развития раннеолитических культур от позднемезолитических на всей территории Карелии (Филатова, 1971).

Несмотря на большую степень изученности памятников онежской культуры, сохраняется много вопросов к предложенным В. Ф. Филатовой схемам мезолита Южной Карелии (Сидоров, 1997. С. 98–100; Жульников, 2003; Ошибкина, 2005. С. 88).

При сравнении коллекций северокарелофинской культуры с материалами мезолитической общности Обонежья отмечается не только определённое сходство ряда черт каменного инвентаря, но и значительные качественные различия в технике первичного расщепления, вторичной обработке, соотношении используемых видов сырья, типах орудий, которые мы не можем расценивать только как проявление локальной специфики адаптационных процессов. Интуитивное понимание этой ситуации существовало в литературе достаточно давно (Филатова, 1991. С. 63).

Для онежской культуры характерны следующие признаки: сосуществование нескольких видов памятников (базовые поселения и сезонные стоянки) на островах и мысах крупных водоёмов; «не имеющий ана-

логов в эпоху мезолита тип «зимнего» жилища — каркасно-столбовая полуземлянка»; базирование каменной индустрии на сланце, кварце, кремне; «складывание характерных способов обработки камня на основе кремневых техник»; широкое применение ретуширования при изготовлении орудий из кремня, кварца, лидита, а пикетажа, пиления, шлифования — при обработке сланцевых изделий; разнообразие видов и типов сланцевых макроформ, составных орудий с вкладышевыми лезвиями, листовидных наконечников стрел (Филатова, 1988. С. 21–39; 1991. С. 16, 26–43, 50). В материалах северокарелофинской культуры господствует биполярный принцип расщепления кварцевых нуклеусов для получения отщепа и осколка, неизвестна так называемая вкладышевая техника, ограниченное использование ретуширования для кварца, кремня, лидита; а для сланца, песчаника и кварцита — пикетажа, пиления, сверления. Значительно различаются предпочтения в использовании определённых видов каменного сырья, состав орудийного набора и пропорциональное соотношение групп артефактов этих двух культур. «Онежский» — типологически существенно разнообразнее, но в нём отсутствуют некоторые типы орудий из кварца (наконечники стрел, острия). При значительных различиях в технологии и типологии этих двух культур нельзя отрицать наличие связи между ними, которую можно определить как генетическое родство на первом этапе сложения.

Мезолитические памятники Южного и Восточного Прионежья. В связи с мезолитической культурой Обонежья необходимо кратко остановиться ещё на одной группе мезолитических памятников, располагающихся южнее Онежского озера — в Молого-Шекснинском междуречье. К началу XXI в. здесь открыто более шестидесяти поселений и стоянок эпохи мезолита. Целенаправленные раскопки позволили автору работ — Н. В. Косоруковой — ответить на ряд культурно-хронологических вопросов. Ею были сделаны выводы о близости в раннем мезолите (пребореал и начало бореала) процессов по становлению каменных индустрий с ситуацией, имевшей место в бассейне Верхней Волги. Самый ранний комплекс (Марьино 4) обнаруживает сходство с «финальносвидерскими» памятниками, а nasledующие объекты типа Лотова Гора — с ранними стоянками бутовской культуры. Пластинчатая индустрия раннего этапа основывалась на высококачественном неместном кремне. В результате адаптации к местному сырью, только в среднем мезолите складывается в Южном Прионежье кремневая отщепово-пластинчатая индустрия типа Андозеро-М (Косорукова, 1996. С. 35–42; 2003. С. 138–147). Для комплексов типа Андозеро-М характерно сочетание крупных рубящих орудий (топоры, тёсла) из кремня и сланца, обработанных шли-

фовкой, пикетажем, сколами, мелких кремневых изделий на пластинах и отщепях (иволистные и черешковые наконечники стрел постсвидерского типа, сечения ножевидных пластин, скребки округлой формы) и небольшого количества орудий из кварца (Ошибкина, 1983. С. 174; Косорукова, 1998. С. 162–166; 2005. С. 196). Первоначально они были отнесены к «культурной группе памятников типа Нижнего Веретья» и датированы VI тыс. до н. э. (Ошибкина, 1983. С. 176, 276). Позднее за памятниками типа Андозеро-М, при отмечаемом сходстве техники обработки камня и набора орудий с инвентарём культуры веретье (поздний период), было оставлено «определённое своеобразие, позволяющее сопоставлять их с онежской культурой» (Ошибкина, 2004. С. 107). Культура веретье, памятники которой находятся в Восточном Прионежье, в бассейне озёр Воже и Лача, существовала в конце пребореального и в бореальных периодах. Считается, что она связана с культурами кунда (средний этап), онежской (ранний этап) и суомусъярви или, «в более широком смысле, с культурами мезолита балтийского круга» и на её основе возникает «местный» неолит (Ошибкина, 1983. С. 276; 1997. С. 149, 151; 2004. С. 110; Косорукова, 1998. С. 165). Ставится вопрос о связи культуры веретье с памятниками пургасовской культуры (Сорокин, 2004б. С. 86–89). Гипотеза о близости «культур кундско-бутовской общности» и древнейшего населения Карелии и Южной Финляндии в последнее время находит большее признание (Жилин, 2002. С. 10).

К памятникам Молого-Шекснинского междуречья можно отнести ряд стоянок на озёрах бассейнов рек Свирь, Оять, Капша в Межозерье — территории между Ладожским и Онежским озёрами. Небольшие раскопки дали многочисленный кремневый материал и отдельные орудия из сланца при отсутствии находок керамики. Предварительно эти памятники были датированы эпохой мезолита (Гусенцова, 1998. С. 158–160; Королькова, 2000. С. 192–193). Мезолитические общности Молого-Шекснинского междуречья и Межозерья сыграли большую роль в сложении онежской культуры.

Мезолитические памятники СЗК и Северной Финляндии по своим характеристикам самобытны, но с отмечаемым влиянием соседних, южных культур — суомусъярви и обонежской. Северокарелофинская общность сформировалась на основе ранних этапов мезолитических культур суомусъярви и онежской. В мезолите Карелии больше крупных миграций не отмечено. Минимальность «импортного» сырья в коллекциях СЗК косвенно указывает на отсутствие связей между северными и южными территориями.

Характер общего сходства кварцевых индустрий четырёх рассмотренных культурных образований Северной Европы можно определить понятием «технокомплекс»: «относительно устойчивая система технических приёмов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которая возникает и функционирует в широких пространственно-временных границах, в разных археологических культурах, не связанных между собой культурно-генетическим родством» (Аникович, 1994. С. 10), Тезис о существовании в мезолите единой этнокультурной области на территории Кольского п-ова, Финляндии, Карелии и Норвегии (Гурина, 1986. С. 84) вряд ли верен.

В заключение не хотелось бы ни отводить северокарелофинской культуре особое место среди мезолитических общностей Севера Европы, ни преуменьшать её значения. Генезис этой культуры, в целом, шёл параллельно процессам, развивавшимся на огромной территории от Прибалтики до Ледовитого океана. Отмечаемая самобытность культуры связана с периодом территориальной, сырьевой и культурной изоляции, который продолжался до начала эпохи неолита, после чего и эти периферийные районы были вовлечены в общий ход взаимодействия неолитических культур лесной полосы Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М. В. Изучение формообразования каменных орудий и обобщающие понятия современного палеолитоведения («археологическая культура» «путь развития», «технокомплекс», «историко-культурная область») // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. СПб., 1994.
- Анпилогов А. В. Мезолитические стоянки на реке Кеми // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
- Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Галимова М. Ш., Истомина К. Э. Трапеции усть-камской культуры // ТАС. Тверь, 2000. Вып. 4.
- Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Тимофеев В. И. Материалы к археологической карте Карельского перешейка (Ленинградская область). Памятники каменного века и периода раннего металла. СПб., 2003.
- Герман К. Э. Памятники с керамикой Сярайсьниemi I в Северной Карелии // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.
- Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // МИА. 1961. № 87
- Гурина Н. Н. О связях древнего населения Кольского полуострова // СА. 1986. № 3.
- Гурина Н. Н. Мезолит Кольского полуострова // Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989.
- Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
- Гусенцова Т. М. Мезолитические стоянки на северо-востоке Ленинградской области //

- ТАС. Тверь, 1998. Вып. 3.
- Жилин М. Г. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // ТАС. Тверь, 1998. Вып. 3.
- Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
- Жилин М. Г. К вопросу о пионерном заселении Южной Карелии и Финляндии в раннем голоцене // Вестник Карельского краеведческого музея. . Петрозаводск, 2002. Вып. 4.
- Жульников А. М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск, 2003.
- Земляков Б. Ф. Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера // Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. М. -Л., 1936.
- Иванищев А. М., Иванищева М. В. Тудозеро V — поселение позднего мезолита — раннего неолита в Южном Прионежье // ТАС. Тверь, 2000. Вып. 4.
- Иванищев А. М. Археологические исследования в Южном Прионежье в конце XX — начале XXI веков // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда. 2007.
- Карманов В. Н. Памятники с трапециями на европейском Северо-Востоке // ТАС. Тверь, 2002. Вып. 5.
- Клейн Л. С. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Л., 1979.
- Королькова Л. В. Новые данные о памятниках эпох мезолита-неолита в Юго-Восточном Приладожье // ТАС. Тверь, 2002. Вып. 5.
- Косинская Л. Л. Взгляд археолога на западно-сибирскую этнографию // ТАС. Тверь, 2006. Вып. 6.
- Косменко М. Г. Стоянки мезолитической эпохи на Кенто-Костомукшской озёрной системе // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск, 1978.
- Косменко М. Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
- Косорукова Н. В. Мезолитические памятники в бассейне Колпи // Древности Русского Севера. Вологда, 1996.
- Косорукова Н. В. Памятники типа Андозеро-М в бассейне Шексны // ТАС. Тверь, 1998. Вып. 3.
- Косорукова Н. В. Молого-Шекснинское междуречье в эпоху мезолита: история изучения, проблемы, перспективы // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2003.
- Косорукова Н. В. Мезолитическая стоянка Усть-Вешарка 3 в бассейне Шексны // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
- Кравцов А. Е., Конов С. Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Тверь, 2002. Вып. 5
- Мейнандер К. Финны — часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982.
- Никонов А. А. Развитие рельефа и палеогеография антропогена на западе Кольского полуострова. М. -Л., 1964.
- Ошибкина С. В. Мезолит бассейна р. Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
- Ошибкина С. В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
- Ошибкина С. В. Мезолитическая культура веретье. Хронология и периодизация // РА. 2004. № 1
- Ошибкина С. В. К вопросу о миграциях населения на Севере Восточной Европы в раннем голоцене // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.

- Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. Л., 1978.
- Песонен П. Э. Мезолитические памятники Кандалакшского берега // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск, 1978.
- Песонен П. Э. Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.
- Сидоров В. В. Взгляд на мезолит и неолит Карелии из Волго-Окского междуречья // Археология Севера. Петрозаводск, 1997. Вып. 1.
- Сорокин А. Н. О мезолите низовьев р. Мокши // ТАС. . Тверь, 2002. Вып. 5
- Сорокин А. Н. Диалог о генезисе культуры кунда // РА. 2004а. № 3.
- Сорокин А. Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004б.
- Тарасов А. Ю. Археологические памятники Северной Карелии неолита — раннего железного века // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск, 2003.
- Тарасов А. Ю., Шахнович М. М. Стоянка Кереть XIX в Северо-Западном Прибеломорье (результаты работ в 2005 году) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.
- Тарасов А. Ю., Шахнович М. М., Мартынов А. Я. Стоянка Немецкий Кузов III в Белом море — мастерская по первичной обработке кварцевого сырья // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004.
- Торвинен М. Керамика Сярайсьеми I в раннеолитическом контексте Северной и Северо-Восточной Фенноскандии // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские болгары. СПб., 2000.
- Филатова В. Ф. Комплекс орудий Оленеостровской стоянки на Онежском озере // КСИА. 1971. Вып. 126.
- Филатова В. Ф. Кремневые наконечники стрел в мезолите Карелии // СА. 1987. № 3.
- Филатова В. Ф. Мезолитические памятники Карелии // Памятники древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
- Филатова В. Ф. Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Филатова В. Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004.
- Филатова В. Ф. Вопросы происхождения и этнокультурной принадлежности населения эпохи мезолита // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — средневековье). Петрозаводск, 2006.
- Шахнович М. М., Харин В. Н. Опыт классификации кварцевых скребков мезолитических поселений Западной Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1993. Вып. 1.
- Шахнович М. М., Шпаковский Л. М. Стоянка Суккозеро II в Западной Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1993. Вып. 1.
- Шахнович М. М. Разведки в Западной Карелии // АО—1993. М., 1994.
- Шахнович М. М., Васильева Н. Б. Опыт экспериментального расщепления или новые подходы к формальной типологии кварцевой индустрии // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1995. Вып. 3.
- Шахнович М. М. Индустрия кварца в Северной Европе: качественный аспект // ТАС.

- Тверь, 1996. Вып. 2.
- Шахнович М. М. Бескерамические комплексы Северной Карелии. Поиск хронологических критериев // Археология Севера. Петрозаводск, 1997а. Вып. 1.
- Шахнович М. М. Мезолитическое поселение Суккозеро I в Западной Карелии, Проблемы изучения кварцевого материала // Археология Севера. Петрозаводск, 1997б. Вып. 1.
- Шахнович М. М. Памятники эпохи мезолита Северной Финляндии (провинция Кайну) // ТАС. Тверь, 1998. Вып. 3
- Шахнович М. М. Древнейший этап освоения человеком территории Карелии и Финляндии в период поздне- и послеледниковья (к постановке проблемы) // ТАС. Тверь, 2000а. Вып. 4. Т. 1.
- Шахнович М. М. Проблемы раннего неолита Северной и Западной Карелии // Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000б.
- Шахнович М. М. Мезолитическая стоянка Кенто XII в Северной Карелии // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
- Шахнович М. М. Мезолит Северного и Западного Прибеломорья // Вестник Поморского университета. Архангельск, 2006а. Вып. 8.
- Шахнович М. М. Опыт реконструкции хозяйственной деятельности населения Западной и Северной Карелии в эпоху мезолита // ТАС. Тверь, 2006б. Вып. 6. Т. 1.
- Шахнович М. М., Мартынов А. Я. Беломорье в период послеледниковья: палеогеография и этапы освоения человеком // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург — Ханты-Мансийск, 2006в.
- Шумкин В. Я. Мезолит Кольского полуострова // СА. 1986. № 2.
- Шумкин В. Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. СПб, 1993.
- Шумкин В. Я. Неолит Кольского полуострова // Древности Русского Севера. Вологда, 1996а.
- Шумкин В. Я. Проблемы изучения ранненеолитического периода Северной Фенноскандии // ТАС. Тверь, 1996б. Вып. 2.
- Шумкин В. Я. Хронология и периодизация каменного века Кольского полуострова // Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000.
- Шумкин В. Я. Керамика древнего населения Кольского полуострова (к вопросу о неолитизации в Северной Европе) // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб., 2003.
- Åyräpää A. Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. Acta Archaeologica XXI. Helsinki, 1950.
- Luho V. Die Askola-Kultur // SMYA. Helsinki, 1956. № 57.
- Luho V. Frühe Kammkeramik // SMYA. Helsinki., 1957. № 58.
- Luho V. Die Suomusjärvi-Kultur. Die mittel- und spätmesolithische Zeit in Finland // SMYA. Helsinki, 1967. № 66.
- Matiskainen H. Beiträge zur Kenntnis der mesolithischen Schrägscheiderpfeile und Mikrolithen aus Quarz // ISKOS. Helsinki, 1986. № 6.
- Matiskainen H. Die mesolithische Steinzeit und die Chronologie im Binnenseegebiet Finnlands // Fennoscandia Archaeologica. IV. Helsinki, 1987.
- Matiskainen H. Studies on the Chronology, Material Culture and subsistence Economy of the Finnish Mesolithic (10000–6000 b. p.) // ISKOS. Helsinki, 1989. № 8.
- Matiskainen H. The Chronology of the Finnish Mesolithic // ISKOS. Helsinki, 1989. № 8.
- Schulz H. -P. On the Mesolithic Quartz Industry in Finland // ISKOS. Helsinki, 1990. № 9.
- Skandfer M. Early, Northern Comb ware in Finnmark: The concept of Säräisniemi I

- reconsidered // *Fennoscandia Archaeologica*. XXII. Helsinki, 2005.
Suomen Esihistoria. Helsinki, 1995.
Torvinen M. Sär I — Comb Ware of the Säräisniemi style // *Славяне и финно-угры*. СПб., 1997.
Torvinen M. Sär I — keramiikkaa käyttänyt väestö — etnisiä kysymyksiä // *Muinaistutkija*. Helsinki, 1998. № 4.

Cultural and Chronological Attribution of Mesolithic Sites in Northern and Western Karelia and Their Place in the North European Mesolith.

M. Shakhnovitch¹

Based on the archaeological studies in Northern and West Karelia and Northern Finland over the last 15 years we can single out the North Karelia Mesolithic culture. It includes 50 mesolithic dwelling sites. Northern Karelia in Early Holocene was a region combining several natural climate zones (North-taiga, Tundra and forest-tundra). The dwelling sites were situated on islands and on the shores of inner lakes. Several types of sites have been identified: multi-season «base camps», seasonal dwellings, «hunting camps», camp-workshops. The activity of the population was centered on hunting reindeer, elk and spawn fishing. As a result of long-term isolation during the Mesolith a specific quartz industry had been formed, qualitatively different from the stone industry of adjacent cultures. Flint, slate, sandstone, quartzite represent only a small part of the industry here while being actively used, for instance on the Onega lake settlements. The North Karelia culture dates to the period from the early VII to the second half of the V millennium B.C. The earliest human arrival into this region could have happened in the end of the VIII millennium B.C. There have been no large-scale or prolonged migrations in the Karelian Mesolith. The Northern Karelia culture is related in its formation to the early periods of the more southern communities (Obonezh and Suomusjarvi).

²Karelian State Regional Museum, Petrozavodsk.

Новые исследования на Южном Оленьем острове Онежского озера¹

А. Ю. Тарасов, А. И. Мурашкин, К. Э. Герман²

В статье даны некоторые результаты полевых исследований, проведенных Северо-Европейским Палеоантропологическим отрядом МАЭ РАН (Кунсткамера) под руководством В. И. Хартановича и В. Я. Шумкина (ИИМК РАН) в 2005–2006 гг. на Южном Оленьем острове в Онежском озере.

Южный Олений остров расположен у северо-восточного берега острова Большой Клименецкий, на входе в Повенецкую губу Онежского озера, примерно в 7 км к югу от музея-заповедника «Кижы». Остров вытянут в направлении северо-запад — юго-восток, имеет размеры 2,7 × 0,7 км. Самая высокая точка острова находится в его северо-западной части и достигает 15 м над уровнем воды в озере. Основание острова сложено металюрфизированными известняками и перекрыто четвертичными отложениями — перемытой мореной, сложенной суглинками, песками с валунами и галькой. Максимальная мощность четвертичных отложений достигает 4–5 м (Равдоникас, 1956. С. 11). В северо-западной, самой высокой, части острова в 1930–1950-е годы проводилась добыча известняка, в ходе которой этот участок был разрушен. Сейчас максимальные высоты в этой части острова не превышают 12 м над уровнем воды в озере.

В настоящее время весь карьер и прилегающая часть острова заросли мелким густым лиственным лесом и кустарником. В. И. Равдоникас указывал, что к моменту начала промышленных разработок известняка почти весь лес на острове был вырублен для обжига извести, и дрова приходилось доставлять с соседнего Клименецкого острова (Равдоникас, 1956. С. 11). Существовавший на острове некрополь — крупнейший для эпохи мезолита в Европе — был исследован экспедицией ГАИМК АН СССР под руководством В. И. Равдоникаса в 1936–1938 гг.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Происхождение и процессы формирования населения Севера Европы (антропологический состав, экология человека, историко-культурное развитие)» (06-06-88017-к).

² А. Ю. Тарасов — Институт истории, языка и литературы КарНЦ РАН (Петрозаводск). А. И. Мурашкин — СПбГУ, Исторический факультет, Кафедра археологии (Санкт-Петербург).

К. Э. Герман — Музей-заповедник «Кижы», Отдел археологии.

Результаты раскопок были монографически опубликованы Н. Н. Гуриной (Гурина, 1956). В ходе изучения могильника в 1938 г., недалеко от него была открыта стоянка Оленеостровская. Первые раскопки здесь провел Н. Н. Чернягин в 1938 г. (Гурина, 1956. С. 423), в 1953 г. небольшой раскоп был заложен Н. Н. Гуриной (Гурина, 1956. С. 423). В 1955–1957 гг. раскопки на площади 305 кв. м были проведены экспедицией ИЯЛИ КФ АН СССР под руководством Г. А. Панкрушева, А. В. Анпилогова и Ю. А. Савватеева (Панкрушев, 1978. С. 102–104). В 1960–е годы шурфовку памятника для уточнения стратиграфии проводили А. П. Журавлев и В. Ф. Филатова.

При изучении памятников Южного Оленьего острова основное внимание уделялось сравнительно-типологическому анализу инвентаря. При этом многие другие вопросы долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Одна из самых важных проблем — отсутствие геоморфологических данных, позволяющих детально охарактеризовать условия осадконакопления и формирования отложений, вмещающих культурный слой Оленеостровской стоянки и погребения могильника. Требуют уточнения реконструкции палеообстановки в раннем и среднем голоцене на острове и прилегающих территориях (климатические условия, изменения уровня Онежского озера, характер и динамика развития растительности, антропогенное давление на природные комплексы).

Наши полевые работы проводились в рамках проекта РФФИ «Происхождение и процессы формирования населения Севера Европы (антропологический состав, экология человека, историко-культурное развитие)». В 2005 г. планировалось выявить на самом могильнике или в непосредственной близости от него участки, на которых возможно подробное изучение стратиграфии отложений, отбор образцов для комплексного аналитического исследования условий палеосреды.

Был составлен инструментальный план северо-западной части острова с привязкой на нем заброшенного карьера, раскопов и траншей, заложенных на могильнике и стоянке в течение всех лет исследований. Также были обозначены многочисленные ямы, остатки кустарных выработок известняка, выемки грунта, отвалы. Благодаря этому стало ясно, что весь раскоп и большая часть траншей 1936–1938 гг. уничтожены карьером, разработка которого закончилась лишь в 1956 г. Однако удалось найти нетронутые участки, располагающиеся всего в нескольких десятках метров от ближайших погребений (рис. 1).

В ходе этих работ была обнаружена мезолитическая стоянка, получившая название Южный Олений остров 2. Она находится на одном из самых высоких сохранившихся участков в глубине острова, на западном

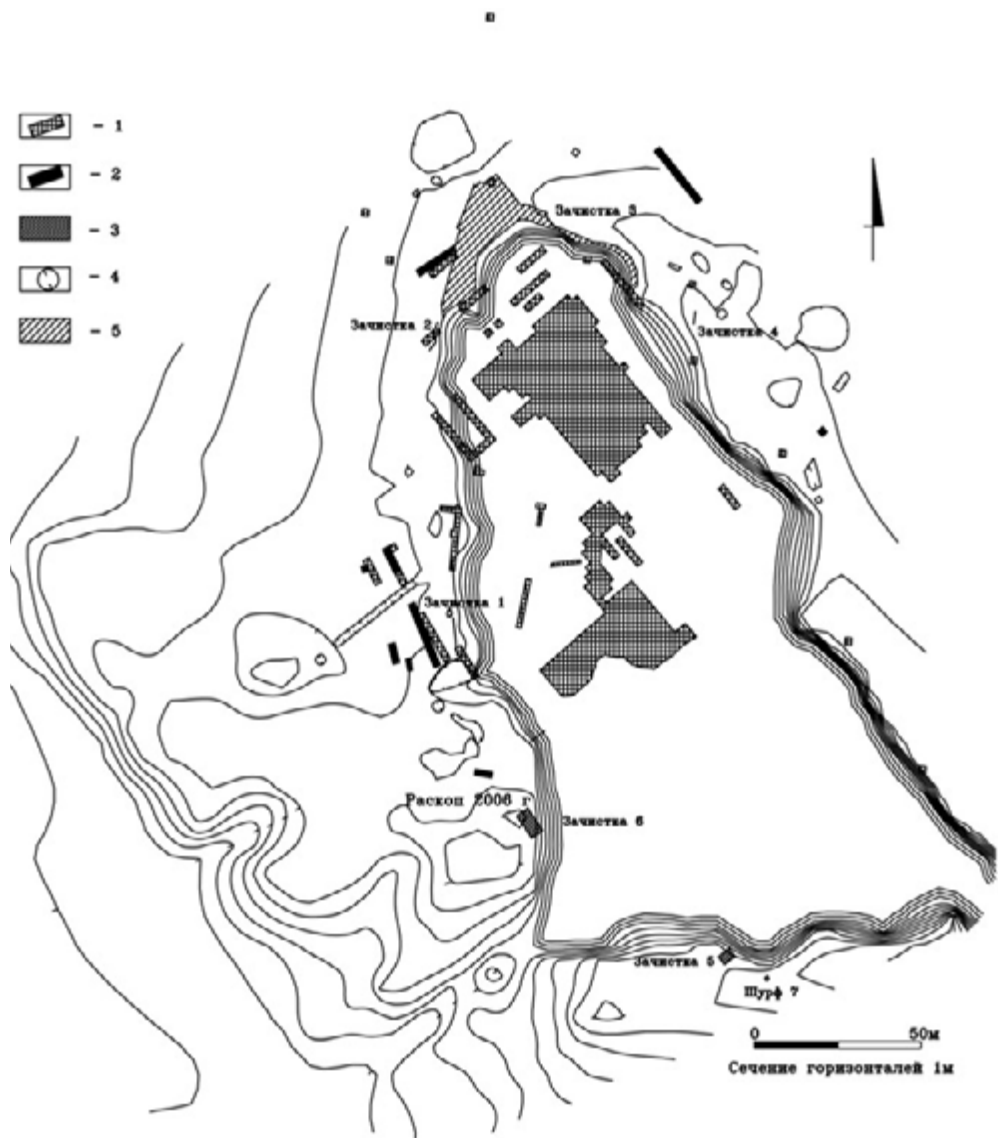

Рис. 1. План северо-западной части Южного Оленьего острова. 1 — раскоп и траншеи 1936–1938 гг. (по плану опубликованному Н.Н. Гуриной — Гурина 1956; Рис. 9); 2 — сохранившиеся траншеи 1936–1938 гг. (современное расположение на местности); 3 — раскопы, зачистки, шурфы 2005, 2006 гг.; 4 — ямы и другие нарушения дневной поверхности; 5 — раскоп 1953, 1955–1957 гг. (?)

Fig. 1. Topographic map of the northwest part of Oleny Island; 1 — excavation area and trenches made in 1936–1938 (according to the plan published by N.N. Gurina in 1956, fig. 9); 2 — remains of trenches made in 1936–1938 (present-day location); 3 — excavation areas, profiles, survey pits made in 2005, 2006; 4 — pits and other damages of the surface; 5 — excavation areas made in 1953, 1955–1957 (?)

краю заброшенного карьера. В 25–30 м к югу от стоянки расположен вход в карьер — узкое ущелье, глубиной до 8 м, прорезающее каменное основание острова. Высота здесь составляет 9.5–9 м над уровнем воды в озере. По всей видимости стоянка приурочена к краю озерной террасы. Однако говорить об этом с абсолютной уверенностью нельзя, поскольку по обеим сторонам от входа в карьер расположены огромные отвалы пустой породы высотой 6–7 м, скрывающие некоторые элементы рельефа. Сохранившаяся площадь стоянки ограничена с востока и юга карьером, с севера — выемкой грунта, обнажающей скальное основание, с запада — глубокой ямой (остатками кустарной выработки известняка). В 2006 г. на стоянке был заложен раскоп в 34 кв. м, что составляет, видимо, большую часть сохранившейся площади памятника. Важно отметить, что стоянка расположена в непосредственной близости от могильника — северный угол раскопа находится в 40–45 м от погребений №№ 1–5, изученных в 1936 г.

Для данного участка характерна следующая стратиграфия (описание дается по западной стенке раскопа — разрез по линии х96; у98–106) (рис. 2):

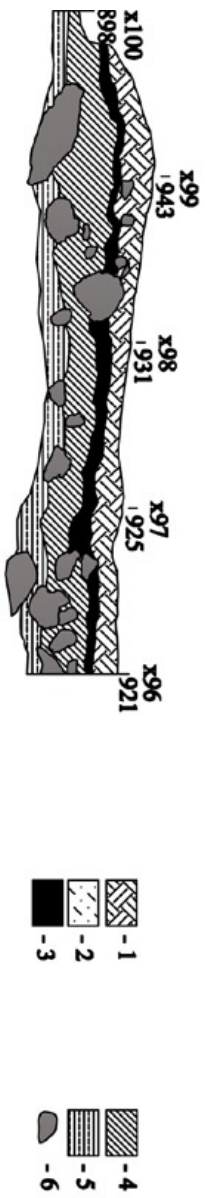
литологический слой	мощность (м)
дерн	0.03–0.1
песок темно-серый, мешанный, с большим количеством дробленого известняка — отвал	0–0.7
песок черный, мелкозернистый, гумусированный, углистый	0.04–0.08
песок красно-коричневый, крупнозернистый	0.1–0.2
песок серый, крупнозернистый, с мелкой окатанной галькой; по мере углубления появляется большое количество известняковых глыб	видимая мощность до 0.5

Основная масса находок приурочена к слою черного углистого песка и верхней части красно-коричневого песка. По мере углубления количество находок сильно уменьшается.

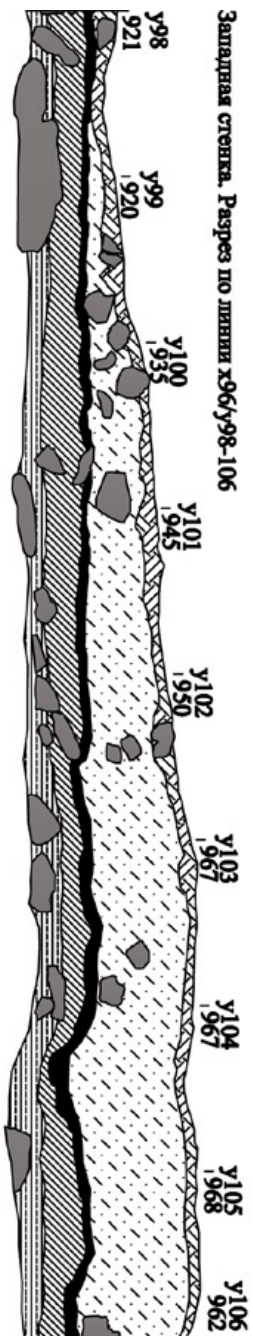
Единственная структура, которая была обнаружена — это остатки небольшого кострища в верхней части слоя красно-коричневого песка на кв. х99; у103. Оно было зафиксировано как пятно красного обожженного песка, содержавшее многочисленные мелкие фрагменты кальцинированных костей. Пятно имело форму неправильного овала размером 0.8 × 0.6 м, вытянутого по линии север — юг. Нивелировочная отметка линзы красного песка составляет 9.14–9.17 м над уровнем воды. Мощность линзы не превышала 0.01–0.02 м.

Коллекция находок со стоянки Южный Олений Остров 2 (материалы зачистки 2005 и раскопок 2006 гг.) состоит из 2414 предметов, включая 2362 изделия из камня и 52 фрагмента кальцинированных костей.

Южная стена. Разрез по линии х96-100/у98

Западная стена. Разрез по линии х96/у98-106

Северная стена. Разрез по линии х96-101,17/у106

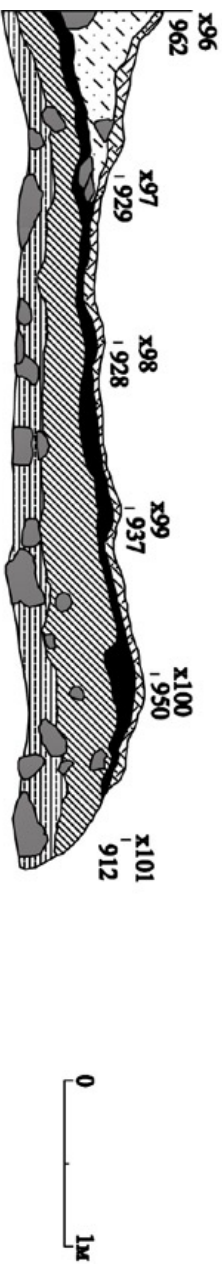

Рис. 2. Стоянка Южный Олений остров 2. Стратиграфия стенок раскопа 2006 г

Fig. 2. The site Uzhnyy Oleny Island 2. Profiles of walls of the excavation area made in 2006

Таблица 1. Инвентарь стоянки Южный Олений Остров 2

		кремь	лидит	кварц	халцедон	окремн. сланец	сланец	песчаник	кварцит	всего
сколы	отщепы	586	66	91	99	35	1018		9	1904
	пластины (включая фрагменты)	61	1	3	1	2				68
	всего	647	67	94	100	37	1018	0	9	1972
нуклеусы	призматические для отщепов	2	2	2		2				8
	призматические для пластин, микропластин		2	1						3
	пренуклеусы	1	2			1				4
	биполярные	1	1							2
	многоплощадочные			1						1
	нуклевидные куски	2	1	1	4					8
всего	6	8	5	4	3	0	0	0	26	
орудия на отщепах	скребки	35	1	1		1	2			40
	наконечники стрел на пластинах	5				1				6
	проколки	5	1							6
	скобели	3	3				1			7
	сверло			1						1
	резцы, резчики	2				1	1			4
	скрёбла						2			2
	комбинированные	1								1
	клинья						2			2
	отщепы с ретушью	15	3		1	9	1			29
	отщепы с ретушью утилизации	65	4			6	2			77
	пластины с ретушью (включая фрагменты)	10								10
пластины с ретушью утилизации (включая фрагменты)	73								73	
абразивы	шлифовальная плита							1		1
	шлифовальный брусок							1		1
	пила								1	1

Таблица 1. Инвентарь стоянки Южный Олений Остров 2 (окончание).

		кремень	лидит	кварц	халцедон	окремн. сланец	сланец	песчаник	кварцит	всего
макроорудия	тесло						2			2
	киркообразное орудие						1			1
	обломок						1			1
	заготовки						77			77
	сколы со шлиф. орудий						18			18
сланцевый нож							1			1
отбойник							2		1	3
всего орудий		214	12	2	1	18	113	2	2	364
кальцинированные кости										52
всего находок		867	87	101	105	58	1131	2	11	2414

Благодаря раскопкам получен богатый и интересный каменный инвентарь, позволяющий расширить наши представления о деятельности мезолитического населения острова, стоянка которого расположена в непосредственной близости от уникального Оленеостровского мезолитического могильника. Получена интересная серия орудий и нуклеусов, а также комплекс отходов производства, позволяющий сделать некоторые выводы о технологии изготовления каменных орудий на памятнике.

Характеристика сырья. Большинство изделий изготовлено из сланца (47.9% всех предметов из камня), включая 1018 отщепов, 18 сколов со шлифованных орудий, 18 орудий, 77 заготовок рубящих орудий. Необходимо отметить, что почва на острове насыщена сланцевыми гальками, валунами и плитками, которые часто естественным образом (т. е. без участия человека) расслаиваются вдоль плоскостей сланцеватости (Геологический словарь, 1978. С. 338), в результате чего образуется множество обломков расслоившихся плиток и галек разной величины. Не исключено, что часть из них также была связана с деятельностью человека. Тем не менее, при отсутствии несомненных признаков человеческой активности (явно выраженной точки приложения удара, серии негативов предыдущих сколов и т. п.), эти вещи решено было считать природными. Поскольку вероятность ошибки полностью исключать нельзя, реальная статистика по сланцевым отходам может выглядеть несколько иначе.

Имеются изделия из кремнённого сланца зелёного и серого цвета: 35 отщепов, 2 пластины, 18 орудий и 3 нуклеуса (2.5% выборки по ка-

менным изделиям). На втором месте по численности изделия из кремня: 586 отщепов, 144 пластины (включая пластины с ретушью и ретушью утилизации), 131 орудие, 6 нуклеусов и нуклевидных кусков (36.7%). Из лидита изготовлены 66 отщепов, 1 пластина, 12 орудий и 8 нуклеусов (3.7%). Из кварца — 91 отщеп, 3 пластины, 2 орудия и 5 нуклеусов (4.3%). Расщеплению подвергались небольшие лидитовые и кварцевые гальки, которые можно найти в почве и на пляже острова. Имеются также отдельные отщепы и осколки халцедона (99 экз.), 1 пластина (мелкий фрагмент), 1 орудие и 4 нуклевидных куска (4.4%). Среди сколов из халцедона преобладают бесформенные осколки (70 экз.). Как можно было наблюдать в ходе раскопок, в почве стоянки содержится значительное количество халцедоновых галек и валунов, испещрённых множеством трещин и распадающихся на отдельные осколки в результате действия только природных факторов. В связи с этим, не исключено, что значительная часть предметов, учтённых нами в качестве осколков, в действительности не была связана с деятельностью человека. Наконец, на стоянке обнаружены два абразива из песчаника (0.1%), 9 отщепов кварцита и два орудия из этой породы камня: точильный брусок и отбойник (0.5%). Таким образом, жители стоянки использовали преимущественно местные материалы (сланец, кремнённый сланец, лидит, кварц, халцедон, кварцит, песчаник), которые можно было без труда найти в окрестностях стоянки. Подавляющее большинство изделий из местного сырья — это предметы, относящиеся к технологическому контексту производства сланцевых рубящих орудий (макроорудий). В контексте, относящемся к индустрии орудий из сколов (отщепов и пластин) с функциями скобления, резания и проникания, всё-таки преобладают предметы из импортной породы — кремня. Кремень неоднородный, встречаются изделия из жёлтого, красного, розового и серого пятнистого кремня. Пути поступления этого кремня пока не установлены. В целом, можно утверждать, что на стоянке использовалось разнообразное сырьё. Её жители имели налаженные каналы получения импортного кремня и были хорошо осведомлены о местных материалах, пригодных для расщепления и изготовления орудий.

В связи с тем, что свойства сланца, существенные для его обработки и качества готовых инструментов, варьируют в очень широких пределах, было произведено определение качества материала для заготовок и рубящих орудий со стоянки. Оно оценивалось по трём позициям: твёрдость, зернистость и сланцеватость. Всего учтены данные по 79 предметам. Подавляющее большинство изготовлено из мягкого материала (твёрдость меньше 5 по шкале Мооса) — 60 экз., причём изделия из мягкого

материала преобладают не только среди заготовок на самом начальном этапе обработки, но и среди законченных орудий и заготовок, готовых к шлифованию (6 из 8 предметов). Изделий из среднего по твёрдости материала (5–6 по шкале Мооса) — 8 экз., из твёрдого (выше 6 по шкале Мооса) — 11 экз. Наиболее часто использовался сланец мягкий, среднезернистый и со средней степенью сланцеватости, т. е. способности расслаиваться на тонкие плитки параллельные плоскостям сланцеватости (оценка степени зернистости и сланцеватости производилась «на глаз»). Предметов из такого сланца 30 экз. На втором месте — мягкий, среднезернистый с сильной сланцеватостью (15 экз.), на третьем — мягкий, мелкозернистый и со средней степенью сланцеватости (7 экз.). Выраженная сланцеватость является характерной чертой сланцевого сырья стоянки: предметов, степень сланцеватости у которых была оценена как средняя, 44 экз., и как сильная — 27 экз.

Оценивая качество сланцевого сырья, использовавшегося для изготовления макроорудий, можно отметить, что в целом оно было невысоким, хотя отдельные случаи использования высококачественного материала также имели место. По всей видимости, при невозможности найти «с ходу» кусок «лучшего» материала, использовались практически любые доступные отдельности сырья.

Технологический анализ каменного инвентаря. Большинство продуктов расщепления стоянки Южный Олений Остров 2 можно отнести к двум основным контекстам — контексту производства сланцевых макроформ и контексту производства микропластин из окремнённых пород и кварца. Не исключён и тот вариант, что часть отщепов из окремнённых пород не являлась только лишь побочным продуктом изготовления пластин и производилась намеренно при расщеплении нуклеусов, предназначенных для получения именно отщепов, а не пластин. Чётко разделить эти два контекста невозможно, поэтому характеристики продуктов расщепления окремнённых пород и кварца будут рассматриваться суммарно. Технологический анализ основывается на методике, предложенной в работах Е. Ю. Гири (1997) и П. Е. Нехорошева (1999).

Индустрия сланцевых макроорудий. Всего к этому контексту отнесены 1150 предметов (рис. 3; 4, 1–3, 8–18), включая 4 законченных орудия, 75 заготовок макроорудий разной степени завершённости, 1053 отщепа и осколка — продуктов первичного расщепления, 18 сколов со шлифованных орудий. Кроме этого, есть 2 небольших опилка (предмета со следами пиления), обработка которых после отпиливания была продолжена с непонятной целью. Таким образом, у нас имеются свидетель-

ства практически полной технологической цепочки в рамках данной индустрии, начиная от отбора сырья и заканчивая использованием и ремонтом готовых инструментов. Отнести отдельные предметы именно к данному контексту помогает то обстоятельство, что на стоянке Южный Олений Остров 2, как и в каменном веке Карелии в целом, сланец преимущественно использовался для производства рубящих орудий. Таким образом, пока нет явных свидетельств принадлежности сланцевого изделия к контексту какой-либо иной индустрии, его а priori можно связывать с производством макроформ.

Заготовки сланцевых орудий. В коллекции выделены заготовки, представляющие все основные этапы изготовления макроорудий, начиная от поиска и первичной «пробы» сырья и заканчивая этапом шлифования (рис. 3). В качестве первичных заготовок использовались мелкие гальки (зафиксированы в 5 случаях), валуны (27), плитки и «огалькованные» плитки (20), крупные сколы с валунов (16). В остальных случаях вариант первичной заготовки установить не удалось.

По степени завершённости все заготовки разделены на три группы: 1) предметы, оставленные на самом начальном этапе обработки, имеющие всего несколько сколов (абсолютное большинство — 56 экз.) (рис. 3, 1–4); 2) изделия, у которых сколами покрыта уже значительная часть поверхности, но общая форма будущего изделия ещё не определилась (15 экз.) (рис. 3, 5); 3) заготовки, полностью готовые к шлифованию (4 экз.). Среди изделий последней группы — две заготовки топоров (рис. 3, 7), одна заготовка стамески (плитка, требовавшая минимальной подправки) (рис. 3, 6) и один обломок обушной части. Одна заготовка топора была оставлена уже на стадии шлифования — у лезвия заметен небольшой зашлифованный участок.

Для создания общей формы орудия, за одним исключением, на всех найденных заготовках и законченных изделиях использовались только приёмы расщепления. Зафиксировано применение следующих приёмов: 1 — «краевой бифас» — грубая двусторонняя обработка, негативы сколов короткие, концентрируются у краёв изделия — 19 экз.; 2 — унифас (15 экз.) и «двусторонний унифас» (10 экз.) — приём предполагает снятие сколов с широких граней заготовки, обычно параллельно плоскостям сланцеватости, при использовании боковых граней заготовки в качестве площадки. Отличительной чертой такого приёма является то, что угол скалывания очень быстро становится тупым, поскольку в проксимальной части сколы обычно толще, чем в дистальной. Если направление снятия сколов параллельно плоскостям сланцеватости на заготовке, рас-

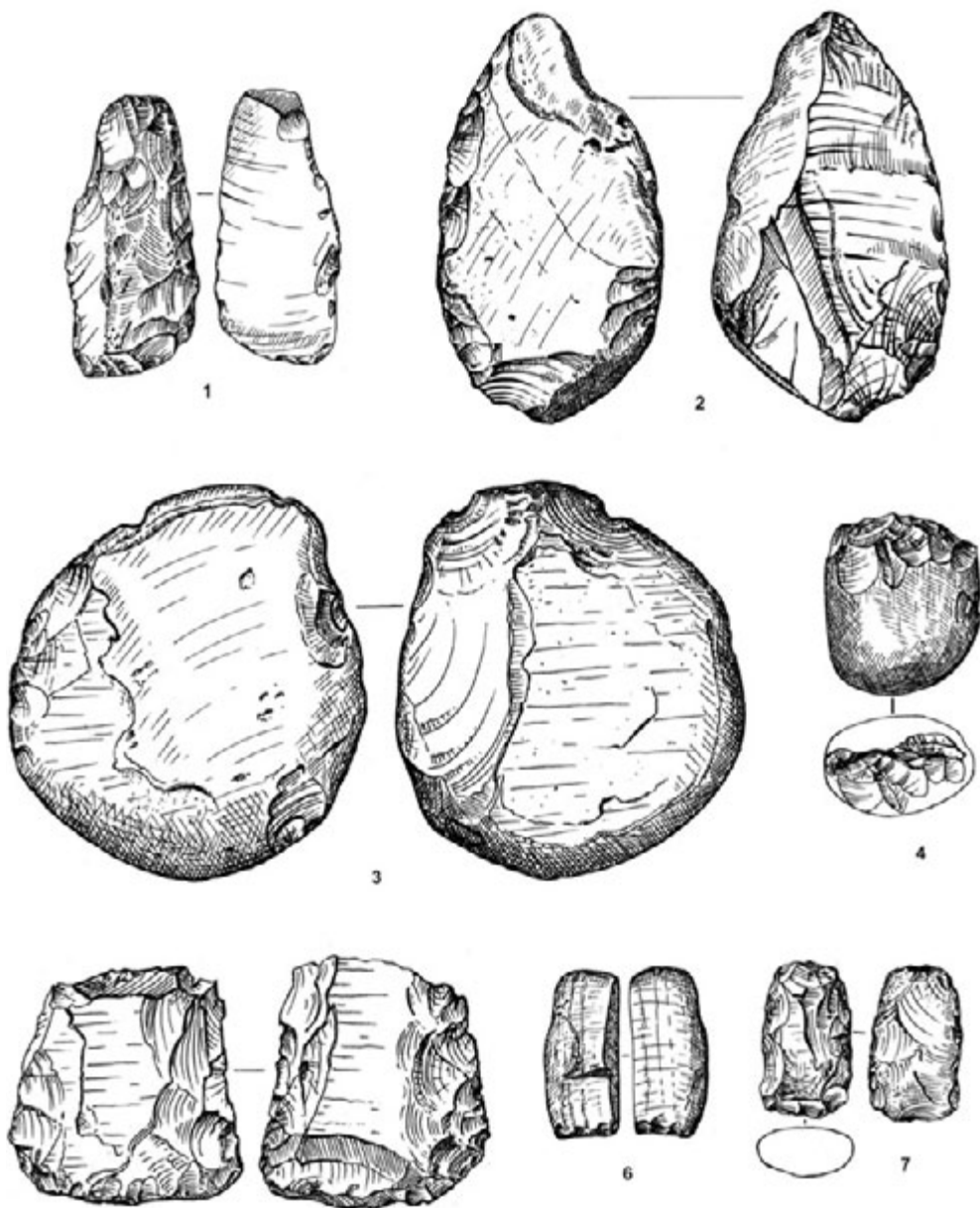

Рис. 3. Инвентарь стоянки Южный Олений Остров 2: 1-7 — заготовки макроорудий (сланец)

Fig. 3. Assemblage of the site Yuzhny Oleny Island 2: 1-7 — preforms of slate wood-chopping tools

щепление при таких углах скалывания проблемой не является; 3 — поперечные сколы с боковой грани заготовки-плитки (3 экз.) — как и в предыдущем случае, использование приёма облегчено, если направление снятия сколов совпадает с плоскостями сланцеватости; 4 — использование биполярной обработки (3 экз.); 5 — плоская подтёска брюшка с боковых сторон, предварительно обработанных поперечными сколами (flake-axe), использовалась только на предметах, первичными заготовками для которых послужили крупные отщепы (2 экз.); 6 — шлифование как формообразующий приём — зафиксировано только на одном изделии — маленьком желобчатом тесле, изготовленном из отщепа.

Нередко эти простые приёмы использовались одновременно в ходе обработки одного предмета. Зафиксированы следующие сочетания: краевой бифас и двусторонний унифас (1 экз.) или унифас (2 экз.), поперечные сколы с боковой грани и двусторонний унифас (1 экз.) или унифас (1 экз.), краевой бифас и поперечные сколы с боковой грани (2 экз.).

Все описанные приёмы являются относительно простыми и используются в рамках конкретно-ситуационного перманентного расщепления. В подавляющем большинстве случаев применялась техника удара жёстким отбойником. Об этом свидетельствуют углубления на месте ударных бугорков на негативах сколов (они могут быть менее выражены, если сколы снимались строго параллельно плоскостям сланцеватости) и забитость в точке приложения удара, а также на более широкой площади, если имела место серия неудачных попыток снять скол (такой вариант был зафиксирован на 27 заготовках). В тех случаях, когда использовалась биполярная техника, расщепление происходило на наковальне. Только в одном случае можно предполагать использование мягкого отбойника, которое сопровождалось использованием такого приёма подготовки зоны расщепления, как редуцирование.

В связи с небольшим количеством готовых изделий и почти полным отсутствием заготовок, находящихся на стадии шлифования, этот этап изготовления сланцевых орудий невозможно охарактеризовать подробно. Отметим, что только в одном случае зафиксировано шлифование почти по всей поверхности, в двух случаях — на 2/3 площади, и в одном — менее 1/3 площади.

При анализе заготовок была также сделана попытка определения вероятных причин, из-за которых обработка не была продолжена. 25 заготовок были отброшены в результате их разлома на две и более частей, и только 3 — в результате ошибки (ошибок) расщепления, сделавших невозможной или крайне проблематичной их дальнейшую оббивку. В подавляющем большинстве случаев (49) причина остаётся непонятной

и условно может быть обозначена как «потеря». Учитывая то, что среди этой группы, как и в выборке в целом, преобладают заготовки самого начального этапа обработки, можно предположить, что имела место просто проба качества подобранных отдельностей сырья.

Целые сохранившиеся заготовки имеют небольшие размеры. Наименьшая зафиксированная длина равняется 4.5 см, наибольшая — 16 см, средняя по выборке — 8.5 см.

Сколы — продукты расщепления заготовок сланцевых орудий. Подробное описание технологических признаков делалось только для сланцевых сколов размером свыше 1 см, т. е. из подробного анализа был исключён микродебитаж. Размер данной выборки — 1014 экз. Вместе со сланцевыми отщепами учитывались также сколы из окремнённого сланца. В принципе, часть их могла быть связана и с контекстом изготовления пластин, однако, учитывая практическую невозможность разделения контекстов на уровне очень немногочисленной выборки по отщепам из данного материала (всего 31 экз.), было решено рассмотреть сколы из обычного и окремнённого сланца совместно.

Подавляющее большинство отщепов получено при использовании техники скола, предполагающей нанесение ударов по площадке — 70.3% (рис. 4, 9–18). Всего в 4 (0.4%) случаях можно было предполагать использование биполярной техники скола (рис. 4, 8). Для оставшихся 29.3% заключение сделать было невозможно. В эту группу входят фрагментированные сколы без проксимальной части (43%), бесформенные осколки (2.3%); оставшаяся часть сколов представлена обломками расслоившихся плиток, которые, как уже указывалось, могли быть и результатом действия природных сил, и результатом человеческой активности.

У 35.8% сланцевых сколов хорошо заметны невооружённым глазом трещины и небольшая забитость в месте приложения удара, причём у 6.9% забитость заметна не только в точке приложения удара, но и на более широкой площади в проксимальной части скола. У 47.5% имеется сильно выраженный ударный бугорок. Такие признаки, особенно если они сочетаются, свидетельствуют об использовании техники удара жёстким отбойником. В то же время, благодаря действию сланцеватости, ударный бугорок может быть незаметен на сколе, снятом с использованием жёсткого ударного инструмента. Тем не менее, метрические признаки не столь однозначно подтверждают предположение о преимущественном использовании жёсткого отбойника. Средняя ширина площадок равняется 0.5 см (наименьшее зафиксированное значение — 0.1 см, наибольшее — 2.9 см, больше всего — в диапазоне 0.1–0.7 см). Среднее

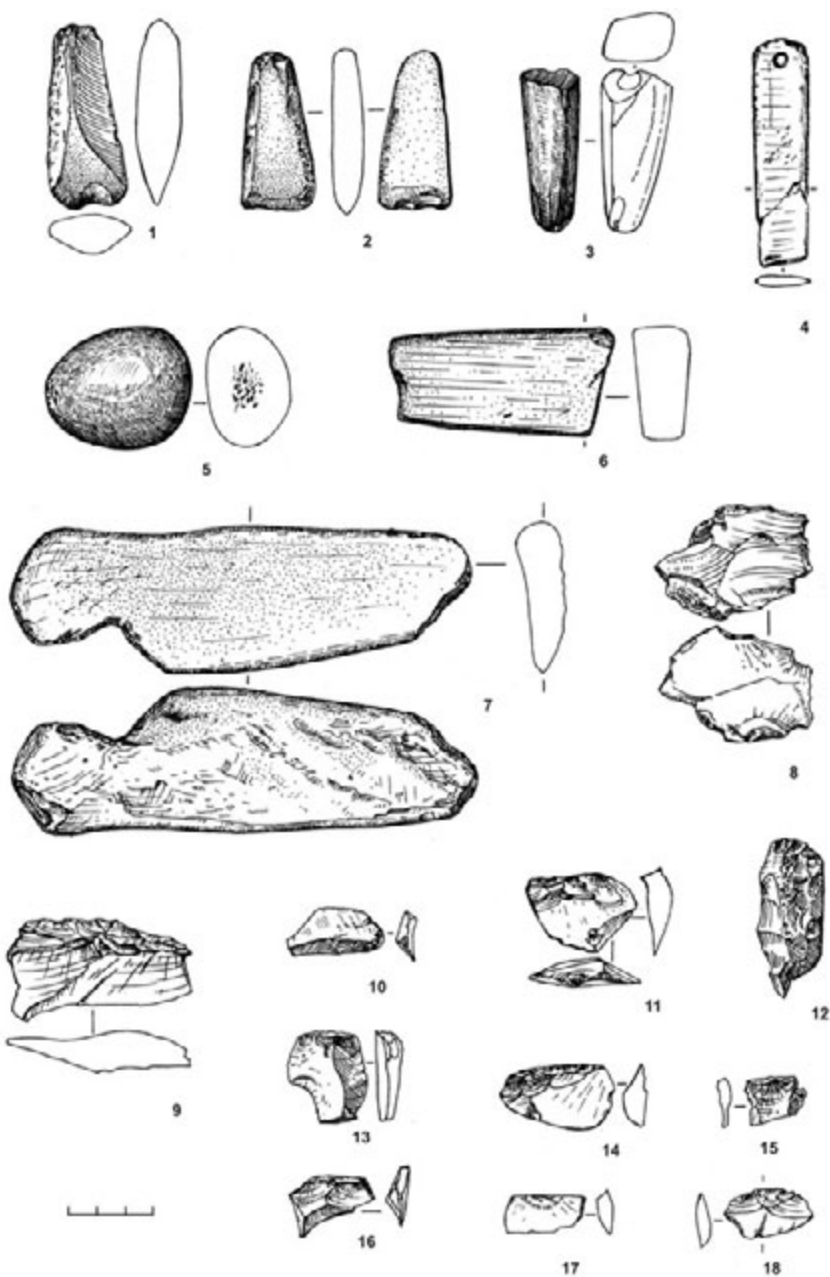

Рис.4 Инвентарь стоянки Южный Олений Остров 2: 1,2 — тѣсла, 3 — киркообразное орудие, 4 — сланцевый нож, 5 — отбойник, 6 — шлифовальный брусок, 7 — пила, 8–18 — отщепы. 1–4, 8–18 — сланец; 5, 7 — кварцит; 6 — песчаник

Fig. 4. Assemblage of the site Yuzhny Oleny Island 2: 1,2 — adzes, 3 — “pick-like tool”, 4 — slate knife, 5 — hammerstone, 6 — grinding slab, 7 — saw, 8–18 — flakes 1–4, 8–18 — slate; 5, 7 — quartzite; 6 — sandstone

отношение ширины скола к его толщине равняется 4.6 (минимальное значение — 0.9, максимальное — 15, наибольшее количество — в интервале от 3 до 6). Подобные показатели более характерны для сколов, полученных с помощью ударов мягким отбойником. На такой результат, несомненно, повлияли два обстоятельства. Во-первых, поверхность расщепления при обработке сланцевых заготовок, как правило, слабовыпуклая, что способствует образованию более широких сколов. Во-вторых, благодаря сланцеватости облегчено получение широких и тонких сколов, при условии, что они снимаются параллельно её плоскостям. Таким образом, предположение о преобладающем использовании жёсткого отбойника можно считать более вероятным.

Наряду с этим, имеются и свидетельства эпизодического применения мягкого ударного инструмента. Прежде всего, у 29 экз. (2.86% сколов с сохранившимися площадками) обнаруживается невысокий карниз над ударным бугорком на вентральной поверхности («губа», «lip»), который обычно появляется при использовании мягкого ударного инструмента (рис. 4, 11). Среднее отношение ширины скола к толщине в рамках данной группы немного меньше, чем зафиксированное для всей выборки по сланцевым сколам с площадкой — 4.1, однако подобное значение вполне может возникнуть при использовании мягкого отбойника. Существенно также то, что у большинства отщепов, имеющих данный признак, обнаруживаются признаки использования такого приёма подготовки зоны расщепления, как редуцирование (у 21 экз. из 29). Всего среди сколов с площадкой у 54 экз. обнаруживаются признаки использования редуцирования (5.3%) и у 3 экз. (0.3%) — признаки подправки площадки мелкими сколами. Таким образом, почти у половины сланцевых сколов с признаками приёмов подготовки зоны расщепления имеется также и «губа». По всей видимости, в очень редких случаях, когда на заготовках использовалось краевое двустороннее расщепление, делались попытки применить более аккуратную и точную технику скола, предполагающую удары мягким ударным инструментом и применение приёмов подготовки зоны расщепления. В то же время такие попытки не определяли облик технологии в целом, и она оставалась довольно примитивной. Необходимо отметить, что население этой стоянки, несомненно, было знакомо с приёмами работы с мягким отбойником, используемыми при расщеплении нуклеусов из кремня и окремнённых пород, о чём пойдёт речь ниже.

Среди площадок преобладают сформированные одним сколом (39.4%). Вторая по численности группа — это, условно говоря, «разбитые» площадки (34.6%), которые очень часто встречаются у сколов, сни-

маемых со сланцевых заготовок с использованием жёсткого отбойника. Они очень напоминают вершины или, чаще, рёбра, биполярных сколов, как правило, очень тонкие (рис. 4, 13–14, 18). Отщепы с такими площадками снимались с участков с тупыми углами скалывания (хотя в большинстве случаев измерить угол скалывания на самом отщепе не представляется возможным). В тех случаях, когда скол параллелен плоскости сланцеватости, удар по самому краю площадки при тупом угле скалывания вполне может привести к успешному отделению его от заготовки (рис. 4, 16–17). Такого рода сколы, несомненно, были получены с помощью удара жёстким отбойником; признаков подготовки зоны расщепления они не имеют. Так происходило расщепление при использовании приёмов, обозначенных выше как унифас и «двусторонний унифас». Площадок, покрытых коркой, 15.2%, и фасетированных площадок, возникших при использовании двусторонней обработки — 10.7%.

Средний угол скалывания равен 82.8° (минимальное значение — 30° и максимальное — 125° , наибольшее количество — в диапазоне 70° – 110°). Обращает внимание (рис. 5, А) очень большое количество отщепов с тупыми углами скалывания, которые получались так, как это было описано выше. Почти половина сланцевых отщепов расширяются к дистальному концу, т. е. являются дивергентным в плане (49.5%). Это вполне ожидаемый результат при той слабовыпуклой поверхности расщепления, которая характерна для заготовок сланцевых орудий. Конвергентных отщепов 29.8%, с параллельными краями — 19.8%, подокруглых — 0.9%. Огранка дорсальной поверхности в большинстве случаев представлена негативами широких сколов, идущих в том же направлении, в каком был снят сам отщеп (79.4%). Довольно часто встречаются сочетания таких негативов с негативами сколов, направленных поперек продольной оси (всего 7.8%), а также с негативами, параллельными продольной оси, но встречными по отношению к направлению, в котором был снят сам отщеп (4.9%). Остальные варианты огранки не достигают 5% выборки. Такое распределение вполне ожидаемо — большинство сколов снимались с широких граней с использованием боковых граней в качестве площадки, навстречу друг другу, но редко доходили даже до середины заготовки; часть их снималась с широких граней заготовки, с использованием в качестве площадки её торцевых участков. Необходимо отметить, что у 31.6% сколов помимо крупных имеется также множество негативов небольшого размера, расположенных чаще в первой трети части дорсальной поверхности и направленных как параллельно, так и поперечно продольной оси.

Большинство сланцевых отщепов имеют перообразные окончания скальвающих (78.6%). В то же время заметное количество сколов со ступенчатыми и петлеобразными окончаниями (вместе — 20.3%), свидетельствующими, что ошибки расщепления происходили весьма часто. Оставшиеся 1.1% сколов имеют ныряющие окончания. Вероятность появления сколов с такими окончаниями выше при использовании приёма поперечных сколов с боковой грани плитки.

Можно отметить, что изредка встречаются пластинчатые сланцевые отщепы (1.6% выборки), которые могли сниматься с угловых, выступающих участков заготовок (рис. 4, 12).

33.3% процента всех сланцевых отщепов имеют остатки галечной корки, при этом у 19.6% галечная корка покрывает всю или половину поверхности дорсального фаса.

Всего 34 сланцевых отщепа могут быть отнесены к микродебитажу. В основном, это в той или иной степени фрагментированные сколы — 20 экз., оставшиеся 14 экз. являются мелкими сколами с площадкой. Подробное описание морфологических признаков микродебитажа не производилось. Фрагментированных сланцевых отщепов в коллекции относительно немного — 17.5%, при этом 9.3% обломаны с нескольких сторон, а остальные являются обломками проксимальных, дистальных или медиальных частей скола. Такое незначительное количество фрагментированных сколов в данной выборке связано, во-первых, с тем, что сланец гораздо менее хрупкий, чем, например, кварц — в кварцевых коллекциях доля фрагментированных отщепов доходит почти до половины выборки (Тарасов, Шахнович, Мартынов, 2006. С. 248–263 ; Тарасов, Шахнович, 2006. С. 264–282). Во-вторых, свидетельствует о том, что отсутствовала традиция намеренной фрагментации сколов из сланца с целью максимальной утилизации данного сырья. Это естественно, учитывая как обилие этого материала, так и то, что сланцевые сколы крайне редко расценивались в качестве сколов-заготовок и являлись просто побочными продуктами изготовления рубящих орудий.

Несмотря на то, что ни на одной заготовке из коллекции не удалось обнаружить следы пиления, такая техника была знакома обитателям стоянки. В коллекции есть одна пила, которая будет описана ниже, а также два предмета со следами пиления. Это две тонкие плитки, с обеих сторон сформированные распилом. Обработка обеих была продолжена с использованием шлифования — на одной, и плоской встречной ретуши — на другой. В обоих случаях цель такой обработки осталась непонятной.

По итогам рассмотрения технологического контекста производства сланцевых рубящих орудий можно сказать следующее. На стоянке обрабатывались сланцевые гальки, плитки и валуны, подобранные непосредственно в её окрестностях. Использовался ряд несложных приёмов краевой обивки, в том числе краевая двусторонняя обработка. Использовалась грубая техника скола, предполагавшая применение жёсткого отбойника без предварительной подготовки зоны расщепления, и только эпизодически — мягкого отбойника, что сопровождалось и предварительной подготовкой зоны расщепления. Значительное количество ошибок и простота технологии свидетельствуют о том, что привлечение особо профессионального труда в рамках данной индустрии было маловероятно. Последовательность расщепления можно реконструировать как перманентную и конкретно-ситуационную. Не исключено, что иногда в качестве формообразующего приёма использовалось и пиление.

Изготовление орудия завершалось абразивной обработкой, как правило, не очень тщательной и редко покрывавшей всю площадь изделия. Признаки полирования изделий не обнаружены. Готовые предметы не имеют строгой геометрической формы, отличаются небольшими размерами. Наиболее вероятно, орудия изготавливались в небольших количествах для собственного употребления.

Индустрии орудий на отщепах и пластинах. В данный контекст включены нуклеусы для производства пластин и отщепов и нуклевидные куски, пластины и отщепы (рис. 6; 5). В связи с тем, что невозможно полностью разделить отщепы — отходы производства технологий, направленных на получение пластин, и отщепы — продукты технологий специализированного изготовления отщепов, отщепы будут рассматриваться суммарно. Комплекс пластин охарактеризован отдельно.

Нуклеусы. Всего в коллекции выделены 26 нуклеусов и нуклевидных кусков (1.1% всех изделий из камня). 8 изготовлены из лидита, 6 — из кремня, 5 — из кварца, 4 — из халцедона и 3 — из окремнённого сланца. Таким образом, среди ядрищ представлены изделия из всех пород камня (за исключением мягкого сланца), которые использовались обитателями стоянки. Среди ядрищ имеются как нуклеусы, которые были предназначены для получения пластин, так и те, с которых было произведено снятие только отщепов. В то же время, нельзя исключать, что часть ядрищ со следами получения только отщепов, в действительности, являлись пренуклеусами, т. е. первой стадийной формой ядрищ для производства пластин, или же, наоборот, представляли собой последний этап срабатывания нуклеусов для пластин, когда с целью максимальной утили-

зации сырья с них снималась ещё и серия отщепов. Нуклеусы разделены на следующие типы.

1. *Призматические*. В рамках данного общего типа объединены ядрища, расщеплявшиеся в соответствии с призматическим принципом расщепления (Нехорошев, 1999. С. 12). В коллекции есть призматические нуклеусы как с негативами только от снятия отщепов, так и с негативами пластинчатых снятий.

Призматические нуклеусы, предназначенные для получения отщепов. Нуклеусы однонаправленного параллельного скалывания (рис. 6, 4, 6, 7). Выделено 8 таких нуклеусов, среди которых 2 изготовлены из кремня, 2 — из лидита, 2 — из кварца и 2 — из окремнённого сланца. 6 нуклеусов являются односторонними, т. е. имеющими одну поверхность расщепления, предназначенную для получения сколов-заготовок, и 2 — двусторонними, имеющими две (в одном случае — три) таких поверхности, перпендикулярных по отношению друг к другу. Можно определить, что два таких нуклеуса изготовлены из отщепов и один — из мелкой гальки (кварц). Фронт расщепления у 3 односторонних нуклеусов почти замкнут, в одном случае с образованием конической формы ядрища, у трёх — протягивается не более, чем до половины периметра. У двух ядрищ площадка подправлялась мелкими сколами. У всех призматических нуклеусов для отщепов, изготовленных из окремнённых пород (кремень, лидит, окремнённый сланец) отмечены признаки подготовки зоны расщепления в виде редуцирования. На кварцевых нуклеусах такие признаки не обнаружены.

Призматические нуклеусы, предназначенные для получения пластин и микропластин. Выделено всего 3 ядрища с негативами пластинчатых снятий. Одно, изготовленное из кварцевой гальки, было оставлено в самом начале расщепления (рис. 6, 11). Имеется два пластинчатых негатива на широкой поверхности расщепления, заканчивающихся на дистальном конце нуклеуса, и несколько негативов более коротких сколов, снятых в том же направлении. Площадка была подготовлена двумя сколами, одна боковая сторона нуклеуса подправлялась с помощью поперечных ударов, направленных на поверхность расщепления. Возможно, готовилось снятие реберчатого скола. Использование приёмов подготовки зоны расщепления не отмечено. Заметны глубокие, но неширокие углубления на месте ударных бугорков на негативах сколов.

Имеется два нуклеуса из лидита с негативами снятия микропластин. Оба являются торцевыми, т. е. поверхность расщепления, с которой снимались микропластины, расположена на узком конце нуклеуса (рис. 5, 6, 8).

У обоих ядрищ производилась подправка дистальной части с целью понижения её рельефа и уплощение боковых поверхностей, примыкающих к фронту расщепления. Площадка оформлена одним сколом. Имеются признаки редуцирования. На негативах микропластинчатых сколов имеются глубокие, но небольшие по площади углубления на месте ударных бугорков. В данном случае наиболее вероятной представляется использование отжимной техники скола.

2. *Пренуклеусы.* Последовательность расщепления при изготовлении пластин является серийной и, следовательно, стадийной. Таким образом, кроме собственно нуклеусов, такая технология предполагает предварительное изготовление пренуклеусов — ядрищ, подготовленных для снятия пластинчатых сколов, но ещё не имеющих негативов таких сколов. В коллекции выделены 4 таких предмета: из кремня — 1, из лидита — 2, из окремнённого сланца — 1. Один предмет, оставленный на самой начальной стадии, был изготовлен из мелкой гальки, у которой пытались оформить площадку несколькими сколами, а также подправить поверхность расщепления (выровнять и сделать более выпуклой у одного края, последнее с использованием двусторонней обработки, после которой вероятно было снятие реберчатого скола). Размеры и пропорции ядрища ($3.4 \times 2.9 \times 2.8$ см) позволяют предполагать, что из него пытались изготовить именно нуклеус для микропластин. Остальные экземпляры (один из которых, несомненно, изготовлен из отщепы), вероятнее всего, должны были в итоге стать торцевыми нуклеусами для снятия микропластин (рис. 6, 1, 5). На них заметны следы от попыток выровнять площадку, следы уплощения боковых сторон, понижения рельефа в дистальной части. В одном случае использовалась подправка поверхности расщепления с помощью поперечных сколов (подготовка к снятию реберчатого скола) (рис. 6, 5). У одного экземпляра на узкой торцевой поверхности расщепления имеются негативы трёх длинных, несомненно, отжимных сколов, однако слишком узких и не достигших дистального конца ядрища. На трёх экземплярах пренуклеусов заметны признаки использования редуцирования.

3. *Биполярные нуклеусы.* Это ядрища, которые расщеплялись с использованием биполярной техники скола. В коллекции есть два таких нуклеуса, один кремневый (рис. 6, 3) и один лидитовый. Оба имеют небольшие размеры (кремневый $1.6 \times 1.1 \times 0.7$ см и лидитовый $2.6 \times 3.6 \times 13$ см).

4. *Многоплощадочные нуклеусы.* Выделен всего один нуклеус данного типа, изготовленный из кварцевой гальки (рис. 6, 2). К этому типу отнесены осколки породы, которые потенциально могли служить источни-

ком сколов-заготовок, морфология которых, однако, не позволяет определить какую-либо регулярную схему расщепления. Таких в коллекции 8 экз., большинство (4 экз.) изготовлены из халцедона, 2 — из кремня, 1 — из лидита и 1 — из кварца. Как уже отмечалось выше, в случае с халцедоновыми нуклевидными кусками у нас нет полной уверенности в том, что они являются результатом человеческой деятельности, а не действия природных факторов.

Средний размер (высота или ширина, в зависимости от того, что из них больше) нуклеусов и нуклевидных кусков из коллекции равен 3.7 см, минимальное значение 1.6 см и максимальное — 8 см (рис. 5, Б). Такой результат свидетельствует о сильной степени сработанности нуклеусов. При исключении из выборки всех нуклевидных кусков средний размер ещё немного уменьшается — до 3.5 см. В случае с нуклеусами для микропластин необходимо, правда, иметь в виду, что они изначально имеют небольшие размеры. При исключении нуклеусов для микропластин и пренуклеусов этот показатель увеличивается до 4 см, при исключении из выборки наряду с ними также и нуклевидных кусков — снова соответствует среднему для всей коллекции нуклеусов — 3.7 см. Заметно различается степень сработанности нуклеусов и нуклевидных кусков из разных пород. Наиболее крупными являются нуклевидные куски из халцедона — среднее значение 5 см, далее идёт кварц — 4.8 см, затем окремнённый сланец — 4 см, затем лидит — 3.2 см. Наибольшая степень сработанности характерна для нуклеусов из кремня — средний размер равен 2.4 см. Таким образом, видно стремление максимально утилизировать более дорогое импортное сырьё.

Отщепы из окремнённых пород. Всего в коллекции 851 (36% всех изделий из камня) отщепов из кремня, лидита, кварца, халцедона и кварцита (отщепы из кварцита, вероятнее всего, связаны с контекстом абразивных инструментов, однако в связи с их немногочисленностью основные данные по ним также приведены в этом разделе). Количество сколов из кварца и халцедона очень невелико. Кроме того, их свойства при расщеплении значительно отличаются от таковых у окремнённых пород (у халцедона со стоянки это отличие вызвано, главным образом, тем, что доступные для использования куски этого сырья испещрены внутренними трещинами). По этим причинам для технологического анализа сколов решено использовать только отщепы из кремня и лидита. Они включены в состав одной выборки. Для подробного анализа не привлекался микродебитаж, т. е. сколы размером менее 1 см. Выборка состоит всего из 348 отщепов, 288 кремневых и 60 лидитовых.

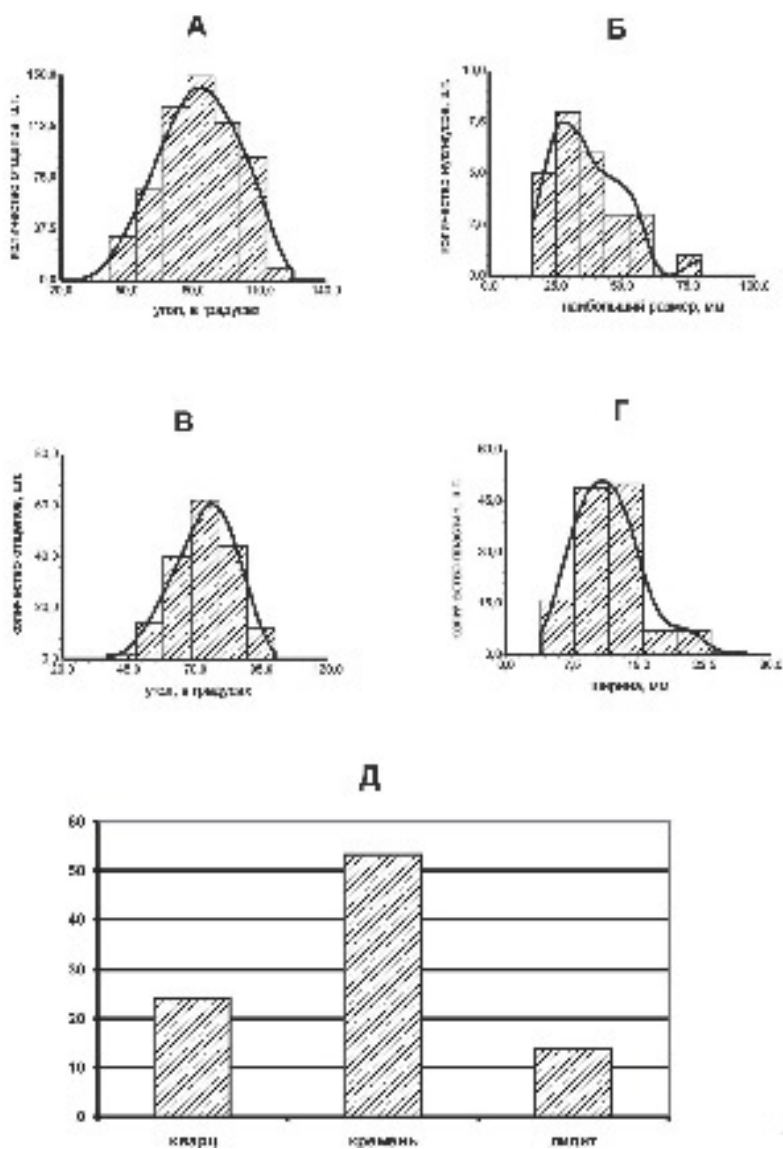

Рис. 5. Инвентарь стоянки Южный Олений Остров 2: А — углы скалывания сланцевых отщепов, Б — наибольший размер (высота или ширина) нуклеусов, В — углы скалывания отщепов из кремня и лидита, Г — ширина пластин, Д — количество фрагментированных сколов из кварца, кремня и лидита (в процентах от общего количества сколов в каждой выборке)

Fig. 5. Assemblage of the site Yuzhny Oleny Island 2: А — angle of percussion of slate flakes, Б — maximum dimension (height or width) of cores, В — angle of percussion of flint and lidite flakes, Г — width of blades, Д — percentage of fragmented flakes of quartz, flint and lidite (separate samplings for each raw material)

К сколам с площадками отнесены 185 (53.2%) отщепов, 11 (3.2%) — к биполярным, у 152 (43.7%) технологические признаки не выражены. Большинство сколов из последней группы составляют фрагментированные отщепы, не имеющие проксимальной части (99 экз.), и 53 являются бесформенными осколками. Учитывая крайне незначительное количество выраженных биполярных сколов и биполярных нуклеусов, очень вероятно, что почти все отщепы без выраженных технологических признаков были получены с использованием «площадочной» техники скола.

Среднее отношение ширины к толщине у отщепов с площадкой равняется 3.3, что не позволяет однозначно говорить о преобладании как техники удара жёстким отбойником, так и мягким отбойником. Площадки узкие, средняя ширина — 0.4 см, минимальное зафиксированное значение — 0.1 см, максимальное — 1.8 см, наибольшее количество — в диапазоне от 0.2 до 0.6 см. Этот показатель скорее говорит о преобладающем использовании мягкого отбойника. Различимые невооружённым глазом трещины в точке приложения удара, которые могут свидетельствовать о применении жёсткого отбойника, зафиксированы только на 1 экз. Отчётливо выраженные ударные бугорки имеются у 23.8% отщепов с сохранившейся проксимальной частью. «Губа» зафиксирована у заметного количества отщепов — 15.5%. Эти признаки, по крайней мере, позволяют утверждать, что техника удара мягким ударным инструментом применялась при производстве отщепов данной коллекции, хотя точное определение частоты её использования невозможно. Использование приёмов подготовки зоны расщепления отмечено у весьма заметного количества отщепов — 20.1% выборки с сохранившейся проксимальной частью (у 15.8% есть признаки редуцирования и у 2.3% — подправки площадки мелкими сколами, у 2% эти приёмы сочетаются).

Средний угол скалывания равен 74° , минимальное зафиксированное значение равняется 37° , максимальное — 100° , наибольшее количество — в интервале от 65° до 80° (рис. 5, В). Это ожидаемый результат, соответствующий углам скалывания при срабатывании призматических нуклеусов (при преобладающей двусторонней обработке, особенно при производстве бифасов, угол должен быть острее). Среди площадок преобладают гладкие (71.2%), фасетированных — 19.2% (наиболее вероятно их появление в данном контексте при использовании двусторонней обработки для выравнивания и создания выпуклой поверхности расщепления на угловых участках ядрищ с последующим снятием реберчатых сколов), покрытых коркой — 7.9%. Ещё у 1.7% площадки являются «разбитыми», напоминая такие площадки у сланцевых

сколов из коллекции, а также вершины биполярных сколов. Не исключено, что они являются результатом применения биполярной техники, хотя огранка дорсального фаса и дистальный конец скорее соответствуют тем, которые образуются при «площадочном» расщеплении. Площадки, скошенные относительно продольной оси отщепа, встречены всего у 1.44%.

Преобладают сколы, которые в плане расширяются по направлению к дистальному концу (46%), отщепов с параллельными краями 28.7%, конвергентных — 24.3%, округлых — 1%. Большинство отщепов имеют перообразные окончания скалывающих (73.3%), ступенчатых окончаний 11.8%, петлеобразных — 9.2, ныряющих — 5.6%. Соотношение удачных сколов (с перообразными окончаниями) и неудачных практически такое же, какое было зафиксировано для сланцевых отщепов. 23.6% отщепов на своём дистальном конце содержат часть дистальной поверхности нуклеуса. Огранка дорсальной поверхности чаще образована только негативами сколов (от одного до шести, в большинстве случаев — двух), ориентированных в том же направлении, что и сам отщеп (77.7%). Заметно количество сколов с негативами, ориентированными поперечно продольной оси отщепа — 9.5%. У 5.4% сочетаются негативы продольных и поперечных сколов. Сколы с поперечными негативами, вероятнее всего, являются результатом подправки ядрищ. Негатив встречного скола отмечен только один раз, т.е. можно заключить, что подправка с помощью встречных сколов была нехарактерна. Доля остальных вариантов огранки не достигает 3%. Сколов с обушком — 7.2% выборки.

Пластинчатых отщепов 11 экз. (3.2% выборки). В данном контексте их можно считать либо неудачными попытками отделения пластин, либо сколами, снимавшимися в ходе подготовки к снятию нормальных пластин.

К техническим сколам отнесено 46 экз. (13.2% выборки). Под техническими сколами понимаются такие, особенности морфологии которых позволяют сделать вывод о конкретной цели снятия данного скола в ходе подготовки, подправки и переориентации нуклеусов. В то же время необходимо учитывать, что в действительности с этими операциями было связано намного больше сколов, поскольку при использовании технологий изготовления пластин любой обыкновенный отщеп не является сколом-заготовкой, т.е. целью расщепления, и снимается именно в ходе подготовки ядрищ. Большинство сколов, определённых в качестве технических, снимали сильно выступающие участки поверхности расщепления на углах (18 экз.) или торцах ядрищ (3 экз.). Есть 6 реберчатых

сколов (рис. 6, 10, 14). Имеются два скола подправки площадок нуклеусов для производства микропластин («таблетки») (рис. 6, 12), а также 3 скола, снимающих небольшую часть таких площадок.

Имеются также сколы, снимающие проксимальную часть поверхности расщепления вместе с частью площадки, для снятия которых площадкой послужила боковая поверхность ядрища (2 экз.). 5 отщепов были сняты с целью устранения ошибки расщепления — залома от неудачной попытки снять пластину (4 экз. — путём снятия более массивного скола в том же направлении (рис. 6, 13), и один — при использовании боковой поверхности нуклеуса в качестве площадки). Обнаружен один скол, отсекающий значительную часть дистальной поверхности нуклеуса, очевидно, с целью её понижения. Остальные отщепы, отнесённые к техническим, вероятнее всего, откалывались с целью выравнивания или понижения поверхности нуклеуса. Это сколы с обушком, у которых направление негативов на обушке и основной дорсальной поверхности не совпадает.

Во всех случаях, когда на технических сколах имелись пластинчатые негативы, это были негативы микропластин — узких пластин. Таким образом, если изготовление крупных пластин всё-таки имело место на стоянке (о том, что это всё-таки не исключено, свидетельствует упоминавшийся выше кварцевый нуклеус для таких пластин), оно происходило за пределами раскопанной площади, однако более вероятно, что такие пластины и орудия из них приносились в готовом виде.

Отщепы из коллекции в среднем имеют небольшие размеры. Без учёта микродебитажа и фрагментированных сколов, средняя длина лидитовых отщепов составляет 3 см, халцедоновых — 2.8 см, кварцевых — 2.6 см, кремневых — 2.3 см. Такие показатели, во-первых, подтверждают, что мы имеем дело скорее с побочными продуктами производства микропластин, во-вторых, что наибольшей степени утилизации на стоянке подвергалось более дорогое импортное кремневое сырьё.

К микродебитажу отнесены 344 отщепы (21 кварцевый, 1 кварцитовый, 298 кремневых, 6 лидитовых и 7 халцедоновых) или 40.4% всех отщепов за исключением отщепов из сланца и окремнённого сланца. Среди кремневого микродебитажа выделено 36 чешуек, связанных с вторичной отжимной обработкой орудий, среди кварцевого — 1 и среди халцедонового — 2 чешуйки.

Обращает внимание, что больше половины кремневого микродебитажа представлено мелкими фрагментированными отщепами (188 экз. или 63%). Похожий показатель также для кварца — 11 отщепов из 21,

однако для остальных пород эта доля слишком мала, чтобы говорить о какой-то тенденции. Остальные предметы данной выборки являются просто мелкими отщепами. Всего в коллекции 346 в той или иной степени фрагментированных отщепов, включая и нормальные сколы, и микродебитаж (бесформенные осколки в это число не включались). Из 91 кварцевого скола фрагментированных 22 экз., из 9 кварцитовых — 1, из 99 халцедоновых — 1, из 66 лидитовых — 9, и из 586 кремневых — 313, т. е. 53.4% (рис. 6, Д).

Большое количество фрагментированных сколов, приближающееся к 50% выборки, как правило, характерно для кварцевых коллекций и определено свойствами этого материала, т. е. его хрупкостью. Кремь имеет иные свойства. Объяснить такое большое количество фрагментированных сколов только особенностями первичной обработки этого материала на стоянке невозможно. Очевидно, мы снова сталкиваемся со свидетельством максимально полной утилизации дорогого импортного сырья. В данном случае — с помощью намеренной фрагментации сколов как приёма вторичной обработки. Такая практика позволяла получить намного больше рабочих лезвий с имевшегося количества кремневого сырья.

В выборках по сколам из каждого материала остатки галечной корки обнаружены менее чем у 20% сколов: у 13.7% кремневых сколов (у 6.6% корка покрывает поверхность целиком или не менее половины площади), 9.9% (5.5%) кварцевых, 19.7% (7.6%) лидитовых, 14.1% (6.1%) халцедоновых; ни на одном из кварцитовых отщепов корка не обнаружена. Такое соотношение позволяет предполагать, что на раскопанном участке сосредоточены продукты расщепления уже подготовленных или частично подготовленных (на стадии пренуклеусов) ядрищ.

Наконец, необходимо отметить, что 45 сколов (все кремневые) имеют признаки воздействия огня. Повышенной концентрации таких сколов на каком-либо участке раскопа не отмечено.

Пластины. Из 151 пластины (6.4% всех изделий из камня), представленных в коллекции (рис. 6, 9, 15–23; 7, 1, 2, 11, 12, 15–22, 25), десять — имеют ретушь вдоль одного или обоих боковых краёв (рис. 7, 1, 16, 19, 21) и ещё у 73 заметна ретушь утилизации (рис. 6, 17–18, 20–23; 7, 2, 6, 15, 18, 20) также вдоль одного или двух боковых краёв. Далее, подавляющее большинство пластин представлено в виде фрагментов: преобладают медиальные фрагменты (рис. 6, 15–19; 7, 12, 15–20), большинство из которых можно определить как сечения — вкладыши составных орудий (89 экз.), обломков

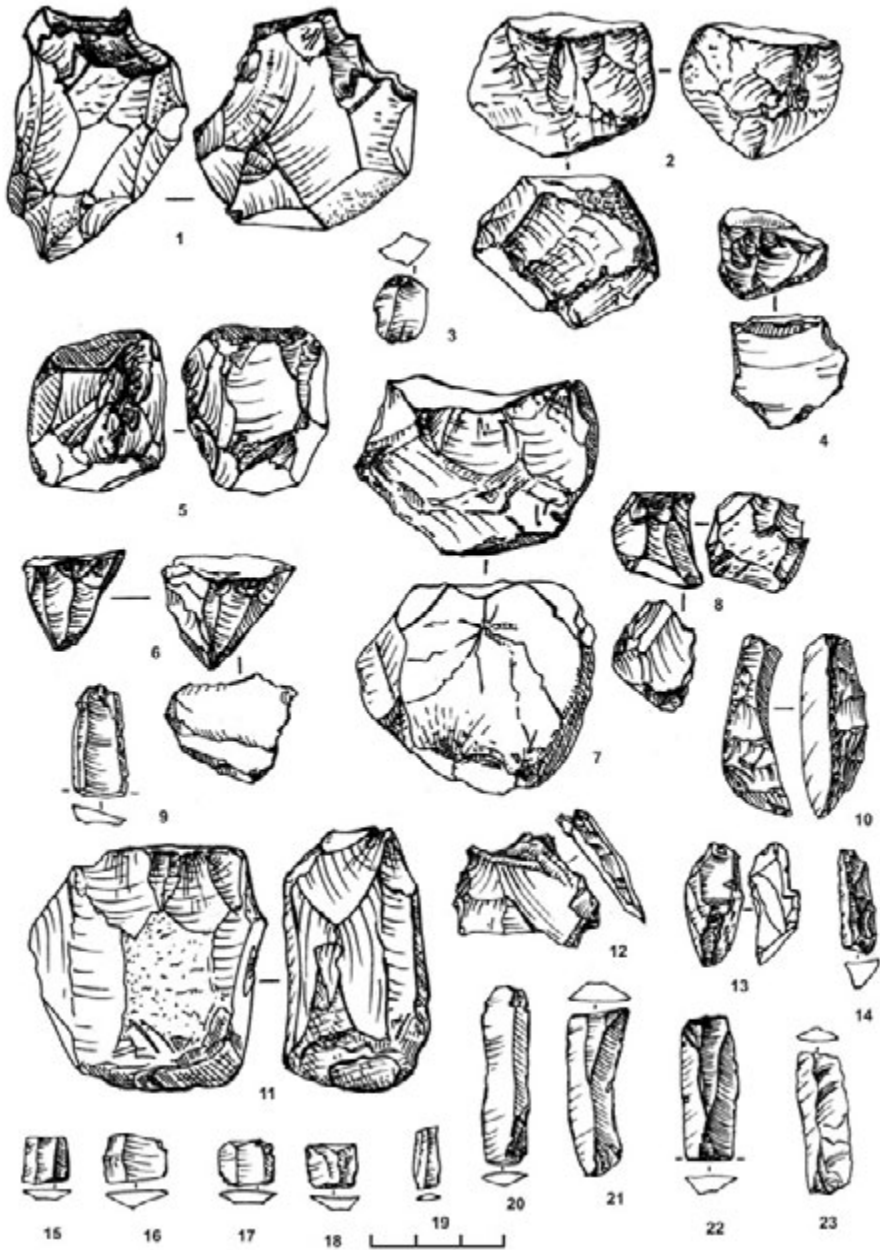

Рис. 6. Инвентарь стоянки Южный Олений Остров 2: 1-8, 11 — нуклеусы; 9, 15-23 — пластины и фрагменты пластин; 10, 12-14 — технические сколы. 1, 5 — кремнистый сланец; 2, 7, 11 — кварц; 3, 4, 9-19, 21-23 — кремнь; 6, 8, 20 — лидит

Fig. 6. Assemblage of the site Yuzhny Oleny Island 2: 1-8, 11 — cores; 9, 15-23 — blades and blade fragments; 10, 12-14 — technical flakes. 1, 5 — siliceous slate; 2, 7, 11 — quartz; 3, 4, 9-19, 21-23 — flint; 6, 8, 20 — lidit

проксимальных концов — 17 экз., дистальных концов — 12 экз., один фрагмент обломан с нескольких сторон. Только 32 пластины являются целыми (при этом у 17 из них ступенчатые или петлеобразные окончания скалывающих). В связи с этим, исчерпывающую технологическую характеристику комплекса пластин дать невозможно, и придётся ограничиться только рядом замечаний.

Средняя ширина пластин из коллекции составляет 1.2 см, что находится на границе между показателем, характерным для микропластин и собственно пластин. Наименьшее зафиксированное значение 0.4 см и наибольшее — 2.7 см. График (рис. 5, Г) явно показывает, что имеется только одна отчётливо выраженная группа, включающая пластины шириной от 0.75 до 1.5 см (максимально возможное значение при использовании ручного отжима (Волков, Гиря, 1990. С. 38–56). Пластины с такой шириной составляют абсолютное большинство в коллекции. Пик графика при этом находится в районе 1 — 1.2 см. Если установить условный критерий отделения микропластин от пластин по ширине в 1 см, то количество микропластин в коллекции будет равняться 53; количество узких пластин от 1 до 1.5 см — 62 экз., и пластин шириной более 1.5 см — 15 экз. Однако отсутствие резкого перехода между собственно микропластинами и узкими пластинами, возможно, говорит о незначительной разнице в технологии их получения.

Средняя толщина пластин 0.3 см, наименьшая в выборке — 0.1 см, наибольшая — 0.8 см (реберчатая пластина). Средняя длина сохранившихся целых пластин без учёта экземпляров со ступенчатыми и петлеобразными окончаниями скалывающих составляет 2.6 см (наименьшее значение — 1.1 см, наибольшее — 6.5 см). Среднее отношение ширины к толщине — 8.1 (наименьшее зафиксированное значение — 4.3, наибольшее — 11.8). Такой показатель больше характерен для пластин, снимавшихся с помощью ударной, а не отжимной техники скола, поскольку не превосходит соотношение 1:30, которое является максимально возможным при получении пластин в ударной технике (Гиря, 1997. С. 69). Тем не менее, необходимо учитывать, что сами размеры отдельностей сырья на стоянке, как правило, не позволяли производить длинные пластины, и в то же время производство пластин ещё меньшей толщины вряд ли было целесообразно даже с помощью отжимной техники. Таким образом, анализ метрических признаков не позволяет сделать однозначный вывод о применявшейся технике скола.

Пластин с сохранившимися площадками 41 экз. Средний угол скалывания равен 75°, что соответствует среднему углу отщепов. Минималь-

ный угол скалывания в выборке — 53° , максимальный — 90° ; пластины с тупыми углами скалывания не представлены. Средняя ширина площадок 0.25 см, минимум — 0.1 см и максимум — 0.5 см. Средняя длина — 0.6 см (минимум — 0.1 и максимум — 1.4 см). Если разбить длины площадок на интервалы с шагом в 0.2 см, то в группу до 0.2 см попадает всего 3 экз., до 0.4 см — 7 экз., до 0.6 см — 13 экз., до 0.8 см — 12 см, до 1 см — 5 экз., и свыше 1 см — 1 экз. Таким образом, точечные площадки нехарактерны для данного комплекса. Площадки чаще треугольные или линейные, что можно считать дополнительным свидетельством в пользу преобладания техники скола, основанной на ударе. Их огранка чаще образована негативом одного скола (24 экз.), у 17 экз. площадки фасетированные.

Следы приёмов подготовки зоны расщепления выявлены на проксимальных частях 33 пластин, т.е. у абсолютного большинства пластин с сохранившимися площадками. 11 экз. имеют следы только редуцирования, 5 — подправки площадки мелкими сколами, направленными перпендикулярно от основной поверхности расщепления, 4 — изолирования, 8 — редуцирования и подправки площадки, 3 — подправки площадки и изолирования, 2 — редуцирования и изолирования. У 26 пластин (больше половины с сохранившимися площадками) отмечено наличие «губы». Таким образом, несомненно, обработка велась с использованием мягкого инструмента, о чём, впрочем, позволяют говорить и небольшая толщина и регулярная правильная форма изделий. Измерение метрических признаков ударных бугорков не производилось. Визуально были различимы как хорошо выраженные, выпуклые, но небольшие по площади бугорки, которые можно ожидать у пластин, полученных с помощью отжима или удара через посредник, так и слабо выраженные, плоские, больше характерные для сколов, снятых с помощью мягкого отбойника.

Рассмотрение данных признаков, таким образом, позволяет утверждать, что для получения пластин на памятнике использовалась очень аккуратная техника скола, предполагающая активное использование приёмов подготовки зоны расщепления в виде редуцирования, подправки площадки и изолирования, а также работу мягкими инструментами. Установить, основывалась ли эта техника на использовании удара или отжима, а также определить точный вид этих инструментов (отжимник, посредник, мягкий отбойник) пока не представляется возможным. Возможно, имели место все три варианта.

Из 50 пластин, для которых можно установить общую форму в плане, только две являются слабо дивергентными. Остальные имеют

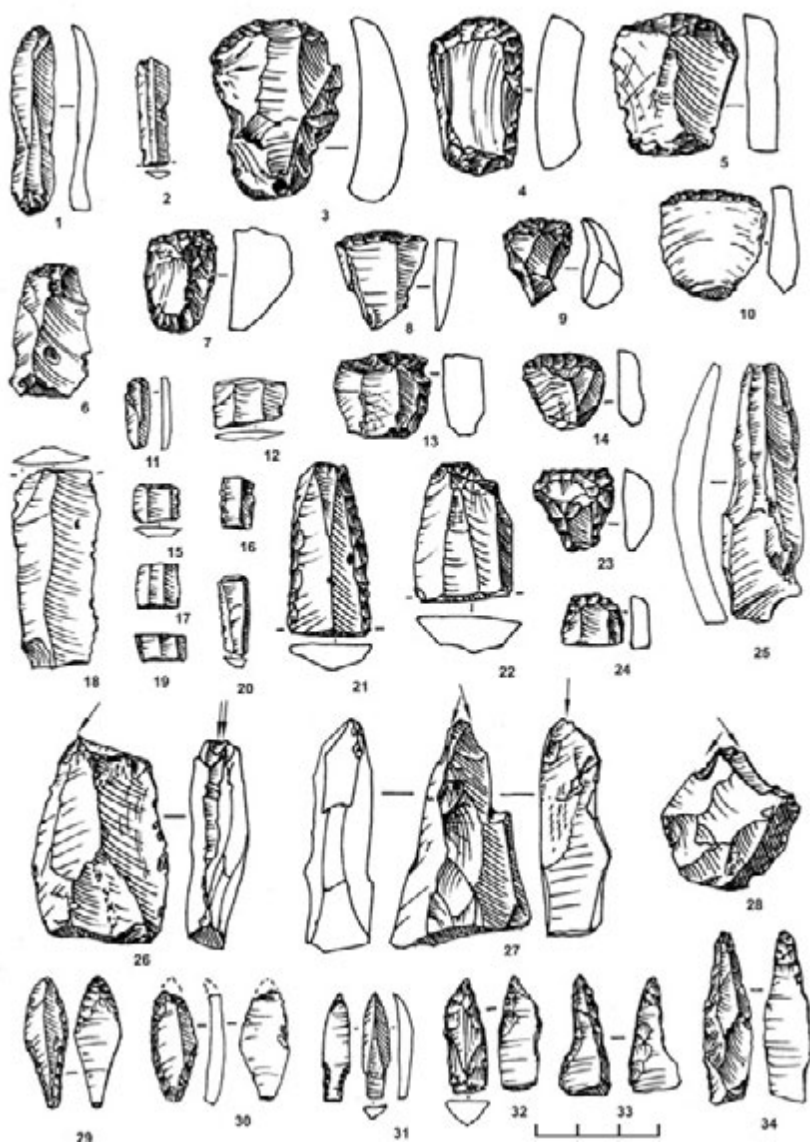

Рис. 7. Инвентарь стоянки Южный Олений Остров 2: 1, 16, 19, 21 —пластины, фрагменты пластин с ретушью; 2, 11, 12, 15, 17, 18, 20, 22, 25 —пластины и фрагменты пластин; 3 —скребок-скобель; 4, 5, 7-10, 13, 14, 23, 24 —скребки; 26-28 —резцы; 29-31 —наконечники; 32-34 —проколки. 1-26, 29-30, 32-34 —кремнь; 27 —сланец; 28, 31 —окремнённый сланец

Fig. 7. Assemblage of the site Yuzhny Oleny Island 2: 1, 16, 19, 21 —retouched blades and fragments of retouched blades; 2, 11, 12, 15, 17, 18, 20, 22, 25 —blades and blade fragments; 3 —scraper-scraper with a concave edge; 4, 5, 7-10, 13, 14, 23-24 —scrapers; 26-28 —burins; 29-31 —arrowheads; 32-34 —borers. 1-26, 29-30, 32-34 —flint; 27 —slate; 28, 31 —siliceous slate

параллельные края на большей части длины, сужающиеся на дистальном конце. Окончания скальвающих определены у 43 пластин, 21 из них — перообразное (шесть из них имеют на дистальном конце часть дистальной поверхности нуклеуса), 19 — ступенчатые и 3 — петлеобразные. Огранка дорсальной поверхности установлена у 144 экз. (включая фрагментированные пластины). Количество пластин с двумя негативами предыдущих пластинчатых снятий (треугольного сечения) и тремя негативами таких снятий (трапециевидного сечения) примерно равно — соответственно 63 и 74 экз. В двух случаях таких негативов больше трех.

Имеются две краевые пластины с остатками галечной корки вдоль одного края, а также три реберчатых пластины. Две из них с одним негативом параллельного пластинчатого снятия в сочетании с негативами поперечных снятий, направленных от центра, и одна только с негативами поперечных снятий, расходящихся от центральной оси в противоположные стороны, т. е. её дорсальная поверхность представляет собой бифасиальное ребро. Таким образом, при использовании данного приёма оформления призматической поверхности расщепления скальвание, вероятнее всего, начиналось от центра, где снималось бифасиальное ребро. Остатки поперечных негативов убирались последующими сколами, снимавшимися уже ближе к краям поверхности расщепления.

Таким образом, можно предложить следующую, весьма неполную, реконструкцию технологии получения пластин на памятнике. Скальвание производилось с торцевых призматических нуклеусов, т. е. поверхность расщепления оформлялась на узком конце ядрища (другие типы нуклеусов для получения пластин не обнаружены, за исключением упомянутого выше кварцевого ядрища, оставленного в самом начале срабатывания). При необходимости, с целью оформления призматического рельефа поверхности расщепления в центре будущего фронта расщепления создавалось выступающее бифасиальное ребро, после чего скальвание пластинчатых сколов и собственно пластин велось от центра к краям. Если снятие первых пластинчатых сколов было возможно без выравнивания поверхности расщепления с помощью двусторонней обработки, снимались просто более или менее массивные краевые сколы. Дистальный край нуклеуса делался узким, и понижение рельефа в дистальной части могло производиться также в ходе подправки ядрища при снятии пластин. Боковые стороны заранее уплощались, площадка выбиралась либо готовилась серией сколов. Скальвание пластин про-

изводилось только в одном направлении, и у нас нет свидетельств того, чтобы фронт расщепления переносился также и на боковые стороны. В ходе расщепления периодически возникала необходимость в подправке площадки, а также в исправлении ошибок расщепления — снятия заломов. Заломы убирались либо с помощью толстых сколов, снимавшихся в том же направлении, что и пластины, либо с помощью сколов, направленных со стороны боковых граней ядрища. Расщепление велось с помощью сложной техники скола, предполагавшей активное применение приёмов подготовки зоны расщепления и работу мягким инструментом. Вероятно, имели место как удар мягким отбойником или через посредник, так и отжим. На исследованном участке стоянки могли производиться только микропластины и узкие пластины, более крупные экземпляры должны были доставляться в готовом виде.

Для изготовления вкладышей пластины фрагментировались. Несомненно, что фрагментация была намеренной. У некоторых сечений можно видеть с края фасетку ретуши, по которой прошёл разлом, т. е. с помощью узкой ретушной выемки могли готовить выемку для облегчения разлома. Средняя длина сечений из коллекции составляет 1.1 см, среднее отношение ширины к толщине — 1.2, т. е. длина и ширина у большинства сечений — вкладышей почти равны.

Орудия. Вместе с пластинами с ретушью и ретушью утилизации (которых в коллекции 83 экз.) и без учёта заготовок макроорудий и сколов со шлифованных орудий выделено 269 орудий (11% всех изделий из камня). Пластины были описаны выше, поэтому в данном разделе речь пойдёт только о морфологически выраженных типах орудий, а также об отщепах с ретушью и ретушью утилизации.

Орудия на отщепах. Скребок — 40 экз. (рис. 7, 4, 5, 7–10, 13–14, 23–24), 35 изготовлены из кремня, 2 — из сланца и по одному — из окремнённого сланца, лидита и кварца. Всего 5 экз. изготовлены на пластинах (рис. 7, 8, 24), остальные — на отщепах или фрагментированных отщепах, в одном случае (рис. 7, 7) скребковое лезвие было оформлено на нуклевидном куске (предельно сработанном нуклеусе?). 4 экз. являются фрагментами лезвийной части скребков. Концевых скребков — 15 экз. (рис. 7, 5, 8–10, 14, 24), при этом у двух скребков лезвие оформлено на проксимальном, а не на дистальном конце скола-заготовки, и у одного ретушь нанесена на брюшке (вентральной поверхности) (рис. 7, 10). Боковых скребков — 6 экз.; концевых-боковых — 13 экз. (рис. 7, 4, 13), из них у 5 экз. имеется два боковых лезвия. Один предмет трапезиевидной в плане формы обработан ретушью по периметру (рис. 7, 23).

Лезвия скребков прямые, дугообразные и слабо дугообразные, обработаны крутой и полукрутой ретушью с фасетками средней ширины, иногда с широкими. В одном случае отмечено уплощение ударного бугорка на брюшке скола—заготовки с помощью нескольких плоских сколов. Только один предмет может быть отнесён к микроскребкам ($0.9 \times 0.7 \times 0.5$ см), большинство являются средними по величине (до 4 см) — 34 экз., и крупных всего 5 экз. Всего одно изделие имеет вытянутые пропорции (рис. 7, 4), остальные имеют либо примерно равную ширину и длину (23 экз.), либо немного укороченные (16 экз.), но ни в одном случае ширина не превышает длину в два раза.

Наконечников — 6 экземпляров, все изготовлены из пластин (рис. 7, 29–31). 3 наконечника — целых и 3 представлены фрагментами насада. 5 изготовлены из кремня и 1 — из окремнённого сланца. Целые экземпляры находят аналогии с двумя типами наконечников из Оленеостровского могильника (Гурина, 1956. С. 96). Экземпляр из окремнённого сланца может быть отнесён к типу наконечников с черешком (рис. 7, 31), и два кремневых — к наконечникам с обоюдоострыми концами (рис. 7, 29, 30). Строгого стандарта обработки не наблюдается. Наконечник из окремнённого сланца обработан только на брюшке, полукрутой ретушью — на насаде и плоской — на кончике острия. Один из целых обоюдоострых наконечников обработан только крутой и полукрутой ретушью на спинке почти по всему периметру (рис. 7, 30), второй — на спинке крутой ретушью по насаду и полукрутой по перу, но не доходя до острия, на брюшке плоской встречной ретушью обработано перо, включая остриё (рис. 7, 29). На обломках насадов встречается как комбинация крутой ретуши на спинке и плоской на брюшке (2 экз.), так и обработка только крутой ретушью на спинке (1 экз.). Только у наконечника из окремнённого сланца можно определить, что остриё оформлено на дистальном конце пластины, в остальных случаях ориентация неизвестна. Размеры целых наконечников небольшие — длина 2.7, 2.8 и 3.3 см. У одного из обоюдоострых наконечников отломан кончик острия, вероятнее всего, в результате использования его как проникающего орудия (рис. 7, 30).

Прокол — 6 экземпляров (рис. 7, 32–34). Две изготовлены из толстых пластинчатых отщепов, одна — из реберчатой пластины и 3 — из отщепов. Почти все сделаны из кремня, кроме одной проколки, заготовкой для которой послужил лидитовый отщеп. У изделий из пластинчатых отщепов и реберчатой пластины отсутствует противоположный конец скола-заготовки (вероятнее всего, проксимальный). Остриё оформлено так же, как насад у наконечников, крутой ретушью — на спинке

и плоской ретушью — на брюшке. Однако массивность острия не позволяет считать, что мы имеем дело с обломком наконечника. Остриё одной проколки, сделанной из отщепа, оформлено на углу скола-заготовки, а двух других проколок — на узком дистальном конце, выделено крутой и пологой ретушью на брюшке и на спинке. Два отщепа, послуживших заготовками, фрагментированы.

Сверло. Имеется 1 экз. изготовленный из кварца. Вторичной обработки не имеет, в качестве острия сверла использовался узкий удлинённый дистальный конец отщепа, на всех рёбрах и кончике которого заметна сильная сточенность.

Резцы. К резцам отнесены изделия с резцовым сколом (3 экз.). Два срединных (рис. 7, 27–28) и один угловой (рис. 7, 26), все изготовлены из отщепов. Срединные резцы изготовлены из твёрдого и кремнёвого сланца, угловой — из кремня. На кромке у сланцевого резца есть участок с нерегулярной ретушью, кроме этого, его кромки сточены (выглядят затупленными шлифовкой). Угловой резец, несомненно, подновлялся, так как имеет негативы трёх резцовых сколов, два из которых, снятых позже, закончились заломами, не дойдя до крайней точки первого скола (рис. 7, 26). На противоположном резцовому краю орудия имеется сильная ретушь утилизации (нерегулярные фасетки ретуши располагаются вдоль кромки на дорсальной и вентральной сторонах).

Резчик (1 экз.) изготовлен из кремневого фрагментированного отщепа. На одном из углов, на поверхности разлома, образовавшегося после фрагментации скола, имеется ретушированный участок. На прилегающей кромке заметна ретушь утилизации.

Скобелей, или изделий с вогнутым лезвием, оформленным скребковой ретушью — 7 экз. Все изготовлены из отщепов — трёх кремневых, трёх лидитовых и одного сланцевого. 3 экз. имеют одно вогнутое лезвие, 3 — два таких лезвия, и 1 — три лезвия.

Скрёбел 2 экз., оба изготовлены из сланца. Это довольно крупные ($4,8 \times 5 \times 16$ см и $3,7 \times 3,9 \times 2$ см) сланцевые отщепы, на одном крае которых с помощью грубой ударной ретуши оформлено скребковое лезвие.

Комбинированное орудие (1 экз.) — это скребок-скобель из кремневого отщепа (рис. 7, 3). Выпуклое скребковое лезвие расположено на дистальном конце скола-заготовки, и вогнутое скобелевое — на боковом крае.

Два изделия определены как клинья. Изготовлены из сланца (1 экз. — из плитки и 1 экз. — из тонкой гальки). Имеют признаки

биполярного расщепления, т. е. биполярную забитость на противоположных концах. Маловероятно, чтобы их использовали в качестве нуклеусов, поскольку с них было возможно получение только мягких сланцевых сколов небольшого размера, которые в представленной на памятнике индустрии использовались для изготовления орудий на отщепках только в порядке исключения. Также маловероятно, чтобы они являлись заготовками макроорудий (стамесок или маленьких тёсел). Подобные следы могли появиться при использовании их в качестве клиньев для раскалывания относительно твёрдых материалов. Такими материалами могли быть кость или сланец — при использовании каменных клиньев сланцевые блоки с сильно выраженной сланцеватостью можно раскалывать на тонкие плитки.

Отщепы с ретушью. К данному типу отнесены сколы, имеющие участки с намеренно нанесённой ретушью, но не соответствующие ни одному из морфологически выраженных типов орудий. Выделены 29 экз.: 1 — из халцедона, 9 — из окремнённого сланца (среди них две гальки с ретушью на одном крае), 15 — из кремня, 3 — из лидита, 1 — из сланца.

Необходимо упомянуть также отщепы с ретушью утилизации — сколы без вторичной обработки, имеющие участки с мелкой или нерегулярной ретушью и заломами, а также заметной невооружённым глазом сточенностью кромок, т. е. следами, вероятнее всего, возникшими в ходе утилизации. Таких предметов в коллекции 77 экз., среди них 6 из окремнённого сланца, 65 из кремня, 4 из лидита, 2 из сланца.

Среди морфологически выраженных орудий всего 12 предметов изготовлены из пластин (или 22 вместе с пластинами с ретушью) и 56 — из отщепов (вместе с отщепами с ретушью и ретушью утилизации — 163), т. е. отщепы использовались в качестве скола-заготовки гораздо чаще, а пластины, главным образом, шли на изготовление вкладышевых орудий.

Средний размер орудий на отщепках составляет всего 2.7 см (минимум — 0.9 см и максимум — 7.8 см). Для орудий из кварца средний показатель равен 2.3 см, кремня — 2.4 см, лидита — 3.2 см, окремнённого сланца — 3.4 см, сланца — 4.5 см, халцедона — 2.5 см. Таким образом, если не учитывать предметы из кварца и халцедона, которые представлены единичными экземплярами (соответственно, 2 экз. и 1 экз.), то можно повторить сделанный ранее вывод о большей степени утилизации дорогого импортного кремня по сравнению с местными породами.

Макроорудия. Имеются всего четыре завершённых макроорудия. Одно из них представлено в виде фрагмента — отслоившейся верхней

шлифованной поверхности обломка средней части орудия, вид и форму целого предмета реконструировать невозможно. Имеются два тесла и одно киркообразное орудие. Фрагментированное орудие было самым крупным из серии. Остальные имеют примерно одинаковую, очень небольшую для макроорудий, длину — 5.6 см, 5.7 см и 6.4 см. Оба тесла в плане трапецевидной формы, сечение одного из них 6-ти угольное (рис. 4, 2), второго — асимметричное ромбическое, изначально определённое формой сечения заготовки-отщепы (рис. 4, 1). Этот экземпляр изготовлен только с помощью шлифовки у лезвия, остальная поверхность не обработана. На лезвии шлифовкой оформлен слабый продольный жёлоб, т.е. тесло можно считать желобчатым, хотя по небрежности обработки оно сильно отличается от остальных желобчатых форм, найденных на мезолитических памятниках Карелии (Филатова, 2004. Рис. 61). Первое, нежелобчатое, тесло зашлифовано по всей поверхности; лезвие сбито в результате работы этим орудием. Его можно отнести к типу III по классификации В. Ф. Филатовой (В. Ф. Филатова, устное сообщение). Данный тип изредка встречается на памятниках Карелии в течении всего мезолитического периода, становясь более многочисленным на поздних поселениях, включая Оленеостровскую стоянку, где он является господствующим (Филатова, 2004. С. 86).

Киркообразное орудие (рис. 4, 3) в плане имеет асимметрично-треугольные очертания, сужаясь к лезвию. Одна боковая грань относительно прямая, по центру второй проходит нечёткое ребро. Такая форма делает его сходным с крупными кирками, иногда встречающимися на мезолитических памятниках и особенно характерными для неолитической культуры сперрингс. Однако, в отличие от кирок, оно имеет очень небольшие размеры (в данном случае $5.6 \times 2.8 \times 1.6$ см) и лезвие его лежит в плоскости широких граней, как у тесла или топора. Обух сформирован в результате поперечного разлома заготовки. На прилегающей к нему части поверхности орудия имеется ряд негативов сколов, вероятнее всего, возникших уже в ходе использования инструмента, например, при ударе по обуху колотушкой. Лезвие сбито, т.е. на нём имеются негативы сколов, несомненно, возникших в ходе работы. На негативах сколов на лезвии имеется сильная, различимая невооружённым глазом, заполировка, проникающая в западания рельефа. По мнению В. Ф. Филатовой, кирки и киркообразные орудия в мезолите Карелии являлись вариантами клиньев для расщепления дерева. Окончательное становление типа кирок произошло уже в культуре сперрингс, в мезолите они более характерны для памятников его второй половины, т.е. с середины VI тыс.

до н. э. (Филатова, 2004. С. 86, 93). Такие формы имеются на Оленеостровской стоянке (Филатова, 2004. Рис. 67, 4).

Сланцевый нож. Среди материалов раскопа имеется один предмет, который можно считать сланцевым ножом, имеющим основные признаки ножей из Оленеостровского могильника (рис. 7, 4). Это предмет, изготовленный из тонкой сланцевой плитки и зашлифованный по всей поверхности, с заострёнными краями. В верхней его части сделано биконическое отверстие. Форма его близка к прямоугольной, но сужается по направлению к нижнему, т. е. противоположному отверстию, концу. Предмет представлен двумя обломками, нижний конец утрачен. Данный экземпляр очень узкий (размеры сохранившейся части — $8.2 \times 1.9 \times 0.4$ см), что не очень характерно для большинства оленеостровских ножей. Тем не менее, он находит аналогии среди ряда ножей из могильника (Гурина, 1956. Рис. 74, 1, 3, 4). Помимо могильника, сланцевые ножи были найдены всего на 5 карельских памятниках, имеющих мезолитические комплексы: Чёрная Губа II и IX, Палайгуба VI, Пески I и III (Филатова, 2004. С. 89).

Абразивы. На памятнике обнаружены три абразивных инструмента. Это шлифовальная плита, шлифовальный брусок и пила (очевидно, выполнявшая также функцию шлифовального бруска). Плита и брусок изготовлены из песчаника. Плита представляет собой разломанную массивную плитку песчаника без дополнительной обработки. В качестве рабочей поверхности использовалась только одна сторона. Размеры $24 \times 9.4 \times 3$ см. Брусок — трапециевидный в плане, прямоугольный в сечении, зашлифованный по всем граням, кроме торцов, местами видны следы оббивки, предшествовавшей шлифованию. Размеры $8.1 \times 3.8 \times 1.9$ см (рис. 7, 6). Пила изготовлена из кварцевой плитки (рис. 7, 7). Следы шлифовки имеются на обеих узких гранях изделия, и не исключено, что они обе использовались в качестве рабочих лезвий. Однако только от более узкого, закруглённого в сечении лезвия, шлифовка распространяется на обе широкие плоскости. Это, несомненно, свидетельствует о том, что данное лезвие погружалось глубоко в толщу обрабатываемого с помощью пиления предмета (до 2 см). Одна из широких граней полностью зашлифована и имеет вогнутый профиль, на второй — есть только следы шлифовки, возникшей в ходе пиления. Возможно, что полностью зашлифованная грань использовалась в качестве шлифовального бруска. Размеры — $16.6 \times 5.3 \times 1.3$ см.

Отбойники. Три предмета определены в качестве отбойников, использовавшихся для расщепления камня. Два изготовлены из сланца, и

один — из кварцита (рис. 7, 5). Представляют собой округлые, но слегка удлинённые гальки, на торцах которых (одном или обоих) заметны глубокие выщербины. На сланцевых отбойниках видны также негативы сколов, исходящие из участков с большой плотностью таких выщербин. Несомненно, что данные признаки возникли в ходе использования предметов в качестве отбойников.

Выводы. Технологический и типологический анализ каменного инвентаря позволяет утверждать, что одним из основных занятий обитателей стоянки было изготовление сланцевых рубящих инструментов. На площади стоянки происходил полный цикл производства таких инструментов из отдельностей сырья, находившихся непосредственно на территории и в окрестностях стоянки. Представленные выше факты позволяют считать, что данное производство не требовало участия высококлассных специалистов по расщеплению камня и было ориентировано на удовлетворение собственных нужд членов коллектива, т. е. на изготовление орудий не для обмена.

Наряду с этим, у нас нет оснований считать памятник узкоспециализированной стоянкой-мастерской по изготовлению сланцевых орудий. Весьма заметна доля отходов производства из других материалов, главным образом, кремня и лидита, имеется небольшая серия нуклеусов и нуклеидных кусков из кремня, лидита, окремнённого сланца и халцедона. По результатам технологического анализа можно утверждать, что непосредственно на стоянке происходила подготовка и срабатывание нуклеусов в процессе получения микропластин и узких пластин. Имеется значительная серия орудий с функциями скобления, резания, перфорирования, проникания (наконечники стрел).

Таким образом, на стоянке происходила разнообразная хозяйственная деятельность, не сводившаяся только к операциям по изготовлению рубящих орудий. Вероятно, стоянка являлась сезонной. Скорее всего, она посещалась в летнее время, поскольку только в течение бесснежного периода была возможна добыча из почвы сырья для сланцевых инструментов.

По основным показателям инвентарь стоянки Южный Олений Остров 2 сходен с материалами Оленеостровской стоянки (Гурина, 1956. С. 423–429; Панкрушев, 1978. С. 102–104). На обоих памятниках хорошо представлен технологический контекст изготовления сланцевых макроорудий. Технология в целом очень сходная: использовались различные приёмы краевой обивки, пиление, абразивная обработка, как правило, не покрывающая поверхность изделия целиком. Однако имеются и

некоторые отличия. Во-первых, в коллекции нового памятника полнее представлены заготовки, оставленные в самом начале обработки («пробные?»). Во-вторых, удельный вес изделий со следами пиления на новой стоянке намного меньше, чем на Оленеостровской, где следы пиления имеются у 34% макроорудий (включая заготовки и законченные изделия). Увеличение значения техники пиления среди формообразующих техник при изготовлении сланцевых макроформ характерно для финального мезолита в Карелии; одним из эталонных памятников данного периода, по мнению В. Ф. Филатовой, и является Оленеостровская стоянка. Возможно, столь небольшое количество изделий со следами пиления свидетельствует о несколько более раннем возрасте нашего памятника. Обращает также внимание крайне небольшое количество законченных изделий на новой стоянке, однако это может быть связано и с небольшой раскопанной площадью.

Наряду со значительным комплексом изделий, относящихся к производству сланцевых макроформ, на обеих стоянках имеется заметное количество орудий из других пород, не позволяющее считать их узкоспециализированными стоянками-мастерскими. Очень заметным отличием стоянки Южный Олений Остров 2 является значительная серия пластин и микропластин из кремня, иногда из других пород (151 экз.), в то время как на Оленеостровской стоянке их было выделено всего 37 экз. (Панкрушев, 1978. Приложение III). По данному показателю инвентарь новой стоянки сближается с каменным инвентарём Оленеостровского могильника, в котором также представлен комплекс ножевидных пластин и их сечений, использовавшихся в качестве вкладышей составных орудий (Гурина, 1956. С. 116–118). О существовании некоторых аналогий в инвентаре обоих памятников позволяют говорить и наконечники стрел на пластинах. Описанные выше особенности наконечников с новой стоянки характерны для наконечников из пластин, найденных на других мезолитических памятниках Карелии (Филатова, 2004. С. 96). Отметим, что большинство наконечников стрел на пластинах, найденных в Карелии, происходит с Оленеостровского могильника (100 экз.). На поселениях до сих пор был найден всего 61 наконечник (три из них, представленные обломками насадов — на Оленеостровской стоянке).

Знаменательной находкой является сланцевый нож, сходный с узкими подпрямоугольными, сужающимися к нижнему концу (противоположному биконическому отверстию) сланцевыми ножами, имеющимися в коллекции Оленеостровского могильника. На Оленеостровской стоянке подобные предметы не были обнаружены.

По мнению В. Ф. Филатовой (устное сообщение), небольшие размеры наконечников на пластинах, а также значительное количество скреб-

ков, имеющих больше одного (концевого) ретушированного лезвия свидетельствуют об относительно позднем возрасте памятника. Наличие киркообразного сланцевого орудия не позволяет датировать памятник временем раньше середины — второй половины VI тыс. до н. э. В то же время небольшое количество изделий со следами пиления, как указывалось выше, может свидетельствовать о более раннем возрасте по сравнению с Оленеостровской стоянкой. К сожалению, материал не позволяет предложить более точную датировку стоянки Южный Олений Остров 2.

Таким образом, технико-типологический анализ инвентаря позволяет заключить, что новая стоянка имеет аналогии с обоими мезолитическими памятниками, которые были известны на Оленьем острове ранее, и, несомненно, была оставлена населением, представлявшим ту же культурную традицию. Пока невозможно утверждать, существовала ли она одновременно с Оленеостровской стоянкой или могильником. Однако, на наш взгляд, хронологический разрыв, если он и имел место, не должен был быть значительным.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков П. В., Гирия Е. Ю. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск, 1990
- Геологический словарь. Изд. 2-е, исправленное, Т. 2. М. 1978
- Гирия Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- макро- анализа орудий труда. СПб., 1997
- Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. МИА. М.–Л., 1956. № 37
- Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999
- Тарасов А. Ю., Шахнович М. М., Мартынов А. Я. Стоянка Немецкий Кузов III в Белом море — мастерская по первичной обработке кварцевого сырья // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: Проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006
- Тарасов А. Ю., Шахнович М. М. Стоянка Кереть XIX в Северо-Западном Прибеломорье (результаты работ в 2005 году) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: Проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006
- Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1: Мезолит. Л., 1978
- Равдоникас В. И. Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера. Вступительная статья // Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. МИА. М.–Л., 1956. № 37
- Филатова В. Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004

New Studies on Yuzhny Oleny Island on Onega Lake

A. Tarasov, A. Murashkin, K. German¹

This paper summarizes the results of the 2005–2006 field investigation at the Yuzhny Oleny Ostrov 2 site (Onega Lake). The site is located on the West shore of the island at 9 to 9.5 m above the water level of the lake, in close proximity to the abandoned carrier and the famous Oleneostrovsky cemetery. In total, 34 m² have been excavated on the site. The cultural layer emerged immediately under the turf and was no thicker than 0.20 to 0.25 m.

The assemblage of findings consists of 2414 items (2362 stone objects and 52 fragments of calcinated bones). The technological and typological analysis of implements, cores and waste-products allows reconstructing the principal types of activities that had been taking place at the site. Production of slate wood-chopping implements was one of such activities. All stages of the production sequence are well represented in the assemblage, beginning with initial testing of nodules of raw material picked up just at the territory of the site and ending with final grounding of axes and adzes. However, the site cannot be considered a narrow specialized workshop for producing slate tools. The amount of cores and waste-products from materials other than slate, including flint, lidit, silicified slate, and chalcedony, is considerable. It is possible to conclude that preparation of cores for microblades and narrow blades, as well as detaching the blades themselves from the cores was taking place directly on the site. Substantial amount of scraping, cutting and perforating tools, together with some projectiles demonstrates that various productive activities had been taking place there.

The analysis allows to conclude that the assemblage from the new site carries analogies with both Mesolithic site (Oleneostrovsky cemetery and site) investigated on the island earlier, and that it was left by inhabitants belonging to the same cultural tradition. According to the elevation of the site and to the properties of the assemblage, it should be dated to the Middle or Late Mesolithic.

¹ Karelian Scientific Centre, Rus. Akad. of Sci., Petrozavodsk.
Saint-Petersburg State University, St-Petersburg.
State historical-architectural and ethnographical museum- reserve «Kizhi».

Palaeogeography and Palynology of Orov Navolok, NE Lake Onega

Matti Saarnisto¹ and Irmeli Vuorela²

Introduction. The purpose of the present article is to work out the Holocene emergence history of Orov Navolok from the Onega basin waters on the basis of information received from the bottom sediments of the Kasjanovskie lakes and from the stratigraphy of Kasjanovskie Mire. Pollen analysis was employed for regional vegetation historical studies and for interpreting anthropogenic indicators. These studies serve as palaeoecological background for archaeological investigations in Orov Navolok which are reported in this volume. Pollen-analytical work related to prehistoric land use has been virtually lacking from the Onega area, although the history of forests in Late Weichselian and Holocene times, based on pollen analysis, is well known (e. g. Elina, 1985. P. 1–36; Elina et al., 1994. P. 53–69; Elina & Filimonova, 1996. P. 353–366). Devjatova (Devjatova, 1986) has extensively analysed soil profiles from prehistoric dwelling sites within the Onega basin, including Orov Navolok, but owing to the nature of minerogenic soil profiles no continuous records are available. The pollen diagrams from lagoonal sediments near the village of Pegrema, which is rich in prehistoric finds and is situated c. 50 km SW of Orov Navolok record anthropogenic influence since Mesolithic times (Vuorela et al., 2001. P. 121–138.) and serve as a basis for comparison.

Geographic setting. Orov Navolok on the northeastern shore of Povenets Bay on Lake Onega (fig. 1), belongs to the prominent Neva stage end moraine system that deposited in front of the Scandinavian Ice Sheet c. 12 000 BP (conventional dating, cf. Ekman and Iljin, 1991. P. 73–99) or approximately 13 300 calendar years ago (Saarnisto and Saarinen, 2001. P. 387–405). The peninsula was deposited into the Onega Ice Lake and began to emerge when the ice lake drained towards the north into the White Sea. Approximately 10 000 radiocarbon years ago (11 500 cal BP) the Onega shoreline at Orov Navolok was at the 70 m level a. s. l. according to the reconstruction made by Saarnisto (Saarnisto et al., 1995. P. 11–120) and the highest points of the peninsula proper formed small islands (fig. 2).

¹ Matti Saarnisto. Finnish Academy of Science and Letters, Mariankatu 5. FIN-00100 Helsinki, Finland (corresponding author).

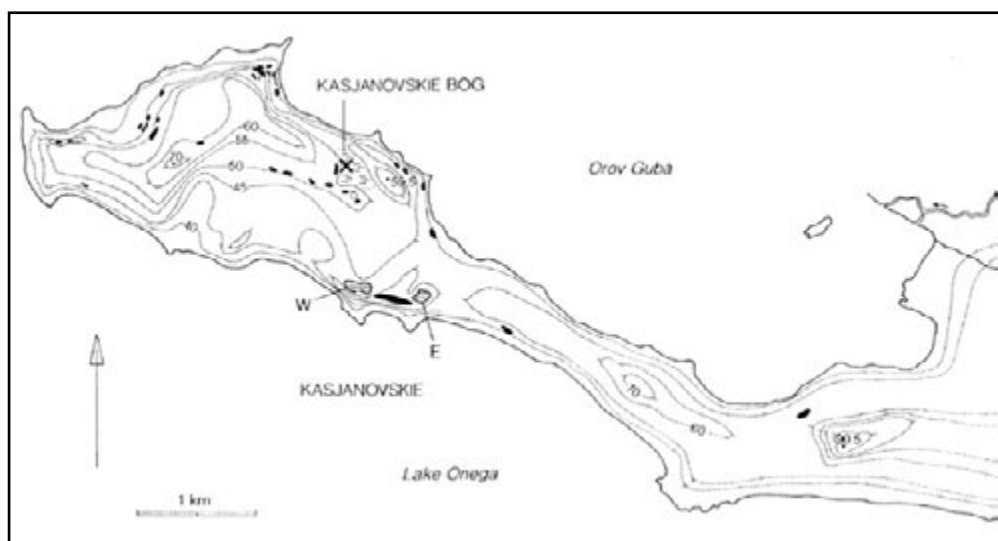
² Irmeli Vuorela. Kalkkivuorentie 34, FIN-00760 Helsinki, Finland.

Fig. 1. The Lake Onega area showing the localities of Orov Navolok, Pegrema and Besov Nos (right)

● – towns
 X – monuments

Fig. 2. The topography of Orov Navolok showing the localities of Kasjanovskie W and E and Kasjanovskie Mire with the coring locality. Black spots show the areas of the investigated prehistoric dwelling sites (this volume) (down)

The material of Orov Navolok is mostly glaciofluvial sand and gravel, and in the depressions fine sand, silt and clay originate from the ice lake period. Distinct shore bars of well-sorted sand and gravel demonstrate the gradual relative decline of the water level of Lake Onega due to differential land uplift. Land uplift at Orov Navolok was more rapid than at the drainage threshold of Lake Onega at Vosnesenye in the southwestern corner of the lake and this resulted in a falling water level in the north. The regression of Lake Onega is also seen in the bottom sediments of two small lakes known as Kasjanovskie W and E, and in the limnic bottom sediments of a mire named Kasjanovskie Mire. These three basins were originally kettle holes in the Neva formation and as the land emerged, the basins became isolated from the main Onega basin and the small lakes formed. The sorted sand and gravel material of Orov Navolok is similar to esker material and in that sense Orov Navolok was a favourable area for Stone Age settlements which preferred sandy soils, as for example those in Pegrema, Besov Nos and Medvezegorsk within the Onega basin (c. f. Pankrusev, 1978; Devjatova, 1986). As Orov Navolok emerged, a series of shore cliffs, bars and terraces were eroded and accumulated as a result of wave action. The terraces were favourable localities for Stone Ages settlers and, as a rule, the younger the dwelling the closer it should be situated to present lake level.

Methods. The Kasjanovskie lakes were cored through the ice by the author Saarnisto in April 1995 and the Kasjanovskie Mire in October 1995. The lake sediments were sampled using a piston corer of 2.2. m tube length with a diameter of 55 mm. The sediments were kept in PVC tubes and cut lengthwise in the laboratory for description and sub-sampling. Duplicate cores were taken from the lower sediment sequence across the inorganic-organic sediment contact indicating the isolation of the small lake basins from the high-energy littoral environment of Lake Onega. The Kasjanovskie Mire was sampled with a Russian peat sampler with a 0.5 m chamber length and a diameter of 50 mm and a piston corer of 90 cm tube length 50 mm in diameter. The uppermost 0.5 m peat sequence was cut with a knife. The cores were extruded in the field and wrapped in plastic foil.

The pollen analyses were performed in Petrozavodsk by Ms. Nadja Lavrova and Ms. A. Kolkanen in collaboration with the author Vuorela. The pollen slides were prepared using normal procedures: KOH, acetolysis and, for clay gyttja, HF methods (Faegri & Iversen, 1989).

For lakes Kasjanovskie W and Kasjanovskie E, two overlapping pollen diagrams have been drawn separately (not shown here). In the lower parts, mainly pollen data of the Lake Onega stage and the changes met in connection

with isolation are reflected. In the upper halves the main attention was paid to ecological changes and in particular to anthropogenic features in the pollen data. The order of pollen taxa follows that of the appearance of the pollen types in each diagram.

The total pollen sum varies, being mostly 500 AP, except in connection with the isolation phases of the lakes and the upper part of the diagrams where it exceeds 1 000 AP.

The radiocarbon analyses listed in Table 2 were made in the Radiocarbon Laboratory of the Geological Survey of Finland. In the gyttja samples, the humus fraction was dated if an adequate amount of material was available; otherwise bulk samples were used. Conventional radiocarbon chronology is used in the following description, but Table 2 also includes calibrated dates.

Stratigraphy. The stratigraphy of the investigated profiles is as follows (Table 1):

Table 1. The stratigraphy of the Kasjanovskie sites

Site	Depth (cm)	Material
<i>Lake Kasjanovskie W</i>	340-520	gyttja
	520-565	clay gyttja
	565-690	gyttja clay
<i>Lake Kasjanovskie E</i>	350-620	gyttja
	620-625	clay gyttja
	625-690	gyttja clay
<i>Kasjanovskie Mire</i>	0-140	<i>Sphagnum</i> peat
	140-368	<i>Carex</i> peat
	368-372	wood fragments
	372-455	<i>Carex</i> peat
	455-490	gyttja
	490-500	sand gyttja

¹⁴C dates The ¹⁴C dates obtained are as follows (Table 2). For the age/depth curve, see fig. 5.

Table 2. ¹⁴C dates obtained from the Kasjanovskie sites

Site	Lab. no.	Depth (cm)	Age BP	cal BP (1δ)	Explanation
<i>Kasjanovskie W</i>	Su-2589	517-522	4580±70	5350-5090	isolation from L. Onega
<i>Kasjanovskie E</i>	Su-2825	400-410	1410±70	1380-1270	Cerealiao
	Su-2826	435-445	2310±40	2350-2270	human impact
	Su-2590	618-623	7530±70	8370-8220	isolation from L. Onega
<i>Kasjanovskie mire</i>	Su-2820	135-140	2100±50	2120-1990	start of <i>Sph</i> peat
	Su-2773	442-448	6990±50	7830-7710	start of <i>Carex</i> peat
	Su-2774	480-486	7440±70	8300-8140	isolation from L. Onega

Site description. All the studied basins were originally kettle holes, i.e. dead-ice hollows in which the bottoms are covered with silt and clay suggesting that the lakes were formed in connection with the emergence of their basins from the Onega basin waters. All the basins lack a visible drainage channel.

Eastern Lake Kasjanovskie which measures 100 × 150 m is situated 200 m from the shoreline of Lake Onega and its levelled altitude is 40.9 m a.s.l., that of Lake Onega being 33 m. The lake is surrounded by a narrow stripe of peat bog and on its western side there is a small overgrown meadow with some piles of rocks indicating clearance. The lake basin is separated from Lake Onega by a 4.5 m high stony gravel ridge which has been the isolation threshold of Western Lake Kasjanovskie. When this ridge emerged from the Onega basin, the waters of Lake Kasjanovskie W became separated, and sedimentary conditions in the bottom of the basin changed resulting in accumulation of highly organic gyttja typical of small lakes. The level of the ridge at 45.4 m was used as an isolation level of WLK when the shoreline displacement curve was constructed (fig. 3).

The sediment cores were taken from the middle of the lake where the water depth was 3.4 m. Gyttja clay in the bottom (Table 1) changes to clay gyttja between 620–625 cm and the sediment above 620 cm is homogeneous coarse detritus gyttja/dy up to the sediment surface. The isolation contact was at 623 cm

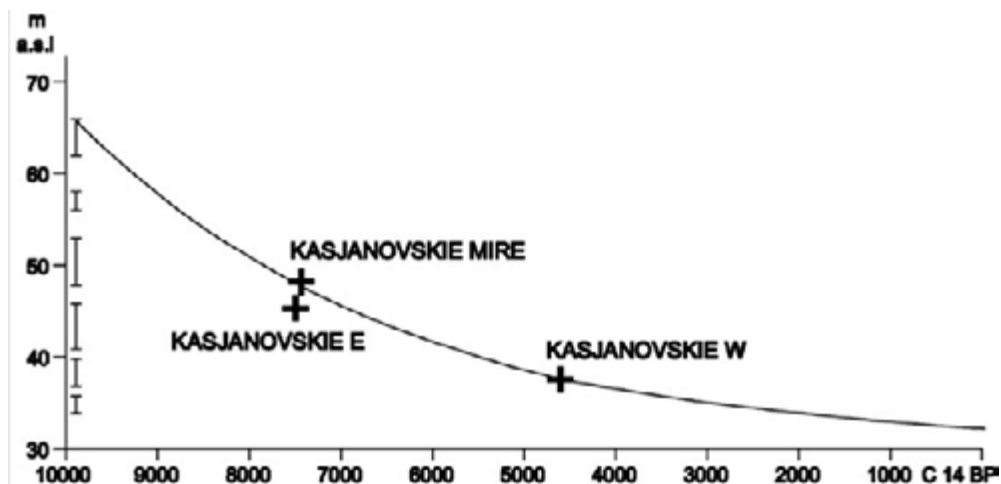

Fig. 3. Shoreline displacement curve for Orov Navolok based on new emergence data from Western and Eastern Kasjanovskie lakes and Kasjanovskie Mire. The starting point of the diagram at 70 m a.s.l. 10 000 radiocarbon years BP is based on a shoreline displacement curve by Saarnisto et al (1995). The vertical bars on the left show the elevations of distinct shorelines and terraces according to Devjatova (1996)

in clay gyttja. It appears that the sedimentation in connection with the isolation was continuous although the changes in the sediment took place within a short interval.

Western Lake Kasjanovskie which measures 50×200 m is situated 150 m from the shore of Lake Onega at an elevation of 37.1 m a.s.l., according to a topographic map. Its isolation threshold is on the western side of the lake at 38 m a.s.l., which is used in the shoreline diagram in fig. 3. The lake is surrounded by a narrow bog and gently sloping terrain. No signs of former human occupation were observed. The sediment cores were taken 80 m from the western end of the lake where the water depth was 3.4 m. A layer of clay gyttja between 520 and 565 cm with upward increasing organic content rests on gyttja clay. The isolation contact was determined at a depth of 522 cm. The sediment above 520 cm is loose homogeneous coarse detritus gyttja/dy with moss fragments. The sediment sequence indicates continuous sedimentation because the changes in the lithography are gradual.

The Kasjanovskie lakes are situated 0.5 km apart and rich Stone Age finds have been made on the elevated ridge between them and close to the Lake Onega shore (fig. 2).

Kasjanovskie Mire is situated in the northern part of Orov Navolok about 100 m from the shore of Orov Guba at an elevation of 48.3 m a.s.l. The sediment cores were taken from the western part of the bog as close as possible to the known Mesolithic dwelling sites, i.e. from a locality where peat was underlain by limnic sediments which should represent the pre-isolation time when the mire area was a part of Lake Onega as well as the lake phase before the paludification of the basin. In a pollen diagram from such a site possible indications of nearby Mesolithic occupation should be seen. The nearest locality where these prerequisites were fulfilled was 35 m from the mire edge and 60 m from the prehistoric dwellings. There the silty gyttja at the bottom (Table 1) was covered by homogeneous fine detritus gyttja at 480–490 cm covered by coarse detritus gyttja between 455–480 cm, and the isolation horizon was determined at 480–486 cm. The coring point was paludified and sedge-dominated peat was accumulated from a depth of 455 cm up to 140 cm where formation of Sphagnum-dominated peat commenced. A layer of wood fragments was encountered at 368–372 cm.

The evergence of Orov Navolok. The emergence of Orov Navolok from the Onega basin waters is shown by a series of shore bars everywhere in the peninsula. The course and timing of the shoreline displacement is based on the dating of the isolation of the Kasjanovskie lakes and mire, which are situated at different elevations above Lake Onega. The isolation threshold elevations

and their dates are marked on the diagram in fig. 3 and a best-fit shoreline displacement curve was drawn. The starting point for the curve 10 000 radiocarbon years ago at somewhat less than 70 m a. s. l. is based on the shoreline diagram construction made by Saarnisto et al. (Saarnisto et al., 1995. P. 11–120) for Lake Onega 10 000 BP. Vertical bars in the diagram indicate the elevation of the most prominent shore bars and terraces in Orov Navolok according to Devjatova (Devjatova, 1986). The shoreline displacement curve was drawn as a smooth curve with slowly declining gradient. Despite a small number of fixed points in the curve it can be considered highly reliable. The curve was drawn above the threshold elevation of Eastern Lake Kasjanovskie because determination of the threshold elevation of Kasjanovskie Mire was more precise. It is quite possible that the gravel ridge which forms the threshold of Eastern Lake Kasjanovskie has been eroded c. 2 m on the open Lake Onega coast. Smooth rather than fluctuating shoreline displacement is further supported by the homogeneity of the post isolation small lake organic sediments in the Kasjanovskie lakes mire. No mineral layers which would indicate the flooding of Lake Onega are present in the small-lake gyttja sequence.

The Holocene emergence of Orov Navolok as well as many other prehistoric dwelling localities such as Pegrema and Besov Nos have been studied and described by Devjatova (1986). The water level dropped above 60 m a. s. l.

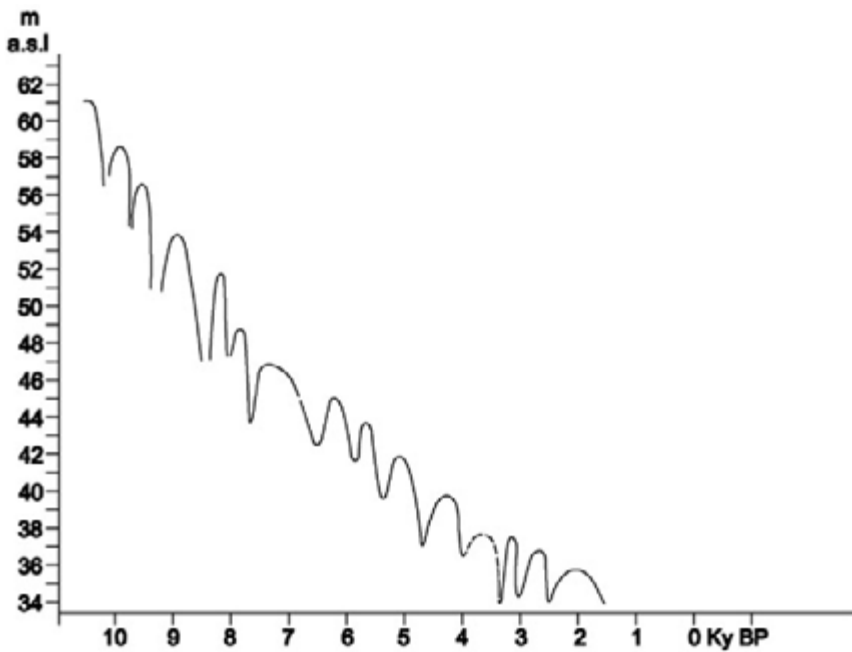

Fig. 4. Holocene shoreline displacement curve for northern Lake Onega. Redrawn from Devjatova (1986). For comments, see the text

to its present level at 33 m. a. s. l. at a slowly decreasing rate. The shoreline displacement curve by Devjatova is redrawn in Figure 4. It shows fluctuating water level with transgressions and regressions of a magnitude of up to 5 metres. These fluctuations are based on the lithostratigraphy of emerged shore cliffs and terraces, i. e. on the interpretation of sedimentary structures and variations in grain size, and explained by changes in humidity/climate and (obviously) tectonically controlled isostatic uplift. Later, Zhuravlev (Zhuravlev, 1991), on the basis of dated archaeological material, presented a new shoreline curve for Pegrema with rapid fluctuations, regressions and transgressions, up to 10 metres, and related them with postulated earthquakes in the northern Onega area 7 500, 4 500 and 2 800 BP. These fluctuations should be challenged on the basis of the new data (Vuorela et al., 2001. P. 121–138.). It seems that in some cases the dated material from cultural layers was not in situ.

The Pegrema sediment cores from the northwest Onega area show regularly increasing loss-on-ignition values towards the top without visible grain size variations in the Holocene part of the sequences. This has been interpreted by Vuorela (Vuorela et al., 2001. P. 121–138.) as indicating a shallowing lagoon which slowly became separated from Lake Onega as a result of regularly falling water level, a conclusion which is also supported by the Orov Navolok data.

There is one remarkable shoreline in Orov Navolok at 50 m a. s. l. representing an age of c. 7 500 years, which should indicate a longer standstill or even a transgression, but the cause of such a break in the general regressive trend in shoreline displacement is beyond the scope of the present paper. (No Holocene disturbances attributable to earthquakes were recognized in an extensive lake sediment coring programme in the Zaonetskoye Peninsula west of Orov Navolok [Saarnisto et al. unpublished, Vuorela et al., 2001. P. 121–138.].) Shoreline displacement at Orov Navolok was controlled by the outlet threshold of Lake Onega at Vosnesenjye in the south-western corner of the lake. The threshold had already been eroded to the bedrock in late glacial times, and because the Pegrema area is uplifting more rapidly than Vosnesenjye, the water level falls. The current natural water level fluctuation in the Onega basin has been within \pm one metre over the past hundred years during which instrumental records have been available (Shvets P.D., 1977. P. 25–53), which gives a reasonable magnitude also to the natural, climate-controlled fluctuations of the past. It should, however, be pointed out that the general trend and the dated shoreline elevations in Devjatova's shoreline curve fit the present interpretation based on new stratigraphical data from Orov Navolok (c. f. also Pankrusev 1978).

Pollen diagrams

Lake Kasjanovskie W

The pollen diagrams of Kasjanovskie W (not shown here) represent vegetational development over approximately 5000 years. The isolation from Lake Onega which took place 4580 ± 70 BP corresponds to the 520 cm level.

Trees and shrubs. Pinus pollen dominates throughout the tree pollen diagrams decreasing, however, after the isolation. In the Lake Onega sediments, relative Pinus frequencies fluctuate between 60% and 75% P while the mean value, after the isolation, is 50% P. At the 465–440 cm level, Pinus frequencies decrease notably. A continuous decrease in Picea pollen frequencies from approximately 15% P to approximately 5% P starts at the 465 cm level. Betula is represented by 15% P in the Lake Onega sediments and by increasing values (from 20 to 45% P) from the isolation level upwards. Alnus pollen frequencies remain below 10% P with the exception of the 465–440 cm level where they slightly increase. The 465 cm level, corresponding to approximately 3200 BP, reflects strong changes in the tree pollen composition, followed by a decrease in ignition loss and the start of an increase in settlement indicators and dwarf shrubs. At the same level, Corylus starts to increase while Quercus, Ulmus and Tilia still keep their former values.

Another remarkable change in the tree pollen frequencies takes place at the 370 cm level where Betula and Alnus pollen increases and that of conifers, especially Pinus, and of broadleaved deciduous trees decreases. The phenomenon is preceded by high shrub pollen frequencies, especially of Salix and Caprifoliaceae type. According to the age/depth curve (fig. 5) the ^{14}C age of the 370 cm level is approximately 800 BP. In the Lake Onega sediments Salix pollen were represented in low (0.1–0.2 % P) frequencies only.

In the uppermost 10 cm tree pollen data show a decrease in Betula and an increase in Pinus with decreasing pollen frequencies of broadleaved deciduous trees (*Quercetum mixtum*).

Dwarf shrubs. Low (0.1% P) pollen frequencies of Ericales and Calluna vulgaris are sporadically present in the Lake Onega sediments. A remarkable increase was recorded at the 460 cm level.

Herbs. The herb pollen taxa of Kasjanovskie W (Figs. 8, 9) remain stable throughout the diagrams. Poaceae pollen frequencies which stay below 1% P increase slightly at the 385 cm level, those of Cyperaceae decreasing from the 400 cm level onwards. Mineral soil herbs are represented by Apiaceae, Thalictrum, Rubiaceae, Filipendula, Primulaceae, Fabaceae, Polemoniaceae, Liliaceae, Scrophulariaceae and Saxifragaceae. The maximum phases of Ranunculaceae coll. and Rosaceae at the 465–435 cm level coincide with the

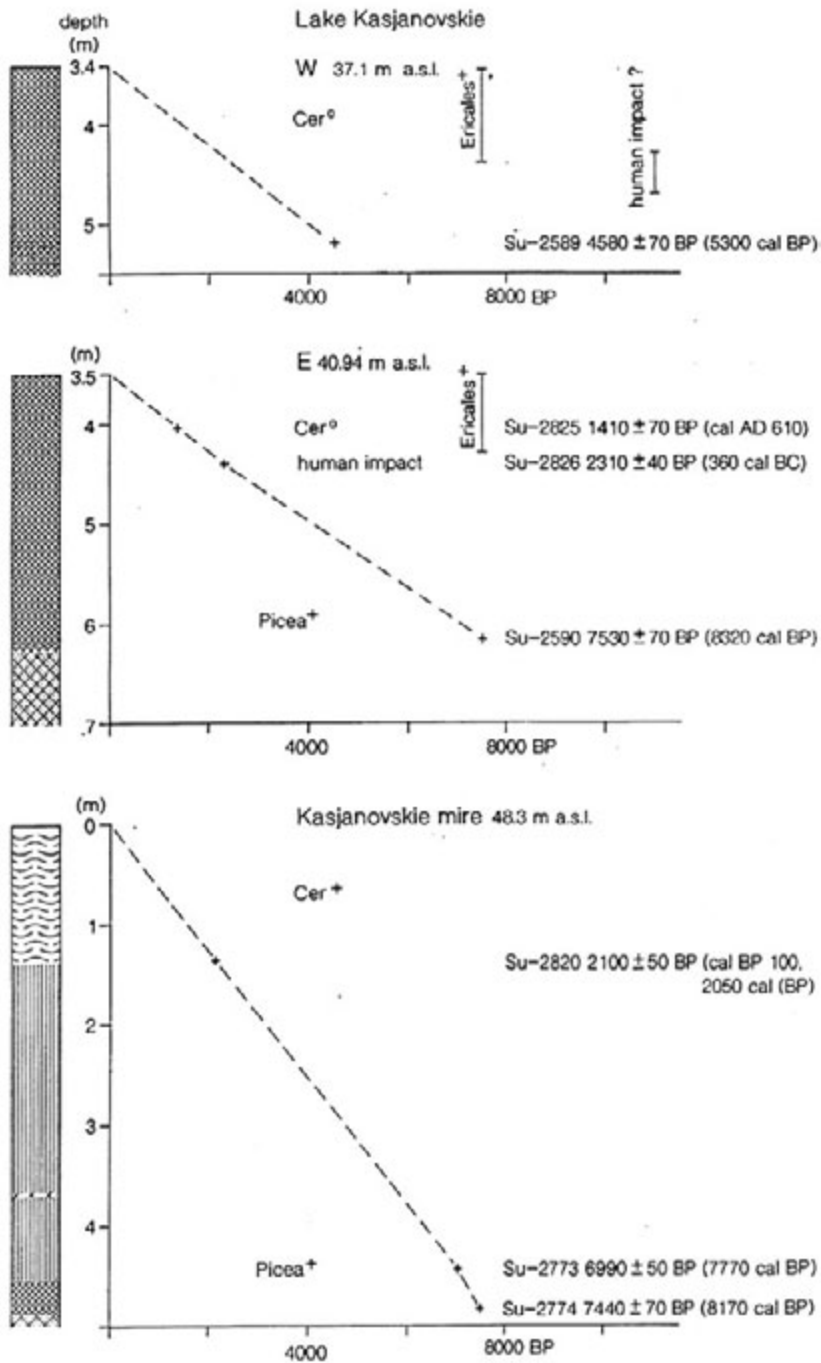

Fig. 5. The age/depth curves for Lake Kasjanovskie W, Lake Kasjanovskie E and Kasjanovskie Mire. The 14C-dates and the main evidence of human impact are marked

disturbances in the tree pollen flora this level corresponding, according to the age/depth curve (fig. 5), to approximately 3 200–2 300 BP.

Among settlement indicators, pollen of *Artemisia*, *Humulus*, *Chenopodiaceae*, *Rumex*, *Asteraceae*, *Polygonaceae*, *Brassicaceae*, *Cichoriaceae* and *Cerealia*-type *Poaceae* occurs in the Lake Onega sediments (540–520 cm) representing natural shore vegetation. After the isolation, these pollen taxa are complemented by *Plantaginaceae*, *Lamiaceae* and *Epilobium*. A maximum phase of *Artemisia* was found at the 465 cm level, while a more continuous increase in settlement indicators was recorded later, at the 450 cm level, corresponding to approximately 2 700 BP.

Cryptogams. Low (<1% P+n) spore frequencies of *Bryales*, *Polypodium*, *Sphagnum*, *Equisetum* and *Lycopodium*, together with sporadic occurrences of *Dryopteris*, *Pteridium* and *Huperzia*, occur throughout the Lake Onega sediments. After the isolation of Lake Kasjanovskie W, considerable increase in the spore frequencies was recorded for *Bryales* at the 480 cm level, for *Sphagnum*, *Lycopodiaceae* and *Equisetum* at the 470 cm level, and for *Poly-podiaceae* at the 385 cm level, where *Bryales* frequencies decrease.

Aquatics. The aquatics present in the sediments of Lake Onega (Figs. 8, 9) are *Ophioglossaceae*, *Isoëtes*, *Typha*, *Myriophyllum* and *Pediastrum*. Closer to the isolation level, in the clay gyttja, the pollen taxa increase with pollen of *Nuphar* and *Hydrocharitaceae*, and after the isolation, from the 520 cm level onwards by *Alisma*, *Potamogetonaceae*, *Nymphaea*, *Menyanthes trifoliata*, *Lemnaceae* and *Utricularia*.

Lake Kasjanovskie E

The pollen data of Kasjanovskie E (not shown here) covers more than 8 000 years, with the bottommost part (690–625 cm) representing the sediments of Lake Onega before the isolation of Lake Kasjanovskie E 7 530±70 BP.

Trees and shrubs. Before the isolation, tree pollen data were strongly dominated by *Pinus*, this phenomenon being exaggerated towards the isolation as a result of the accumulation of floating *Pinus* pollen into the lagoonal stage of Kasjanovskie E. The relative frequencies of *Betula* stayed below 20% and those of *Alnus* below 5% AP. Low frequencies of *Picea* were recorded, the maximum being 7% AP. The even occurrences of *Picea* pollen indicate *Picea* stands relatively close to the site, even though these forests hardly existed. The long-transport effect of this pollen type in the Lake Onega region is comparable with that of *Pinus* pollen. Among broadleaved deciduous trees, only *Ulmus* is represented by pollen exceeding 0.5% AP, *Corylus* reaching 0.5% AP, *Quercus* and *Tilia* 0.1–0.2% AP, and *Carpinus* and *Acer* being represented by sporadic pollen grains only.

The shrub pollen taxa increase towards the isolation phase, *Salix* and *Viburnum* being more evenly represented than *Juniperus* and *Grossulariaceae* pollen grains of which occur closer to the isolation level.

After the isolation, the tree pollen data around Lake Kasjanovskie E represent more local conditions, the forest being dominated by *Betula*. The pollen frequencies of *Alnus* are also higher than in the preceding gyttja clay and clay gyttja. Even though the pollen frequencies of *Picea* begin to increase at the 600 cm level, shortly after the isolation, a more remarkable increase can be seen in both diagrams on the 530 cm level. The former rise, i. e. the introduction of *Picea* forests, corresponds approximately to 6800 BP and the latter approximately to 4800 BP. The increase in broadleaved deciduous trees is culminated at the 470 cm level, most probably indicating the final dominance of *Picea* on soils rich in nutrients. According to the age/depth curve this took place around 3200 BP, thus also reflecting climatic deterioration and the *Ulmus* decline phenomenon.

The decline of *Picea* starts at the 430 cm level corresponding to 2000 BP. Shortly before this level changes in the herb pollen data take place. The probable relation to human impact will be discussed later. *Picea* is mainly compensated by *Betula* and *Alnus* while the relative frequencies of *Pinus* remain approximately 50% AP. The frequencies of *Corylus*, *Quercus*, *Ulmus* and *Tilia* continue all the way to the surface samples, but they do not exceed 0.5% AP.

Dwarf shrubs. The pollen frequencies of *Ericales* and *Calluna vulgaris* remain low (0.1% P) as far as the 540 cm level where they slightly rise. A more remarkable rise was recorded at the 430 cm level.

Herbs. The total herb pollen flora (Figs. 12 and 13) remain relatively low the maxima being in the sediments deposited before the isolation and those of the uppermost 100 cm. Even in connection with these maxima herb pollen does not exceed 5% P.

In the sediments of Lake Onega, *Poaceae* pollen predominate in the mineral soil herbs, the maximum phase (2% P) being at the isolation level (625–635 cm). *Poaceae* is accompanied by low frequencies of *Cyperaceae*, *Ranunculaceae*, *Thalictrum*, *Primulaceae*, *Rosaceae*, *Apiaceae*, *Fabaceae*, *Euphorbiaceae*, *Filipendula*, *Geraniaceae*, *Hypericaceae*, *Scrophulariaceae*, *Ephedra*, *Liliaceae*, *Ranunculus*, *Rubiaceae* and *Boraginaceae*. After the isolation of Lake Kasjanovskie E, only *Saxifragaceae*, *Polemoniaceae*, *Droseraceae* and *Cornus* appear as new pollen types. *Poaceae* pollen frequencies increase from the 450 cm level upwards hardly, however, exceeding 1% P. The pollen types called settlement indicators are typical of shore areas. This is also reflected in the pollen flora of Lake Kasjanovskie E, where no change in the pollen com-

position can be seen in connection with the isolation. Pollen of Cannabaceae, Artemisia, Rumex, Cichoriaceae, Lamiaceae, Polygonaceae, Chenopodiaceae, Brassicaceae, Caryophyllaceae, Solanaceae and Asteraceae occurs evenly throughout the diagrams. After the isolation, these basic pollen types are soon accompanied by Plantaginaceae, Epilobium and, later, by Asteraceae, Urtica and Polygonaceae. The early Cerealia type pollen grains found in the sediments of Lake Onega, and those found in the early stage of Lake Kasjanovski E are most probably pollen of wild grasses. That found at the 400 cm level and dated to 1410 ± 70 BP, together with those occurring in the uppermost 0.5 m of gyttja, could be cereal pollen. This interpretation is confirmed by the anthropogenic reactions of Picea, Poaceae and Artemisia in the first place, and supported by the increase in pollen taxa of settlement indicators at the corresponding levels.

Cryptogams. Spores of Bryales, Polypodium, Sphagnum, Lycopodium and Equisetum occur throughout the diagram, showing only weak fluctuation. The most prominent change in the spore frequencies occurs in Bryales in connection with the isolation. Most frequently this moss type is represented at the 540–615 cm, 480–440 cm and 430–410 cm levels, in connection with the declines of Picea pollen. This coincidence most probably confirms the presence of local Picea pollen from the 600 cm level onwards. The spore frequencies of Pteridium aquilinum are higher in the period preceding Picea forests, and in the early Picea forests rather than later. Spores of Pteridium were, however, also found on the 400 cm and 360 cm levels, in connection with Cerealia. A spore of Huperzia was recorded at the 360 cm level.

Aquatics. Altogether 11 aquatic pollen types were found: Myriophyllum, Potamogetonaceae, Typha latifolia, Typha angustifolia, Sparganium, Isoëtaceae, Nuphar, Nymphaea, Menyanthes, Hydrocharitaceae and Lentibulariaceae. The highest pollen frequencies concentrate in the early phases of Lake Kasjanovskie E, at the 610–450 cm level, dated approximately to 7400–2400 BP. The decrease in these pollen taxa coincides with evidence of early human impact and with the increase in algae of Pteridium type, partly also with the occurrences of spores of Bryales.

Kasjanovskie Mire

Trees and shrubs. Pinus predominates throughout the diagram (fig. 6), except shortly after the isolation when the local Betula maximum takes place in connection with high herb pollen frequencies. Another Betula peak was found at the 310 cm level together with other evidence of ecological changes. Alnus pollen frequencies fluctuate below 10% P, the maxima being in the Carex peat and close to the peat surface, at the 60–40 cm level.

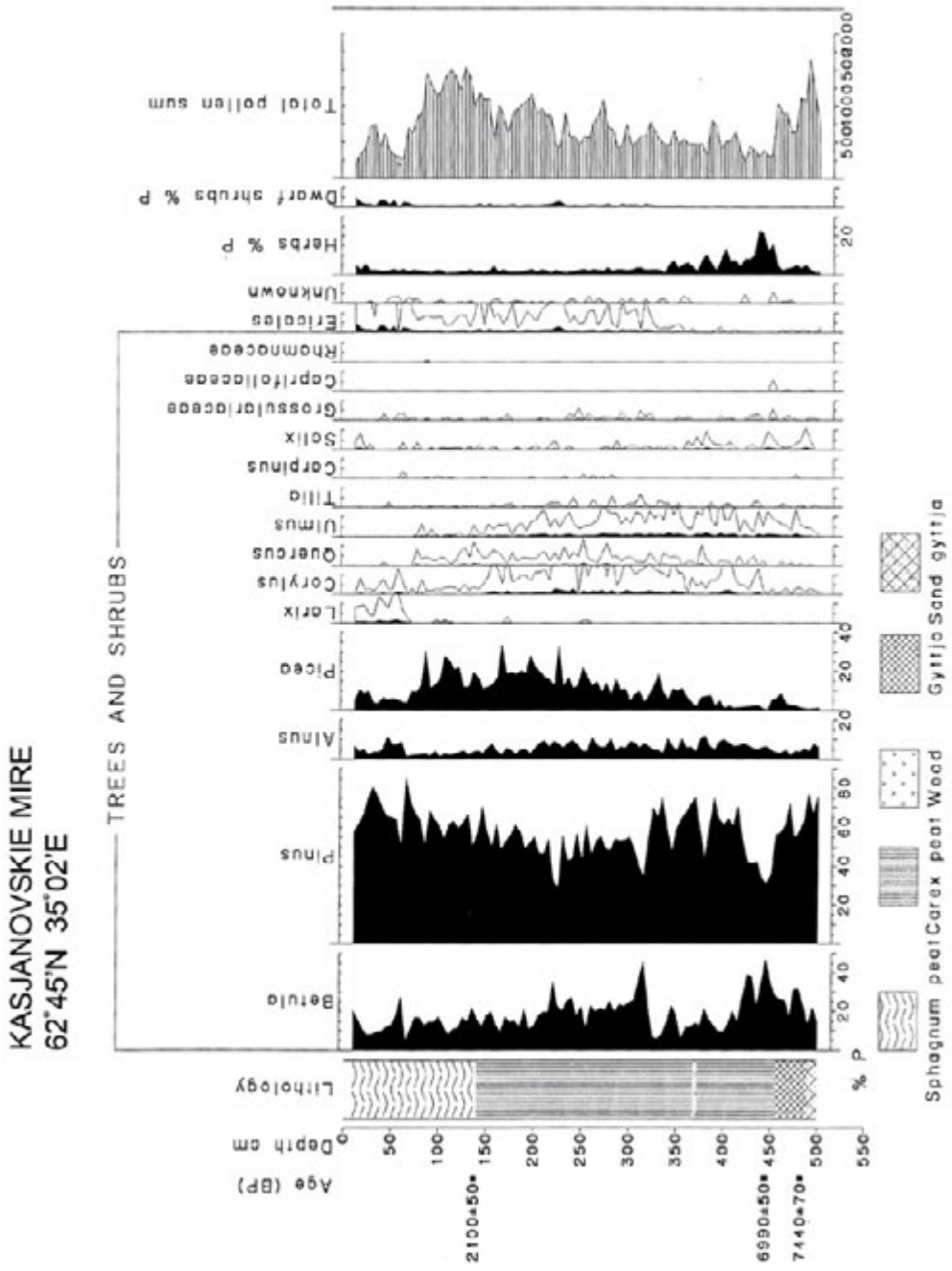

Fig. 6. Relative pollen frequencies of trees, shrubs and dwarf shrubs in Kasjanovskie Mire

The *Picea* curve shows two rising horizons, one in connection with the start of the *Carex* peat, the other at the 385 cm level. The ^{14}C age of the former level, the most probable rise of *Picea*, is $6\,990 \pm 50$ BP, and that of the latter one, according to the age/depth curve, approximately 5 800 BP. The delay of *Picea* forest and the low pollen frequencies dated approximately to 7 000–5 800 BP could, probably, be connected with local human activity. Since the most reliable indicators of Mesolithic dwelling sites, charcoal and ash residue, were not determined, the interpretation has to be based solely on pollen records, which at this period provide very little information on human activity (cf. Vuorela, 1995. P. 139–143). This was also the case in connection with the reflection of the Stone Age settlement on the pollen data at Pegrema (Vuorela et al., 2001. P. 121–138), not more than 50 km west of Kasjanovskie Mire. From the 385 cm level upwards, the *Picea* pollen frequencies increase to the 190 cm level, where the decrease starts approximately 2 800 BP. After a second increase, the last culmination points are at the 100 cm and 85 cm levels, approximately 1 400 BP and 1 200 BP, in connection with ecological changes, most probably of anthropogenic origin.

Among broadleaved deciduous trees *Corylus*, *Quercus* and *Ulmus* dominate having, together with *Tilia*, their maxima mainly at the 425–140 cm level, i. e. 6 500–2 000 BP. The final decrease takes place in connection with that of *Picea* at the 85 cm level.

The low but clear pollen occurrence of *Larix* in the uppermost part of the diagram dates the introduction of this tree species to c. 1 000 BP. The present-day western border of *Larix* runs at Pudosh, south of Lake Ladoga.

Among shrubs *Salix* and *Grossulariaceae* pollen is present throughout the diagram, though not exceeding 1% P. *Caprifoliaceae* and *Rhamnaceae* occur sporadically.

Dwarf shrubs. Dwarf shrubs are represented by low pollen frequencies of *Ericales* type which increase at the 310 cm level, fluctuating thereafter between 2 and 4% P. The level of increase corresponds to approximately 4 700 BP.

Herbs. The total sum of herb pollen is highest at the beginning of the mire formation where it reaches 20% P. In the gyttja and in the *Carex* peat, up to the 345 cm level, herb pollen exceeds 5% P after which it only fluctuates between 2 and 4% P.

Mineral soil vegetation (fig. 7) is dominated by *Cyperaceae*, forming the maximum phase mentioned above. *Poaceae* maxima were found in early *Carex* peat layers, and a weak increase was recorded in the uppermost 85 cm. The other components of mineral soil vegetation, occurring in sporadic and very low frequencies, are in chronological order as follows: *Ranunculaceae*,

KASJANOVSKIE MIRE
62°45'N 35°02'E

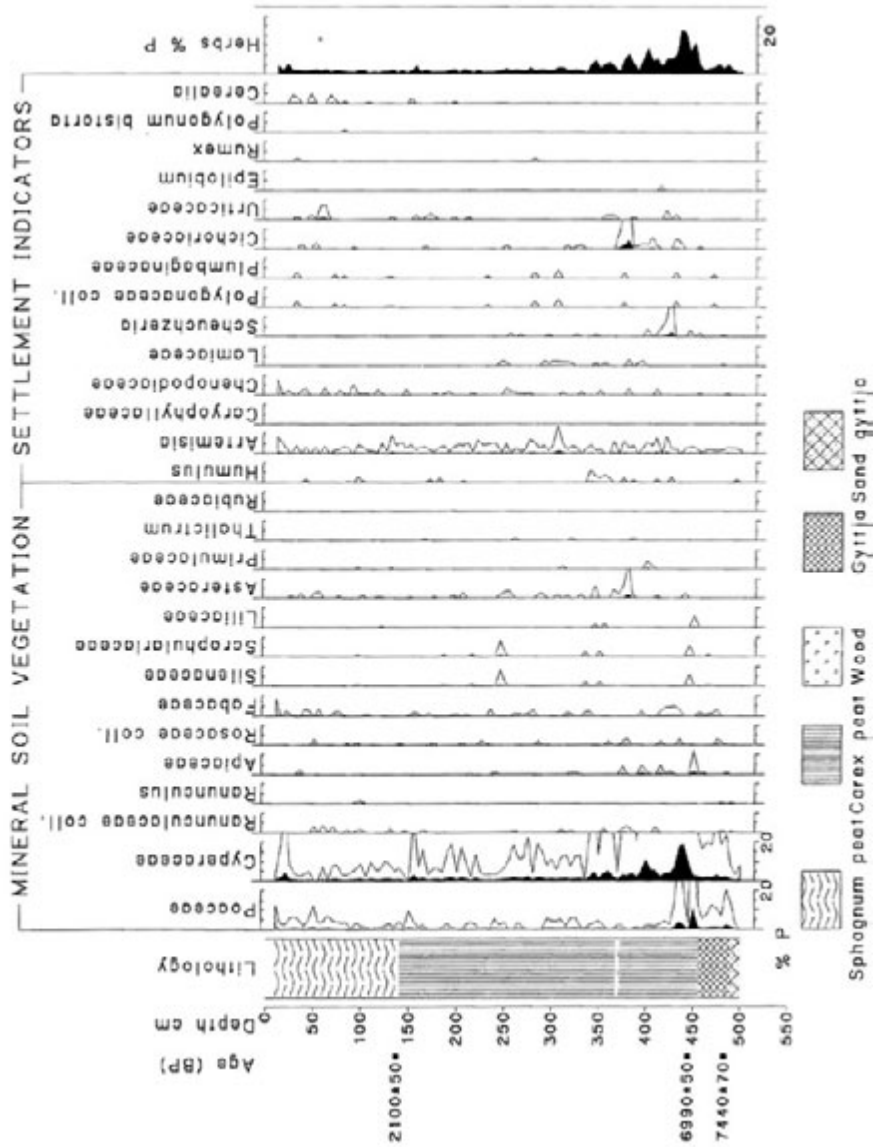

Fig. 7. Relative pollen frequencies of mineral soil vegetation and settlement indicators in Kasjanovskie Mire

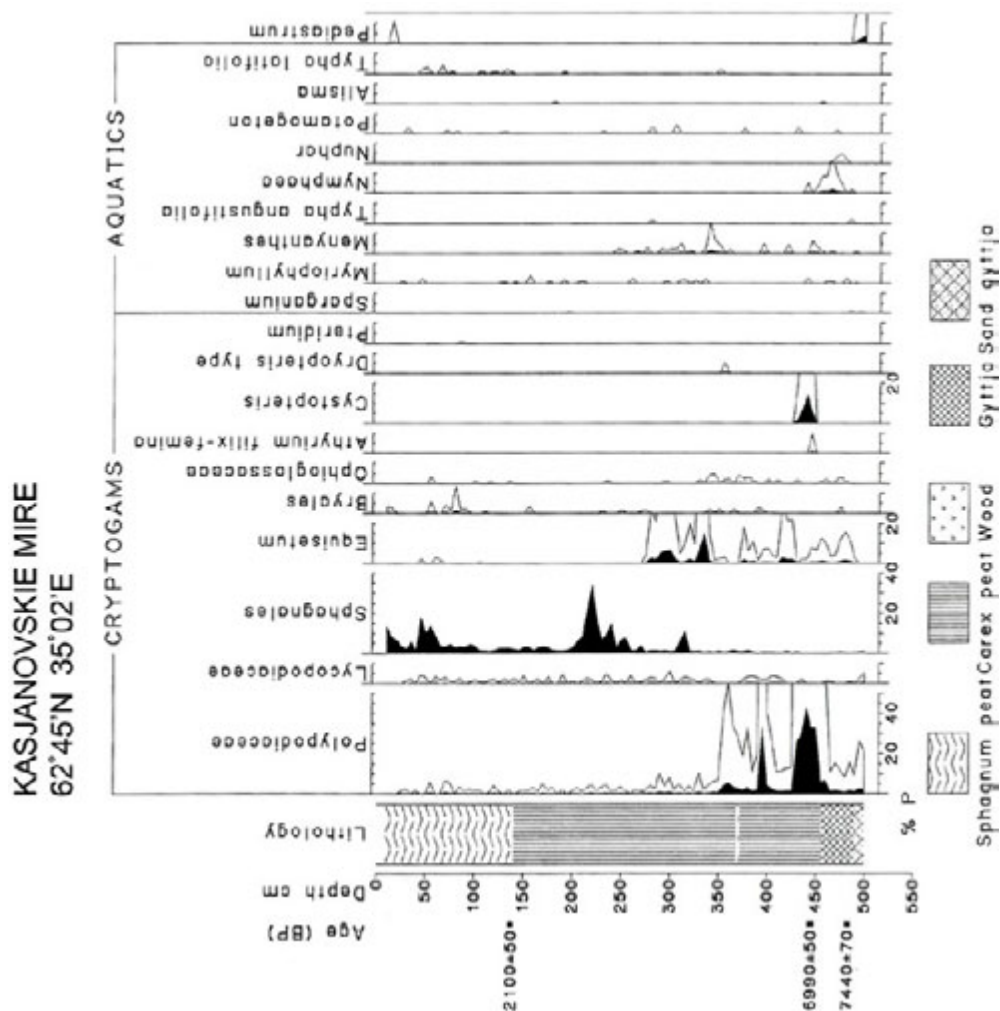

Fig. 8. Relative pollen and spore frequencies of cryptogams and aquatics in Kasjanovskie Mire

Ranunculus, Apiaceae, Rosaceae, Fabaceae, Silenaceae, Scrophulariaceae, Liliaceae, Asteraceae, Primulaceae, Thalictrum and Rubiaceae.

Settlement indicators are dominated by *Artemisia*, not exceeding 1% P. In the limnic deposits it is accompanied by pollen of *Humulus*, Caryophyllaceae, Chenopodiaceae, Lamiaceae, *Scheuchzeria*, Polygonaceae and Plumbaginaceae. In the *Carex* peat pollen of Cichoriaceae could indicate local dwelling sites, accompanied by *Urticaceae*, *Epilobium* and later by occasional *Rumex* pollen grains and the earliest pollen grain of *Cerealia* type at the 185 cm level.

These pollen taxa are accompanied by *Polygonum bistorta* in *Sphagnum* peat. According to the age/depth curve (fig. 5), the ^{14}C age of the absolute Cerealia limit (c.f. Vuorela, 1986. P. 53–64.) in Kasjanovskie Mire is approximately 2 800 BP.

Cryptogams. Among cryptogams (fig. 8), Polypodiaceae dominate in the early stages of the mire, at the 450–350 cm level, together with *Equisetum*, which has its maximum phase at the 325–275 cm level. High spore frequencies of *Cystopteris* occur at the 440 cm level. In the upper part of the peat deposits, starting from the 310 cm level *Sphagnum* dominates while spores of Polypodiaceae, Lycopodiaceae, *Equisetum*, Bryales, Ophioglossaceae, *Athyrium filix-femina*, *Dryopteris* and *Pteridium* occur sporadically or in low frequencies only.

Aquatics. Aquatic pollen occur both in the limnic sediments and in the peat deposits thus indicating open water in the vicinity of the mire. Among local pollen types *Sparganium*, *Myriophyllum*, *Menyanthes*, *Typha angustifolia*, *Nymphaea*, *Nuphar* and *Potamogeton*, together with *Pediastrum*, are present while pollen of *Alisma* and *Typha latifolia* occur in the peat deposits only.

Discussion and summary. The isolation of the Lake Kasjanovskie E from the Lake Onega basin waters was ^{14}C dated to $7\,530\pm 70$ BP (8 320 cal BP), that of Kasjanovskie Mire to $7\,440\pm 70$ BP (8 170 cal BP), and that of Lake Kasjanovskie W to $4\,550\pm 70$ BP (5 300 cal BP) (fig. 5).

The tree pollen frequencies show a dominance of *Pinus* around the investigated sites. The rise of *Picea* was dated in Kasjanovskie Mire to $6\,990\pm 50$ BP (7 770 cal BP) and in Lake Kasjanovskie E to approximately 6 800 BP, this result being in agreement with earlier datings in the Onega region (Elina et al., 1996. P. 53–69). The pollen data of Kasjanovskie Mire also confirm that *Larix* entered the area c. 1000 BP, its current western forest limit being south of Lake Ladoga at Pudosh.

As charcoal analysis was excluded and the interpretation is only based on the pollen data, reliable evidence of human impact of Stone Age origin could not be confirmed. The herb pollen frequencies remain low and they almost lack anthropogenic indicators, as usually is the case in pollen diagrams from Stone Age dwelling sites in the Boreal forests (cf. Vuorela, 1995 P. 139–143). This was also the case at the Pegrema site, c. 50 km SW of Orlov Navolok (fig. 1; Vuorela et al., 2001. P. 121–138). The only probable indication of Mesolithic settlement in the deposits of Kasjanovskie Mire was the regression of *Picea* and the occurrence of *Urticaceae*, *Epilobium* and *Cichoriaceae* pollen dating approximately from 7 000–5 800 BP. The most prominent ecological changes

coincide with changes in the local natural conditions, such as the isolation of the lakes or the development of the mire.

The earliest evidence of probable human impact in Lake Kasjanovskie W was found in the Early Metal Period, approximately 3 200–2 200 BP. A remarkable increase in *Ericales* and *Calluna* pollen takes place in Lake Kasjanovskie E 2 310±40 (360 cal BC), the age of the corresponding phenomenon in Lake Kasjanovskie W being approximately 2 300 BP. Since the increase in *Ericales* and *Calluna* started in the peat deposits of Kasjanovskie Mire more than 2 000 years earlier, the synchronous phenomena in the lakes cannot only be a reflection of the mire vegetation. It is thus probable that around the lakes it resulted from local human activities.

The earliest *Cerealia* pollen grain (supported, however, only by *Urticaceae*) occurs approximately 2 800 BP, in connection with distinct ecological changes in Lake Kasjanovskie W. In Lake Kasjanovskie E, a more reliable absolute limit for *Cerealia* was ¹⁴C dated to 1 410±70 BP (cal AD 610), and in Lake Kasjanovskie W to approximately 1 300 BP. In Pegrema, *Cerealia* pollen is recorded clearly earlier, c. 5 000 BP, but the beginning of land clearance for permanent cultivation is a much later event, dated to the late 13th century AD (Vuorela et al., 2001. P. 121–138.). The Orov Navolok land use record contributes to the long introductory period of land use and agriculture in Karelia. The pollen data suggest continuous, though sparse, human presence.

REFERENCES:

- Devjatova E. I. Prirodnaja sreda i ee izmenenija v golocene (Poberezh'e severa i centra Onegzhskogo ozera) (Holocene environmental changes on the northern and middle coast of Lake Onega). AN SSSR. Karelia, Institute of Geology, Petrozavodsk. 1986.
- Ekman I., Iljin V. Deglaciation, the Younger Dryas end moraines and their correlation in the Karelian ASSR and adjacent areas. // Rainio H. and Saarnisto M. (eds). Eastern Fennoscandian End Moraines. Geological Survey of Finland, Guide 32, Espoo. 1991.
- Elina G. A. The history of vegetation in Eastern Karelia (USSR) during the Holocene. *Aquilo*. Series Botanica 22. Oulu. 1985.
- Elina G. A., Filimonova L. V., Kuznetsov O. L., Lukasov A. D., Stoikina N. V., Arslanov G. V., Tertichnaya T. V. The effect of palaeohydrology on the dynamics of mire vegetation and peat accumulation. // *Botanical Journal* 79 (1). SPb, 1994.
- Elina G. A., Filimonova L. V. Russian Karelia. // Palaeoecological events during the last 15 000 years. John Wiley & Sons, New York, 1996.
- Faegri K., Iversen J. Textbook of pollen analysis. 4th edition, ed. By K. Faegri, P.-E. Kaland & K. Krzywinski. John Wiley & Sons. London, 1989.
- Pankrushev G. A. Mezolit i neolit Karelii I–II, Leningrad, 1978.
- Saarnisto M., Grönlund T., Ekman I. Lateglacial of Lake Onega — Contribution to the his-

- tory of the eastern Baltic basin. *Quaternary International* 27. Pergamon, Great Britain 1995.
- Saarnisto M., Saarinen T. Deglaciation chronology of the Scandinavian ice sheet from the Lake Onega basin to the Salpausselkä end moraines. // *Global and Planetary Change* 31. Elsevier, 2001.
- Shvets P.D. Water balance of Lake Onega (Upper Svir water body) in a several years' period as characterized by annual water volume. *Collection of Leningrad Hydrometeorological Observatory* 11. Leningrad, 1977.
- Vuorela I. Palynological and historical evidence of slash-and-burn cultivation in South Finland. // *Anthropogenic indicators in pollen diagrams*. A. A. Balkema. Rotterdam, 1986.
- Vuorela I. Palynological evidence of the Stone Age settlement in southern Finland. In: Autio S. (ed.) *Geological Survey of Finland, Current Research 1993–1994*. Geological Survey of Finland. Special Paper 20. Espoo, 1995.
- Vuorela I., Saarnisto M., Lempiäinen T., Taavitsainen J.-P. Stone Age to recent land-use history at Pegrema, northern Lake Onega, Russian Karelia. *Vegetation History and Archaeobotany* 10. Springer, Heidelberg, 2001.
- Zhuravlev A.P. Pegrema (poselenija epohi eneolita). *Karel'skii filial AN SSSR, Petrozavodsk*, 1991.

Памятники с керамикой типа Залавруга I в Прибеломорье и некоторые вопросы изучения Беломорских петроглифов

А. М. Жульников¹

Примерно в середине III тыс. до н. э. в лесной полосе Восточной Европы повсеместно появляется керамика с примесью органики или раковины, украшенная в основном оттисками гребенчатого штампа. На территории Карелии и Северной Финляндии во второй половине III тыс. до н. э. керамическая посуда изготавливается с примесью асбеста и органики, изредка талька и слюды. Наличие в пористой посуде ряда сходных признаков, проявившихся на столь обширных территориях, привело к появлению в археологии многочисленных миграционных гипотез, с помощью которых исследователи пытались объяснить данное явление.

Для рассмотрения проблемы происхождения культур (общностей) с пористой керамикой Северной Европы особое значение имеют те комплексы, где были найдены сосуды с примесью органики, раковины или асбеста, имеющие сходство по орнаментации и ряду других черт с предшествующими типами неолитической посуды.

В Прибеломорье такие признаки имеет керамика типа Залавруга I, впервые выделенная автором в отдельную группу энеолитической керамики Карелии в 1991 г. (Жульников, 1991. С. 126–146). Позже было предложено название — Залавруга I — по названию поселения с самой большой коллекцией керамики этого типа (Жульников, 1999). Самые крупные комплексы с керамикой типа Залавруга I были получены Ю. А. Савватеевым на поселениях низовья р. Выг (Савватеев, 1977).

В Прибеломорье к типу Залавруга I отнесены фрагменты от 161 сосуда, найденных на 36 памятниках.

Относительная и абсолютная хронология. В настоящее время накоплено достаточно много данных, позволяющих установить относительную хронологию памятников с керамикой типа Залавруга I. Так, при раскопках древних поселений в бассейне р. Тунгуда дважды зафиксировано залегание слоя с пористой гребенчато-ямочной керамикой типа Залавруга I под выбросом из жилищ с керамикой типа Оровнаволок XVI. В низовье р. Выг керамика типа Залавруга I встречена на террасах, где

¹Карельский государственный краеведческий музей (Петрозаводск).

уже нет ромбо-ямочной керамики, но выше нижней границы залегания керамики типа Оровнаволок XVI (Жульников 2005, 2006а. С. 238–247). В низовье р. Нива на севере Кандалакшского залива Белого моря керамика типа Залавруга I найдена на террасах высотой до 27 м над уровнем моря, где отсутствует позднеолитическая ямочно-гребенчатая керамика (с минеральными примесями). Все эти данные, наряду с результатами классификации, позволяют ставить керамику типа Залавруга I между ромбо-ямочной керамикой и керамикой типа Оровнаволок XVI.

В абсолютной хронологии памятников с керамикой типа Залавруга I можно опереться на многочисленные датировки керамики типа Оровнаволок XVI, полученные в Карелии по углю из жилищ с керамикой этого типа (Жульников, 2005), а на территории Финляндии — по нагару на сосудах и углю из слоя пола жилищ (Karjalainen, 2002. Р. 42–52; Pesonen, 2004. Р. 87–97). Следует отметить, что керамика типа Оровнаволок XVI рассматривается финскими исследователями в рамках двух синхронных типов — Пёлья и Киерикки, отличающихся друг от друга формой венчика. Всего в Карелии и Финляндии для керамики типа Оровнаволок XVI и жилищ с этой керамикой получено более 40 радиоуглеродных дат, подавляющая часть которых — не ранее середины III тыс. до н.э. (без калибровки). Комплексы с ромбо-ямочной и типичной гребенчатой керамикой (стиля Ка 2: 1, 2) на территории Карелии и Финляндии датированы по С-14 концом IV — началом второй четверти III тыс. до н.э. (Pesonen, 2004. Р. 87–97; Жульников, 2005). Распространенная в южной части Карелии асбестовая керамика типа Войнаволок XXVII, сходная по ряду признаков с керамикой типа Залавруга I, датирована по С-14 примерно серединой III тыс. до н.э. (Жульников, 2005). Учитывая эти данные, керамика типа Залавруга I появляется в Прибеломорье во второй четверти III тыс. до н.э. и исчезает примерно в середине III тыс. до н.э.

Малочисленность сосудов керамики типа Залавруга I на поселениях хорошо исследованных микрорегионов Юго-Западного Прибеломорья (низовье р. Выг, бассейн р. Тунгуда) может рассматриваться как признак кратковременности существования типа. Об этом также свидетельствует высокая степень сходства всех наиболее крупных (по количеству сосудов) комплексов керамики типа Залавруга I с поселений в низовье р. Выг. В качестве единственного хронологического индикатора в настоящее время предположительно может использоваться некоторое различие в характере примесей между комплексами керамики. В ряде сосудов с поселений Залавруга I, II, XVI отмечена примесь асбеста, которая позже становится преобладающей в энеолитической керамике данного микро-

региона. Учитывая это, можно допустить, что комплексы с единичными сосудами с примесью асбеста и органики более поздние, чем те, где есть только посуда с примесью раковины и органики.

В настоящее время нет прямых данных, свидетельствующих о том, что население с керамикой типа Залавруга I использовало орудия из меди. На других поселениях (жилищах) с пористой гребенчато-ямочной керамикой лесной полосы Восточной Европы, за исключением памятников с керамикой типа Войнаволоок XXVII, медные изделия также не известны. В Юго-Западном Прибеломорье и бассейне Северной Двины изделия из меди, изготовленные путем плавки и термической обработки, появляются на поселениях с пористой керамикой, датируемой по C-14 не ранее третьей четверти III тыс. до н. э. Учитывая эти данные, памятники с пористой керамикой Залавруга I правильнее будет пока относить к переходному от неолита к энеолиту периоду.

Керамика и каменный инвентарь поселений с чистыми комплексами керамики типа Залавруга I. Для изучения особенностей каменного инвентаря, связанного с керамикой типа Залавруга I, особое значение имеют материалы поселения Залавруга XVI. Это единственный в Юго-Западном Прибеломорье памятник, который содержит чистый комплекс керамики типа Залавруга I.

Поселение располагается в южной части крупного острова в низовье р. Выг, напротив бывшего порога Золотец (рис. 1). Площадь поселения, не превышающая 80 кв. м., со всех сторон ограничена скальными или сильно каменистыми участками (рис. 2). С востока к нему примыкает узкая ложбина. Высота памятника 16–16,8 м над уровнем моря.

В 12 м к востоку от поселения Залавруга XVI находится Залавруга XI. Памятники отделены друг от друга скальными участками. Высота поселения Залавруга XI над уровнем моря составляет 16,8–17,2 м. Здесь была обнаружена ромбо-ямочная керамика и единичные фрагменты керамики типа Залавруга I.

Раскоп площадью 64 кв. м, заложенный в 2006 году на поселении Залавруга XVI, включает большую часть его территории (рис. 3). Размеры площадки, свободной от валунов, составляют здесь не более 8 кв. м. В восточной части раскопа отмечена концентрация кремневых отщепов и чешуек. Особенно много кремневых чешуек было собрано между валунами на кв. х22–23/у12, отдельные чешуйки — на скальных блоках сразу под дерном. Керамика типа Залавруга I найдена в центральной и восточной частях раскопа на площади 5 × 8 м. Следов кострищного слоя, за исключением единичных кальцинированных косточек в восточной и

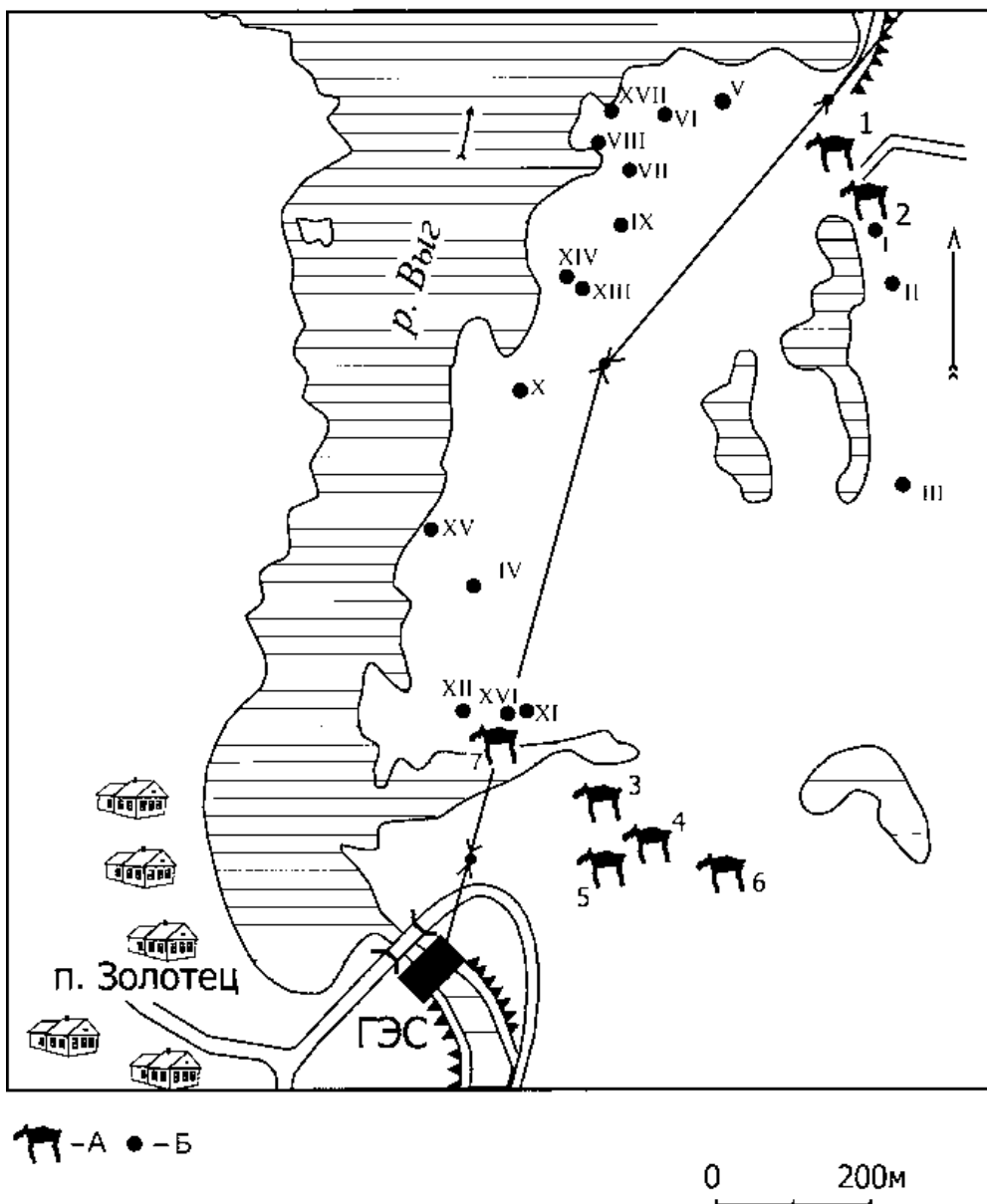

Рис. 1. Схема расположения поселений Залавруга I–XVII, групп петроглифов Залавруга I, II, Золотец I и групп петроглифов на безымянных островах 1–7: А — группа петроглифов, Б — древнее поселение

Fig. 1. Topographic map of settlements Zalavruga I–XVII, rock carvings of Zalavruga I, II, Zolotets I and rock carvings on nameless islands 1–7: А — a group of rock carvings, Б — ancient settlement

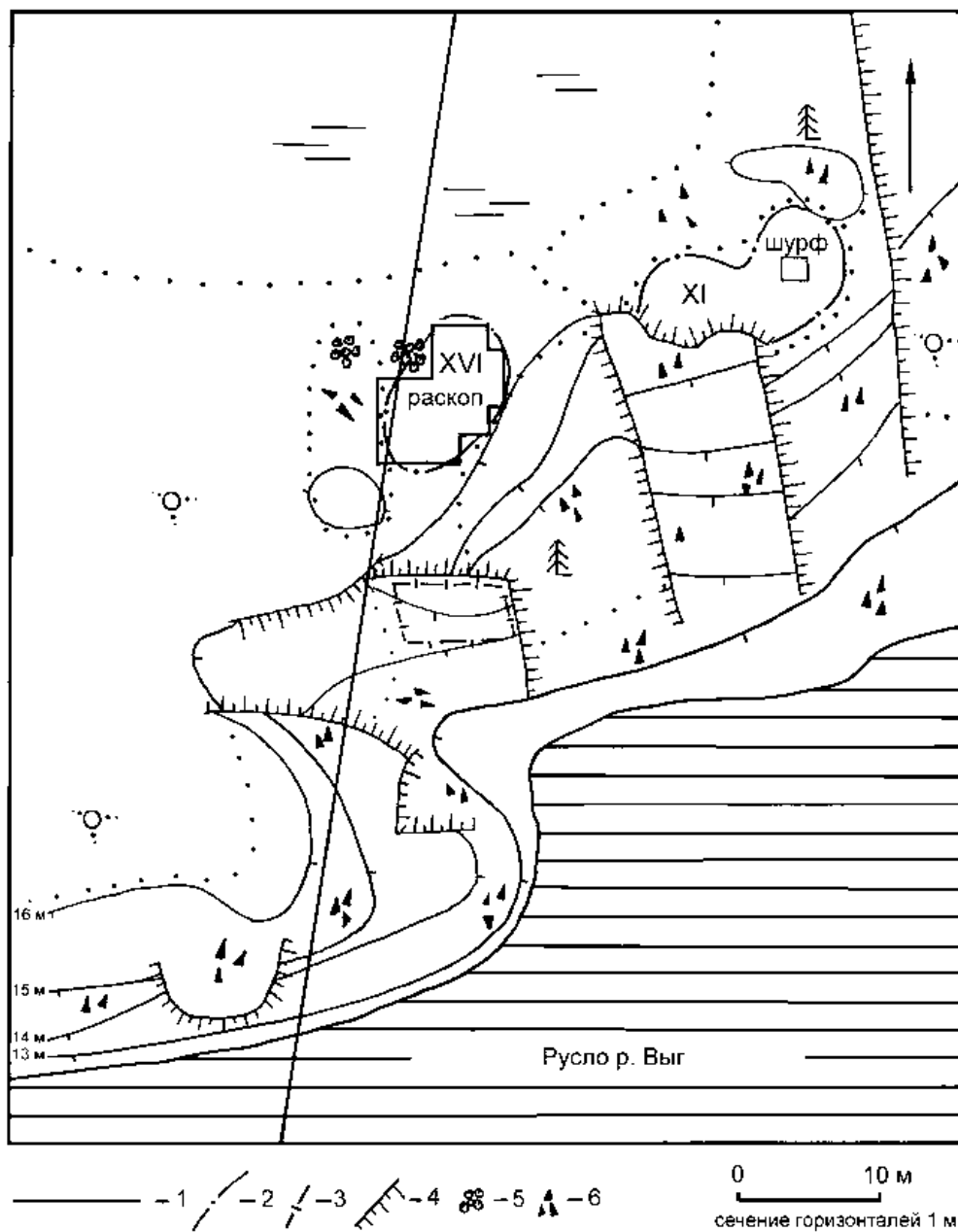

Рис. 2. План поселений Залавруга XI, XVI и группы петроглифов Золотец I: 1 — электролиния; 2 — граница поселения; 3 — граница петроглифов; 4 — скальный уступ; 5 — каменная кладка от опоры электролинии; 6 — каменистые участки

Fig. 2. Topographic map of settlements Zalavrug XI, XVI and rock carvings of Zolotets I: 1 — power transmission line; 2 — settlement border; 3 — border of rock carvings; 4 — ledge in a rock; 5 — stone basement of power transmission tower; 6 — stony areas

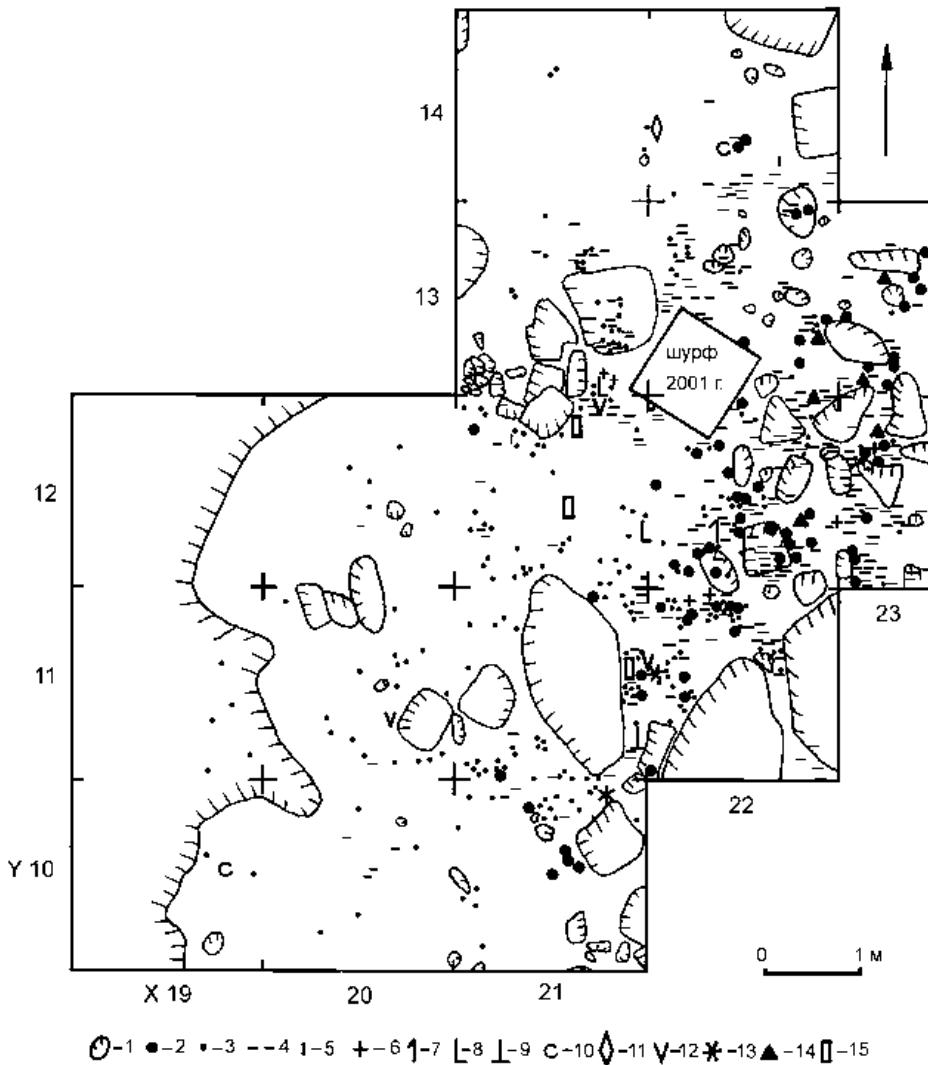

Рис. 3. План распределения находок на поселении Залавруга XVI, горизонт 1: 1 — валун; 2 — фрагмент керамики типа Залавруга I; 3 — кварцевый отщеп; 4 — кремневый отщеп, чешуйка; 5 — сланцевый отщеп; 6 — кость кальцинированная; 7 — проколка; 8 — скол с рубящего орудия; 9 — обломок стамески (кость кальцинированная); 10 — скребок; 11 — обломок наконечника стрелы; 12 — нож; 13 — отщеп с ретушью; 14 — скопление кремневых чешуек и отщепов; 15 — нуклеус, нуклеидный кусок

Fig. 3. Finds' distribution plan of the settlement Zalavruga XVI, layer 1: 1 — boulder; 2 — ceramic fragment of Zalavruga I type; 3 — quartz flake; 4 — flint flake and microdebitage; 5 — slate flake, 6 — calcinated bone; 7 — borer; 8 — flake from a ground tool; 9 — fragment of a small carving chisel (calcinated bone); 10 — scraper; 11 — fragment of an arrow-head; 12 — knife; 13 — retouched flake; 14 — gathering of flint flakes and microdebitage; 15 — core

центральной частях раскопа, выявить не удалось. У стенок раскопа находки единичны. Хозяйственные ямы отсутствовали.

В коллекции поселения имеется 1731 предмет, в том числе 76 крупных и 286 мелких фрагментов керамики типа Залавруга I, 1343 каменных артефакта, 26 кальцинированных косточек. Среди находок на поселении выделяются орудия из кальцинированной кости — обломок стамески и обломок острия остроги (рис. 5, 1, 2).

Керамика в раскопе сильно измельчена. По индивидуальным отличиям стенок и венчиков выделено минимум 12 сосудов (рис. 4). Один сосуд с примесью асбеста и органики, второй — с примесью органики и песка. Остальные сосуды изготовлены из глины с примесью выгоревшей органики. Доньшки не найдены. Венчики сохранились у 10 сосудов. Все они украшены оттисками гребенки. Сочетания элементов орнамента: ямка округлой или овальной формы — оттиски гребенки (8), оттиски гребенки (2), ямки (1–?). На одном из сосудов ямки имеют почти ромбическую форму. Информация о формах венчиков и орнаментации посуды поселения Залавруга XVI дана в таблицах № 4, 5.

Коллекция каменного инвентаря, найденного на поселении, относительно небольшая (табл. 1), (рис. 5). Для изготовления кварцевых орудий использовался жильный кварц, куски которого имеют, как правило, несколько площадок для скалывания. Крупная жила кварца пересекает скалу в западной части памятника. Именно здесь брали сырье обитатели поселения. Большая часть кремневых чешуек, найденных в раскопе, имеет довольно крупные размеры и удлиненную форму. Такая форма характерна для негативов от ретуши на наконечниках стрел и копий. О производстве кремневых наконечников на поселении Залавруга XVI свидетельствует обломок заготовки наконечника стрелы (рис. 5, 18).

Из кремня изготовлено 56,2 % орудий, из кварца — 43,1 %, из сланца — 0,6 %. Для сравнения — на поселениях с ромбо-ямочной керамикой в низовье р. Выг доля кремневых орудий составляет в среднем 10,9%, кварцевых — 85,1%, сланцевых — 1,5 %. На энеолитических поселениях с керамикой типа Оровнаволок XVI (Юго-Западное Прибеломорье) из кремня изготовлено 83,1 % орудий, из кварца — 13,4%, из сланца — 2%. Увеличение доли кремневых орудий на поселениях с керамикой типа Залавруга I свидетельствует не только о постепенной интенсификации в Прибеломорье процессов обмена, но и о наличии прочных связей с точными территориями — бассейном р. Онега.

Таблица 1. Каменный инвентарь поселения Залавруга XVI

Наименование изделия	Материал			
	Кремень	Кварц	Сланец	Всего
Нож	4	-	-	4
Обл. заготовки наконечника стрелы	1	-	-	1
Обл. наконечника стрелы	1	-	1	2
Отщеп с ретушью	4	-	-	4
Проколка	3	-	-	3
Скол с рубящего орудия	-	-	3	3
Скребок, обл.	5	1	-	6
Якорь	-	-	1 (?)	1
Всего орудий	18	1	5	24
Нуклевидный кусок	-	2	-	2
Нуклеус	-	5	-	5
Отщеп	229	588	4	821
Чешуйка	531	-	-	531
Итого	778	596	9	1383

Степень утилизации кремня на поселении Залавруга XVI — 7.8%, кварца — 0.1%. Степень утилизации кремня на поселениях с ромбо-ямочной керамикой этого микрорегиона — около 40%, кварца — около 7%. Низкая степень утилизации кварца на поселении Залавруга XVI, скорее всего, обусловлена близостью кварцевой жилы. Экономить в этих условиях сырье не было необходимости.

Среди орудий из камня, найденных на поселении Залавруга XVI, особо следует выделить обломок узкого наконечника стрелы из сланца (рис. 5, 19), так как на поселениях с ромбо-ямочной керамикой подобные орудия не известны. В южной Карелии единичные наконечники стрел из сланца найдены на поселениях с керамикой типа Войнаволоок XXVII, чаще они встречаются на поселениях с керамикой типа Оровнаволоок XVI, Палайгуба II (Жульников, 1999).

В северной части Белого моря относительно крупная коллекция керамики типа Залавруга I и каменного инвентаря получена на поселении Нива X, исследованного П. Э. Песонен в 1972–1974 гг. на северном берегу Кандалакшского залива (Песонен, 1977. С. 131–138). Нива X находится на левом берегу р. Нива на высоте около 34 м над уровнем моря. В древности здесь располагалось устье реки, впадающей в Белое море. Вскрыто 500 кв. м. Здесь получен практически чистый, если не считать фрагменты от одного сосуда с ромбо-ямочной орнаментацией, комплекс

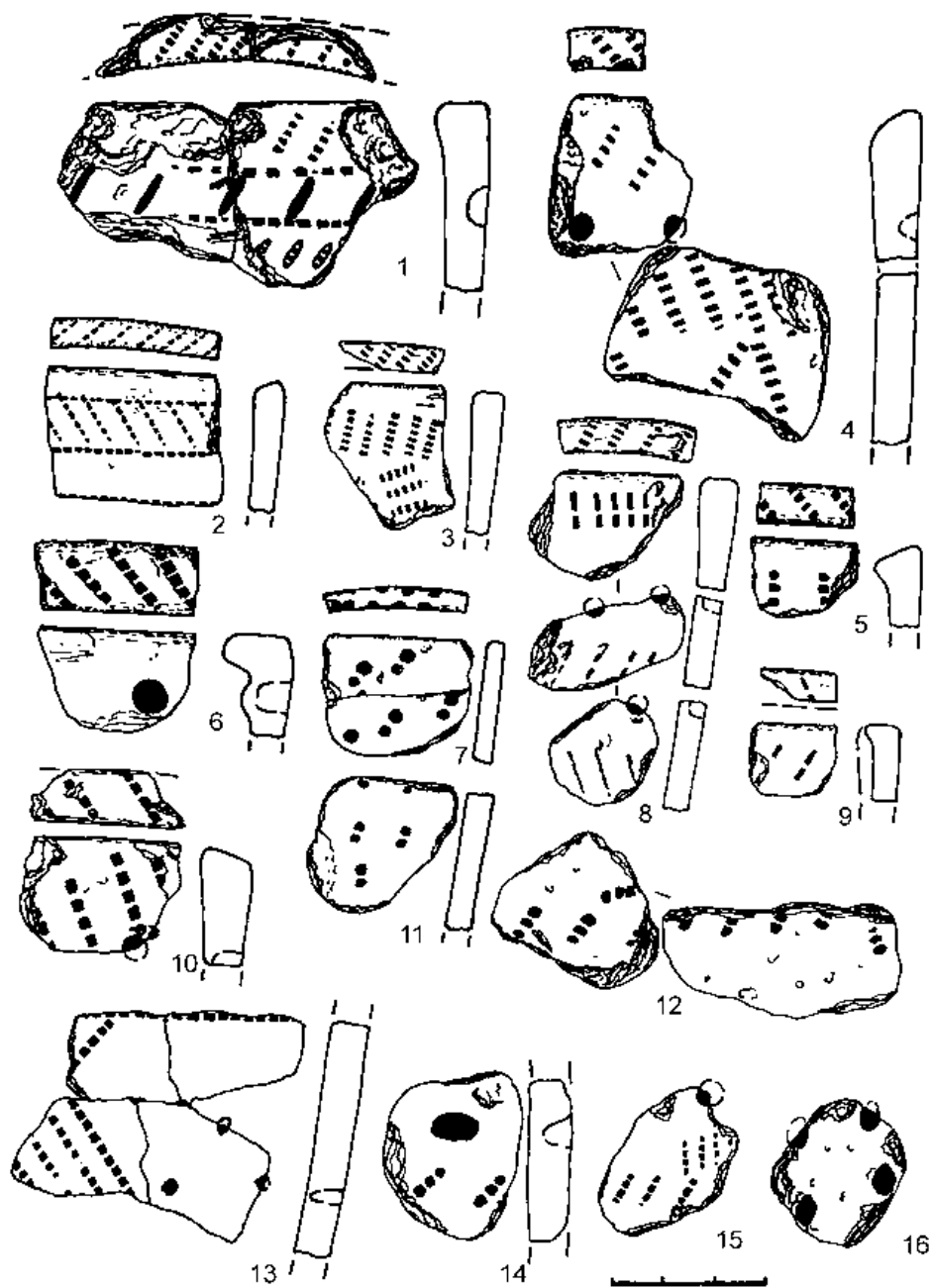

Рис. 4. Керамика поселения Залавруга XVI: 1-5, 7-12, 14-16 — примесь органики; 6 — примесь органики и асбеста; 13 — примесь органики и песка

Fig. 4. Ceramics from the site Zalavruga XVI: 1-5, 7-12, 14-16 — organic tempering; 6 — organic and asbestos tempering; 13 — sand and organic tempering

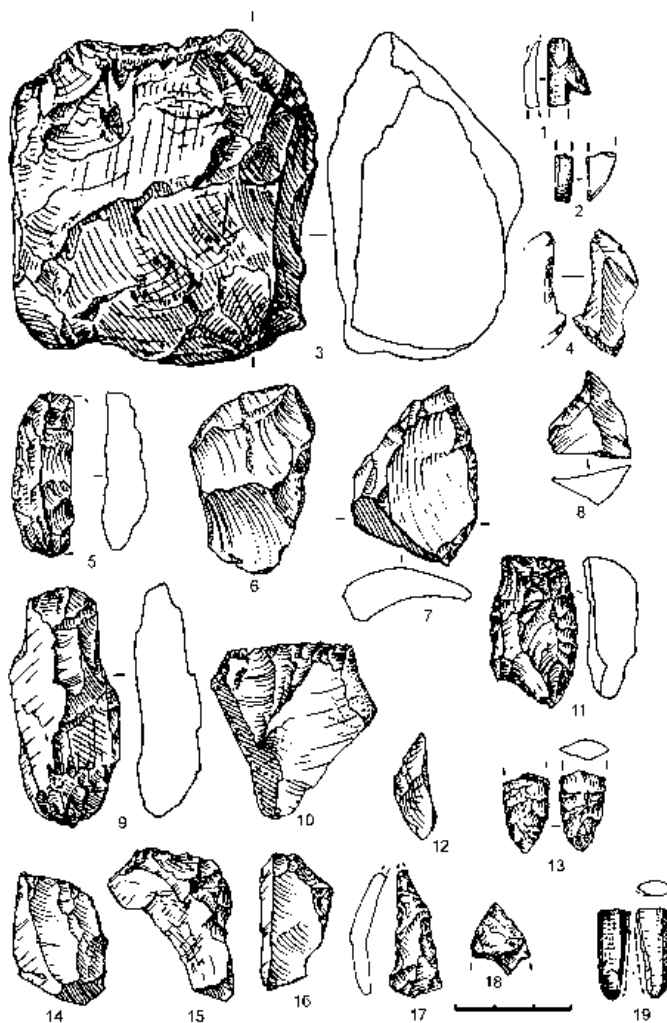

Рис. 5. Инвентарь поселения Залавруга XVI. 1 — обломок остроги; 2 — обломок стамески; 3 — нуклеус; 4 — нож; 5 — обломок скребка; 6 — скребок; 7 — отщеп с ретушью; 8 — отщеп с ретушью (скобель — ?); 9 — нуклеус; 10 — скребок; 11 — скребок; 12 — проколка; 13 — обломок наконечника стрелы; 14 — нож; 15 — скребок; 16 — нож; 17 — проколка; 18 — обломок заготовки наконечника стрелы; 19 — обломок наконечника стрелы. 1, 2 — кость кальцинированная; 3, 5, 9 — кварц; 4, 6–8, 10–18 — кремнь; 19 — сланец

Fig. 5. Assemblage of the site Zalavrug XVI: 1 — fragment of a leister; 2 — fragment of a small carving chisel; 3 — core; 4 — knife; 5 — fragment of a scraper; 6 — scraper; 7 — retouched flake; 8 — retouched flake (scraper with concave edge — ?); 9 — core; 10 — scraper; 11 — scraper; 12 — borer; 13 — fragment of an arrowhead; 14 — knife; 15 — scraper; 16 — knife; 17 — borer; 18 — fragment of an arrowhead perform; 19 — fragment of an arrowhead. 1, 2 calcinated bone; 3, 5, 9 — quartz; 4, 6–8, 10–18 — flint; 19 — slate

пористой гребенчато-ямочной керамики типа Залавруга I. На поселениях Нива IV, XI, расположенных поблизости, были найдены единичные фрагменты сосудов типа Залавруга I (рис. 7, 7, 9–11).

По индивидуальным отличиям венчиков и стенок в коллекции с поселения Нива X выделено минимум 11 сосудов типа Залавруга I (рис. 6; 7, 1–6, 7) с пористой структурой. В коллекции есть фрагменты низкой плоскодонной миски (?), которая не имеет аналогий в других комплексах посуды типа Залавруга I (рис. 7, 3). От 9 сосудов сохранились венчики, украшенные одинарными оттисками гребенки (3), оттисками рамчатого штампа (2), оттисками гладкого штампа (1), ямками — лунками (1). Без орнамента два венчика, включая венчик от миски.

Все сосуды орнаментированы. Элементы орнамента и их сочетания: оттиски гребенки — ямки (6); оттиски гладкого штампа — ямки (1); оттиски гребенки (1); ямки (2). Ямками округлой формы украшено 5 сосудов, ямками овальной формы — 4 сосуда.

Информация о формах венчиков и орнаментальных композициях керамики типа Залавруга I, найденной на поселениях в устье р. Нивы, представлена в таблицах № 4, 5.

Среди орудий, обнаруженных на поселении Нива X, преобладают скребки, изготовленные из кварца. Обращает на себя внимание высокая доля кварцевых нуклеусов при сравнительно малом числе отщепов. Степень утилизации кварца, наблюдаемая на данном памятнике (11%), является одной из наиболее высоких на поселениях неолита — бронзы северного побережья Кандалакшского залива.

Таблица № 2. Каменный инвентарь поселения Нива X — раскопы 1973 г (по данным автора)

Материал	Кварц	Кремень	Сланец	Кварцит, гранит, песчаник	Всего
Наименование изделия					
Скребок	54	2			56
Проколка (?)	1				1
Нож	2				2
Наконечник стрелы, обл.		2			2
Обломок наконечника дротика		1			1
Угловой нож, обл.			3		3
Отбойник	2				2

Таблица № 2. Каменный инвентарь поселения Нива X — раскопы 1973 г
(по данным автора) (окончание)

Материал	Кварц	Кремень	Сланец	Кварцит, гранит, песчаник	Всего
Наименование изделия					
Шлифовальная плита, обл.				5	5
Обломок пилы				1	1
Точильный брусок, обл			1	1	2
Желобчатое долото, обл.			2		2
Топор			3		3
Тесло (?)			1		1
Обломок рубящего орудия			1		1
Скол с рубящего орудия			3		3
Заготовка рубящего орудия			6		6
Точильная плитка с орнаментом			1		1
Отщеп с ретушью	1				1
Всего орудий	60	5	21	7	93
Нуклеус	41				41
Отщеп	550	1	7		558
Итого	651	6	28	7	692

В коллекции поселения Нива X имеется выразительная серия сланцевых рубящих орудий и их заготовок, но отсутствуют трапециевидные в сечении топоры и тесла, так называемого русско-карельского типа. Орудия этого типа почти не встречаются в Северной Карелии и на Кольском полуострове (единичные экземпляры найдены на поселениях оз. Ловозеро в центральной части Кольского полуострова). В Юго-Западном Прибеломорье, напротив, тесла и топоры русско-карельского типа доминируют на энеолитических поселениях. В коллекции поселения Залавруга XVI сланцевые орудия представлены только обломками, поэтому не ясно, распространяются ли орудия этого типа у населения с керамикой типа Залавруга I.

Заготовки рубящих орудий на позднеэнеолитических и энеолитических поселениях Юго-Западного Прибеломорья единичны. Так как на синхронных поселениях северного берега Кандалакшского залива заготовки рубящих орудий, напротив, многочисленны (поселения Нива X, Кандалакша X и т. д.), а количество сланцевых отщепов здесь минималь-

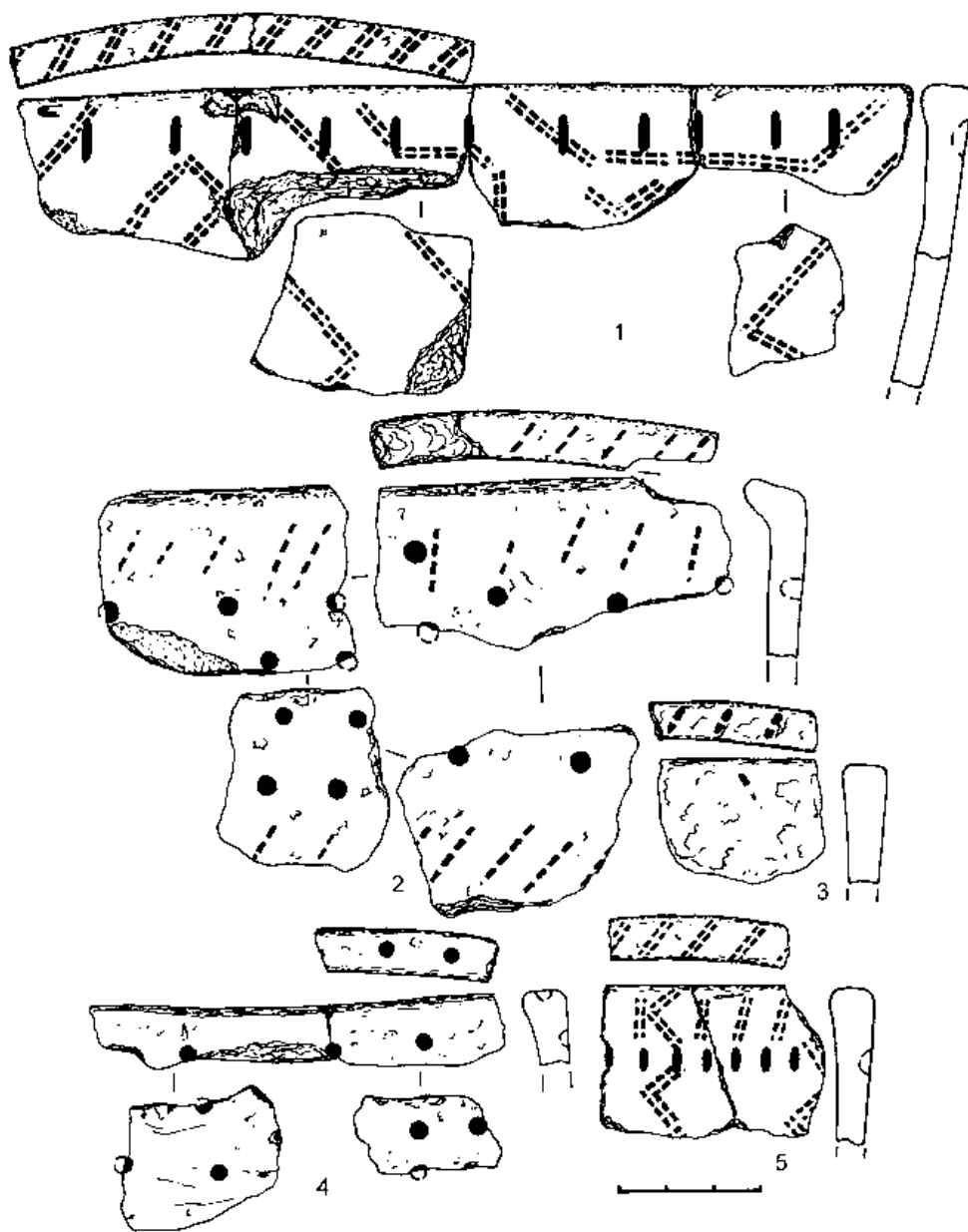

Рис. 6. Пористая керамика типа Залавруга XVI с поселения Нива

Fig. 6. Porous ceramics of the Zalavrugа XVI type from the site Niva X

но, то можно предположить, что на территории Кольского полуострова имелись стоянки-мастерские по производству рубящих орудий. В низовье р. Шуя на западном берегу Онежского озера в настоящее время выявлено несколько таких мастерских, по-видимому, снабжавших соседние территории рубящими орудиями русско-карельского типа (Жульников, 1999; Тарасов, 2003. С. 60–74).

На поселении Нива X найдено два целых и один обломок углового сланцевого ножа. Угловые ножи многочисленны на приморских поселениях Кольского полуострова (Гурина, 1997). Хронология орудий этого типа для Западного Прибеломорья не установлена. Имеются данные, что угловые ножи не встречаются на раннеолитических памятниках Кольского полуострова. В Юго-Западном Прибеломорье на поселении Золотец VII с чистым комплексом керамики типа Оровнаволок XVI был найден угловой сланцевый нож. Ножи, обнаруженные на поселении Нива X, связаны с керамикой типа Залавруга I и, следовательно, несколько более ранние.

Примечательно полное отсутствие в коллекции поселения Нива X сланцевых наконечников стрел и копий. Несколько обломков длинных и узких сланцевых наконечников стрел и копий найдено в северо-западной части Кандалакшского залива на поселениях Нильмозеро I, III с пористой керамикой неопределенного типа (Залавруга I или Оровнаволок XVI). Судя по высоте этих памятников над уровнем моря, они не могут быть датированы ранее середины III тыс. до н. э. На поселении Колвица IX, исследованного П. Э. Песонен в юго-западной части Кольского полуострова, найдены фрагменты керамики типа Залавруга I (рис. 7, 12), единичные фрагменты раннеолитической керамики и обломки крупных полностью зашлифованных сланцевых кинжалов или копий. Не исключено, что крупные узкие сланцевые копья (кинжалы) могут быть связаны с керамикой типа Залавруга I, так как в южной части Кольского полуострова ни на одном поселении с раннеолитической керамикой подобные орудия не обнаружены.

Кремневые орудия на поселении Нива X единичны, что вполне обычно для поселений Кольского полуострова. Наконечники стрел из кремня имеют листовидную форму. Аналогичные по форме кремневые наконечники доминируют в Прибеломорье на поселениях с ромбо-ямочной керамикой и на поселениях с керамикой типа Оровнаволок XVI.

В целом, специфика каменного инвентаря, связанного с керамикой типа Залавруга I, выявляется пока слабо. Отчасти это связано с малым числом исследованных чистых комплексов. Для более ранней поздне-

Рис. 7. Пористая керамика (типа Залавруга XVI) с поселений юго-западной части Кольского полуострова: 1-6, 8 — Нива X; 7 — Нива IV; 10, 11 — Нива XI; 12 — Колвица IX

Fig. 7. Porous ceramics of the type Zalavrug XVI from settlements in the south-western part of Kola Peninsula: 1-6, 8 — Niva X; 7 — Niva IV; 10, 11 — Niva XI; 12 — Kolvitsa IX

олитической керамики Кольского полуострова и Северной Карелии они и вовсе не изучены. Среди типов орудий, не известных на поселениях с ромбо-ямочной керамикой, выделяются ножи углового типа и сланцевые наконечники стрел. Угловые ножи не обнаружены и на южных поселениях с керамикой типа Залавруга I, что, видимо, связано с возможностью получать здесь с востока в необходимых объемах кремневое сырье. Все ножи, найденные на поселении Залавруга XVI (рис. 5, 4, 14, 16), изготовлены из кремня.

Южнее и севернее Западного Прибеломорья в более раннее время узкие и длинные сланцевые наконечники стрел не известны. Наконечники этого типа имеются на поздненеолитических поселениях Финляндии, в частности, в коллекции поселения Куузеланкангас, расположенного неподалеку от северо-восточного побережья Ботнического залива. На этом поселении найдена типичная гребенчатая и асбестовая керамика, напоминающая керамику типа Залавруга I (Koivunen, Makkonen, 1998). Скорее всего, узкие сланцевые наконечники не являются изобретением населения с керамикой типа Залавруга I, а появились в Прибеломорье в результате контактов с населением Северной Финляндии.

Анализ 325 кальцинированных костей, найденных на поселении Нива X, дал следующие результаты: 82 фрагмента — кости нерпы, 4 фрагмента — гренландского тюленя, 3 фрагмента — кости бобра (Савватеев, Верещагин, 1978. С. 181–231). Кости морских животных преобладают и в Юго-Западном Прибеломорье на поселении Золотец VI с керамикой типа Залавруга I и ромбо-ямочной (Савватеев, Верещагин, 1978. С. 181–231).

Петроглифы, жилища и могилы, связанные с керамикой типа Залавруга I. В 2006 г., в ходе работ на поселении Залавруга XVI, при осмотре плоской скалы, почти вплотную примыкавшей с юга к раскопу, была обнаружена группа петроглифов Золотец I (рис. 1). От поселения скала отделена каменистым участком (6–7 м), видимо, без культурного слоя. Она почти вплотную примыкает к руслу р. Выг (водохранилище Беломорской ГЭС) (рис. 2). В вечернее время скала находится в тени. Вероятно, поэтому, несмотря на многолетние исследования в этом районе, эта группа петроглифов не была обнаружена.

Скала с петроглифами Золотец I имеет наклон от 13 до 16° в сторону русла реки. Размеры скалы составляют 8 × 10 м, высота над уровнем моря — 13–15,5 м. С севера и востока плоская поверхность скалы ограничена скальными уступами, на юге и западе — уходит под русловые каменистые отложения. Значительная часть ее поверхности в верхней час-

ти эродирована — отслоилась гладкая поверхностная корка. Скальная поверхность, за исключением верхней части, не покрыта лишайниками. Это указывает на то, что еще недавно она большую часть времени года находилась под водой. В верхней части скала имеет слегка розоватый оттенок, в нижней — черный, видимо, из-за покрывающих ее микроводорослей.

На 2005 г. на Беломорских петроглифах было зафиксировано 2153 древних изображения в 11 локальных скоплениях (группах). Самой большой из них является группа Новая Залавруга, насчитывающая 1176 фигур (Саватеев, 1970). Последняя, 11 группа (Ерпин Пудас III), была открыта в этом районе Ю. А. Саватеевым в 1969 году (Саватеев, 1970; 1987. С. 103–118). Золотец I (12 группа) находится в низовье р. Выг.

Для выяснения вопроса о соотношении данной группы петроглифов и памятников с керамикой типа Залавруга I, рассмотрим имеющиеся данные по высоте расположения памятников над уровнем моря и составу наскальных изображений.

В 2006 г. в группе Золотец I зафиксировано 19 изображений на западной и центральной частях скалы (рис. 8, 9). Кроме того, на участках скал с поврежденной поверхностью отмечены фрагменты изображений лосей и лодок, фиксация которых пока не проведена.

Рис. 8. Группа петроглифов Золотец I. Изображения восточной части скалы

Fig. 8. Rock carvings of Zolotets I. Figures on the eastern part of the rock

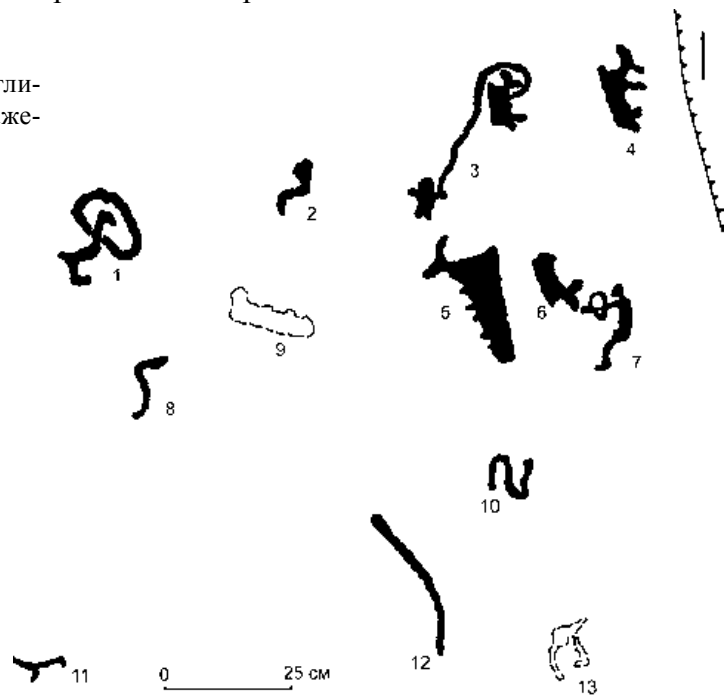

Рис. 9. Группа петроглифов Золотец I. Изображения центральной части скалы

Fig. 9. Rock carvings of Zolotets I. Figures on the central part of the rock

По составу изображений группа Золотец I имеет сходство с петроглифами Новой Залавруги (сцены морского промысла, лучники, цепочки следов лося и т. д.). Некоторые композиции этой группы не имеют аналогов в других скоплениях (фигура птицы, совмещенная с овалом).

Для датировки групп Беломорских петроглифов могут использоваться данные высотного расположения наскальных изображений и близлежащих поселений. В ходе исследований было установлено, что разница между минимальной высотой пойменной террасы и участками скал без налета лишайников, наиболее пригодных для создания петроглифов, составляет минимум 1.3–1.5 м, максимум — 3 м (Жульников, 2006а. С. 238–247). На основе топографического плана была выполнена реконструкция береговой линии на высоте расположения группы петроглифов Золотец I (15 м над современным берегом моря) (рис. 10). Данные по соотношению высотных отметок группы петроглифов Золотец I и близлежащих археологических памятников приведены в таблице 3.

Таблица 3. Соотношение высот древних поселений и петроглифов над уровнем моря (у порога Золотец)

	Группа петроглифов Золотец I	Группа петроглифов на северном безымянном острове	Поселение Залавруга XI (ромбо-ямочная керамика и керамика типа Залавруга I)	Поселение Залавруга XVI (керамика типа Залавруга I)
Верхние отметки	15.6	15.9	17.2	16.8
Нижние отметки	14.8	15.7	16.8	16
Средняя высота	15.2	15.8	17	16.4

Исходя из этих данных видно, что новая группа петроглифов в равной степени может быть соотнесена как с ромбо-ямочной керамикой, так и с керамикой типа Залавруга I. Необходимо также учесть, что группа Новая Залавруга, с которой обнаруживается сходство группы петроглифов Золотец I, была перекрыта в древности культурным слоем с керамикой типа Залавруга I (Жульников, 2006а. С. 238–247). Эти данные, в совокупности, дают основание предположить, что группа петроглифов Золотец I относится к кругу памятников с ромбо-ямочной керамикой.

Единственное скопление наскальных изображений, которое по имеющимся данным (высота над уровнем моря, топография) может быть связано с памятниками с керамикой типа Залавруга I, находится в группе петроглифов Старая Залавруга (Жульников, 2006а С. 238–247). Это наиболее низко расположенная группа Беломорских петроглифов (до 14 м над современным уровнем моря). Среди изображений на Старой Залавруге следует выделить многофигурные кортежи оленей с рогами и без них. Во всех других скоплениях петроглифов в низовье р. Выг явные изображения оленей отсутствуют. Копытные в других группах Беломорских петроглифов представлены фигурами лосей (в основном без рогов). Изображения крупных лодок на петроглифах Старой Залавруги образуют цепочку, что не характерно для других групп наскальных изображений этого микрорегиона. Полностью отличны и пропорции (соотношение высоты и длины корпуса) крупных лодок Старой Залавруги и лодок в других скоплениях Беломорских петроглифов (Жульников, 2006а. Рис. 4). В группе петроглифов Старая Залавруга имеются лишь единичные фигуры морского зверя, тогда как в других крупных группах Беломорских петроглифов эти изображения многочисленны. Есть и другие стилистические отличия — наличие, например, на Старой Залавруге изображений лодок, выполненных в контурном стиле. Учитывая совокупность этих данных, следует полагать, что петроглифы Старой Залавруги (центральная часть) и Новой Залавруги оставлены населением, имевшим различные петроглифические и, что не исключено, различные охотничьи традиции. Маловероятна и генетическая взаимосвязь этих традиций.

В наскальном искусстве Северной Скандинавии образ оленя часто замещает образ лося на местонахождениях петроглифов, расположенных севернее Полярного круга. Изображения оленей и цепочки из фигур оленей многочисленны на петроглифах оз. Канозеро в юго-западной части Кольского полуострова. Эти данные позволяют высказать предположение, что появление в наскальном творчестве темы оленя на широте

Юго-Западного Прибеломорья, где это животное в период позднеатлантического климатического оптимума встречалось явно редко, связано с продвижением на эту территорию группы населения из Приполярных районов.

На северном берегу Кандалакшского залива на поселении Нива Х П. Э. Песонен были зафиксированы четыре жилищных впадины: № 1 — $6 \times 6,5$ м, глубиной 0,65 м, № 2 — 5×10 м, № 3 — 3×3 м, № 4 — 4×4 м. В одной из частично раскопанных полуземлянок были найдены фрагменты керамики типа Залавруга I. Можно предположить, что именно с этой керамикой связаны все жилищные впадины на поселении Нива Х. В Юго-Западном Прибеломорье жилища, связанные с керамикой типа Залавруга I, не известны. Нет в этом регионе и достоверных жилищных впадин и полуземлянок, связанных с ромбо-ямочной керамикой. В северо-западной части Кандалакшского залива единичные полуземлянки выявлены на поселении Соностров V (Лобанова, 2005. С. 43–50) с поздненеолитической ямочно-гребенчатой керамикой — с крупными цилиндрическими ямками и разреженным ямочно-гребенчатым орнаментом. В конце IV — первой половине III тыс. до н.э. полуземляночные жилища многочисленны на поселениях бассейна Онежского озера (Жульников, 2003) и северо-восточном берегу Ботнического залива (Pesonen, 2002. P. 9–41). В Северной Финляндии полоса поселений с выявленными жилищными впадинами протянулась от Ботнического залива на северо-восток — в сторону Кандалакшского залива. Исходя из этих фактов, нельзя исключить, что появление в позднем неолите полуземляночных жилищ в северо-западной части побережья Белого моря обусловлено влиянием населения, проживавшего на территории Северной Финляндии.

В ходе раскопок на поселении Нива Х была обнаружена грунтовая могила. Могильная яма выявлена под культурным слоем поселения. Ее размеры — $60\text{--}70 \times 180$ см. Дно ямы посыпано охрой. Размеры охристого пятна несколько меньше размеров ямы — 40×150 см. В охристом песке были найдены фрагменты зубов человека, судя по которым погребенный был ориентирован ЮЮВ. У дна ямы, в 80 см от южного края, найдено скопление целых сланцевых изделий: два желобчатых долота, стамеска (?), тесло, две заготовки рубящих орудий, сланцевое кольцо (Песонен, 1977. Рис. 3). Данная могила, хотя и не содержит керамики типа Залавруга I, видимо, близка ей в хронологическом отношении. Об этом свидетельствуют ряд фактов. Во-первых, кальцинированные косточки, найденные в заполнении могильной ямы, свидетельствуют о том,

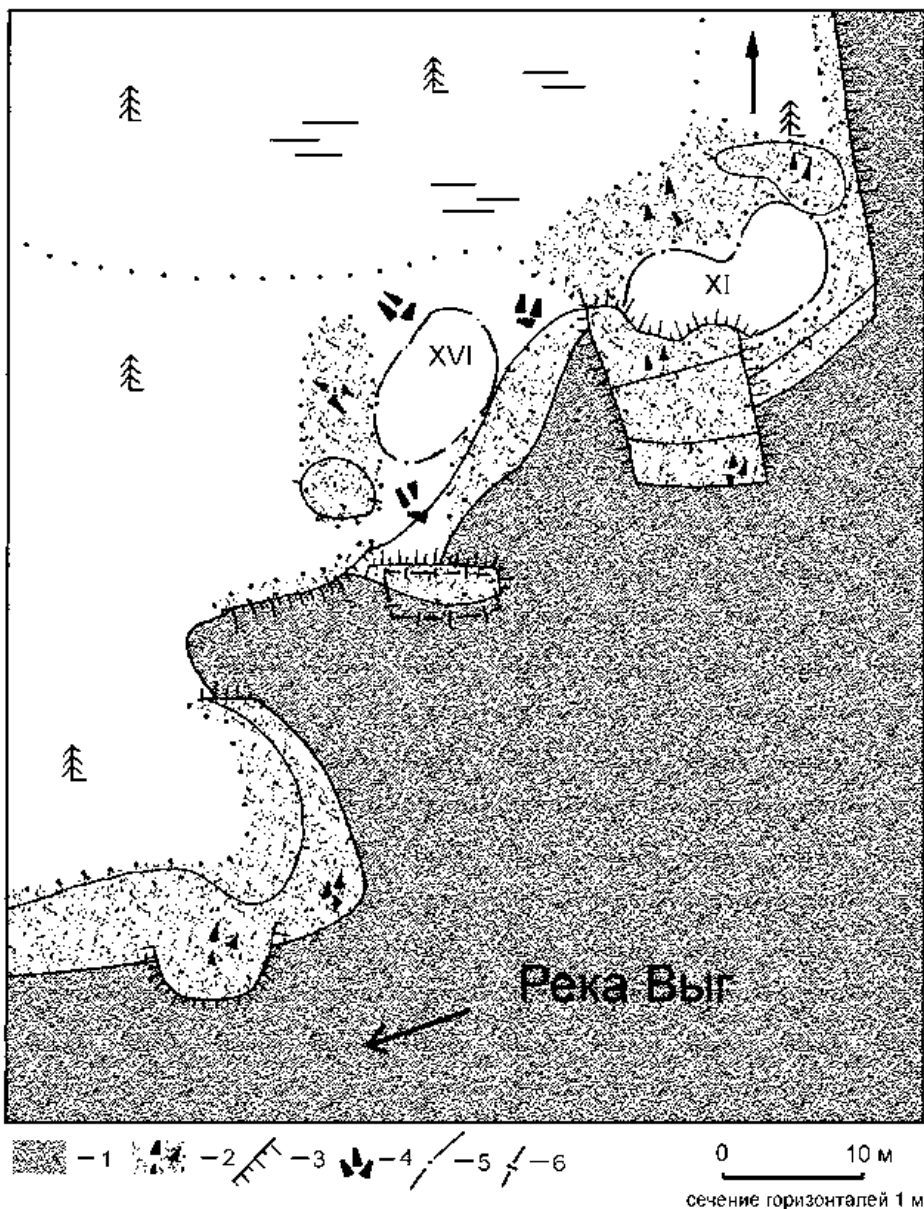

Рис. 10. Реконструкция уровня водоема в первой половине III тыс. до н.э. (15 м над современным уровнем моря) в районе расположения группы петроглифов Золотец I: 1 — река (море); 2 — скальные участки; 3 — скальный уступ; 4 — каменистые участки; 5 — граница поселения; 6 — граница петроглифов

Fig. 10. Reconstruction of the water level in the first half of the III millennium BC (15 m above the present-day sea level) in the area with rock carvings Zolotets I: 1 — river (sea); 2 — rocky terrains; 3 — ledge of a rock; 4 — stony terrains; 5 — settlement border; 6 — border of rock carvings

что могила прорезала культурный слой поселения. Во-вторых, могильная яма не может относиться к раннему или развитому неолиту, так как на высоте около 34 м над уровнем моря в этой части побережья Белого моря уже не встречается керамика типа Сяр I и ранняя ямочно-гребенчатая. В-третьих, на территории Карелии сланцевые кольца встречаются на поселениях с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой, но не известны на энеолитических поселениях с пористой и асбестовой керамикой типа Оровнаволок XVI, датируемой второй половиной III тыс. до н. э. Таким образом, могила на поселении Нива X может быть датирована в пределах первой половины III тыс. до н. э.

Генезис керамики типа Залавруга I. Вопрос о происхождении керамики типа Залавруга I ранее был оставлен автором открытым, так как отсутствовали сравнительные материалы из сопредельных регионов. В последние годы удалось ознакомиться с большей частью имеющихся коллекций пористой керамики с поселений на территории Мурманской, Архангельской, Вологодской областей и, отчасти, Республики Коми и Северной Финляндии. В этих регионах, включая Карелию, было выделено 27 относительно представительных комплексов пористой или асбестовой керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией. На 14 памятниках, в том числе жилищах, пористая (асбестовая) гребенчато-ямочная керамика является единственной разновидностью позднеолитической–энеолитической посуды (Карелия: Первомайская I (Жульников, 1995. С. 98–111), Верховье, Новземское I, Войнаволок XXVII (Жульников, 1993. С. 140–153), Суна I, Фофаново XIII, Залавруга XVI; Ленинградская область — Падань I; Мурманская область: Нива X; Архангельская область: Кузнечиха (раскопки В. И. Смирнова) (Смирнов, 1940. С. 289–292); Республика Коми: Эньты II (Логина, 1986. С. 45–53), Ниремка I (Косинская, 1986. С. 35–44), Усть-Кедва, жилище 7 (Семенов, Несанелене, 1997); Северная Финляндия: Куузеланкангас (Koivunen, Makkonen, 1998). На других поселениях пористая или асбестовая гребенчато-ямочная керамика выделена из коллекций типологическим путем — Карелия: Залавруга I, II, IV, Золотец VI (Саватеев, 1977), поселения оз. Тунгудское (Жульников, 2005), Лахта II, III, Кузаранда, Курмойла I (Гурина, 1961); Мурманская область: Мыс Семерка I, II (Гурина, 1997); Вологодская область: Илекса (на Куштозеро), Модлона (Брюсов, 1951. С. 7–76; Ошибкина, 1978); Новгородская область: Кончанское I, IV (Зимица, 1981). Общее количество сосудов на этих памятниках составляет минимум 602 экз. В среднем одна коллекция керамики рассматриваемого типа на поселениях Прибеломорья насчитывает около 15 сосудов. При анализе матема-

тическими методами таких малых серий сосудов, как известно, существует вероятность статистических погрешностей, однако, очевидно, что в ближайшей перспективе нам вряд ли следует ожидать существенного пополнения коллекций пористой гребенчато-ямочной керамики. Посуда этого типа малочисленна даже на поселениях, исследованных на большой площади.

Термин пористая гребенчато-ямочная керамика, применяемый в данной работе, не является названием типа, а характеризует некоторые общие черты керамической посуды древнего населения, проживавшего на территории Северной Европы на рубеже неолита–энеолита. Помимо органической примеси посуда анализируемых комплексов содержит примесь раковины (Золотец VI, Модлона, Падань I, Кузнечиха и т. д.), асбеста (Войнаволок XXVII и т. д.); встречаются минеральные примеси и шамот (Ниремка I). Как правило, наблюдается сочетание органики и иного компонента. Например, посуда с примесью асбеста Южной Карелии часто имеет пористую структуру — от выгоревшего птичьего пуха. Исключение составляют сосуды с примесью раковины, где органика представлена редко.

Изучение примесей в керамике в сочетании с AMS-датировками позволило финским исследователям установить, что органика появляется уже в поздненеолитической гребенчатой посуде (стиля Ка 2:1, 2:2) на рубеже IV — III тыс. до н. э., по калиброванным датам — в начале IV тыс. до н. э. Использование примеси асбеста и талька начинается в Северной Финляндии в первой четверти III тыс. до н. э., по калиброванным датам — во второй четверти IV тыс. до н. э. Минеральные примеси — песок, дресва, слюда и шамот полностью исчезают в керамике в начале второй четверти III тыс. до н. э., по калиброванным датам — в третьей четверти IV тыс. до н. э. (Pesonen, 2004. P. 87–97). Особенно показателен одновременный отказ древнего населения Финляндии от использования в керамическом производстве примеси песка и дресвы. Эти данные подтверждают датировку памятников с керамикой типа Залавруга I второй четвертью III тыс. до н. э.

Одна из основных задач данного исследования — определение степени сходства и различия между имеющимися комплексами пористой гребенчато-ямочной керамики. Проведенный анализ ориентирован на выявление локальных особенностей, а также тенденций развития пористой гребенчато-ямочной керамики Прибеломорья и, в конечном итоге, на решение проблемы ее генезиса.

Для сравнения комплексов керамики отбирались в основном те количественные морфологические признаки, которые в ходе пробных клас-

сификаций обнаружили наибольшую изменчивость, как во времени, так и в пространстве. К числу таких признаков относится, в частности, форма венчика (оформление верхнего среза) и орнаментальные композиции (таблица 4). Напротив, признаки, связанные с адаптацией населения к местным природным условиям (примесь асбеста и т. п.), или не обнаружившие каких-либо заметных различий между имеющимися комплексами (например, толщина венчиков и стенок, диаметр сосудов), в данной работе не использовались. Сравнение комплексов керамики проводилось путем вычисления между ними парных коэффициентов сходства. Этот метод, при минимуме формализации имеющихся данных, дает возможность объективно оценить степень сходства и различия между комплексами анализируемых источников как по группировкам признаков, так и их совокупности. Для учета географического фактора, который при решении проблем генезиса той или иной группы керамики может иметь решающее значение, результаты анализа комплексов посуды по степени сходства наносились на карту региона. Затем данные карты-графы, основанные на изучении разных наборов признаков, сопоставлялись между собой. Синхронность комплексов пористой гребенчато-ямочной керамики может быть обоснована методами математической статистики.

К сожалению, формат статьи не позволяет представить в полном объеме полученные результаты анализа, поэтому в публикуемых таблицах и на картах-графах имеется информация только о комплексах с пористой гребенчато-ямочной керамикой Прибеломорья и Северной Финляндии.

Для анализа были также привлечены многочисленные коллекции ромбо-ямочной, гребенчато-ямочной и пористой керамики с древних поселений Карелии и сопредельных регионов.

В первой четверти III тыс. до н. э. на территории Западного Прибеломорья и Северной Финляндии известна керамика минимум трех типов. В Юго-Западном Прибеломорье в этот период была распространена ромбо-ямочная керамика, в Северной Финляндии — типичная гребенчатая керамика стилей Ка 2: 1, 2 (с ямками округлой формы), на Севере Карелии и Кольском полуострове — поздняя ямочно-гребенчатая керамика (тип не выделен, название группы условное). Относительно многочисленная коллекция поздненеолитической ямочно-гребенчатой керамики с минеральными примесями имеется в материалах ряда поселений центральной и северной частей Кольского полуострова (Шумкин, 2003. С. 277–297). Ромбо-ямочная керамика не известна севернее бассейна р. Кемь, если не считать фрагментов от двух сосудов, обнаруженных на Кольском полуострове. Один из этих сосудов найден на поселении Нива Х. Фрагменты второго сосуда, изготовленного с примесью органики (ра-

ковина — ?), имеются в коллекции поселения Мыс Семерка (центральная часть Кольского полуострова). Эта находка представляет особый интерес, так как в Юго-Западном Прибеломорье не встречается пористые сосуды с ромбо-ямочной орнаментацией. Не исключено, что население с ямочно-гребенчатой керамикой Северной Карелии и Кольского полуострова начинает использовать органическую примесь раньше, чем население более южных районов Прибеломорья. Если это так, то ромбо-ямочный пористый сосуд с поселения Мыс Семерка может рассматриваться как пример взаимодействия традиций населения северных и южных районов Прибеломорья.

Гребенчато-ямочная керамика с минеральными примесями и ямками округлой формы в небольшом количестве выявлена на некоторых поселениях Юго-Западного Прибеломорья (Березово XVIII (Жульников, 2005). На поселении Березово XVIII для слоя с этой керамикой и посудой типа Залавруга I, погребенного под выбросом из котлована полуземлянки с керамикой типа Оровнаволок XVI, получена дата — 4600 ± 80 (ТА — 2271). По орнаментации (качественные показатели) гребенчато-ямочная керамика с минеральными примесями сходна с керамикой типа Залавруга I. Появление в небольшом количестве этой посуды на территории Юго-Западного Прибеломорья, занятой в конце IV — первой четверти III тыс. до н. э. населением с ромбо-ямочной керамикой, достаточно симптоматично. Этот факт свидетельствует о проникновении, видимо, также в первой четверти III тыс. до н. э. на данную территорию небольших групп нового населения, скорее всего, с севера или, не исключено, с запада. Южное и восточное направления исключаются, так как там располагаются памятники с ромбо-ямочной керамикой.

Керамика типа Залавруга I без труда идентифицируется в коллекциях благодаря сочетанию таких признаков, как примесь органики или раковины и гребенчато-ямочный стиль орнаментации. Мотивы орнамента, характерные для керамики этого типа, постоянно встречаются в ромбо-ямочной керамике с поселений Юго-Западного Прибеломорья. Доля этих мотивов в любом исследованном комплексе с ромбо-ямочной керамикой составляет до 15%, тогда как в Юго-Западном Прибеломорье в керамике типа Залавруга I такие же мотивы в каждом комплексе представлены на 60 — 84% сосудов. Основными отличительными признаками керамики типа Залавруга I, по сравнению с более ранней ромбо-ямочной керамикой, являются следующие: 1) использование в качестве примеси раковины и органики; 2) орнаментация посуды крупными ямками округлой и неправильной формы в сочетании с оттисками гребенки; 3) заметный

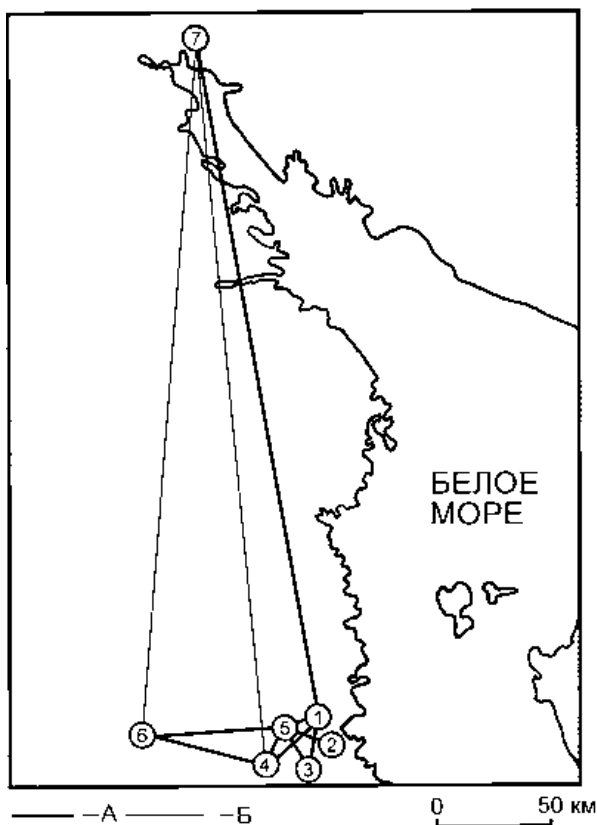

Рис. 11. Карта-граф степени сходства форм венчиков пористой гребенчато-ямочной керамики. 1 — Залавруга I; 2 — Залавруга II; 3 — Залавруга IV; 4 — Залавруга XVI; 5 — Золотец VI; 6 — поселения на оз. Тунгудское и на оз. Березовое; 7 — Нива IV, X, XI

Fig. 11. Scheme illustrating the degree of similarity between potter rims of Porous Comb Ware 1 — Zalavruga I; 2 — Zalavruga II; 3 — Zalavruga IV; 4 — Zalavruga XVI; 5 — Zolotets VI; 6 — settlements on lakes Tungundskoye and Berezovoye; 7 — Niva IV, X, XI

пористой гребенчато-ямочной керамики Западного Прибеломорья (рис. 11). Для посуды этого региона характерны венчики следующих форм: прямосрезанные, скошенные наружу или внутрь. В среднем около 50% венчиков прямосрезанные. Второе место занимают венчики, скошенные

процент в орнаментации занимают геометрические мотивы, диагональные (вертикальные) и горизонтальные зигзаги; 4) преобладают прямосрезанные формы венчиков. Отсутствуют венчики с двумя гранями и гофрированные, обычные для ромбо-ямочной керамики. Переходные комплексы между керамикой типа Залавруга I и ромбо-ямочной выявить в Юго-Западном Прибеломорье не удалось (Жульников, 2005).

Форма сосудов типа Залавруга I восходит к неолитическим традициям. В коллекциях представлены сосуды открытой формы и сосуды с цилиндрическим туловом. Сосуды закрытой формы единичны. Сосуды имеют округлое доннышко. Венчики все прямые, утолщенные, как правило, орнаментированы по верхнему срезу.

Количественное сопоставление форм венчиков позволило установить относительно высокую степень сходства комплексов

внутри. Изредка встречаются г-образные (с загибом края внутрь) и округлые венчики.

Таблица 4. Формы венчиков пористой гребенчато-ямочной керамики Прибеломорья.

№ п/п	Наименование памятника (группы памятников)	Формы венчиков (%)					Кол-во сосудов
							
1	Залавруга I	-	5,4	59,4	29,7	5,4	37
2	Залавруга II	-	18,1	36,3	45,4	-	11
3	Залавруга IV	-	12,5	62,5	25	-	8
4	Залавруга XVI	10	10	60	30	-	10
5	Золотец VI	-	20	50	30	-	10
6	Поселения оз. Тунгудское и оз. Березовое	11,1	22,2	44,4	22,2	-	9
7	Нива IV, X, XI	10	-	70	20	-	10
8	Кузнечиха (раскопки В.И.Смирнова)	-	-	93,3	6,6	-	15

От керамики типа Войнаволок XXVII комплексы керамики типа Залавруга I отличаются малой долей или полным отсутствием венчиков округлой формы. Во всех комплексах керамики типа Войнаволок XXVII заметный процент составляют венчики г-образной формы (с загибом края внутрь). К сожалению, в коллекции пористой гребенчато-ямочной керамики с поселений центральной части Кольского полуострова венчики единичны. Среди них имеются прямосрезанные и скошенные внутрь венчики. На поселении Кузнечиха (устье Северной Двины) доминируют прямосрезанные венчики, имеются единичные сосуды с венчиками, скошенными внутрь. В коллекциях пористой гребенчато-ямочной керамики с поселений бассейна р. Вычегда преобладают венчики, скошенные внутрь. В коллекциях посуды с поселений Эньты II, Ниремка I (бассейн р. Вычегда), Кончанское I, IV (бассейн р. Мсты) имеются специфические по форме венчики, которые не встречаются в пористой керамике Западного Прибеломорья. Например, в пористой посуде с поселений Кончанское I, IV значительную долю составляют г-образные венчики с загибом края наружу (Зими́на, 1981). Такая форма венчика характерна для волоховской керамики.

По количественным показателям наблюдается достаточно высокий процент сходства форм венчиков керамики типа Залавруга I и пористой гребенчато-ямочной керамики поселения Модлона, однако на сосудах с этого поселения отсутствуют венчики г-образной формы и венчики, скошенные наружу. Примечательно наличие в коллекции керамики с поселения Модлона венчиков с двумя гранями, характерных для ромбо-ямочной керамики Карелии и Восточного Прионежья. Несколько меньше показатели сходства форм венчиков керамики типа Залавруга I и керамики типа Войнаволок XXVII. Можно отметить сходство основных форм венчиков керамики типа Залавруга I и поздненеолитической ямочно-гребенчатой керамики (с минеральными примесями) Северной Карелии и Кольского полуострова.

Керамика типа Залавруга I украшена сочетанием двух, реже трех элементов. В основном это глубокие ямки и оттиски гребенки. Встречаются также оттиски гладких, рамчатых и иных штампов. Ямки, которыми украшена керамика типа Залавруга I, имеют «неолитоидную» форму — в основном глубокие, четкие. Доля ямок в орнаментации колеблется от 70% до 93,2%. Ямки двух видов: округлой и овальной формы. Сходные типы ямок использованы для украшения асбестовой гребенчато-ямочной керамики на поселении Кузеланкангас в Северной Финляндии. На поселении Мыс Семерка (I, II) пористая гребенчато-ямочная керамика украшена округлыми ямками, что является одним из признаков отличающих посуду этого поселения от керамики типа Залавруга I. На керамике типа Войнаволок XXVII преобладают мелкие ямки — в виде лунок. На керамике поселения Кузнечиха глубокие ямки расположены в основном в виде пояска только в верхней части сосуда. Доля ямок в орнаментации керамики этого поселения составляет всего 20 %. Ямки нанесены поверх мотивов из оттисков гребенки.

Ямки округлой формы в керамике типа Залавруга I, по-видимому, свидетельствуют о влиянии традиций поздненеолитической ямочно-гребенчатой керамики Северной Карелии и Кольского полуострова, возможно, типичной гребенчатой керамики Северной Финляндии. С другой стороны, овальные ямки в керамике типа Залавруга I, не встречающиеся в орнаментации северной поздненеолитической ямочно-гребенчатой посуды, близки традициям ромбо-ямочной керамики. В Прибеломорье поздненеолитическая ромбо-ямочная керамика орнаментирована ямками ромбической и овальной формы, в отличие от южной Карелии, на ней почти не встречаются округлые ямки. Исходя из этих данных, можно предположить, что основные формы ямок, характерные для керамики

типа Залавруга I, указывают на смешение в ней традиций двух основных типов поздненеолитической посуды Западного Прибеломорья.

Среди признаков, сближающих в хронологическом отношении керамику типа Залавруга I и ромбо-ямочную, можно отметить использование в орнаментации посуды этих двух типов рамчатых штампов. Рамчатые штампы не встречаются в Прибеломорье на энеолитической керамике типа Оровнаволок XVI.

Таблица 5. Орнаментальные композиции пористой (асбестовой) гребенчато-ямочной керамики Прибеломорья и Северной Финляндии

№ п / п	Наименование памятника (группы памятников)	Композиции (%) (рис. 12)																Всего сосудов	
		1	2	3	4	5	3, 6	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		16
1	Залавруга I	4.4	4.4	15.5	6.6		8.9	6.6	2.2	4.4	11.1	2.2	8.9	13.3	4.4	2.2	4.4		45
2	Залавруга II			40	10			10		10	10		10	10					10
3	Залавруга IV		22.2	33.3	22.2		11.1	11.1											9
4	Залавруга XVI			18.2	9.1			18.2			18.2		18.2	9.1		9.1			11
5	Золотец VI		13.3	13.3	6.6		20	13.3					6.6	20	6.6				15
6	Поселения оз. Тунгудское и оз. Березовое		11.7	17.6	5.9		5.9	17.6		5.9	23.5			11.7					17
7	Нива IV. X. XI		15.4	15.4		7.7				7.7	30.8		7.7	7.7		7.7			13
8	Мыс Семерка I. II (раскопки Н.Н. Гуриной и Ю.В. Титова)			6.2		18.7					37.5		6.2	12.5	6.2	6.2	6.2		16
9	Куузеланкангас							10		10	20		20	30		10			10
10	Кузнечиха (раскопки В.И. Смирнова)									27.2	4.5	9.1	27.2	4.5			18.1	13.6	22

Комплексы пористой гребенчато-ямочной керамики Западного Прибеломорья выделяются высокой степенью сходства орнаментальных композиций (рис. 13). Кроме того, выявлено сходство в орнаментации

керамики типа Залавруга I и керамики поселений Куузеланкангас, Мыс Семерка. В орнаментации пористой гребенчато-ямочной посуды поселений на р. Ниве и поселения Мыс Семерка использованы в основном простые мотивы, что объясняет высокий коэффициент сходства между этими комплексами. Мотивы, которые во многом определяют специфику керамики типа Залавруга I — диагональные и вертикальные зигзаги (рис. 12, 2), геометрические фигуры (рис. 12, 4), горизонтальные линии из оттисков гребенки с расположенными между ними ямками (рис. 12, 6), в орнаментации пористой гребенчато-ямочной керамики центральной части Кольского полуострова отсутствуют. Редко встречаются или совсем не представлены эти мотивы и в керамике поселения Куузеланкангас, пористой гребенчато-ямочной керамике поселений юго-запада Кольского полуострова. Эти различия в орнаментации, возможно, позволят, в перспективе, выделить локальные варианты пористой (асбестовой) гребенчато-ямочной керамики Западного Прибеломорья, Северной Финляндии, Кольского полуострова.

В орнаментации асбестовой керамики типа Войнаволок XXVII, распространяющейся в бассейне Онежского озера и северной части побережья Ладожского озера, доминируют горизонтальные оконтуренные зигзаги. Этот мотив не представлен в керамике типа Залавруга I. Такая специфическая черта пористой гребенчато-ямочной керамики поселения Модлона, как композиции из шагающей гребенки, не наблюдается в керамике типа Залавруга I. Таким образом, в керамике типа Залавруга I не обнаруживаются признаков южного и восточного влияний, что дополнительно свидетельствует о ее формировании преимущественно на территории Западного Прибеломорья.

Во второй половине III тыс. до н. э. на всей территории Карелии складывается единый тип керамики (Оровнаволок XVI). Керамика этого типа, распространяющаяся в Западном Прибеломорье, имеет ряд отличий от керамики бассейна Онежского озера: высокая доля сосудов с органическими примесями, преобладание венчиков прямосрезанных и скошенных внутрь. Эти признаки свидетельствуют о том, что традиции посуды типа Залавруга I стали одним из компонентов формирования керамики нового типа.

Проведенный анализ дает возможность отчасти локализовать территорию распространения керамики типа Залавруга I. Наиболее четко прослеживается южная граница, которая проходит по водоразделу между Белым морем и Онежским озером. Южнее располагаются памятники с керамикой типа Войнаволок XXVII. Существенные различия

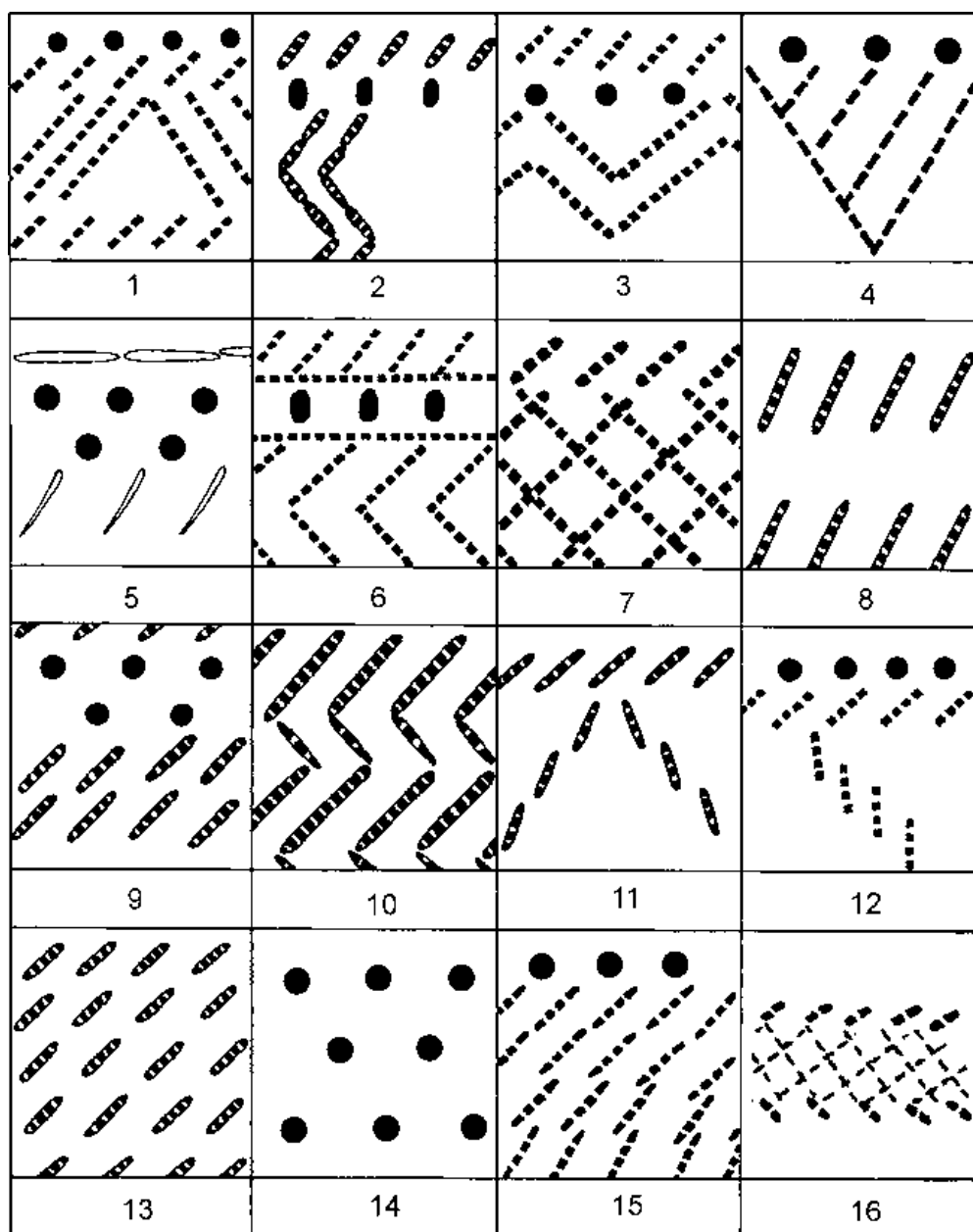

Рис. 12. Орнаментальные композиции пористой гребенчато-ямочной керамики При-беломорья

Fig. 12. Ornamental compositions of Porous Comb Ware from the White Sea

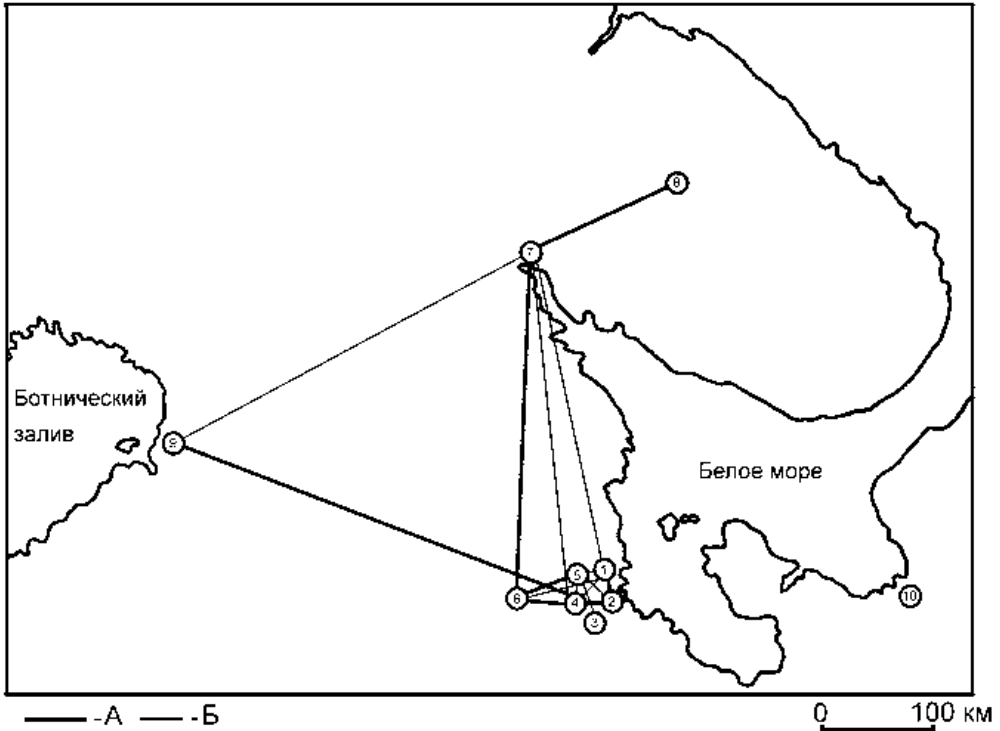

Рис. 13. Карта-граф степени сходства орнаментальных композиций пористой гребенчато-ямочной керамики. 1 — Залавруга I; 2 — Залавруга II; 3 — Залавруга IV; 4 — Залавруга XVI; 5 — Золотец VI; 6 — поселения оз. Тунгудское и оз. Березовое; 7 — Нива IV, X, XI; 8 — Мыс Семерка I, II; 9 — Куузеланкангас в Юли-ли Киерикки; 10 — Кузнечиха

Fig. 13. Scheme illustrating the degree of similarity between ornamental compositions of Porous Comb Ware. 1 — Zalavruga I; 2 — Zalavruga II; 3 — Zalavruga IV; 4 — Zalavruga XVI; 5 — Zolotets VI; 6 — settlements on lakes Tungundskoye and Berezovoye; 7 — Niva IV, X, XI; 8 — Mys Semerka I, II; 9 — Kuuzelankangas in Yuli-li Kierikki; 10 — Kuznechiha

между комплексами керамики типа Залавруга I и посудой поселения Кузнечиха, отсутствие в бассейне Северной Двины памятников с ромбо-ямочной керамикой — одного из основных компонентов в формировании посуды рассматриваемого типа, позволяет наметить восточную границу — примерно в районе низовьев р. Онеги. Северная и западная границы распространения типа Залавруга I не могут быть пока установлены, так как не удалось в должной мере определить специфику пористой (асбестовой) гребенчато-ямочной керамики Северной Финляндии и центральной части Кольского полуострова. Некоторые отличия, фик-

сируемые между комплексами пористой гребенчато-ямочной керамики поселений юго-западной и северной частей Кольского полуострова, отчасти подтверждают гипотезу Н. Н. Гуриной о наличии между этими территориями культурной границы, наблюдаемой начиная с эпохи неолита (Гурина, 1997).

Керамика типа Залавруга I не найдена в бассейне Онежского озера и, наоборот, в Прибеломорье имеются только единичные фрагменты керамики типа Войнаволок XXVII. Этот факт достаточно показателен, так как фрагменты керамики типа Войнаволок XXVII обнаружены на поселениях, удаленных на значительное расстояние от зоны распространения асбеста в природе — восточная и южная границы Балтийского щита. Керамика типа Войнаволок XXVII имеется в небольшом количестве (1–3 сосуда) на поселениях в бассейне рек Мста, Молога, Сухона и Онега (Жульников, 2006б. С. 330–333). Судя по этим находкам, население с ранней асбестовой керамикой активно перемещается в южном и восточном направлении, в том числе через водоразделы, а в северном направлении таких передвижек практически не наблюдается. Возможно, это связано с принадлежностью населения с керамикой типа Залавруга I и Войнаволок XXVII к разным хозяйственно-культурным типам. Население Западного Прибеломорья в конце эпохи неолита — это преимущественно морские охотники и рыболовы, а население, жившее на берегах Онежского озера, занималось речным и озерным рыболовством и охотой на копытных животных.

Выводы. 1. Повсеместные и синхронные сходные изменения в керамическом производстве (переход на примесь органики или раковины, преобладание в орнаментации сосудов оттисков гребенки), происходившие в конце эпохи неолита на территории Северной Европы, вряд ли могут быть следствием миграционных процессов. Эти существенные изменения в облике и технологии изготовления керамической посуды, видимо, следует отнести к стадиальным явлениям. Вопрос о причинах подобных явлений требует специального рассмотрения и не затрагивается в данной работе.

2. В керамике типа Залавруга I и каменном инвентаре, связанном с этим типом, имеются только некоторые косвенные признаки влияния традиций населения, проживавшего вне территории Западного Прибеломорья. Немаловажное значение имеет характер примеси в керамике данного типа. Единственным регионом, откуда в Прибеломорье могла появиться подобная примесь (в результате контактов групп древнего населения), видимо, является бассейн р. Онега. В верховьях р. Онега

(оз. Воже) во второй четверти III тыс. до н.э. появляется новое население, оставившего памятники с керамикой типа Модлона. Необходимо также учитывать, что контакты жителей Западного Прибеломорья, основанные на обмене кремнем, осуществлялись преимущественно с населением, проживавшем в низовьях р. Онега. При переселении населения из «кремневой зоны» следовало бы ожидать существенного увеличения притока кремня в северные районы Карелии, как это происходит в эпоху бронзы, однако ничего подобного в середине III тыс. до н.э. на этой территории мы не наблюдаем.

3. Формирование керамики типа Залавруга I происходит на территории, где в предшествующее время были распространены минимум два типа ямочно-гребенчатой керамики, между которыми наблюдается вполне отчетливая граница. Отличия в типах керамики, наличие границы между ними явно отражают различную направленность брачных связей населения Западного Прибеломорья, проживавшего здесь в начале III тыс. до н.э. Ситуация кардинально меняется к середине III тыс. до н.э. Имеется косвенная информация, свидетельствующая о перемещении групп населения из Приполярья в более южные районы. Видимо, в результате интеграции групп населения с разными типами керамики на всей территории Западного Прибеломорья формируется новый единый тип посуды — типа Залавруга I. Керамика этого типа имеет специфические черты, характерные как для ямочно-гребенчатой керамики Северной Карелии и Кольского полуострова, так, отчасти, и ромбо-ямочной керамики Юго-Западного Прибеломорья.

4. Показательно отсутствие в керамике типа Залавруга I признаков определяющих специфику ромбо-ямочной керамики — орнаментация посуды ямками ромбической формы, высокая доля венчиков с двумя гранями и гофрированных. Означает ли это, что «северная» традиция ямочно-гребенчатой керамики в определенный период возобладала? Представляется, что пока не достаточно данных, чтобы утвердительно ответить на этот вопрос.

5. Сходство комплексов пористой гребенчато-ямочной керамики Западного Прибеломорья и асбестовой керамики поселения Куузеланкангас, расположенного неподалеку от северо-восточного побережья Ботнического залива, указывает на устойчивые контакты между населением этих двух регионов.

ЛИТЕРАТУРА

- Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // Поселения эпохи неолита и раннего металла на Севере Европейской части СССР. МИА. 1951. № 20.
- Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. 1961. № 87.
- Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
- Жульников А. М. Проблемы хронологии и периодизации позднего энеолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Жульников А. М. Энеолитическое поселение Войнаволок XXVII // РА. 1993. №2.
- Жульников А. М. Древнее поселение Первомайская I // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1995. Вып. 3.
- Жульников А. М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск. 1999.
- Жульников А. М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск. 2003.
- Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2005.
- Жульников А. М. К вопросу о датировке Беломорских петроглифов // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и реконструкции. Соловки, 2006а.
- Жульников А. М. Асбест как показатель связей древнего населения Карелии // Тверской археологический сборник. Тверь, 2006б. Вып. 6.
- Зимица М. П. Неолит бассейна р. Мсты. М., 1981.
- Косинская Л. Л. Керамика поселения Ниремка I // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. МАЕСВ. Сыктывкар, 1986. Вып. 10.
- Лобанова Н. В. Археологические исследования на Карельском берегу Белого моря (2003–2005 гг.) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005.
- Логонова Э. С. Поселение Эньты II I // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. МАЕСВ. Сыктывкар, 1986. Вып. 10
- Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- Песонен П. Э. О двух древних поселениях в низовье р. Нива // СА. 1977. № 1.
- Савватеев Ю. А. Залавруга. Ч. 1: Петроглифы. Л., 1970.
- Савватеев Ю. А. Залавруга. Ч. 2: Стоянки. Л., 1977.
- Савватеев Ю. А. Новые петроглифы на о. Ерпин Пудас // СА. 1987. № 1.
- Савватеев Ю. А., Верещагин Н. К. Охотничье-промысловые животные и каменный инвентарь населения Карелии и южной части Кольского полуострова эпохи неолита и раннего металла // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск, 1978.
- Семенов В. А., Несанелене В. Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета). Сыктывкар, 1997.
- Смирнов В. И. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе // СА. 1940. VI.
- Тарасов А. Ю. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // Археологические вести. Санкт-Петербург, 2003. № 10.
- Шумкин В. Я. Керамика древнего населения Кольского полуострова (к вопросу о неолитизации в Северной Европе) // Неолит — энеолит юга и неолит севера Восточ-

- ной Европы. Санкт-Петербург, 2003.
- Karjalainen T. Comparisons Between the Artefact Assemblages of Six Neolithic Houses // Huts and Houses. Stone Age and Early Metal Age Buildings in Finland. Juväskylä, 2002
- Koivunen P., Makkonen M. Yli-Iin Kuuselankankaan kaivaukset 1993–1994 // Meteli. Oulun yliopiston arkeologian laboratorion tutkimusraportti. Oulu, 1998. №16.
- Pesonen P. Semisubterranean Houses in Finland — a Review // Huts and Houses. Stone Age and Early Metal Age Buildings in Finland. Juväskylä, 2002.
- Pesonen P. Neolithic pots and ceramics chronology — AMS-datings of Middle and Late Neolithic ceramics in Finland // Museoviraston arkeologian osaston julkaisuja Helsinki. 2004. № 10.

The Sites with the Zalavruga I Type Ceramics in the White Sea Region and Selected Issues in Studying White Sea Rock Carvings

A.M. Zhulnikov¹

The paper addresses the chronology and the genesis of porous comb-pit ceramics of type Zalavruga I, that had been singled out by the author in a number of settlements in Northern Karelia, Kola peninsular and Northern Finland. The Zalavruga I-type ceramics have peculiarities specific for both late comb-pit ceramics of Northern Karelia and Kola peninsular, and, partly, for rhomb-pit ceramics of the South-Eastern White Sea Coastal region. These ceramics are dated to the second quarter of the III millennium BC; in the relative chronology it takes an intermediate position between the rhomb-pit ceramics and the asbestos ceramics of the Orov Navolok XVI type (Kierikki–Pjelja). In the course of analysis of the elevation data for the settlement Zalavruga XVI (with the Zalavruga I type ceramics), of the nearby group of petroglyphs Zolotets I, and of other sites on the lower river Vyg, it was found that the rock carvings discovered in 2006 belonged to the culture of the population with the rhomb-pit ceramics. The pictured rows of reindeers on the lowest group of the rock carvings of the White Sea, Old Zalavruga, may be related to the Zalavruga I type ceramics.

¹ Karelian State Regional Museum, Petrozavodsk.

A Radiocarbon-dated Rock Painting in Finland?

J. -P. Taavitsainen¹

In spite of the rapid and intensive development of scientific dating methods, the dating of rock art remains problematic. Relative dating methods, AMS radiocarbon analysis and chronometric techniques seldom give reliable direct dates for rock art (on dating methods see e.g. Whitley, 2005. P. 53–70). This is also the case with rock art found in Russian Lapland (Shumkin, 1990. P. 53–67).

Since the beginning of rock art studies in Finland, the dating method most frequently applied has been shore displacement chronology (Saarnisto, 1969. P. 34–39). This method, however, provides terminus post quem dates. Based on the results of this geological method, the period of painted rock face sites in Finland has been dated to the Stone Age and the Early Metal Period. Estimates of the beginning of the tradition vary between 5 000 and 3 000 cal BC and its end from 1 500 cal BC to 500 AD (Lahelma, 2006. P. 30–31 and cited literature). Seitsonen has also demonstrated that there is stylistic variation in the art through time in the Lake Päijänne and Saimaa areas (Seitsonen, 2005a. P. 1–21; 2005b. P. 405–409; see also Lahelma, 2007. P. 31).

There are, however, Finnish rock-painting sites where artefacts, even datable ones, have been found (Table 1). Like the Saraakallio and Astuvansalmi painting sites, excavations at the well-known Flatruet rock-painting site in Sweden have also revealed arrowheads (Hansson, 2007. P. 79–87). The Finnish and Swedish artefact dates fit well within the dating based on shore displacement chronology. Also other, unfortunately hard-to-date, lithic materials such as quartz and chert have been found in Sweden and Norway [see more closely Adoranden (Adoranden, 2006) and Lahelma's (Lahelma, 2006. P. 3–6) summary of the Scandinavian and Russian excavations with finds including marks of the use of fire].

Among the paintings listed in Table 1, Valkeisaari at Taipalsaari is an exceptional location providing clues for dating rock art. The paintings on different levels and varying radiocarbon dates pose, however, a chronological problem. Soot scraped from potsherds representing Textile-Impressed Ware has produced the radiocarbon date $3\ 100 \pm 50$ BP (Hela–1127) or ca. 1 370 cal BC. Two seeds of edible plants produced an early medieval date. Bones including domesticates gave, not unexpectedly, a historical date. Lahelma has

¹ University of Turku / Archaeology.

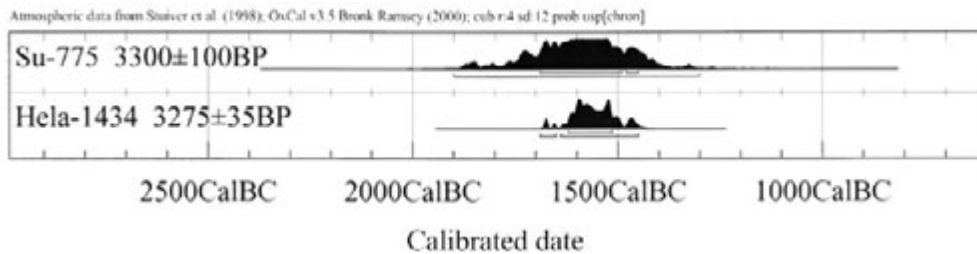
interpreted the site as a ritual deposit and dated it to the Early Metal Period (and possibly later) (Lahelma, 2006. P. 3–23). Flatruet in Sweden mentioned above is a similar case: it has also produced varying radiocarbon dates from the Stone Age and Early Middle Ages (Hansson, 2007. P. 84).

Table 1. Finds associated with Finnish rock-painting sites in the collections of the Finnish National Museum (NM). Modified from Lahelma 2006

Site	Description	Find number(s)
Iitti Kotojärvi	Elk bones	NM 18428: 2-4, 6-7, 10
	Bones of water-fowl	NM 18428: 7-8, 10
	Iron ore	NM 18428: 9
Laukaa Saraakallio	A fragment of a straight-based arrow point (porphyrite?)	NM 21774
	Flint (gun- or tinder flint?)	NM 27906
Lemi Venäinniemi	A quartz item and flakes	NM 34514:1-2
	Quartz fragments (of uncertain provenance)	NM 35465: 1-4
Luumäki Kalamaniemi 2	Flint-and quartz flakes, burnt bone, charcoal	NM 31547:1-7
Puumala Syrjäsalmi	A quartz core and flakes (uncertain)	NM 25736: 1-2
Ristiina Astuvansalmi	Slate arrow point	NM 17636: 1
	Straight-based quartz arrow point (fragment)	NM 17636: 2
	Anthropomorphic amber pendant	NM 25771
	Anthropomorphic amber pendant	NM 26331: 1
	Anthropomorphic amber pendant	NM 26331: 2
	Fragment of an amber object	NM 27146
	Anthropomorphic sandstone object	NM 26331: 3
	Mammalian bone (one fragment)	NM 26331:4
Taipalsaari Valkeisaari	Textile Ware pottery sherds (12 pieces, ca. 2/3 of a vessel)	NM 17040: 1
	Anthropomorphic pebble	NM 17040: 2
	Fragment of a flint object and two flakes	NM 17040: 3
	The finds of the 2005 excavations (quartz items and flakes, pottery, bones)	NM 35202: 1-85

Lahelma's list also mentions the Kotojärvi rock painting in Iitti, northern Kymenlaakso (fig.1 see on plate). The painting was found by the archaeologists Sinimarja Ojonen, Ushio Maeda and Lasse Ojonen in 1970. It contains two elk figures, a human figure and short superimposed horizontal lines in four places. Sinimarja Ojonen later carried out a small test excavation in the lake bottom in front of the painting. She reports that fragments of a left mandible with the

Fig. 3. The calibrated dates of the bones from Kotojärvi

second premolar *in situ*, and isolated complete left third premolar, fragments of third premolar as well as fragments of the shaft of a left metatarsal bone of *Alces alces* (identified by Prof. Björn Kurtén) were found at a depth of approx. 50 cm in the gravel bottom of the lake (Ojonen, 1974. P. 43) (fig. 2 see on plate). The article does not mention that eight bird bones were also found at the same time.

While planning an article of the dating of Finnish rock art, which unfortunately, for so-called general reasons, was never finished I had the Kotojärvi elk bones dated. It is hard to regard elk bones excavated in front of painted figures of elk a mere coincidence. The date of the bones might thus hint at the date of the painting. The bird bones, supposed to be those of water fowl, were left undated due to source-critical reasons: a lake bottom is a natural surrounding for them.

The bones were dated at the radiocarbon laboratory of the Geological Survey of Finland. The result was 3 300±100 (Su-775). When calibrated, the date is 1690 BC (61.8 %) 1 490 BC and 1 480 BC (6.4 %) 1450 BC. Lahelma, however, has had one of the bird bones dated (on the identifications, see Mannermaa, 2003. P. 38). A bone identified as woodcock (*Scolopax rusticola*), not actually water fowl, was dated. The result was 3 275±35 BP (Hela-1434), cal. 1 620 BC (68.2 %) 1515 BC. In fact, the date is identical with the previous one (fig. 3). The results, the turn of the Stone Age and Early Metal Period, is not radical, being well in accordance with previous dates. All the bones obviously belong to the same context.

Ojonen writes that it would be tempting to think how the Kotojärvi elk would have been offered or eaten at the painting (Ojonen, 1974. P. 43). Basing on the ethology of elk, the most popular subject of the Finnish paintings, and traditional ways of hunting, I have suggested that rock-painting sites may have been kill sites where different rituals were performed (Taavitsainen, 1978. P. 179–195). Whatever the general interpretation of rock paintings, we are certainly dealing with ritual deposits with regard to the finds described here. As Lahelma's excavations at the Valkeisaari painting demonstrate, also renewed excavations at Kotojärvi would certainly bring new finds to light and new

scholarly interpretations would follow.

Acknowledgements

Antti Lahelma MA has kindly given permission to use the date of the bird bone.

REFERENCES

- Adoranten. 2006. Excavations — Rock Art in Context.
- Hansson A. 2007. Hällmelningen på Flatruet, en arkeologisk undersökning. In Vilkuna, J., Taavitsainen, J.-P. & Heikkinen, V. (eds.) IV mittnordiska arkeologidagar Saarijärvi 14.–16. juni 2007. Keski-Suomi 20.
- Lahelma A. Excavating art: a ‘ritual deposit’ associated with the rock painting of Valkeissaari, Eastern Finland. // *Fennoscandia archaeologica* XXIII. 2006.
- Lahelma A. Recent developments in Finnish rock art research. // In Vilkuna J., Taavitsainen J.-P. & Heikkinen V. (eds.) IV mittnordiska arkeologidagar Saarijärvi 14.–16. juni 2007. Keski-Suomi 20: 2007.
- Mannermaa K. Birds in Finnish prehistory. // *Fennoscandia archaeologica* XX. 2003.
- Ojonen S. Hällmelningarna vid sjöarna Kotojärvi and Märkjärvi i Iitti. // *Finskt Museum* 1973. 1974.
- Saarnisto M. Geologie der Fundstätte Astuvansalmi. *Suomen Museo* 1969. 1969.
- Seitonen O. Shore displacement chronology of rock paintings at Lake Saimaa, Eastern Finland. *Before Farming* 2005/1, article 4: 1–21. 2005a.
- Seitonen O. Shore displacement dating of Finnish rock painting motifs — comparison between the Lake Saimaa and Lake Päijänne areas. // In Devlet, E (ed.) *Mir naskalnogo iskusstva — World of Rock Art. Papers presented at the international conference. Moscow, 2005b.*
- Shumkin V.Ya. The rock art of Russian Lapland. // *Fennoscandia archaeologica* VII. 1990
- Taavitsainen, Jussi-Pekka. Hällmelningarna — en ny synvinkel på Finlands förhistoria. *Suomen antropologi* 4. 1978.
- Whitley David S. *Introduction to Rock Art Research.* Left Coast Press Inc., Walnut Creek, California. 2005.

Наскальное искусство завораживает

Вяйно Пойкалайнен¹

На современных и прежних территориях расселения финно-угорских народов встречается немало произведений доисторического (первобытного) искусства. Это мелкая пластика из кости, дерева, металла, написанные или высеченные (петроглифы) наскальные изображения, культовые сооружения (могильники, сейды — священные камни у саамов, лабиринты), которые использовались для того, чтобы вдохнуть жизнь в древние народные верования. Кроме того, эти верования находили выражение в мифах, преданиях, ритуальных действиях. В них отражались представления о мироздании и соответствующий ему регламент поведения и норм общения. С помощью первобытного искусства и верований толковались явления природы, врачевались болезни, обучались дети, добывалась пища. Самую богатую информацию о доисторических верованиях донесли до нас наскальные рисунки и наскальная живопись. В первобытном искусстве и особенно в наскальных изображениях следует искать истоки национального самосознания, законодательства, естествознания, биологии, медицины и многих других наук, искусства и образования.

Значительные местонахождения наскального искусства обнаружены в Западной Сибири — в бассейне р. Томь (предки угорских племен), на Среднем и Южном Урале (предки угорских и пермских племен), в Восточной Карелии — на восточном побережье Онежского озера и в устье реки Выг (предки прибалтийско-финских и саамских племен), на Кольском полуострове — на островах оз. Канозеро, по среднему течению р. Поной (рис. 1 на вкладке) и на полуострове Рыбачий (предки саамских племен), в Северной Норвегии — на побережье фьорда Алта (предки саамских племен), а также в Восточной, Юго-Восточной и Южной Финляндии (предки прибалтийско-финских и саамских племен) (рис. 2). Эти памятники, созданные руками людей, которые жили охотой, рыбной ловлей и собирательством, относятся в основном к эпохе каменного и бронзового веков, не оставившей нам письменных памятников. Древнейшие из них — находки пещерной живописи на Южном Урале, созданные 15–17 тысячелетий назад. Возраст петроглифов в Карелии и писаниц в Финляндии исчисляется примерно 4–6 тысячелетиями.

¹ Эстонский Университет естественных наук (Тарту).

Наскальное искусство Кольского полуострова и фьорда Алта существует уже 3–6 тысяч лет.

Первобытное искусство, запечатленное на камнях и скалах, поначалу кажется довольно примитивным, но более подробное знакомство с ним захаровывает. Отчасти это объясняется несколько ребяческим, но доставляющим эстетическое удовольствие способом изображения. Однако более существенная причина кроется в осмысленности образов и силе обобщения, что обусловлено отражением в нем доисторических верований и близкого к природе образа жизни. Осмыслить наскальное творчество помогает и своеобразие тех природных форм — водоемов, скал, камней, в которых древние люди видели святилища и где совершали значимые для них магические и ритуальные действия. Целью их было достижение гармонии с окружающей средой и сохранение традиционного уклада жизни. Противоречие с законами природы, расточительное отношение к ней и отклонения от привычного образа жизни таили в себе опасность лишиться источников своего существования.

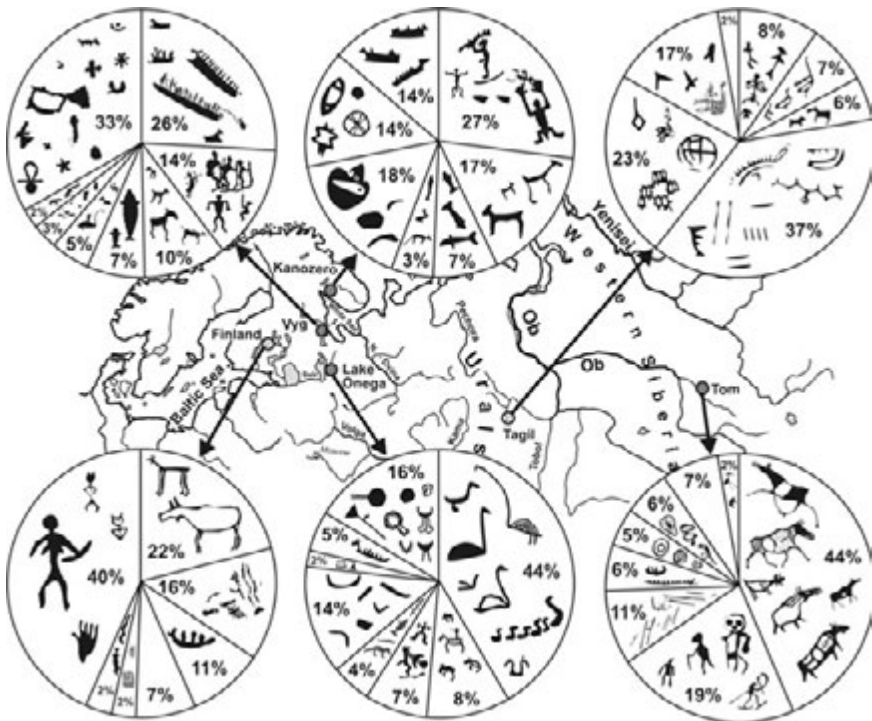

Рис. 2. Распространение наскального искусства и его основные мотивы на территориях проживания финно-угорских племен

Fig. 2. Spread of the rock carving art and its principal themes on the territory populated by Finno-Ugric tribes

Такой образ мышления уже чужд современному обществу, которое стремится достичь благосостояния и обеспечить уверенность в завтрашнем дне за счет ускоренного развития и роста потребления, что отнюдь не способствует сохранению гармоничных отношений с природой. Уже это затрудняет для нас толкование наскального искусства. Кроме того, первобытные верования и связанное с ними мировоззрение представляли более обширное целое, чем их фрагменты, дошедшие до нас в наскальном искусстве. Однако погружение в богатый фантазией мир наскальных образов с учетом эпохи и окружающей среды может помочь на мгновение мысленно оживить этот мир. Так же, как первые обрывочные ощущения самого раннего детства, содержание которых осталось до конца не осмысленным. Визуальные образы, звуки, запахи, полные эмоций и очарования, каждый вспоминает по-своему.

Under the Spell of Art

Väino Poikalainen

A great deal of ancient art is to be found in the present and historical territories of the Finno-Ugric peoples. Various figurines functioned of bone, wood, clay, or metal, figures painted onto rock (rock paintings) or carved into it (petroglyphs), as well as cult constructions and arrangements (barrows, sacred seita-stones, labyrinths etc.) were created to animate ancient religion. Myths, traditions and rituals served the same purpose. They all reflected a vision of the world order and corresponding behavioural and communicative patterns.

Ancient art and religious practices were used to explain natural phenomena to heal the sick, to teach children and to ensure sufficient food for the community. Rock art provides perhaps the richest source of information for our present knowledge of ancient beliefs. But the very roots of our modern world views, our national identities, legislation, natural sciences, medicine, as well as many other branches of sciences, art and education were nurtured by ancient art in general and rock art in particular.

The richest sites for Finno-Ugric rock art are found in: the Tom River basin of Western Siberia (Proto-Ugrian tribes); the central and southern areas of the Ural Mountains (Proto-Ugrian and Proto-Permian tribes); the eastern coast of Lake Onega and the Vyg (Uiku) River estuary in Eastern Karelia (Proto-Finnic and Proto-Saami tribes); the islands of Lake Kanozero, the middle courses

of the Ponoï River and Cape Rybachi in the Kola peninsula (Proto-Saamis); and in southern, Eastern, and Southeastern Finland (Proto-Finnic Tribes). Most of these monuments, which were created by ancient hunters, fishers and gatherers, date back to the Stone and Bronze Ages, for which no contemporary written sources are available. The oldest rock art ever discovered are the cave paintings found in the southern Urals. They are thought to be 15-17 thousand years old. The Karelian petroglyphs and the Finnish rock paintings are considered to be about 4-6 thousand years old. The Kola and Alta rock art was produced between 2.5-6 thousand years ago, while the age of the rock paintings of the middle and southern Urals as well as the Tom River petroglyphs is estimated at 3-6 thousand years.

Although the ancient images found on rocks may at first seem primitive, they eventually cast a spell over anyone who takes the trouble to look at them more deeply. Part of the reason for this may lie in their slightly childish yet aesthetically pleasing appearance. A more significant reason, however, is hidden in their power to reveal and make sense of the universality of creation, as it was reflected in ancient belief systems and a way of life closer to nature.

The significance of rock art is further enhanced by the very locations chosen as sacred sites. These were singularly shaped natural formations, bodies of water, rocks and stones where the essential magic and rituals necessary for the tribe's existence were carried out. The aim was to achieve a harmony between the man and the environment and to ensure the continuation of the traditional way of life. Any conflict with nature, any wasteful misuse of resources or deviation from familiar patterns might have posed a threat to the livelihood and very existence of the tribe itself.

This is a way of thinking that has almost been forgotten today. In our consumer society, prosperity and a sense of security are ensured through constant growth and an increase in consumption, which can only result in constant change. Perhaps for this reason alone, it becomes difficult for the modern person to comprehend rock art. Moreover, the ancient world view and system of beliefs were doubtless part of a considerably larger whole than the fragments that have been passed on to us in the form of rock art. And yet, we can use our rich capacity for imagination together with our sense of the time and place to penetrate this ancient world in order to bring it to life in our minds, if for no more than a brief moment. The resulting spiritual contact with our ancestors from beyond millennia will prove to be an unforgettable experience; much like the first sensations in childhood: fragmentary, perhaps not fully understood, pictures, sounds and smells out of one's memory, full of emotion and fascination, coming back to each person in its own way.

Петроглифы оз. Канозера: история открытия

В. А. Лихачев¹

Находка наскальных рисунков Канозера, возраст которых теряется в глубине веков, произошла в 1997 году, в конце 2 тысячелетия нашей эры. На данный момент это последнее крупное открытие петроглифов в Фенноскандии. До этого столь значительные открытия были сделаны в начале 70-х. Осенью 1972 года в Норвегии было найдено крупнейшее на данный момент в Северной Европе местонахождение петроглифов в Альте (Helskog, 2004. Р. 11–12)², в 1973 году на Кольском полуострове были открыты первые петроглифы на реке Поной, в местечке Чальмн-Варрэ (Shumkin, 2000. С. 210–240). Петроглифы Канозера заняли достойное место в ряду этих замечательных открытий. Число выявляемых рисунков растет с каждым годом, сейчас их количество перевалило за тысячу.

Открытие первых петроглифов на скалах Канозера имеет непреходящее значение. На карте мира появилось новое место, где имеется древнее наскальное искусство. Как это происходило? Вспомним немного подробности этого события.

Говоря об открытии петроглифов, мы понимаем под этим их открытие для науки и широкой общественности; но если быть справедливыми, человечество начало открывать наскальные рисунки Канозера еще с момента появления первых выбивок. Разнообразие стилистики петроглифов говорит о том, что острова Канозера посещали древние художники из различных мест Фенноскандии, знакомились с наскальными рисунками других художников и других эпох. Художественные приемы и темы заимствовались, осмыслялись, перерабатывались и проносились дальше через века, проявляясь в художественном творчестве, как ныне заселяющих эту территорию саамов, так и возможно других европейских народов. Весьма вероятно, что Канозерские петроглифы были известны саамам и в относительно недавнем прошлом (100–150 лет назад).

Нам пока неизвестно о существовании саамских поселений на озере Канозеро, но несомненно они там были. Богатое рыбой озеро и окрестности, заселенные диким оленем, привлекали саамов. Одним из свиде-

¹ Кольский центр охраны дикой природы (Апатиты).

² Скопление петроглифов в Альте насчитывает на данный момент около 5500 изображений (Helskog, 2004: 14).

тельств этому являются найденные на западном берегу озера ловчие ямы, с помощью которых саамы охотились на диких оленей. Кроме того, на карельском кладбище недалеко от деревни Канозеро существует специфическое «саамское» захоронение, где как надгробие использовались саамские сани — «кережа». Похоже, что более поздние поселки — деревня Канозеро и Подмуна — выросли на месте саамских поселений. В конце 19-го века на Канозерском пороге появились карелы, они пришли с Колвицкого озера. Видимо в это же время и появилась карельская деревня Канозеро. Известно, что карелы занимались жемчужным промыслом на реках Умба и Муна³ (Визе, 1912д. С. 741). В 20-м столетии в устье Муны появился поселок лесорубов и лесосплавщиков Подмуна. В поселке Канозеро до начала 90-х существовала метеостанция, сейчас находится пункт рыбинспекции, и здесь же живет хранитель наскальных рисунков — С. В. Верещагин, до открытия петроглифов работавший здесь рыбинспектором).

Местное население знало о существовании петроглифов. В 1998 году возвращаясь с Канозера, в поселке Погост (нижнее течение р. Умбы) мы познакомились с местным жителем, который видел эти рисунки в детстве. Геннадий Александрович Кобылин рассказал, что в 1949 году, будучи подростком, он гостил в поселке лесорубов. На островах Канозера мальчишки ловили окуней, и именно здесь местные ребята показали ему рисунки. Что же дети увидели на скалах? Человечки, олени, козы, овцы, рыбы, «шалаш», «избушки в три наката». Какие рисунки ребята могли интерпретировать как «избушки в три наката» остается загадкой. Занятые взрослые не обратили тогда внимание на находки детей.

Несколько слов об исследователях побывавших ранее на Канозере.

Конец 19-го века. «В 1887 году участники финской экспедиции на

³ «...около устья находится несколько изб, принадлежащих карелам, имеющим постоянное жительство в губе Колвице и отчасти на Колвиц-озере. Лов рыбы производится ими преимущественно в Кандалакшской губе и на Колвиц-озере, отчасти, на Канозере и р. Умбе, где они главным образом промышляют семгу к великому неудовольствию умбян, считающих рыбное богатство р. Умбы за свою полную и неотъемлемую собственность и уверяющих, что будто с тех пор, как на Канозере появились карелы, в забор, построенный в устье Умбы, стало попадать меньше семги. Последнее вряд ли соответствует истине, так как карелов, промышляющих семгу на Канозере и Умбе, всего-то человек пять, да и то лов семги производится ими побочным образом, главный же их помысел в этих местах - лов жемчуга. За жемчугом карелы приходят сюда в начале июля, когда реки начинают мелеть. Ищут жемчуг главным образом в Умбе и Муне; берега этих рек усеяны кучами разбитых раковин жемчужноносных перловок.» (ИАГО, номер 16, стр. 741, 739-746).

Кольский полуостров Эдгрен и Левандер сделали попытку подняться на лодках вверх по течению реки. Но добрались они только до Канозера. Трудности пути, крутые водопады и большие пороги заставили их вернуться обратно⁴. После них проф. Рамзай спускался в карбасе по всему течению р. Умбы и, как говорят, произвел даже глазомерную съемку этой реки, однако карта эта до сих пор нигде не опубликована. В 1910 году по Умбе, вместе с двумя карелами, спускался один шведский этнограф». (Визе, 1912в. С. 555).

1910. Шведский этнограф, упомянутый Визе, был известный археолог Густав Хальстрем. В ночь с 13 на 14 августа 1910 года исследователь пересек Канозеро. Возможно из-за сильного ветра, который обычно стихает лишь к вечеру, озеро пришлось пересекать ночью. По неизвестной нам причине исследователь не достал фотоаппарат, чтобы запечатлеть Канозеро, несмотря на то, что вел подробную фотосъемку всего своего маршрута. Он сделал снимок перед самым озером на Канозерском пороге, а следующие — уже на порогах реки после озера. Скорее всего Хальстрем в сумерках полярного дня просто проглядел живописные скалистые острова. Или же он просто спал под монотонный скрип уключин, пока нанятые им карелы гребли через озеро. Иначе сложно объяснить, как такой опытный исследователь, специально нацеленный на поиск наскального искусства, мог пропустить это место, потенциальное с точки зрения археологических памятников. Ведь уже через 12 дней, 26 августа исследователь изучал петроглифы Бесова Носа на Онежском озере⁵. Документация Хальстремом Онежских петроглифов в 1910 году и продолженная в 1914 году внесла свой значительный вклад в мировое признание Карельских петроглифов (Саватеев, 1999). Но, к сожалению, Канозерские петроглифы оказались у Хальстрема, буквально, за бортом⁶.

1911. На Канозере побывал географ Владимир Юльевич Визе поднимаясь от устья реки Умба до Умбозера. Результатами экспедиции Визе

⁴ Fennia III, № 6, стр. 16.

⁵ Даты путешествия Хальстрема восстановлены по данным его фотоархива хранящегося в университете Умео и расположенного на сайте <http://www.foark.umu.se/samlingar/hand07A.htm>

⁶ В 1926 году житель деревни Выгостров старовер Г. П. Матросов показал молодому этнографу Александру Линевскому на одном из островов устья реки Выг скопление петроглифов имеющих народное название «Бесовы следки». Узнав об этой находке Хальстрем сокрушался о том, что когда он путешествовал в этих местах в 1910 году (как раз на пути от Канозера к Онежскому озеру), никто ему об этих рисунках из местных жителей не поведал (Саватеев, 1967: 112).

стали две работы: «Лопарские сейды» и «Из путевых заметок по реке Умба» (Визе, 1912а. С. 395–401; 1912б. С. 453–459).

1925. Сотрудником Института по изучению Севера В. И. Влодавцем была произведена съемка реки Умба от устья до Умбозера и части ее притока р. Муны, довольно значительно исправляющая данные лесных планов Умбского лесничества. На скалистом носу в юго-западной части острова Горелый (Большой Подмунский) имеется надпись «Е. Е. Б. АКБ» и ниже — «1925 июнь 1925 июль». Возможно ее сделал кто-то из экспедиции В. И. Влодавца.

1948. Начало геологической съемки на Канозере (И. Бельков, И. Д. Батиева). Геологические исследования Канозера продолжаются и в 50-х годах. И. Д. Батиева сообщила, что в районе Канозера имеются амазонитовые пегматиты, месторождение розового кварца. И. Д. Батиева: «Острова на озере действительно очень интересные. На них имеются симпатичные скальные выходы, так называемые «бараньи лбы», сложенные порфиоровыми метасоматитами и метапироксенитами (мягкая горная порода содержащая серпентинит). При осмотре этих островков никаких рисунков и надписей на скалах не видела» (2000 г., расспрашивал В. Лихачев) (Лихачев, 2001. С. 5–20).

1962. Здесь работала Канозерская поисково-ревизионная партия под руководством С. А. Крутякова. Сохранился фотоальбом этой экспедиции, в котором на отдельной странице собраны фотографии скалистых островов. На снимках хорошо видно насколько гуще был лесной покров островов, а так же отсутствие надписей на скалах. Несмотря на то, что геологи восхищались «бараньими лбами», и фотографировали их, они не отметили никаких изображений на скалах.

Конец 70-х — начало 80-х. Возобновилась традиция выбивать надписи. Первая такая надпись, как мы уже упоминали, появилась в 1925 году. Расцвет «наскального» творчества приходится на конец 80-х и 90-х годов 20-го века. В это время становится популярным среди туристов водный маршрут по реке Умба. Надписи туристов-водников частично испортили многие ценные древние рисунки. До 1997 года никто из них и не подозревал о существовании древнего пласта наскального творчества.

Открытие рисунков.

1997 — 1999 годы. В 1997 году краеведческим музеем поселка Ревда была организована экспедиция — сплав на спасательном плоту ПСН-10

⁷ Участники экспедиции от Ревдинского музея: Юрий Иванов, Денис Комаров, Александр Федотов, Алексей Федотов и краеведы из Ловозера: Владимир Кузнецов и Сергей Рочев.

по реке Умба. Пятого июля, на четвертый день пути, участники экспедиции⁷ достигли озера Канозеро, расположенного в среднем течении реки Умба. Преодолев четыре километра на веслах против сильного встречного ветра, ребята остановились отдохнуть и переждать ветер на скалистом острове, который обозначен в туристских логиях как остров Каменный⁸. На скалах острова внимание участника экспедиции Юрия Иванова привлекли надписи туристов. Ю. Иванов: «Сколько людей здесь побывало из разных городов! Захотелось найти самую старую надпись. ... среди иголок, какого-то мусора заметил темные пятна. Начал расчищать, показалось изображение лодки с гребцами, рядом еще одно — олень. Первая мысль — может быть это что-то древнее. Раньше видел рисунки в Чальмн-Варрэ, на Поное, много читал об этом в книгах. Хотя доля сомнения, конечно, была: как это, на таком острове, где так много современных надписей, может быть что-то древнее? Сразу решил сообщить ребятам. Подошли, посмотрели: да, что-то есть... лодки, олень... Может быть древнее. Все, конечно, даже я, отнеслись к этому как к какой-то шутке туристической. На всякий случай мы решили сфотографировать эти рисунки, сняли их на видео, чтобы показать затем специалистам» (Лихачев, 2001. С. 7).

Всего в тот раз было найдено четыре рисунка⁹. В октябре того же года сотрудники Ревдинского музея¹⁰ провели еще один экспедиционный выезд на Канозеро. Чтобы развеять сомнения, было решено добыть свидетельства древности найденных петроглифов, сделать их копии и поискать другие. На Каменном острове были сделаны фотографии лишайников растущих на поверхности нескольких наскальных рисунков. По возвращении снимки были показаны специалистам Полярно-Альпийского Ботанического Сада-Института КНЦ РАН (Апатиты). Лихенологи определили, что возраст лишайника покрывающего один из петроглифов не менее ста лет(!). Таким образом, было доказано, что петроглифы не являются современной фальсификацией.

Во время осенней поездки 1997 года, несмотря на пасмурную погоду и плохое освещение, рядом с уже известными находками было найдено еще пять рисунков, группа получила название Каменный 1. Была так же найдена новая группа Каменный 2, состоящая из двух изображений на

⁸ Другое географическое название острова Скалистый. Другие острова с петроглифами так же имеют по два название. Так острова Подмунские: Большой и Малый, называют так же Горелым и Еловым.

⁹ По возвращении на фотографии было обнаружено еще одно изображение.

¹⁰ В составе Иван Вдовин, Вадим Лихачев, Юрий Иванов, Александр Федотов.

отдельном валуне. Находок могло бы быть больше, если бы не внезапно выпавший снег, который укрыл скалы других островов. Но даже эти скромные находки показали, что здесь может быть еще много рисунков. Честно говоря, в то время сложно было предположить, что через 10 лет количество петроглифов возрастет в сотни раз.

Первые фотографии Канозерских петроглифов были показаны археологу из Санкт-Петербурга Владимиру Шумкину¹¹. Вместе с ним находку оценил выдающийся исследователь наскального искусства профессор Санкт-Петербургского университета Абрам Давыдович Столяр¹².

Изучая фотографии изображений, исследователи сразу уловили в стилистике рисунков продолжение Беломорской традиции наскального искусства (Залавруга, Карелия), но в тоже время отметили и местный колорит изображений. Специалистами захотелось поскорее побывать на месте.

Первая информация о находке и некоторые изображения были опубликованы в региональной прессе. В феврале 1998 года в газете «Мурманский вестник» вышла статья «Рисункам над Умбой тысячи лет» (Лихачев, 1998а. С. 3), в газете «Ловозерская правда» — статья «Время вырезанное в камни» (Лихачев, 1998б. С. 2). Примерно в это же время по мурманскому телевидению в программе «Земляки» был показан сюжет об открытии петроглифов и осенней экспедиции к ним.

В июне 1998 года в экспедиции Ревдинского краеведческого музея на Канозеро¹³ принял участие археолог Владимир Шумкин. Под руководством эксперта за две недели на трех островах и одном скальном выходе (получившем название «скала Одинокая») было выявлено около 250 рисунков в восьми скоплениях. Подлинность и древность петроглифов была неопровержимо доказана. Делались графитные копии наскальных изображений, фотографии, составлялись карты островов. Исследователи работали по 15 часов в сутки, с островов уходили поздней ночью,

¹¹ Руководитель Кольской археологической экспедиции, первооткрыватель петроглифов в Чальмны-Варре и писаниц п-ва Рыбачий. Обратится к нему нам посоветовала Евгения Пация — сотрудник Апатитского музея истории изучения Севера.

Профессор Санкт-Петербургского университета, автор многочисленных статей о наскальном искусстве, фундаментальной монографии «Происхождение изобразительного искусства» (Искусство, М, 1985) и книги о петроглифах Карелии «По Бесовым следам».

Другие участники экспедиции: Вадим Лихачев, Юрий Иванов, Владимир Кустиков.

¹³ Транспортную поддержку оказало руководство Апатитского ЖКХ (Михаил Чекрыгин).

благо на Севере летом ночи светлые. Постоянные находки будоражили всех участников экспедиции, все пребывали в легкой эйфории и каждый день торжественно отмечали новые необыкновенные находки.

Осенью 1998 года информация о Канозерских петроглифах начала свое «шествие» по международным симпозиумам и конференциям. Небольшая фотовыставка и видеофильм были представлены на международном симпозиуме ACRA II (The Alta Conference on Rock Art «Theoretical Perspectives in Rock Art Research»¹⁴) 2–6 сентября 1998, Альта (Норвегия), затем — на международной конференции в Петрозаводске, посвященной 150 годовщине открытия Онежских петроглифов¹⁵. В 1999 году появилась первая публикация о находке петроглифов Канозера на английском языке (Likhatchev, 1999. P. 44–47).

Июнь 1999 года — открытие первого изображения Каменный 7. «Бараний лоб», почти полностью закрытый дерном, привлек внимание, когда на нем обнажился участок скалы под туристской тропой. В месте, где на тропе был сбит дерн, стало хорошо заметно изображение лося. Позднее, при расчистке изображения, стало понятно, что это часть уникальной сцены — охоты с лодки на лосей.

В июле 1999 года председатель эстонского общества изучения наскального искусства Вяйно Пойкалайнен обнаружил примечательную группу Горелый 2 с изображением «колеса», человека и оленя.

В сентябре 1999 года на Канозере приступила к работе Кольская археологическая экспедиция под руководством Владимира Шумкина. В этом году количество открытых групп изображения возросло до 16, а общее число рисунков приблизилось к 400.

В частности были открыты интересные группы Еловый 3, Еловый 4 и Еловый 5. Изображения колес в группе Еловый 3 обнаружил эстонец Лойт Йекалда.

2000–2007. Значительным этапом в изучении наскальных рисунков Канозера стала планомерная работа Кольской археологической экспедиции по документации петроглифов.

Кольская археологическая экспедиция¹⁶ работала на озере в

¹⁴Конференция в Альте по наскальному искусству «Теоретические перспективы в изучении наскального искусства».

¹⁵The Workshop on Petroglyphs 150 Anniversary of the Lake Onega Petroglyphs Discovery. 14. 9.–18. 9. 1998, Petrozavodsk, Russia.

¹⁶Постоянные члены — Владимир Шумкин, Антон Мурашкин, Евгений Колпаков. В разное время в состав экспедиции входили Юрий Иванов, Вадим Лихачев, Владимир Терехенин — главный фотограф государственного Эрмитажа, Анатолий Клер, Марк Шахнович, Ян Магну, Ллойд Йекалда, Александр Русинов, Андрей Наволоцкий и др.

1999 — 2002, 2005, 2007 годах и, несомненно, продолжит свои работы далее.

За период с 1997 по 2007 годы общее количество найденных изображений на скалах Канозера превысило 1000 (18 групп изображений). Учеными выполнен значительный объем по документации петроглифов, сделан ряд научных публикаций, докладов на международных конференциях и конгрессах.

Находка петроглифов вызвала большой общественный резонанс.

В 2001 году сотрудниками Ревдинского краеведческого музея совместно с телекомпанией ГТРК «Мурман» была создана серия телефильмов об этом открытии¹⁷. Ревдинским краеведческим музеем было подготовлено несколько выставок и статей в местной прессе. Продолжается работа по популяризации петроглифов Канозера и сейчас. В последние годы в работу по популяризации Канозерских петроглифов активно включились сотрудники Кировского краеведческого музея. В 2006 году музеем была подготовлена экспозиция, посвященная петроглифам. Сотрудники музея публикуют статьи и выступают на конференциях. С 2005 года популяризацией петроглифов также занимаются сотрудники Кольского центра охраны дикой природы. Сейчас центром готовится книга, в которой в популярной форме будет рассказано о петроглифах Канозера.

ЛИТЕРАТУРА

- Визе В. Ю. Лопарские сейды // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912а. № 9.
- Визе В. Ю. Лопарские сейды // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912б. № 10.
- Визе В. Ю. Из путевых заметок по р. Умбе // Известия Архангельского о-ва изучения Русского севера. 1912в. № 12.
- Визе В. Ю. Лопарские сейды // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912г. № 15.
- Визе В. Ю. Лопарские сейды // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912д. № 16.
- Лихачев В. А. Петроглифы Канозера // Великая каменная летопись (новая находка на скальных изображениях на Кольском полуострове). Наука и бизнес на Мурмане. 2001. Мурманск, Вып. 4.
- Лихачев В. А. Рисункам над Умбой тысячи лет. «Мурманский вестник», ежедневная газета № 31(1674), 17 Февраля 1998. Мурманск, 1998а.

¹⁷ «Обретение прошлого»: часть первая (28 мин.) «На порогах открытия»; часть вторая и третья (34 мин.) «Великая каменная летопись». Автор и оператор — Вадим Лихачев, режиссер — Владимир Никитин. ГТРК «Мурман». Март–Сентябрь 2000 г.

- Лихачев В. А. Время врезанное в камни. «Ловозерская правда», еженедельная газета. № 6–7 (7357–7358), 13 Февраля 1998, Ловозеро, Мурманская область, 1998б.
- Савватеев Ю. А. Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967.
- Савватеев Ю. А. Вечные письма (К 150-летию открытия наскальных изображений Карелии) // Журнал «Север». 1999. № 2.
- Шумкин В. Я. Наскальное творчество Лапландии. Каменная летопись тысячелетия // Коренные народы севера. Археологические и этнографические исследования. // Сборник докладов XXVIII областной (III международной) краеведческой научно-практической конференции. Мурманск, 2002.
- Helskog K. The Rock Art North of the Arctic Circle // Archeology in North Norway. Tromso University Museum, Tromso. 2004.
- Helskog K. Helleristningene i Alta. Alta. 1988.
- Likhatchev V. New discoveries of rock carvings on Kola Peninsula Adoranten. // Yearbook of the Scandinavian Society for Prehistoric Art, pp. 44–47. (Sweden): Museum of Rock Carvings. Tanum, 1999.
- Shumkin V. The rock art, labyrinths, Seids and Beliefs of Eastern Lapland's Ancient Population // MYANDASH — rock art in the ancient Arctic. Rovaniemi, 2000.

ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИИ

- http://culture.karelia.ru/file/32/Савватеев_Север.doc
- http://www.qwercus.narod.ru/vise_umba.htm#comm2
- <http://www.foark.umu.se/samlingar/hand07A.htm>

Петроглифы Канозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.)

Е. М. Колпаков¹

Первые наскальные рисунки на оз. Канозеро (в группе Каменный 1) были открыты в 1997 г. сотрудником краеведческого музея пос. Ревда Юрием Ивановым. В 1998 г. в экспедиции Ревдинского музея принял участие В. Я. Шумкин, на трех островах (острова Горелый, Еловый, Каменный) и «материковой» скале (скала Одинокая) было открыто 8 групп петроглифов. С 1999 г. Кольская археологическая экспедиция под руководством В. Я. Шумкина приступила к поиску, фиксации и изучению наскальных рисунков на оз. Канозеро. По состоянию на 2005 г. известно около 850 изображений в 19 группах.

Данная статья является частью коллективной работы по подготовке Канозерских петроглифов к публикации. Поэтому в ней не рассматриваются вопросы расчленения петроглифов на хронологические и стилистические пласты, а также корреляции типологических особенностей изображений с техникой их выбивки.

Методические замечания. В работе анализируются только те изображения, особенности которых не препятствуют уверенному определению используемых признаков. Поврежденные, незаконченные или неясные изображения и части изображений в анализе не используются.

Как композиции рассматриваются следующие группы изображений: 1) пространственно отделенные друг от друга (самые большие композиции, выделенные таким образом — это группы петроглифов, выбитые на отдельных скалах); 2) связанные в одно целое физически (например, соединенные выбитыми линиями); 3) связанные единым сюжетом.

Разумеется, во всех случаях (особенно в последнем) должна быть приведена дополнительная аргументация в пользу композиционного единства изображений.

Собственно типологические задачи сводятся к следующим: 1) выявить общие признаки для всего комплекса Канозерских петроглифов; 2) общие признаки для отдельных групп и признаки, различающие группы; 3) признаки, характерные для определенной группы, но встречающиеся и в других группах; 4) сходные и различные признаки с другими памятниками наскального искусства Северной Европы.

Последняя задача в данной статье будет затронута лишь эскизно — очевидно, что это тема для отдельной работы.

¹ МОО «Центр стратегических и политических исследований».

Таблица 1. Основные типы фигур и их распределение по группам²

	g1	g2	g3	g4	e1	e2	e3	e4	e5	e6
Антропоморфы	2	1			6	12	10	1	1	1
Лоси-олени		2			5	4	6	1	1	
Лоси						2				
Олени	1				1					
Китообразные					5	11				
Рыбы					3	1				
Змеи							1			
Бобры										
Медведи										
Выдры										
Птицы										
Звери				1	2	2				
Лодки			1		7	25	1			1
Кресты					1	1	1			
Колеса		1					3			
Топоры-жезлы					1					
Копья										
Условные фигуры				2	4	2	4	2		
Следы человека						3				
Следы медведя										
Следы лося-оленя					1					
Следы лыж							1			
Чаш. углубления					7					
Разные	1				10	59	17			
Всего	4	4	1	3	53	122	44	4	2	2

² Группы петроглифов и их сокращенные названия:

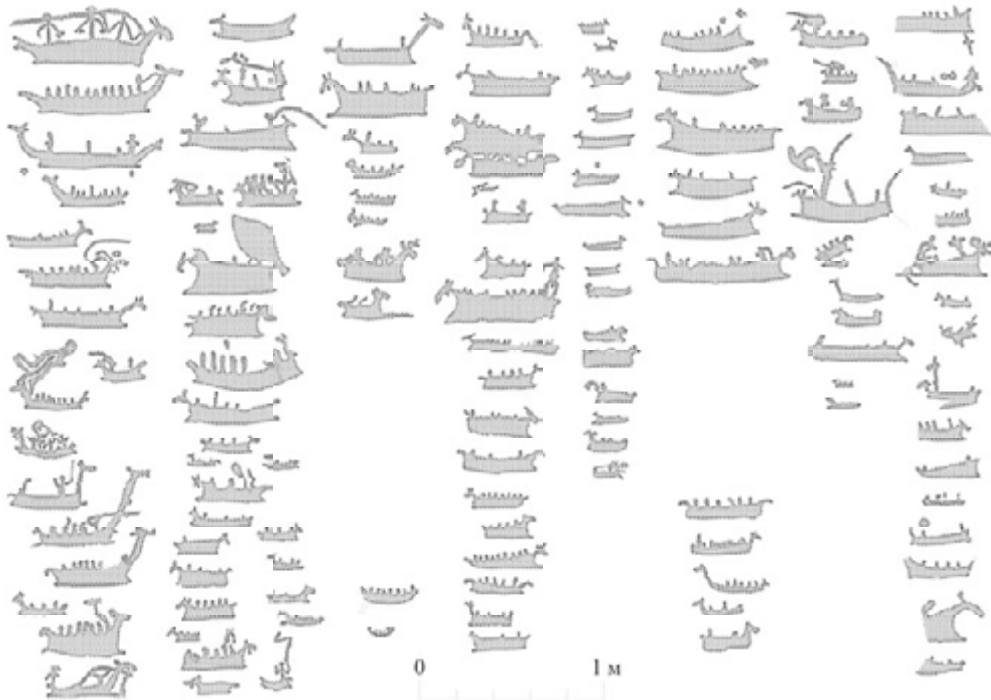
Горелый 1 — g1, Горелый 2 — g2, Горелый 3 — g3, Горелый 4 — g4, Еловый 1 — e1, Еловый 2 — e2, Еловый 3 — e3, Еловый 4 — e4, Еловый 5 — e5, Еловый 6 — e6, Каменный 1 — k1, Каменный 2 — k2, Каменный 3 — k3, Каменный 4 — k4, Каменный 5 — k5, Каменный 6 — k6, Каменный 7 — k7, Каменный 8 — k8, скала Одинокая — g0.

После буквы “n” приводится условный номер изображения в группе. Например, «k7n23» — группа Каменный 7 изображение номер 23.

Таблица 1. Основные типы фигур и их распределение по группам (окончание)

	k1	k2	k3	k4	k5	k6	k7	k8	r0	Всего
Антропоморфы	3	2	4	4	4	2	38	1	25	117
Лоси-олени	3		7		2	2	18		6	57
Лоси			2				12			16
Олени			1				2			5
Китообразные	6		2				22		1	47
Рыбы	1		2							7
Змеи						1	1		1	4
Бобры							2			2
Медведи							2			2
Выдры			1				2			3
Птицы	4				1		4			9
Звери										5
Лодки	9		9		4		61	5	3	126
Кресты							1			4
Колеса						1			1	6
Топоры-железы			1	1			1			4
Копья				1			7	1		9
Условные фигуры	1		2	1		1	5	2	5	31
Следы человека			25	5			19	3		55
Следы медведя							28			28
Следы лося-олени			1			13	5			20
Следы лыж							35	6		42
Чаш. углубления	7		2	3	3	7	8	3		40
Разные	3		13		3		113		8	227
Всего	37	2	72	15	17	27	386	21	50	866

Лодки. (109 «археологически» целых и 16 «незаконченных»).

Все лодки изображены в профиль, поверхность скалы внутри контура полностью выбита. Используются следующие признаки: форма корпуса (борта), особенности носа и кормы, форма форштевня. Отметим, что в изображениях лодок отсутствуют детали, которые можно интерпретировать как мачты, паруса, весла или гребки. (Лишь в лодке k7n327 есть предмет, похожий на гребок, однако это изображение недостаточно четкое для его уверенной идентификации). Нельзя также определить изображен ли весь корпус лодки или только его надводная часть.

Конструктивные признаки, которые изображены на петроглифах: 1) форма корпуса в профиль, 2) выступающий вперед и назад по низу корпуса штевень, 3) высокий форштевень с головой животного, 4) ахтерштевень, идущий от кормы горизонтально или наклонно вверх.

Форма корпуса у всех лодок подпрямоугольная. Есть всего два исключения: лодки k3n43 и k7n359, которые имеют серповидный профиль без штевней, форштевня и ахтерштевня. Их пока исключим из дальнейшего рассмотрения конструктивных особенностей.

Подпрямоугольные корпуса у некоторых лодок слегка выгнуты вниз. Если верхние и нижние линии корпуса непараллельны, то они всегда расходятся от кормы к носу.

Штевни отсутствуют лишь у пяти лодок [r0n8, k3n4, k7n270, k7n223, k7n206]. Причем лишь у двух из них носовых штевней не должно быть «иконографически», поскольку корпус переходит в длинный форштевень по плавной дуге.

В остальных случаях, примерно поровну, представлены изображения: а) только с носовым штевнем, б) с носовым и кормовым штевнями. У шести лодок носовые штевни особенно длинные.

Форштевни с головой животного (лося или оленя) есть у всех лодок (кроме серповидных). Во всех определяемых случаях — это голова именно лося, что подчеркивается «серьгой» (13) и характерной формой морды

Рога никогда не изображаются, но, как правило, достаточно реалистично изображены одно или два уха. Лишь в одном случае (k7n97) уши изображены непропорционально большими, загнутыми назад, но и они не похожи на рога.

24 лодки имеют особо удлиненные форштевни.

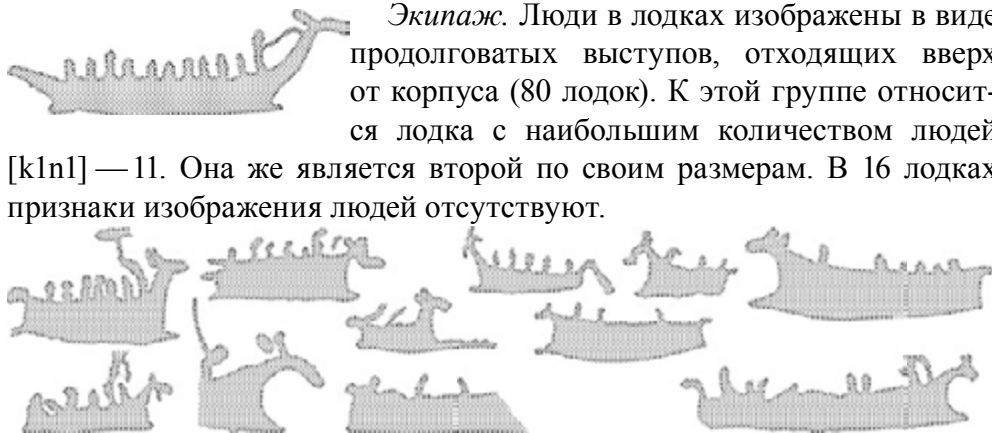
Ахтерштевни можно считать отсутствующими лишь в 13 случаях из всех определяемых (114). Они изображены в виде тонкого стержня (иногда просто выступа), отходящего от кормы горизонтально назад или под углом вверх. Нередко конец ахтерштевня загнут вниз или от него отходит вниз короткий отросток.

Реконструкция. Таким образом, можно заключить, что создателям петроглифов важно было изобразить «лосиный» форштевень, носовой штевень и ахтерштевень. Дополнительным подтверждением этому служат изображения лодок, выполненные наиболее тщательно и одновременно

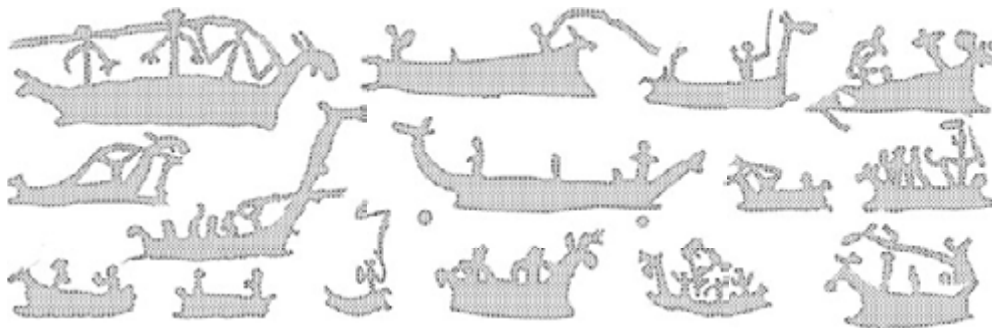
менно являющиеся самыми крупными по размерам. Большинство из них имеют удлиненный форштевень, выраженный носовой штевень, кормовой штевень или прямоугольную нижнюю часть кормы и четко выраженный ахтерштевень, часто с отростком вниз. Отклонения от этого «идеала» немногочисленны и выглядят несущественными, поскольку, в основном, относятся к мелким (с плохо различимыми деталями) или грубовато выполненным изображениям.

В связи с этим, наиболее обоснованным выглядит заключение о том, что на всех Канозерских петроглифах представлен только один тип конструкции судна (кроме двух серповидных). Подходящим к нашим изображениям типом судна является конструкция, в основе которой лежит широкая килевая доска, на которой крепятся борта, нос и корма. Доска эта выступает вперед, за пределы носа, и назад, за корму, образуя силуэт, соответствующий канозерским изображениям лодок. Такие лодки достаточно известны этнографически. Близкие конструкции лодок можно встретить и в наши дни на Онежском озере.

Экипаж. Люди в лодках изображены в виде продолговатых выступов, отходящих вверх от корпуса (80 лодок). К этой группе относится лодка с наибольшим количеством людей [k1n1] — 11. Она же является второй по своим размерам. В 16 лодках признаки изображения людей отсутствуют.

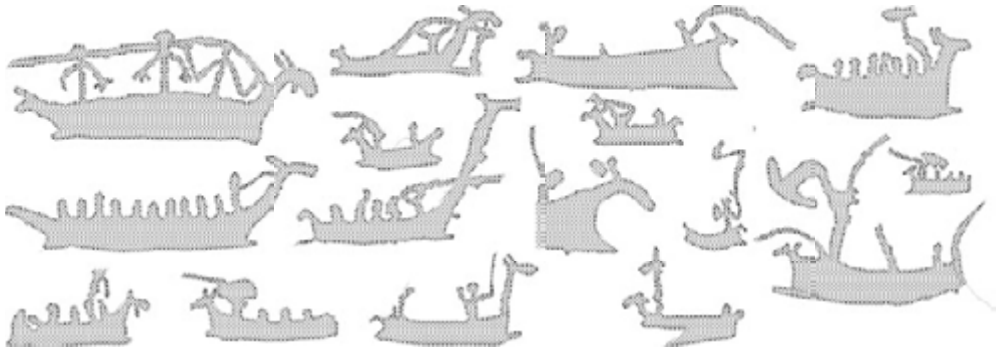
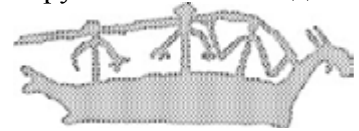
В 11 лодках люди-выступы, как кажется, намеренно изогнуты в разные стороны, что придаёт им индивидуальные черты. В 15 лодках хотя бы один человек изображен с руками и, как правило, с головой. Характерно,

что именно на этих изображениях люди часто несоразмерно большие по сравнению с лодкой. Видимо, это сделано для того, чтобы показать людей более детально. При этом лодки могут быть изображены несколько грубовато, но с сохранением всех обязательных атрибутов: высокий форштевень с «лосиной» головой, носовой штевень, ахтерштевень.

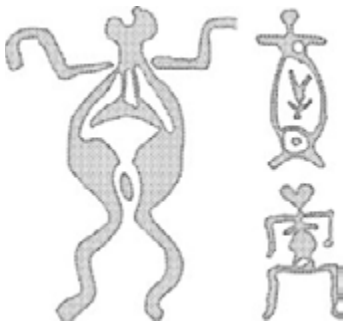

Наконец, есть два исключительных изображения. На одной лодке [k7n94] человек стоит на корме в полный рост: у него изображены голова, руки, ноги и фаллос. В другой лодке [k7n330] — изображены три человека с пальцами на руках. Эта лодка самая крупная — 86 см в длину. В 16 случаях от первого человека в лодке отходит лить (в уже упоминавшейся лодке k7n347, возможно, от второго). Если изображены руки, то лить находится в руках.

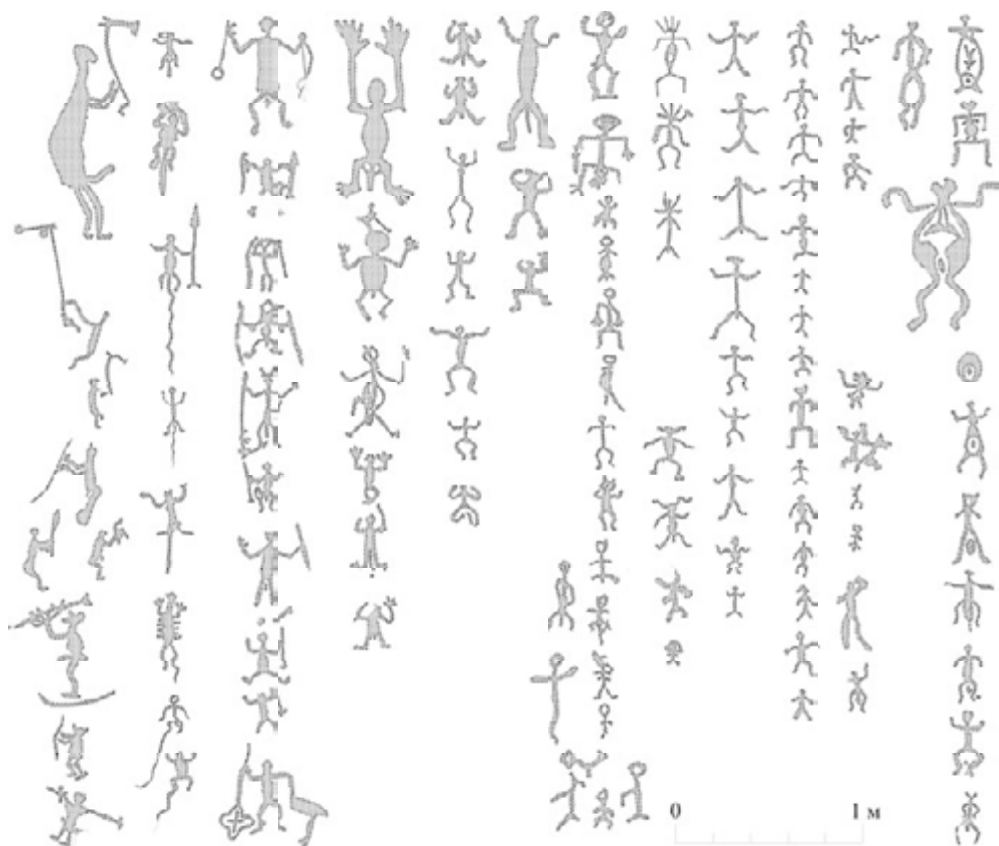
Антропоморфные фигуры. (104 «археологически» целые и 8 «неясные», без учета экипажей лодок).

Пол. Не вызывающее сомнений изображение фаллоса есть у 26 фигур, у трех из них изображены и тестикулы.

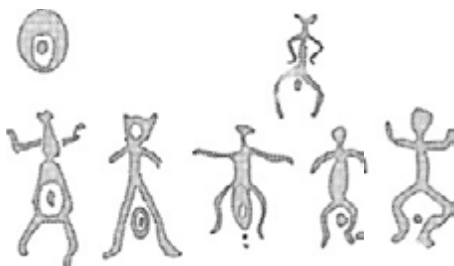
Безусловно женскими можно считать три фигуры, у которых разными способами изображены грудь и вульва (k1n6, e4n3); внутри одной из них изображен маленький человек — ребенок в утробе матери (k4n1).

Выделим признаки пола на этих трех женских фигурах. На k1n6 — вульва изображена как невыбитый овал внизу выбитого живота. На e4n3 — она дана в виде выбитого овала, окруженного невыбитым участком скальной

поверхности внутри выбитого тела. На k4n1 — под грудью фигуры оставлен невыбитый участок, и в нем выбивкой изображена фигура маленького человека головой вниз, а под ним оставлена невыбитая окружность, внутри которой выбит круг. Кроме того, у двух фигур (k1n6 и e4n3) голова раздвоена, чего нет ни у одного несомненно мужского изображения.

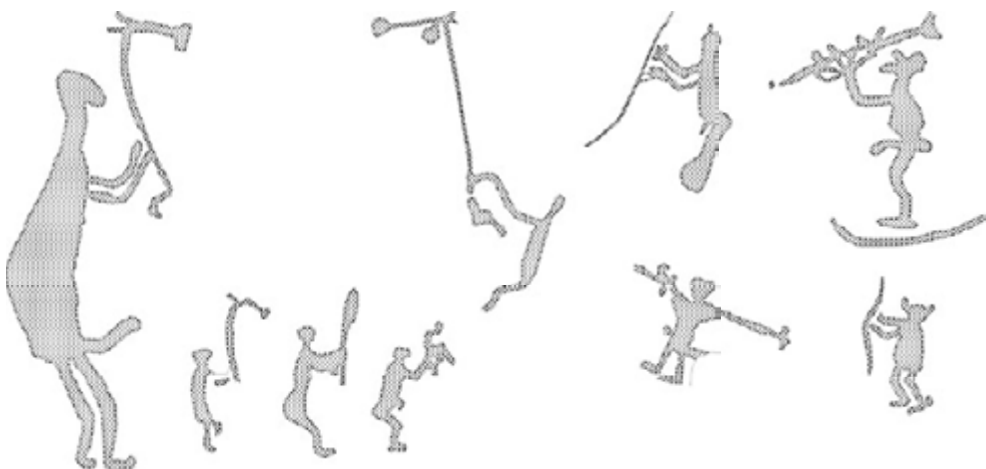

Рассмотрим другие изображения с этими признаками. У фигуры k7n243 туловище расширено книзу и в нем изображена вульва в виде кружка, вписанного в невыбитую окружность, голова слегка раздвоена, и над ней также помещена вульва из окружностей. У фигуры k7n244 вульва из окружностей изображена между ног. У k5n10 выбитый овал является продолжением тела между ног и в нем еще выбит овал. У трех фигур [k7n102, k1n30, e2n75] ноги от туловища расходятся, а затем сходятся к пяткам, образуя овал или ромб, внутри которого выбит кружок, что напоминает канозерские изображения вульвы. У последней — голова раздвоена. Таким образом, по аналогии с тремя женскими фигурами и последние шесть фигур можно отнести к женским. Атрибуция этих фигур как женских находит дополнительные аргументы при рассмотрении их в композициях, что будет сделано ниже

Таким образом пол определим у трети антропоморфных фигур. Отметим, что определяемые женские фигуры в руках ничего не держат.

Профиль — анфас. Девять фигур изображены в профиль (8.7%), остальные — анфас.

Все профильные фигуры держат в руках какой-нибудь предмет: три — топор в виде лосиной головы, одна — копье (+1?), одна — пальму (рогатину), одна — лук?, одна — гребок или дубинку, одна — неясный предмет. Кроме них только у 11 фигур есть в руках предметы. Самая высокая фигура (k7n130) — 103 см, изображена в профиль.

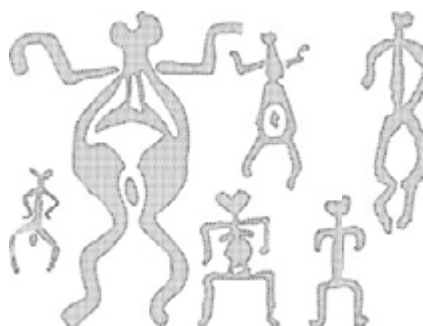

Хвосты — фаллосы.
 (8). В четырех случаях фаллос изображен длиннее ног, в двух из них — в виде извивающейся длинной линии; у трех фигур одна нога изображена длинной и извивающейся, и у одной фигуры длинный

фаллос частично сливается с ногой. Такой элемент фигуры можно интерпретировать как хвост. Однако этому препятствует фигура k5n11 с изображенными тестикулами, что вроде бы говорит о том, что изображен именно фаллос, а не хвост. Учитывая, что других фигур с близкими деталями нет, наиболее вероятным выглядит предположение о том, что и в остальных семи перечисленных случаях этот элемент фигуры связан с фаллосом.

Головы. Формы голов антропоморфных фигур самые разнообразные. Выделяются головы (6 экз.) с отчетливой выемкой сверху, четыре из них принадлежат фигурам, которые определяются как женские. Скорее всего и оставшиеся две фигуры можно считать женскими [g1n3, k3n38]. Это единственная корреляция формы головы с другими признаками, которую удалось выявить.

Головы большинства фигур выбиты полностью и не имеют никаких деталей. Лишь у 23 фигур головы выбиты внутри не полностью: у 18 — выбивка контурная, у 3 — внутри головы оставлено невыбитое кольцо [e1n25, e1n26, k3n48]. Еще у трех контур головы разделен вертикальной невыбитой перемычкой: две из них имеют круглую голову [e2n46, r0n3] и одна — подтреугольную [e2n6].

У трех фигур головы изображены в виде длинных расходящихся лучей: у фигуры k2n1 — четырех, у фигуры r0n30 — пяти, причем пятый луч заканчивается лосиной головой; у фигуры e3n36 — пять лучей (которые можно также рассматривать как голову и отходящие от шеи четыре луча).

У целого ряда фигур форма головы напоминает звериную (прежде всего, медвежью). Однако схематичность и разнообразие форм не позволяют уверенно их определить.

Пальцы. У 16 фигур изображены пальцы на руках, а у одной из них — на ногах и руках [k1n5]. В восьми случаях пальцы соединены с каким-нибудь предметом.

Фигуры с предметами. (11 экз.; кроме описанных выше 9 фигур, изображенных в профиль). Одна фигура относится к группе k4, все остальные — к группе k7. Для них характерны разведенные в стороны руки с поднятыми предплечьями. В одной или обеих руках они держат предметы. В определенных случаях — это пальмы (рогатины) и копья, у одной фигуры — в левой руке птица, похожая на гуся, в правой — крест [k7n200].

Четыре фигуры держат стержневидные предметы в обеих руках. Предметы в руках фигуры k7n320 непонятны, поскольку частично перебиты. У оставшихся трех — в левой руке копьё (у фигуры k7n197 отчетливо прорисована пальма), а в правой — изогнутый в верхней части стержень. Пока не ясно, что он изображает.

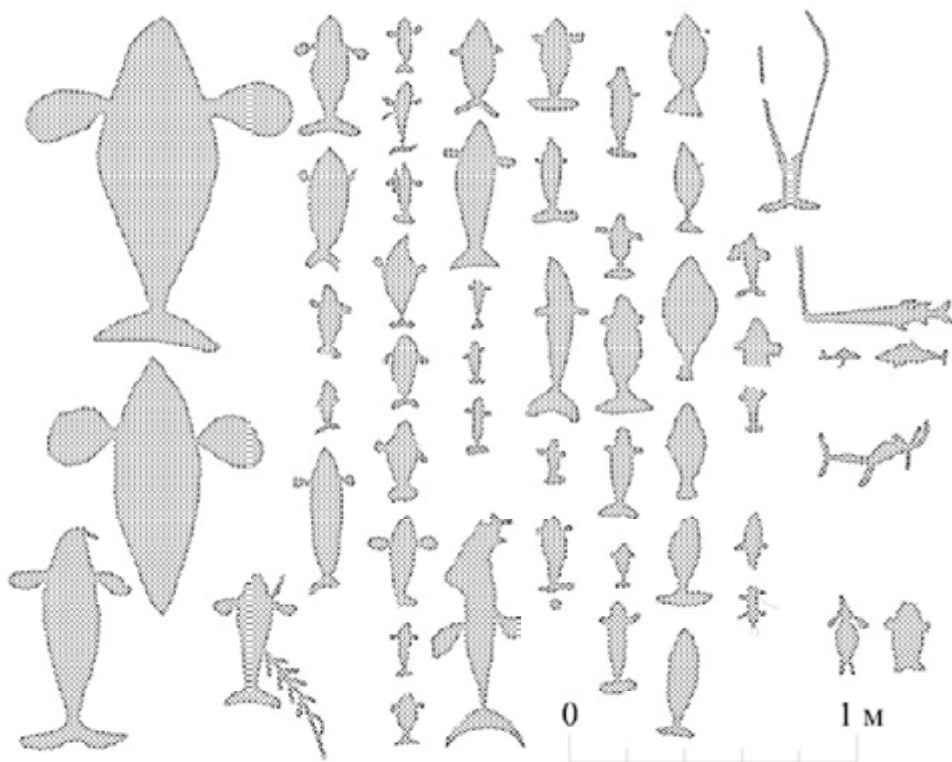
Рыбы и морские животные. (54).

Фигуры с хвостовыми плавниками.

Профиль — анфас. Четыре фигуры, скорее всего, изображены в профиль. Полной уверенности в этом нет из-за условности изображений. К этой группе относится и единственное изображение с четырьмя грудными плавниками, возможно, щука [k1n18].

Все остальные изображения даны как бы сверху: длинное веретенообразное тело, более или менее симметричная пара плавников, расположенных ближе к голове и направленных в противоположные стороны (4 фигуры — без плавников), широкий (за исключением двух) симметричный хвост (хвостовые плавники) в одной плоскости с грудными плавниками.

Плавники и хвосты. Только четыре фигуры не имеют грудных плавников. У двух из них и особый хвост: треугольный узкий — эти фигуры напоминают камбалу или палтус [k3n7, e1n8]. У фигуры e1n20

изображен широкий треугольный хвост, а плавники обозначены маленькими кружками. У е1п7 только один плавник обозначен кружком, хвост — подтреугольной формы (вероятно, плохо сохранилась). Последние две фигуры также напоминают камбалу или палтус. У фигуры k7n137 лопасти хвоста направлены под углом назад — возможно, имеются ввиду ласты ластоногих.

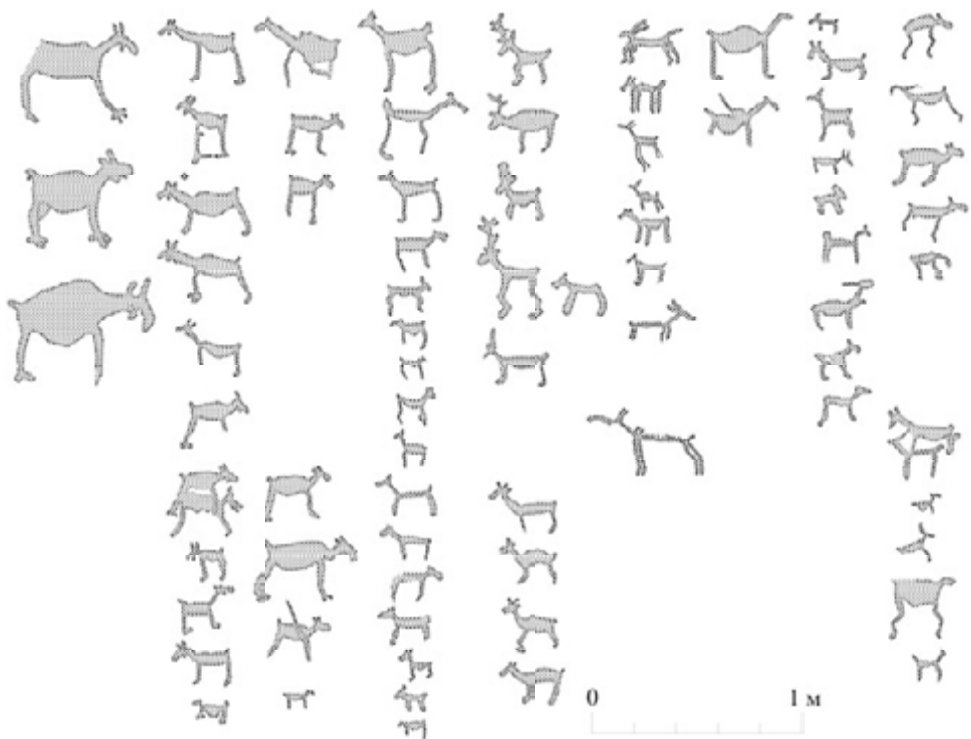
У 26 фигур плавники к основанию сужаются, у пяти — сужается к основанию один плавник, и у пяти — оба плавника имеют одинаковую ширину. Что касается последних, то их нельзя считать качественно выполненными.

Все крупные и тщательно выполненные фигуры имеют основание грудных плавников в несколько раз уже их лопастей.

Морды. Изображаются как заостренными, так и овальными. У фигуры k7n289 — морда тупая.

По опознаваемым на петроглифах признакам подавляющее большинство изображений «рыб» следует отнести к китообразным, причем скорее к усатым китам. Более точные родовые и видовые определения весьма проблематичны, так как видовые признаки изображены весьма неточно.

Лоси и олени. (78). (22 лося, 5 оленей). Все фигуры изображены в профиль. У всех есть хвостики, торчащие под углом вверх, одно или два уха (кроме k7n87), две ноги: одна — передняя и одна — задняя. У трех фигур [e2n2, k1n37, r0n38] изображены три ноги и у пяти [e2n37, e3n27, e3n31, e3n37, e4n4] — четыре ноги. Большие рога изображены у пяти животных, у 2-х — рога маленькие, как третье ухо. У 17 фигур изображена серьга, и их уверенно можно считать изображениями лосей. Еще шесть фигур без серьги входят в композиции с предыдущими и выполнены в одном стиле и технике с ними. Их тоже можно считать изображениями лосей. Ни у одной из них рога не показаны.

В группе Каменный 7 есть четыре фигуры выполненные тщательнее остальных, с четкой проработкой ряда деталей. Три лося (лосихи) изображены с серьгой, характерной отвисшей мордой, горбом, парой ушей, без рогов. На ногах у животных показаны пальцы (от двух до четырех) [k7n1, k7n230, k7n245]. Одно изображение (северного оленя) имеет большие рога, тупую морду, характерную форму туловища и позу пасущегося оленя (k7n344). Учитывая описанное распределение признаков, можно считать пять большерогих фигур изображениями оленей.

Птицы. (9). 5 фигур [k1n12, k1n13, k1n14, k1n15, k5n7] представляют собой схематичное профильное изображение водоплавающей птицы с опущенной вниз ногой. Больше всего они похожи на гусей.

Поза двух профильных фигур с длинной шеей и длинной опущенной ногой [k7n161, k7n202] более всего соответствует стоящей цапле.

Есть два уникальных изображения птиц. Профильное изображение, поза которого соответствует сидящей куропатке [k7n131]. Однако у этой «птички» — крупный загнутый вниз клюв, хохолок, мощная пятипалая лапа, направленная вперед, и широкий хвост.

Летающая птица в проекции снизу [k7n131]: расправленные загибающиеся назад крылья с обозначенными перьями, вытянутая вперед длинная шея и голова с длинным клювом, вытянутые назад длинные ноги, широкий овалный приостренный сзади хвост.

Звери. (7). Профильные фигуры зверей: изображены одна передняя и одна задняя лапы, ухо на голове, хвост. Две из них, видимо, изображают медведей [k7n121, k7n377]: толстая шея, массивная морда, расширяющиеся книзу лапы, короткий хвостик. В композициях один — соединен линем с лодкой, как будто он загарпунен, другой — поражен охотником в грудь копьем.

Фигуры с длинными хвостами (2 экз.) — по этому признаку могут обозначать лису или песца [e2n60, e2n69].

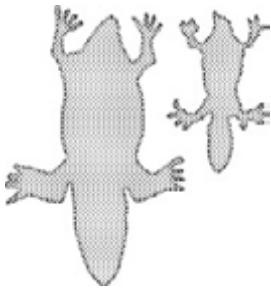
Фигуры (2 экз.) с более длинными стоячими ушами и характерной для зайца позой [g4n1, e1n50].

Одна фигура, с обозначенным фаллосом, напоминает собаку [e1n28].

Выдры. (3). Вид сверху: длинное тело, длинный узкий хвост,

две пары коротких лап, отходящие в стороны от тела [k3n25, k7n310]. У третьей фигуры [k7n203] задние лапы и хвост отсутствуют. Однако, эта часть тела у неё стерта. В тоже время и её голова сильно отличается от голов всех остальных изображений животных — подтреугольная на тонкой шее. В общем, эти фигуры лишь очень отдаленно напоминают выдру.

Бобры. (2). Вид сверху: широкое тело, широкий овальный хвост, передняя пара четырехпалых лап направлена в стороны и вперед, задняя пара четырехпалых лап направлена в стороны, голова подтреугольная без шеи.

Эти фигуры достаточно уверенно определяются как изображения бобров [k7n95, k7n349]. У первого из них на правой стороне морды есть два выступа — возможно, так обозначены резцы.

Змеи (4). Извивающиеся линии. Два изображения очень четкие, одно — с разинутой пастью [e1n42] [k7n139]. Два других — читаются плохо [k6n27, k7n134].

Следы (144). Выделяются следы оленя, медвежьих, «человеческие» и лыжные.

Лыжные. К лыжам относятся 8 отпечатков снегоступов овально-заостренной формы с двумя или тремя поперечинами [e3n5, k7n378, k8n12, k8n13, k8n14, k8n19, k8n20], 31 отпечаток скользящих лыж, образующих лыжню из двух параллельных прерывистых линий [начиная от k7n21], и три следа от лыжной палки справа от лыжни на подразумеваемом спуске с горы. Последние точно воспроизводят след от лыжной палки на рыхлом снегу, когда палка выносится вперед, слегка задевая за поверхность, и втыкается в снег — длинная тонкая линия с кружком на конце.

Оленьи. (20). В группе Каменный 6 следы северного оленя изображены почти с фотографической точностью (13 фигур): отпечатки раздвоенного копыта и пальцев в снегу или мягком грунте. Еще шесть следов в разных группах изображают лишь раздвоенное копыто [e1n46, k3n47, k7n166, k7n255, k7n256, k7n324]. Одно изображение состоит из одного большого и двух маленьких кружков [k7n266].

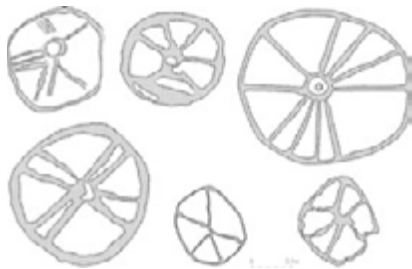
Медвежьи. (28). Несомненные медвежьи следы есть только в сцене охоты на медведя в группе Каменный 7: отпечатки подтреугольной формы с четырьмя или пятью пальцами. Их атрибуция находит дополнительное обоснование в рамках всей композиции, в которой есть лыжные следы и следы ног охотника.

«Человеческие». (55) — овальной и подтреугольной формы (?), с пальцами и без них. Среди них есть как очень похожие на след человеческой ступни, так и близкие к медвежьему следу. Наличие переходных форм этих следов не позволяет разделить их на отдельные типы без натяжки.

Учитывая, что количество пальцев на них достигает шести–семи [k8n5, k7n120], по крайней мере, часть из них может относиться к фантастическим существам. Хотя, судя по Канозерским фигурам с пальцами на руках и/или ногах, их количество редко имело значение.

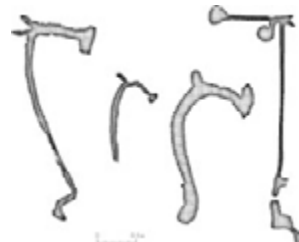

Кресты. (4). [e1n32, e2n96, e3n41, k7n201]. Три изображения представляют собой равнолучевой крест, вписанный в другой; а одно [e3n41] состоит из трех, вписанных друг в друга крестов. Один крест как бы висит на линии, который держит в правой руке человек. Все кресты неправильной формы.

Колеса. (6). Окружность с обозначенным центром и несколькими радиусами. Радиусов-спиц от 5 до 10. (Три колеса включены в композиции с человеком и оленем [g2n1, e3n20, k6n4], два [e3n24, e3n44] находятся в 0.75 м и 0.47 м от e3n20, и одно [г0n6] в сочетании с непонятными фигурами).

Топоры-жезлы. (4). Три из них находятся в руках антропоморфных персонажей [e1n14, k4n7, k7n130], один изображен сам по себе [k3n24]. У трех топоров изогнутое топорорище. Верхний, более изогнутый, его конец заканчивается поперечным лезвием, которое одновременно можно трактовать и как лосиную морду; на обушной части изображены одно или два уха. Один топор-жезл имеет прямое «топорорище» с загнутым назад нижним концом и двумя ушками на обухе топора [k4n7].

Копья. (9). К ним отнесены только те фигуры, которые по форме или смыслу композиции несомненно являются копьями. Пять из них имеют упор на нижнем конце копья (как на саамских пальмах), у двух — изображены наконечники. Все копья находятся в руках антропоморфных фигур.

Чашевидные углубления. (40). Углубления округлые в плане и чашевидные в разрезе, до нескольких сантиметров в диаметре. В это число не включены те углубления, которые являются неотъемлемыми деталями других фигур.

Условные фигуры. (31). К ним отнесены фигуры, которые достаточ-

но отчетливо читаются, но при этом не могут быть интерпретированы в известных нам понятиях. Среди них можно выделить фигуру e4n1, которая скорее всего является крайне стилизованным изображением медвежьей головы; фигуру k7n, похожую на костяной рыболовной крючок эпохи раннего металла и фигуру k8n28, в составе которой есть изображение человеческой кисти с пятью пальцами.

Разные. (227). Это фигуры, которые повреждены так, что пока не поддаются разумной атрибуции. Нередко это вызвано наложением одних выбивок на другие.

Композиции

Таблица 2. Типы композиций и их распределение по группам

	g1	g2	g3	g4	e1	e2	e3	e4	e5	e6	k1	k2	k3	k4	k5	k6	k7	k8	r0	
Бес с бабой					1	1				?	1						2		2	7
Семья							2										1		1	4
Пара						1											2		1	4
Любовь									1								1			2
Любовный треугольник														1			1			2
Человек с колесом		1					1									1				3
Охота с лодки на китообразных						8					2						10			20
Охота с лодки																	3			3
Охота на медведя																	1			1
Охотник																		1		1

И еще одна композиция, e1n26, в которой фигуры, аналогичные бесубабе-лосю, не соединены друг с другом.

Следует также упомянуть композицию e2n46, которая, вероятнее всего, относится к этому типу, но она частично замыта водой.

Семья. (4). Три антропоморфных фигуры разного размера. Порядок расположения фигур следующий: самая маленькая

фигура находится между двумя более крупными [k7n261, r0n30]; маленькая — средняя — большая [e3n6]; в e3n36 — третья фигура плохо читается. В двух случаях самая крупная фигура изображена с фаллосом [e3n6, e3n36]. У всех самых крупных фигур необычная голова, представляющая собой «рога», «лучи» и что-то в этом роде. У r0n30 голова из пяти лучей, один из которых оканчивается лосиной мордой. Все — пространственно отделены от ближайших изображений.

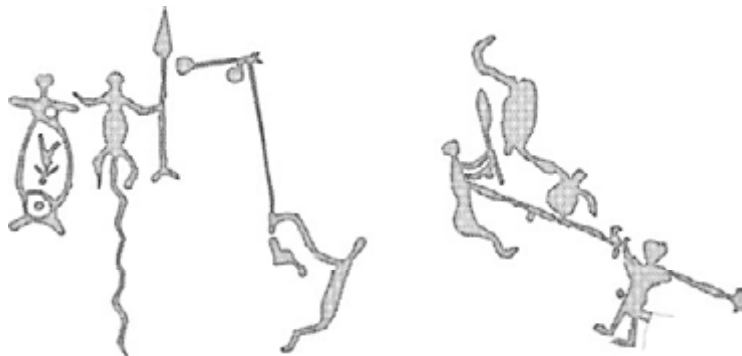
Пара. (4). Две антропоморфных фигуры разного размера композиционно или физически связанные друг с другом. Вся группа k2 состоит из двух фигур: маленькая головой вниз у левого плеча большой. В паре r0n1 — фигуры соединены друг с другом руками (как бы взявшись за руки); у k7n85 — фигуры соединены друг с другом в области рук и ног, но вся композиция читается плохо. У k7n91 — фигуры расположены вплотную друг к другу, у обеих в правой руке копьё-пальма и отходящий от пояса «крюк» (у маленькой — «крюк» с правого бока, у большой — с левого), обе изображены с фаллосом. Маленькая фигура держит почти горизонтально в левой руке изогнутый продолговатый предмет, на голове большой фигуры — «шапка» в виде горизонтальной и двух вертикальных линий над ней.

Любовные сцены. (2). Пара антропоморфных фигур, у одной из которых изображен фаллос, у другой — вульва. В одном случае фигуры расположены ногами друг к другу и фаллос направ-

лен к вувле [k5n11]. В другом — мужская фигура расположена под женской, и рука мужской фигуры направлена к вувле [k7n100], а под мужской — расположена антропоморфная фигура меньшего размера.

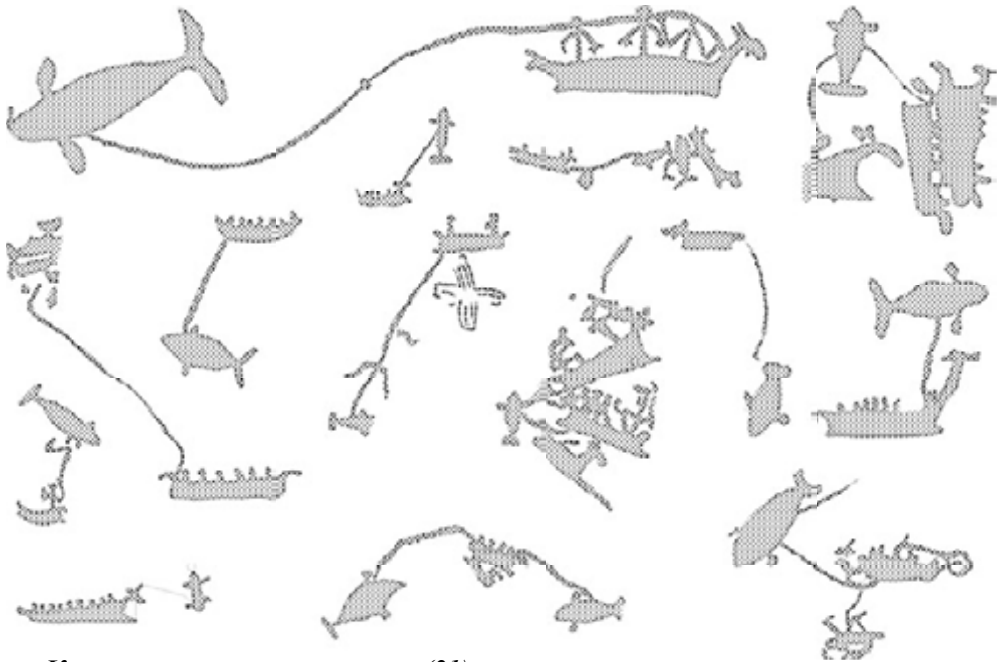
Любовный треугольник. (2). Беременная женщина (ребенок показан внутри фигуры), слева от неё — мужчина с длинным извивающимся фаллосом-хвостом и пальмой в левой руке. Слева от него изображен в профиль другой человек с топором-жезлом с лосиной головой, направленным на первого мужчину [k4].

Две профильные антропоморфные фигуры, одна из которых поражает другую копьем [k7n163]. Между ними, над копьем, изображены мелкая антропоморфная фигура анфас и «цапля».

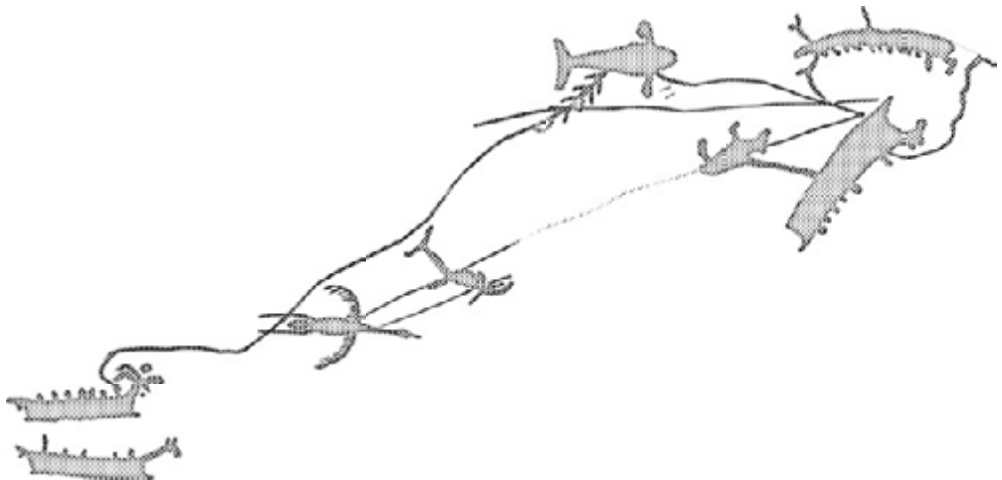
Человек с колесом. (3) [рис. 44]. В трех случаях (из 6 колес) рядом с колесом изображены человек и олень [g2, e3n24, k6n4]. Этот тип композиции вычленяется следующим образом. В группе g2 есть еще один лось-олень, и это — весь состав группы. В группе k6 с оленем связан прямоугольник, а все остальные ближайшие изображения — это олени следы. В группе e3 рядом с выделенной композицией расположены два лось-олень и непонятная фигура (возможно, также лось-олень). Расстояние между всеми этими фигурами значительно меньше, чем до других ближайших фигур этой группы.

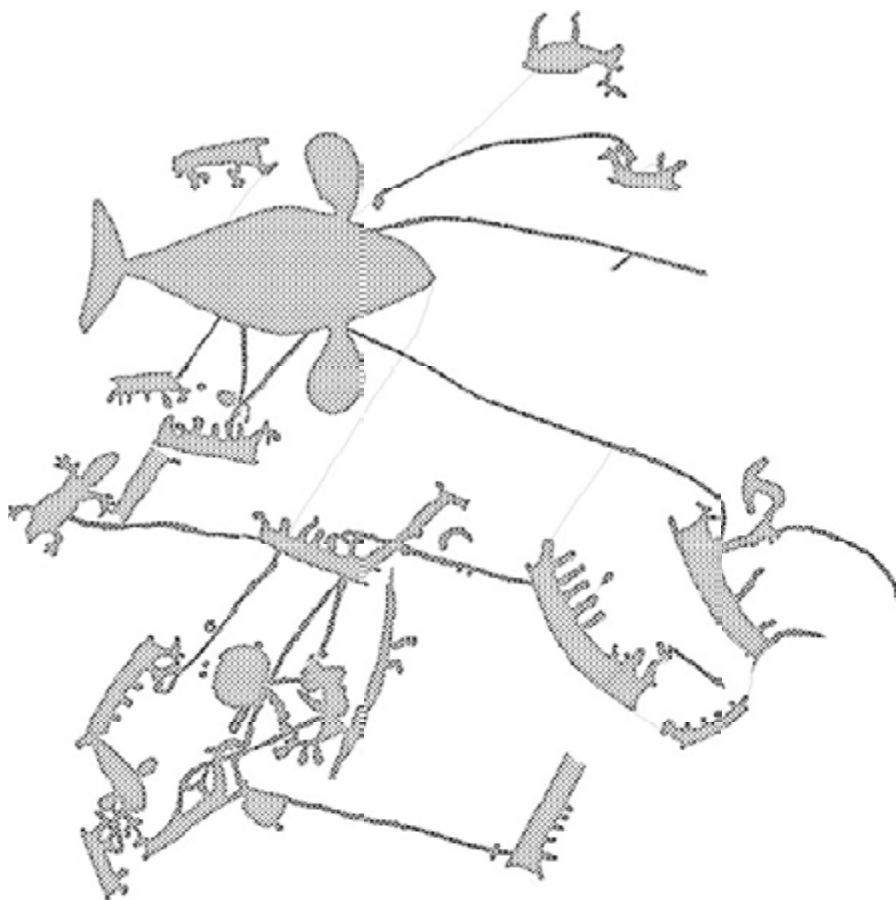

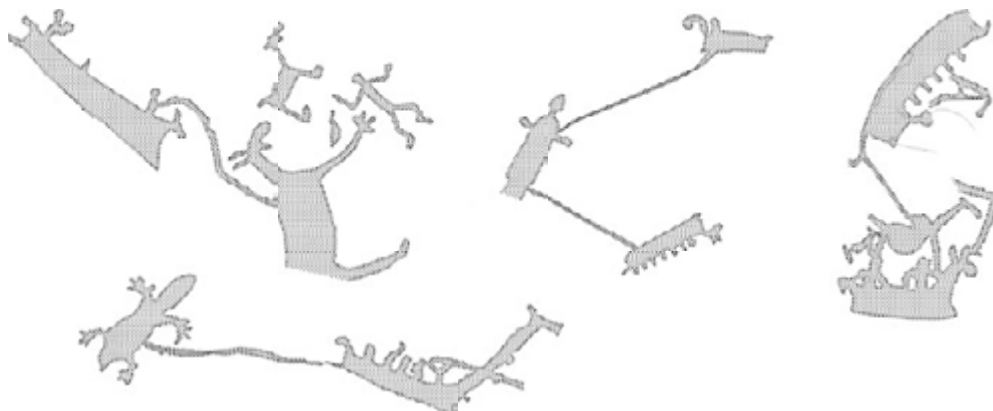
Композиции с животными (31).

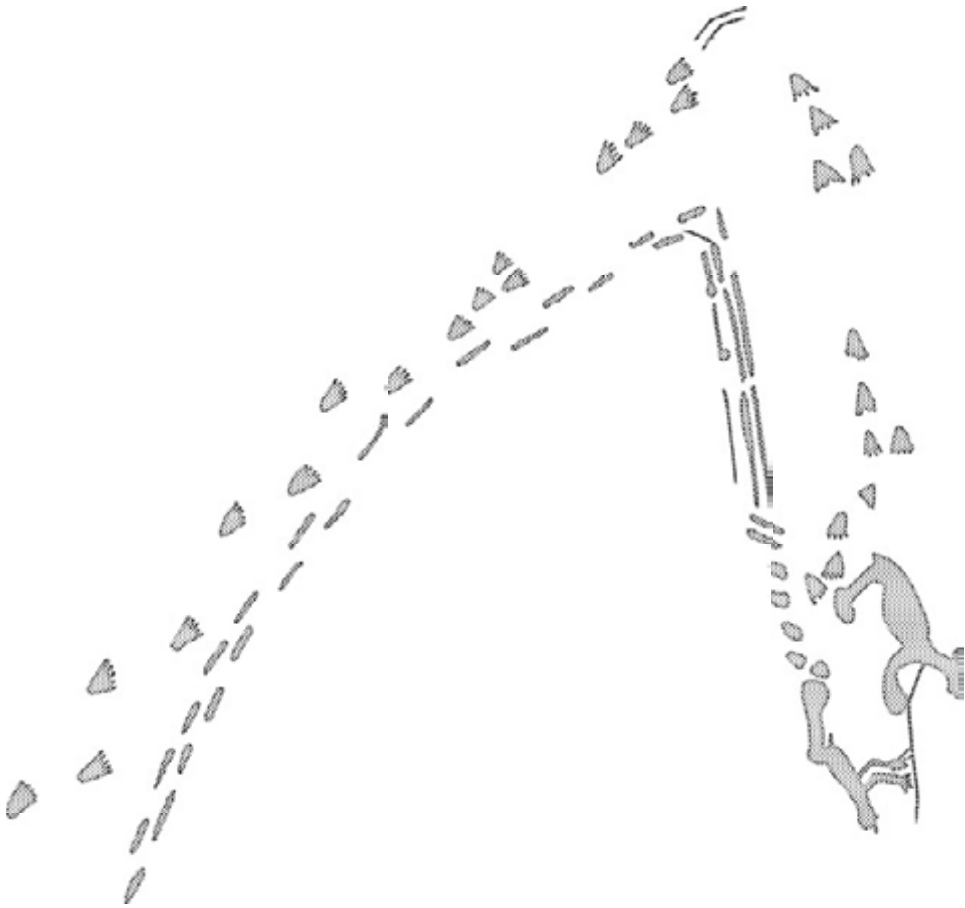
Охота с лодки на китообразных. (20). — e2 (8), k3 (2), k7 (10). Лодка или первый от носа человек соединены линем (выбитой или прорезанной линией) с китообразным животным. В одном случае на конце линия схематично изображен гарпун с четырьмя парами зубцов и отверстием [k7n123]. Вонзающийся гарпун изображен и у животного k7n352. С одним китообразным может быть соединено линиями несколько лодок. Максимальное количество линий подходит к самому крупному изображению китообразного [k7n345] — 8.

Охота с лодки. (6). [k7]. Лодка или первый от носа матрос соединены с животным линем. Животные следующие: лось [k7n1], лосеподобное существо с длинной шеей [k7n193], «медведь» [k7n121] и «журавль» [k7n106], бобр [k7n349], существо с подтреугольной головой на тонкой шее [k7n203].

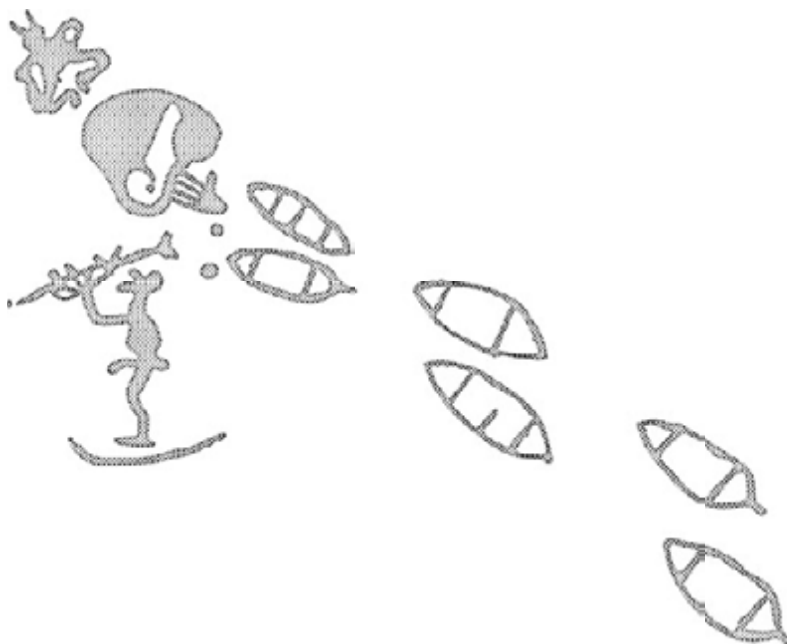

Охота на медведя. (1) [к7]. Самая сложная и многофигурная композиция. Изображены цепочка медвежьих следов (28 экз.) с параллельными им лыжными следами (31 экз.). В конце этой цепочки охотник, поражающий медведя (более похожего на белого) копьем в грудь. Использован естественный наклон скалы: следы полого наискосок поднимаются вверх, а затем резко под острым углом поворачивают вниз. Причем лыжные следы становятся длинными, и появляется след от лыжной палки справа от лыжни — более тонкие линии с кружком (3 экз.), то есть изображен спуск с горы. Заканчивается лыжня парой поперечных лыжных следов и следами ног (5 экз.). Медвежьи следы сначала расположены равномерно, а затем группами по четыре; то есть сначала они соответствуют идущему, а затем бегущему галопом медведю. И медведь, и охотник изображены головой вниз, как бы по направлению движения. Охотник изображен в профиль. У него показаны две руки с пальцами, прикасающимися к копью, фаллос и ноги, слившиеся в одну. Копье изогнуто под тупым углом.

Видимо, так изображено поражение копьем в верхнюю часть груди медведя (в сердце ?).

В композицию может входить бобр [k7n95], расположенный за спиной охотника.

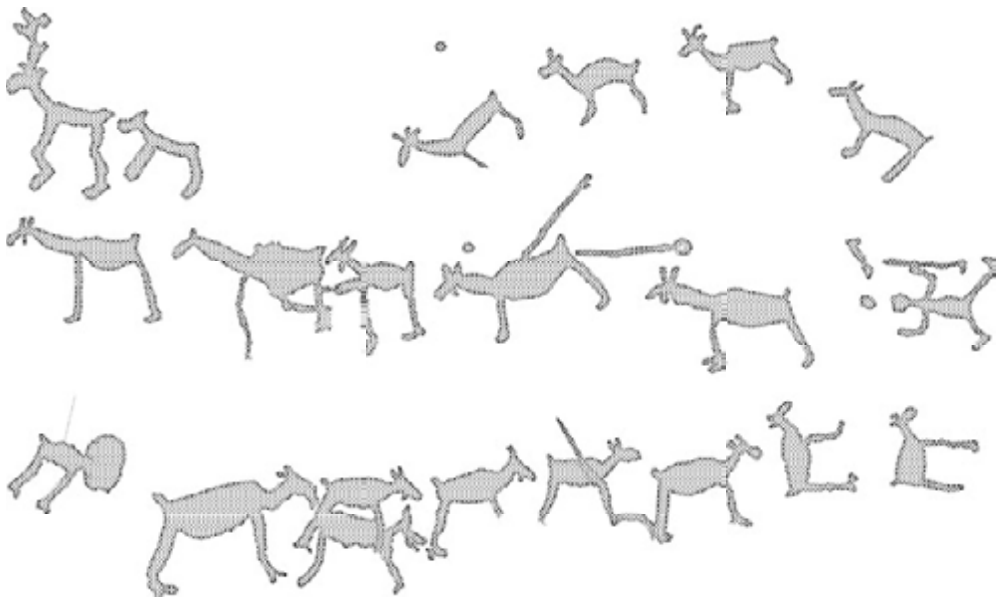
Охотник. (1) [рис. 50]. [k8]. Профильная человеческая фигура на лыжах. У нее изображены фаллос, рука с непропорционально большими и широко расставленными пятью пальцами, держащая пальму над головой. Причем нет явного объекта охоты, хотя над пальмой имеются две непонятные фигуры, к которым ведут шесть следов от снегоступов.

Рыбалка. (1). [k1]. Профильная фигура человека [k1n18] в виде «закорючки» с рукой, переходящей в направленный вниз лить, который, в свою очередь, соединяется с носом рыбы [k1n19], расположенной перпендикулярно литью и имеющей двухлопастный узкий хвост и четыре грудных плавника.

Вереница лосей или оленей. (4). Вереницы, выстроенных друг за другом лосей-оленей. Изображение e1 (1) — олень с рогами и меньшего размера «олененок» без рогов за ним.

В группе k3 (1) — четыре лося или оленя по дуге. У k7 (2) — пять лосей, у четырех из которых изображена серьга; в группе из девяти лосей серьга изображена у трех животных. В последней веренице два первых лося расположены под прямым углом к следующим за ними.

Человек с лосем. (3). [e5, r0n3, r0n37]. Антропоморфная фигура, рядом с которой изображен лось-олень. Группа e5 состоит только из такой композиции.

Человек с крестом и цаплей. (1). [k7n200]. Антропоморфная фигура держит в правой руке лить, на котором висит крест, а левая рука — переходит в длинную шею птицы, напоминающую цаплю.

Двое и кит. (1). [k7n290]. Две антропоморфные фигуры расположены головами друг к другу, между ними — фигура с парой хвостовых и парой грудных плавников и широкой тупой мордой. У антропоморфных фигур изображен фаллос, прямые ноги расставлены, руки согнуты в локтях и предплечья подняты вверх, головы в виде буквы 'Т'.

По группам.

Имеет смысл сравнивать между собой, прежде всего, многофигурные группы. К ним относятся шесть групп: Еловый 1, Еловый 2, Каменный 1, Каменный 3, Каменный 7, скала Одинокая. К многофигурным относится и группа Еловый 3 [44], однако в ней слишком много неясных изображений, что требует существенной доработки на натуре и отдельно пока рассматриваться не будет.

Еловый 1. (52). Только здесь грудные плавники изображаются в виде кружков. Нет сцен охоты. Единственное изображение лука (?).

Еловый 2. (122). В этой группе явно преобладают сцены охоты с лодки на морских животных и, соответственно, лодки и китообразные.

Каменный 1. (37). Здесь нет сцен охоты, есть сцена рыбалки. Из всех (пяти) профильных изображений водоплавающей птицы четыре — в этой группе.

Каменный 3. (72). Группа расположена на длинной (15 м) узкой полуцилиндрической скале, по гребню которой нанесена цепочка «человеческих» следов длиной 8.5 м. Других особенностей в составе группы не отмечается.

Каменный 7. (386). В этой группе есть почти все типы изображений и композиций, которые встречаются во всех остальных группах. При этом в ней находятся почти все явные изображения лосей (лишь две фигуры лося, но значительно худшего качества, есть в группе к3 и одна — в группе е3), все сцены охоты на наземных животных, из восьми форштевней лодок с отчетливым изображением лосиной серьги — семь — в этой группе (одно — в группе к8), масса оригинальных изображений, представленных одним экземпляром, но нет изображений колес.

Скала Одинокая. (50). Из антропоморфных фигур в группе есть только однолинейные, у которых туловище всегда прямое и имеет такую же толщину как руки и ноги. Всего их 25, что составляет половину всех изображений. Выполненные в таком стиле фигуры есть и в других группах, но они единичны (всего 16 — на все остальные группы). На скале Одинокой нет фигур с предметами в руках, с контурной головой, с пальцами на руках, нет профильных фигур. Лишь у трех изображен маленький фаллос. Всего одно изображение китообразного и три лодки. Нет сцен охоты. Все изображения в группе выполнены явно в одном стиле.

Сравнение групп.

1. Во всех больших группах есть композиция «Бес-с-бабой». Нет её только на Каменном 3, но сам «Бес» есть. К тому же, «Бес-с-бабой» из группы Каменный 1 находится всего в 11 м от него.

2. Во всех больших группах обязательно присутствуют, хотя бы в од-

ном экземпляре, антропоморфная фигура, лодка, китообразное и лось-олень.

3. Сцены охоты с лодки на морских животных есть только в трех группах (e2, k3, k7).

4. Другие сцены охоты есть только в группе Каменный 7 (и одна — без явного объекта охоты — в группе Каменный 8).

5. Вереницы лосей или оленей есть только в больших группах (e1, k3, k7).

6. Кресты есть только в больших группах (e1, e2, e3, k7).

7. Шесть из восьми «многоногих» лосей-оленей изображены на острове Еловом (e2, e3, e4). Один — в группе Каменный 1 в стороне от остальных фигур, и один — худшего качества — на скале Одинокой.

8. Палимпсесты есть только в группах e2 и k7.

Типологические выводы.

Типологический анализ Канозерских петроглифов позволяет сделать ряд формальных заключений, без которых в дальнейшем невозможна их обоснованная интерпретация и использование в качестве исторического (в широком смысле) источника.

Очевидно, что основной темой, представленной в петроглифах Канозера, является охота и, прежде всего, охота с лодок на китообразных. Отдельные изображения лодок и китообразных (которые на самом деле могут быть элементами композиции) дополняют сцены собственно охоты. Есть всего одна сцена сухопутной охоты и один охотник без явного объекта охоты. Кроме них, два скорее наземных объекта охоты — лось и медведь (белый?) — изображены загарпуненными с лодок.

Многочисленны изображения лосей и оленей, но при этом нет сцен охоты на них, кроме упомянутой охоты с лодки на лося.

На фигурах лосей-оленей не обнаруживаются достоверных признаков для их разделения, кроме серьги и, предположительно, рогов. Что касается фигур китообразных, то у них не изображены какие-либо «видовые» признаки. У тщательно выполненных уникальных фигур «журавля» и «куропатки» наблюдается совмещение признаков разных видов птиц. По всей видимости, мы должны прийти к заключению, что в большинстве случаев авторы петроглифов не стремились к изображению легко опознаваемых видов животных. Видимо, «зрители» и так хорошо понимали представленные сюжеты.

Все изображения лодок являются сплошными (нет однолинейных и контурных). Обязательными элементами лодок являются форштевень с лосиной головой, носовой штевень и ахтерштевень.

Для ряда антропоморфных фигур, не считая очевидные, обоснованно выявляются мужские и женские признаки. Однако две трети антропоморфных фигур не имеют признаков пола.

Судя по всему, композиция «Бес—с—бабой» имеет какое-то особое значение и занимает важнейшее место среди сюжетов Канозерских петроглифов. Надо сказать, что ни в этнографии, ни в фольклоре пока не нашлось подходящих параллелей этой композиции.

Фигуры со стержневидными предметами в обеих руках, один из которых изогнут в верхней части, напоминают изображения на саамских бубнах, связываемые с «повелителем ветров» саамской мифологии. Однако ключевым элементом для понимания этого изображения на Канозере, как кажется, является изогнутый в верхней части стержень.

Эскизное сравнение с другими памятниками наскального искусства Северной Европы.

Включение Канозерских петроглифов в круг уже известных памятников наскального искусства является, несомненно, одной из важнейших задач их изучения. Поэтому, хотя это и не входит в тему настоящей статьи, в заключение отмечу лежащие на поверхности сходства и различия Канозерских петроглифов с другими памятниками.

Если взять мелкие и совсем схематичные изображения лодок, людей и лосей-оленей, которые достаточно описать несколькими признаками, то по ним легко найти сходство между всеми комплексами петроглифов Северной Европы. Хотя, как мне кажется, даже по ним Канозерские петроглифы более всего сходны с Беломорскими и Понойскими. Если же обратиться к более или менее тщательно выполненным изображениям с относительно большим количеством деталей, то можно отметить следующее.

Беломорские петроглифы являются, на первый взгляд, наиболее сходными с Канозерскими: лодки с лосиными или оленьими форштевнями, китообразные (белухи ?), сцены охоты с лодок на китообразных и на наземных животных. В тоже время, на Беломорских петроглифах антропоморфы изображены в профиль — что крайне редко встречается на Канозере; на качественных фигурах гребцы изображены с веслами-гребками, характерны изображения лука и летящих и вонзившихся в цель стрел — чего вообще нет на Канозере.

Понойские петроглифы сходны с Канозерскими по специфическим фигурам трех- и четырехногих лосей-оленей, прежде всего, с группами на острове Еловом.

Онежские петроглифы имеют сходство с Канозерскими лишь по самым общим признакам. При этом на немногочисленных лодках, которые изображены в однолинейном стиле, обязательными являются те же признаки, что и на Канозерских: лосиный форштевень, носовой штевень и ахтерштевень.

В Альте есть изображение креста очень близкое Канозерским крестам. Встречаются изображения и многоногих оленей, но они отличаются от Канозерских и Понойских. Однолинейные антропоморфные фигуры в Альте весьма близки изображенным на скале Одинокой.

В Намфорсене есть несколько изображений лодок сходных с Канозерскими, но они выполнены в контурном стиле в отличие от сплошных изображений на Канозере. Есть в Намфорсене и топоры-жезлы.

На писаницах **Финляндии** имеются топоры-жезлы сходные с Канозерскими.

Среди петроглифов **Вестергеталанда**, в Южной Швеции, находятся ближайшие аналогии изображениям колес, хотя нужно отметить, что они сильно отличаются от Канозерских.

Rock Carvings of Kanozero: Typological Analysis

E. Kolpakov

Ten years ago, in 1997, the first rock carvings (in the Kamennyi-1 group) on lake Kanozero (Kola peninsula) were discovered. Now upon investigation of lake Kanozero by the team of V. Shumkin more than a thousand carved figures have been documented.

The dominating theme of the Kanozero rock carvings is harpoon whale hunting from boats. The boats have bows and are often decorated with the elk head.

Rock carvings of Kanozero share certain similarities with the rock carvings found in Chalmn-Varre (Ponoy river, Kola peninsula) and in Zalavruga (Vyg river, Karelia, White sea). Yet there are significant distinctions from those sites as well. We find some similarities between Kanozero and Alta (Norway), Kanozero and Namforsen (Sweden), as well as between petroglyphs of Kanozero and the rock paintings of Finland. At the same time, there are very few similarities with the rock carvings of lake Onega.

¹ Centre of Political and Strategic Research, Saint-Petersburg

Техника выбивки петроглифов озера Канозера

А. Ю. Городилов¹

Озеро Канозера расположено в Терском и Кировском районах Мурманской области. Десять лет назад здесь, на скальных выходах, были обнаружены древние изображения, исследование которых в последующие годы проводилось Кольской археологической экспедицией. В настоящее время введение этого уникального памятника в научный оборот только начинается. В статье рассматривается техника выбивки петроглифов Канозера.

На сегодняшний день на островах Каменный, Еловый, Горелый и на скале Одинокая открыто более 850 изображений в 19 группах. Наибольшее количество петроглифов зафиксировано на острове Каменный. В общей сложности в восьми группах (Каменный 1–8) располагаются почти две трети всех фигур. Второй по количеству рисунков — остров Еловый. На нем расположено около четверти общего количества фигур, сконцентрированных в шести группах (Еловый 1–6); несколько изображений найдено на острове Горелом (Горелый 1–4) и на скале Одинокая².

Определение типов техники выбивки и подсчет количества изображений, выбитых в каждой технике, производились в ходе полевого обследования петроглифов методом визуального осмотра и фотографии.

В статье дано описание типов техники выбивки петроглифов, и сделана попытка определения их хронологического соотношения между собой.

Поверхность большинства изображений сильно разрушена (выветрена или замыта), часть изображений покрыта лишайником. Некоторые фигуры видны только при косом освещении солнца и совершенно незаметны днем, что также затрудняет исследование. Все это ограничивает количество фигур, для которых возможно определение техники выбивки. Из 19 известных групп петроглифов в статье рассматриваются только шесть, а из общего количества изображений — около 150.

Изучение изображений позволило выделить восемь типов техники их нанесения.

¹ ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

² Далее в тексте используются сокращенные названия групп петроглифов, состоящие из первой буквы названия острова и номера группы (Каменный 1 — k1, Еловый 1 — e1, Горелый 1 — g1, скала Одинокая — r0), буква «п» с цифрой обозначает номер фигуры по описи: k1n10 — группа Каменный 1 изображение номер 10.

Точечная однорядная (1а) — состоит из расположенных в один ряд точек-выбоин небольшой глубины (до 0.3–1 см), диаметром — 1–1.5 см. Точки наносились несколькими ударами, скорее всего, через посредник. Поверхность выбоин не зашлифована. Эта техника применялась для выполнения как самостоятельных фигур, так и отдельных их элементов. В частности, у некоторых антропоморфных и зооморфных изображений таким приемом выполнены конечности (рис. 1 на вкладке).

Точечная многорядная (1б) — по способу нанесения этот тип выбивки очень похож на предыдущий. Однако, здесь точки расположены в несколько параллельных рядов. В этой технике проработаны туловища и головы у некоторых антропоморфных и зооморфных фигур (рис. 1 на вкладке).

Точечная сплошная с неровными краями (1в) — схожа с предыдущими типами по способу нанесения отдельных точек. Отличается от них тем, что точки-выбоины не образуют рядов, а заполняют собой всю площадь фигуры. Края выбитого изображения при этом неровные. Выбивка неглубокая (до 0.3 см). Скорее всего, нанесение точек происходило без посредника, простыми ударами инструмента по скале, поэтому край фигуры всегда «рваный». В целом, выполненные в этой технике рисунки смотрятся несколько более «неаккуратными» по сравнению с остальными (рис. 1 на вкладке).

Точечная сплошная с ровными краями (1г). От техники типа 1в отличается глубиной и большей четкостью изображений. Хотя в целом площадь фигуры выбита такими же точками, но край образует ровную, хорошо читающуюся линию. Глубина выбивки фигур несколько больше — до 1 см (рис. 1 на вкладке).

Линейная шлифованная (2а) — данная выбивка представляет собой канавку шириной до 1.5 см и глубиной около 1 см, дно которой зашлифовано. Такая техника применялась для прорисовки линий, конечностей фигур и иных линейных объектов (рис. 1 на вкладке).

Сплошная шлифованная с плоским профилем (2б) — глубокая выбивка (до 1–1.5 см). Использовалась для заполнения пространства внутри контуров фигур, таких как лодки, рыбы, туловища животных и людей и пр. Дно и стенки изображения, выполненного в этой технике, сходятся почти под прямым или слегка тупым углом. Край фигуры ровный, дно и стенки зашлифованы так, что отдельные точки не читаются (рис. 1 на вкладке).

Сплошная шлифованная с вогнутым профилем (2в). — достаточно глубокая выбивка (в среднем до 1 см), используемая для заполнения

пространства внутри контуров фигур меньшего размера. Изображения, выбитые этим способом, имеют плавный переход от стенок ко дну, которое, как правило, не плоское, а слегка вогнутое (рис. 1 на вкладке).

Резная нешлифованная (3) — короткие (до 5 см) линии глубиной до 1 см, в профиле V-образные. Они не выбиты, а вырезаны тонким острым предметом. Эта техника использовалась достаточно редко, для прорисовки мелких деталей, таких как перья птиц (журавль на Каменном 7 — к7n106) и когти на медвежьих следах (к7n23–30, 44–74) (рис. 1 на вкладке).

Таблица 1. Типы выбивки петроглифов

	1. Точечная нешлифованная	2. Точечная шлифованная	3. Резная нешлифованная
Линейные	а) однорядная (крупные точки-выбоины, нанесенные в один ряд)	а) линейная — выбита линия и шлифована.	Всего одна разновидность — линии вырезаны тонким острым предметом
	б) многорядная (2–3 ряда) — неглубокая, край грубый неровный		
Сплошные	в) Сплошная 1. Точками выбита вся площадь; края фигур, как правило, неровные	б) Сплошная с плоским профилем	
	г) Сплошная 2. Точками выбита вся площадь; края фигур — ровные, четкие. Выбивка, как правило, более глубокая	в) Сплошная с вогнутым профилем	

Рассмотрим, как распределяются типы выбивки по группам петроглифов.

Еловый 1. Технику выбивки петроглифов в данной группе можно проследить по следующим фигурам: олени (e1n4,5), ящерица (e1n22), бес (e1n25), крест (e1n32), лучник (e1n19). Поверхность остальных фигур замыта настолько, что выбивку на ней проследить практически невозможно. В группе встречаются фигуры, выполненные как в точечной многорядной технике (e1n25 — бес и e1n32 — крест), так и в линейной шлифованной (фигуры ящерицы — e1n22 и лучника — e1n19). Олени выполнены в смешанной технике: головы выбиты достаточно глубоко и

прошлифованы, остальная же часть — несколько более небрежно в точечной многорядной технике.

Еловый 2. Все фигуры, для которых можно проследить технику выбивки в данной группе, выполнены в достаточно схожей манере — точечной многорядной или точечной сплошной с ровными краями. В целом, способ выбивки можно проследить на 70% фигур.

Еловый 3. Скальный выход, на котором располагается эта группа, возвышается над уровнем воды всего на несколько десятков сантиметров, а некоторые петроглифы расположены непосредственно у уреза воды. Однако, несмотря на это, сохранность петроглифов здесь в среднем лучше, чем в остальных группах, и технику выбивки можно проследить у большей части петроглифов. В данной группе, как и в предыдущей, абсолютно преобладает точечная выбивка без шлифовки. В основном точечная многорядная (в 2–4 ряда) — зафиксирована у 8 фигур (е3п6, 7, 12, 22–23, 30–32). Точечная однорядная выбивка зафиксирована всего у трех фигур (е3п35, 36 и 41). Причем две из них (е3п35, 36) составляют одну композицию. Кроме того, в трех случаях зафиксирована линейная шлифованная техника (е3п20, 24 и 44). Все три петроглифа, выполненные в этой технике — фигуры колес.

Еловый 4. В этой группе всего четыре изображения, но лишь у трех можно определить способ выбивки. Все изображения не прошлифованы и выполнены в точечной технике. Одно изображение — в точечной многорядной (е4п4) и два — в точечной однорядной (е4п1 и 2)

Наиболее интересной в плане исследования техники выбивки является группа *Каменный 7*. На сегодняшний день в ней насчитывается более 350 изображений (при принятии за единицу каждого отдельного изображения, а не смысловой композиции фигур).

Скальный выход общей площадью около 150 кв. м, на котором находится группа петроглифов, расположен на высоте 7–8 м над уровнем озера. Петроглифы на нем располагаются неравномерно: на южном склоне и в северной части скалы — достаточно плотно, с наложением фигур друг на друга; в северо-восточной и западной частях фигур зафиксировано гораздо меньше. Одновременно существуют и площади в десять и более кв. м, где петроглифы не зафиксированы вовсе. Возможно, на этих участках изображения не сохранились. В этой группе, как и в остальных, далеко не всегда можно определить технику выбивки петроглифов, в большинстве случаев поверхность скалы сильно выветрена или покрыта лишайником. По соотношению различных типов выбивки данная группа достаточно сильно отличается от других. Наибольшее количество

тво фигур здесь выполнено в сплошной шлифованной технике с плоским профилем: в общей сложности 23 изображения (к7n1, 3, 87 — 89, 92 — 98, 106, 122, 124, 130, 131, 172 — 173, 195, 245, 306, 330). Во всех остальных группах изображения, выполненные таким способом, практически отсутствуют: на сегодняшний день известно только изображение ящерицы в группе Еловый 1 (e1n22) и несколько изображений в других группах острова Каменный. Еще одним типом выбивки, который встречается на Каменном 7 и практически отсутствует в остальных группах, является тип 2в — техника сплошная шлифованная с вогнутым профилем. Эта техника близка предыдущей, но используется при выбивке более мелких объектов. Таким способом в группе Каменный 7 выполнено не менее 5 фигур³ (к7n4, 11, 121, 377, 23–30, 44–74). Третий тип шлифованной техники — линейная шлифованная — также встречен в группе Каменный 7. Однако, если в других группах зафиксированы фигуры, выполненные только таким способом (в частности колеса на Еловом 3), то здесь тип 2а имеет подчиненную функцию и, как правило, применяется для прорисовки мелких деталей в изображениях, выполненных в сплошной шлифованной технике. Показательна в этом отношении фигура человека с топором (к7n130), туловище которого выполнено в технике 2б, а конечности — в линейной технике 2а.

Также уникальной техникой, встреченной только на Каменном 7, является резная нешлифованная выбивка. В группе Каменный 7 использовалась также и точечная техника, но для выбивки меньшего количества фигур. Точечная однорядная зафиксирована только в одном случае — фигура человека (к7n173). Совсем не применялась точечная многорядная выбивка, и есть всего девять фигур, выполненных в точечной сплошной технике (тип 1в — фигуры к7n9, 10, 15, 193, 194, 216, 218 и тип 1г — к7n100, 102).

Еще одной особенностью этой группы является большое количество фигур, выполненных в смешанной технике. В остальных группах таких фигур мало, и они являются скорее исключением (рисунки оленей в группе Еловый 3 — e3n4, 5). На Каменном 7 смешанная техника используется очень часто. В основном совмещаются сплошная (2б или 2в) и линейная (2а) техники; с помощью последней передаются мелкие детали фигуры, такие как конечности или линейные объекты: копыта, лыжня, линии и пр.

³ Точнее сказать сложно, поскольку в такой технике выполнен цепочка следов медведя. Если при подсчете учитывать каждый отдельный след, то количество фигур возрастет до 30; если же считать все следы одной фигурой, общее количество фигур, выполненных в технике 2в будет равно четырем.

Скала Одинокая. Сохранность петроглифов здесь, как и в группе Еловый 3, достаточно хорошая. Технику выбивки можно проследить почти у половины фигур. Все петроглифы выбиты в очень схожей технике: точечной однорядной (г0п5, 46) или точечной многорядной (г0п1, 2, 5–7, 11–13, 20, 28, 30, 34, 43).

Таблица 2. Распределение фигур, выполненных с использованием различных типов выбивки, по группам петроглифов

Техника выбивки	e1 (n)	e2 (n)	e3 (n)	г0 (n)	k7 (n)
1а		35, 36, 41,	1, 2	5, 46	171
1б	4,5, 25, 32	6, 7, 12, 22, 23, 30, 31, 32,	4	1, 2, 5, 6, 7, 11, 12, 13, 20, 28, 30, 34, 43,	
1в					9, 10, 15, 193, 194, 216, 218
1г					100, 102
2а		20, 24, 44			139, 140, лыжня
2б					1, 3, 87, 88, 89, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 106, 122, 124, 130, 131, 172, 173, 195, 219, 245, 306, 330
2в	4, 5, 19, 22				4, 11, 121, 377, следы (23-30, 44-74)
3					106,
Смешанная техника					4, 87, 106, 197, 200-202

Как видим, техника выбивки в различных группах отличается достаточно сильно и нельзя говорить о какой-то одной, преобладающей во всех группах. Наоборот, в каких-то группах преобладает одна техника, в каких-то — другая. Так, выделяются группы Еловый 2, 3, 4 и скала Одинокая, где преобладают точечная многорядная техника (1б) и точечная однорядная (1а). Отдельно от них стоит группа Каменный 7, где в точечной технике выполнены всего несколько фигур, а основная часть — в сплошной шлифованной (2б и 2в). Между ними стоит группа Еловый 3, где встречены фигуры, выполненные как в прошлифованной, так и точечной технике.

Для понимания соотношения между различными типами техники выбивки большую роль может сыграть изучение наложения одних фигур на другие. Таких случаев на канозерских петроглифах немного: несколько — на Еловом 2, но здесь не удалось проследить технику вы-

бивки; и несколько — на Каменном 7, где в трех случаях удалось выяснить, в каком способом были выполнены как нижние, так и верхние фигуры. Рассмотрим эти случаи. Наиболее яркий пример — сцена охоты на медведя (k7n11 и 377), перебитая изображениями двух лодок (k7n9 и 10). Фигуры медведя и охотника — более ранние, выполненные в сплошной шлифованной технике с вогнутым профилем. Сверху по ним выбиты две лодки, выполненные в другой технике — точечной сплошной — тип 1в. Судя по тому, что наложенные изображения расположены совершенно хаотично, возникает ощущение, что выбивка лодок происходила тогда, когда сцену охоты уже не было видно из-за лишайников или патинизированности скалы. Еще один случай наложения — фигура человека (k7n171), перекрывающая изображения лодок (k7n172 и 173). Лодки выбиты в сплошной шлифованной технике с плоским профилем, а фигура человека — в точечной однорядной. Третий случай перебивки — изображение лодки k7n218, нанесенное на другую лодку k7n219. Ситуация похожая — нижнее изображение выполнено в сплошной шлифованной технике (2б), верхнее же — в точечной (1в).

Таким образом, во всех трех случаях перебитые изображения выполнены в более аккуратной шлифованной технике, преобладающей на Каменном 7, а перекрывающие их — в более грубой — точечной, которая на Каменном 7 встречается достаточно редко, зато преобладает в других группах.

Изложенные факты позволяют предположить, что шлифованная техника является более ранней по сравнению с точечной. Это, в свою очередь, может дать нам ключ к определению относительной хронологии различных групп петроглифов. Возможно, Каменный 7 является наиболее древней из рассмотренных групп петроглифов, с которой и началось «освоение» древними художниками территории озера Канозеро. Позднее техника становится более простой, и фигуры не шлифуются (что нашло отражение в перебивках). Петроглифы появляются на соседнем острове Еловый и на скале Одинокой, где практически во всех группах преобладает точечная техника, а сами фигуры становятся, как правило, более мелкими и простыми. Высказанное предположение, конечно, пока всего лишь гипотеза.

Carving Technique of Kanozero Lake Rock Carvings

A. Gorodilov¹

Ten years ago ancient rock carvings were discovered on the cliffs of the lake Kanozero islands; they are now being studied by the Kola Archaeological expedition. About 900 carvings in 19 groups (islands Kamennyi, Elovyi, Gorelyi and Odinekaja cliff) have been found so far. Determining the carving technique appears to be possible for nearly 150 carvings.

Eight types of carving technique have been identified: single-row point (1a), multi-row point (1b), point-filled with unclear edges (1c), point-filled with clear-cut edges (1d), ground linear (2a), ground filled with flat profile (2b), ground filled with concave profile (2b), unground carved(3).

The techniques used differ significantly between different groups of rock carvings, and it is impossible to distinguish a single dominating one. In the Elovyi 2, 3, 4 groups and in the rock carvings group of the Odinekaja cliff the multi-row point (1b) and single-row point (1a) techniques dominate. In the group Kamennyi 7 only a few carvings were made with the point techniques, while most belong to the ground filled one (2b and 2c). In the Elovyi 3 there are carvings produced both in the ground as well as in the point techniques.

The rock carving technique allows the tracing of a relative chronology of the carvings. In this respect the cases of overlapping carvings are particularly interesting: the underlying carvings were made in the finer ground technique that dominates on Kamennyi 7; the ones that were superimposed, are in the coarser point technique which is rather rare on Kamennyi 7, while dominating in the other groups.

¹ Institute for the history of material culture, St-Petersburg.

Костяной и роговой инвентарь из могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (по материалам раскопок 2002–2004 гг.)¹

А. И. Мурашкин²

Предваряя эту статью, я должен сказать, что она является частью коллективной, еще не законченной работы по результатам исследования могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Реализация этого многолетнего проекта стала возможной благодаря исключительным организаторским способностям Владимира Яковлевича Шумкина, возглавляющего Кольскую археологическую экспедицию ИИМК РАН. Сложившееся в ходе работ своеобразное «разделение труда», привело к тому, что моим заботам оказались вверены все находки и, в том числе, многочисленные артефакты из кости и рога. Зная, какой неподдельный интерес вызывают у наших коллег изделия из этих материалов, редкие в инвентаре памятников Фенноскандии, я решил опубликовать часть из них в данном сборнике, подразумевая причастность Владимира Яковлевича к данной работе. Хотя, не со всеми моими выводами он может быть согласится.

Возобновление раскопок могильника Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря привело к существенному увеличению источниковой базы для изучения многих проблем, касающихся эпохи раннего металла во всей Северной Фенноскандии. На памятнике раскопки проводились дважды: в 1928 г. А. В. Шмидт исследовал 11 захоронений (Шмидт, 1930. С. 119–169); в 1947–1948 гг. Н. Н. Гурина раскопала еще 10 погребений (Гурина, 1953. С. 347–407). Таким образом, общее количество погребенных — 20 (одно из погребений, изученных Н. Н. Гуриной, содержало только инвентарь без человеческих останков).

За 2002–2004 гг. было исследовано девять погребений, содержавших остатки 22 человек. Были зафиксированы важные детали устройства погребальных сооружений, выявлены новые черты погребального обряда. Произошло и существенное увеличение археологической коллекции

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Антропология, материальная культура и погребальная обрядность древних лапландцев: могильник II тыс. до н. э. На Большом Оленьем острове Баренцева моря» (№ 05-01-01022а).

² А. И. Мурашкин. СПбГУ, Исторический факультет, Кафедра археологии (Санкт-Петербург).

(Шумкин и др., 2006, С. 42–52). Благодаря полученным антропологическим материалам, появилась возможность на новом уровне осветить вопросы, связанные с этногенетическими реконструкциями, экологической и культурной адаптацией в регионе (Хартанович, 2006. С. 143–154; Васильев, Боруцкая, 2006. С. 376–381).

Большая часть погребений содержала сопроводительный инвентарь, при этом подавляющая часть артефактов изготовлена из кости и рога. Предметы из камня, раковин, керамики и металла представлены в гораздо меньшей степени. Сохранность костяных и роговых предметов в целом хорошая, повреждения затрагивают, в основном, внешнюю поверхность и обусловлены воздействием корней растений.

Ниже дается краткое описание категорий костяного и рогового инвентаря, полученного в 2001–2004 гг. в ходе раскопок, сборов на территории карьера и при просеивании отвалов, окружающих раскоп 1947–1948 гг. Необходимо отметить, что выделение категорий и типов костяного инвентаря произведено лишь для удобства описания материала. Фаунистические определения коллекции из раскопок 2002–2003 гг. выполнены А. К. Каспаровым (ИИМК РАН), для части коллекции 2004 г. определения сделаны К. Маннермаа (Университет Хельсинки)

Кинжалы (15 экз.) — 14 из них обнаружено в погребениях *in situ*, еще один найден на разрушенной части могильника.

Они находились во всех не потревоженных погребениях с сопроводительным инвентарем кроме погребений 16–4³, 17–5, 18 и 19–5 (но необходимо отметить, что три последних — погребения младенцев). В двух погребениях (16–3 и 19–2) обнаружено, по крайней мере, по два кинжала (в 16–3 — один целый и несколько фрагментов от одного или двух кинжалов).

По двум основным признакам — форме поперечного сечения лезвия и наличию выделенной рукояти — можно выделить три типа кинжалов: первый — наиболее многочисленный — орудия, изготовленные из продольно расколотых костей крупных млекопитающих (в шести случаях — из задних метаподий северного оленя), с выпукло-вогнутой или плоско-выпуклой формой сечения лезвия. Некоторые экземпляры имеют небольшие (0.2–0.3 см) закраины в рукояточной части, рукоять не выделена (рис. 1, 1). У двух — на рукояточном конце просверлено отверстие диаметром 0.5 см, один — украшен «струющим» орнаментом (рис. 1, 2). У многих на лезвийной, и реже на рукояточной, частях сохранилась заполировка.

³ В обозначении погребений первая цифра — номер погребения, вторая — номер костяка.

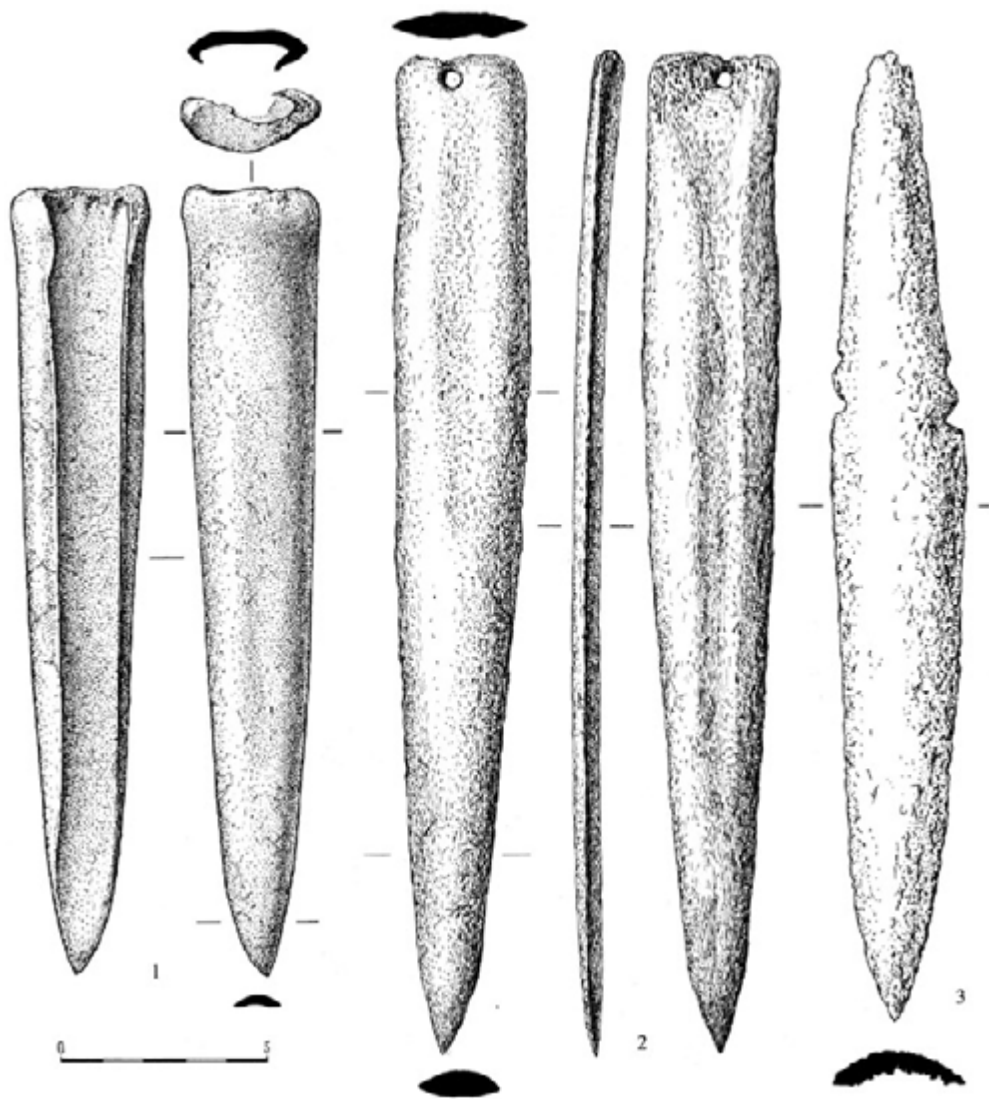

Рис. 1. Кинжалы и кинжаловидное орудие: 1 — погребение 17-4; 2 — 16-2; 3 — 13-1; 4 — 16-1; 5 — 12 (все — кость)

Fig. 1. Daggers and a dagger-like tool (bone): 1 — grave 17-4; 2 — 16-2; 3 — 13-1; 4 — 16-1; 5 — 12

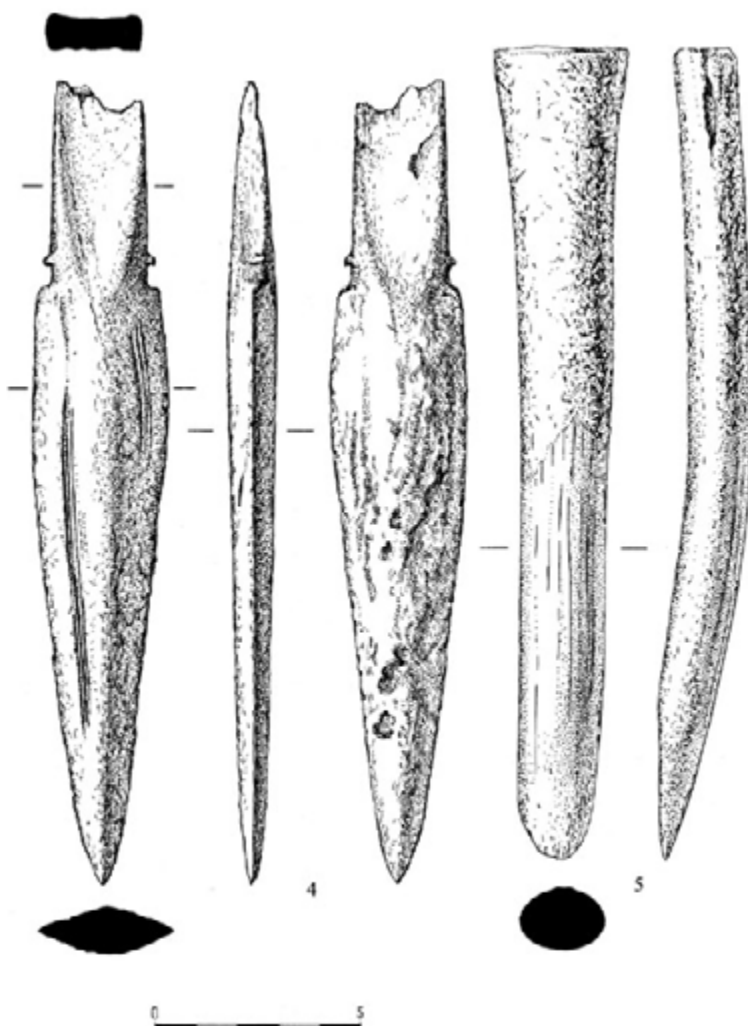

Рис. 1. *Продолжение*

Второй тип — кинжал из погребения 13–1. Он изготовлен по той же технологической схеме, что и большая часть этих орудий, имеет выпукло-вогнутую форму поперечного сечения лезвия. Основание для его выделения — наличие слегка зауженной к проксимальному концу и уплощенной рукояти, отграниченной от лезвия двумя парами симметрично расположенных полукруглых выемок (рис. 1, 3).

К третьему типу относятся два кинжала (погребения 16–1 и 19–2) с рукоятью, четко отграниченной от лезвия двумя выемками, расположенными симметрично по краям изделия: в первом случае — выемки

небольшого размера полукруглой формы, во втором — прямоугольные, длинные. Лезвия имеют ромбическую форму в поперечном сечении (рис. 1, 4). Эти орудия очень похожи на кинжал из погребения, обнаруженного Г. Д. Рихтером и С. Ф. Егоровым в 1925 г.

Отдельно необходимо сказать о **кинжаловидном орудии** из разрушенного погребения 12 (рис. 1, 5). Оно изготовлено из целой кости (ребра) крупного копытного животного. Острие изделия скошено под углом 30° – 35° и пришлифовано, на лезвийной части пришлифовкой образованы многочисленные грани. Сходные по форме изделия из кости и рога имеются в коллекции поселения Маяк II (Гурина, 1997. Рис. 35, 9; 38, 9–12; 39, 14, 16, 19). В. Я. Шумкин часть предметов этой категории выделяет в кинжалы, другую часть — в орудия для снятия коры (Шумкин, 2001. С. 238; Рис. 3, 1–3; 4, 1; 5, 2, 9). С. В. Гусев, основываясь на этнографических наблюдениях за современными охотниками на морского зверя, высказал предположение, что эти орудия могли использоваться для развязывания узлов (Гусев, персональное сообщение).

Наконечники метательного вооружения (стрелы, дротики и гарпуны — 22 экз., три предмета найдены в отвалах и на разрушенных участках могильника. Основными критериями для выделения типов в этой группе изделий служат: форма и пропорции изделия, форма пера в плане и форма его сечения, наличие или отсутствие зубцов, их количество и расположение, форма насада.

Игловидные наконечники 3 экз., из погребения 16–3. По-видимому, все они сделаны из рога. Это заостренные стержни, округлые в поперечном сечении, срезанные под углом около 45° на насаде (рис. 2, 1). Обломок наконечника такого типа (насад) происходит из погребения 8, исследованного Н. Н. Гуриной (Гурина, 1953, Рис. 11, 12).

Наконечники треугольные в поперечном сечении — 1 экземпляр обнаружен в погребении 13–1, изготовлен из продольно расщепленной длинной кости, в центральной части имеет поперечное сечение в виде буквы «V», у острия — треугольное. Насад его, видимо, был слегка уплощен (рис. 2, 4). Такой же наконечник найден в погребении IV, исследованном А. В. Шмидтом (Шмидт, 1930. Табл. III, 1, 4).

Копьевидные наконечники — 8 экз. (пять целых и три фрагмента). Два предмета найдены в погребениях 19–1 и 19–2, три (в т. ч. два фрагмента) — в разрушенном погребении 12, три (в т. ч. один фрагмент) — в подъемном материале. Они имеют сильно удлиненную листовидную форму, с кососрезанным под углом примерно 20° – 30° насадом. Перо и его медиальная часть имеют ромбическое или линзовидное поперечное сечение (рис. 2, 5).

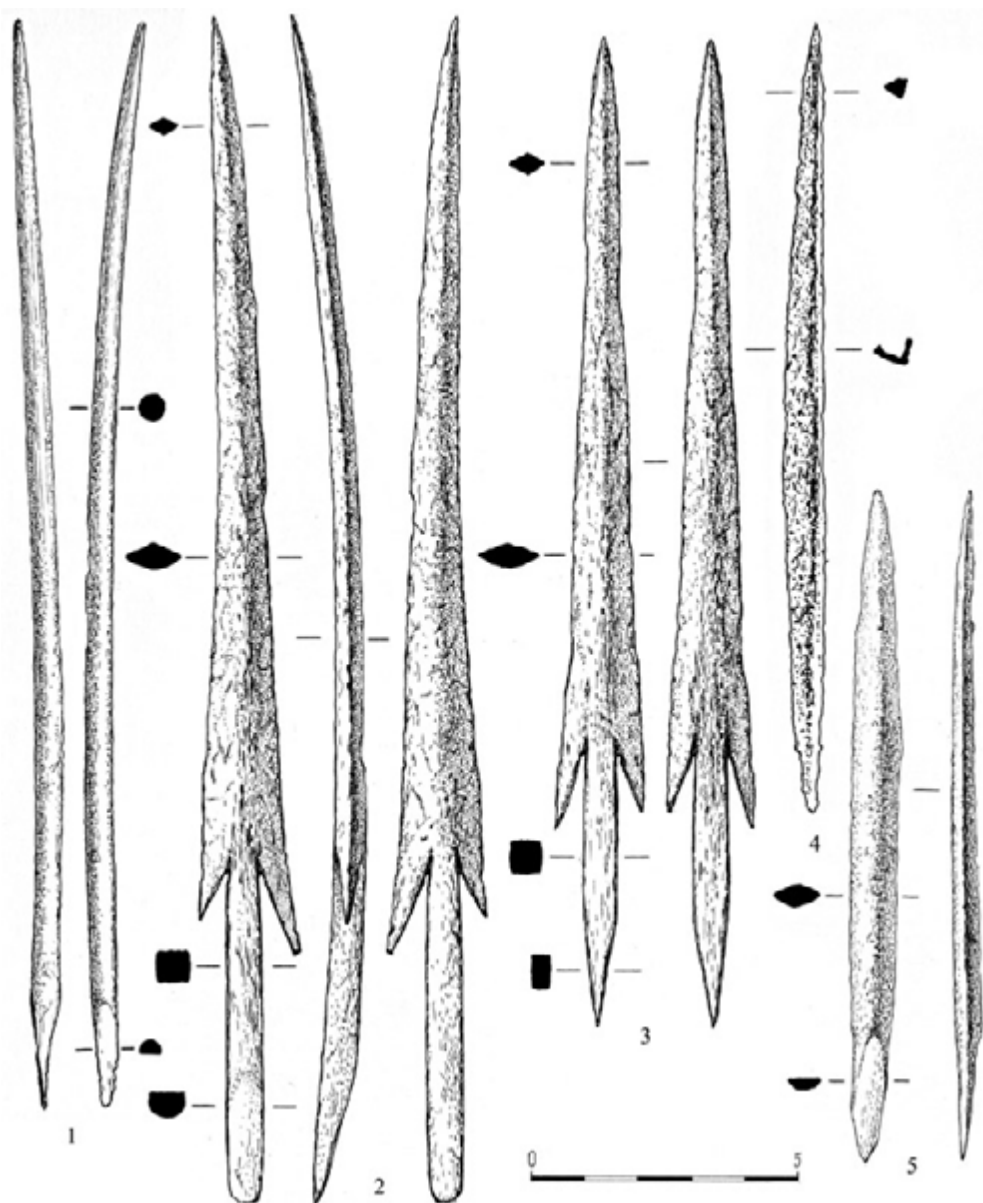

Рис. 2. Наконечники стрел: 1 — погребение 16-3; 2-3 — 17-4; 4 — 13-1; 5 — подъемный материал (1 — рог (?); 2-5 — кость)

Fig. 2. Arrowheads: 1 — grave 16-3; 2-3 — 17-4; 4 — 13-1, 5 — stray find (1 — antler (?), 2-5 — bone)

Такие же наконечники были найдены в погребении, содержавшем кости IV и V при раскопках А. В. Шмидта (Шмидт, 1930. Таб. III, 2–3), в погребении 8 — при раскопках Н. Н. Гуриной (Гурина, 1953. Рис. 11, 1, 3, 5–10).

Длинные наконечники с двумя симметрично расположенными зубцами и скошенным насадом (4 экз.) обнаружены попарно в погребениях 16–4 и 1–2. Те, что происходят из погребения 16–4, различаются по размерам и оформлению насада: у одного он оформлен двумя сходящимися срезами, у другого — одним срезом. При этом уплощение насада у наконечников сделано в разных плоскостях (рис. 2, 2–3). Наконечники из погребения 19–2 абсолютно одинаковые. Их насад оформлен одним срезом. У всех наконечников перо — ромбическое в поперечном сечении.

Наконечники поворотных гарпунов — (2 экз., погребение 16–3). Один из них изготовлен из задней метаподии северного оленя (в отношении второго такой вывод сделан с оговоркой). Это орудия подтреугольной формы с отверстием в медиальной части и продольным прямоугольным желобом, вырезанным на внутренней (губчатой) части расщепленной кости на насаде (рис. 3, 3). Три таких же наконечника поворотных гарпунов были найдены в сопроводительном инвентаре костяков VIII и IX при раскопках А. В. Шмидта (Шмидт, 1930. Рис. 12–13, таб. I, 6–7).

Наконечники гарпунов с двумя симметрично расположенными зубцами (2 экз., погребения 14 и 17–5). Эти наконечники имеют два зубца, расположенные около острия на разных сторонах орудия, симметрично относительно его длинной оси. На черешковой части у них имеется утолщение и поперечная круговая нарезка для крепления (рис. 3, 1). Аналогичный наконечник был найден в погребении VI при раскопках А. В. Шмидта (Шмидт, 1930. Таб. I, 8).

Наконечник гарпуна с одним зубцом, расположенным у острия, утолщением и поперечной круговой нарезкой в черешковой части — 1 экз. из погребения 14 (рис. 3, 2). В погребении VIII при раскопках А. В. Шмидта был найден похожий наконечник с кремневой вставкой на острие (Шмидт, 1930. Таб. II, 3).

Наконечник гарпуна с двумя асимметрично расположенными зубцами (4 экз.). Один происходит из погребения 16–4, три — из погребения 19–4. Наконечники сделаны из расколотых трубчатых костей северного оленя, имеют по два зубца, расположенных на разных сторонах орудия: один зубец расположен у острия, другой — на некотором расстоянии от него. В черешковой части у этих орудий оформлено трапециевидное расширение (рис. 3, 4). Аналогии этому типу есть в материалах из раскопок

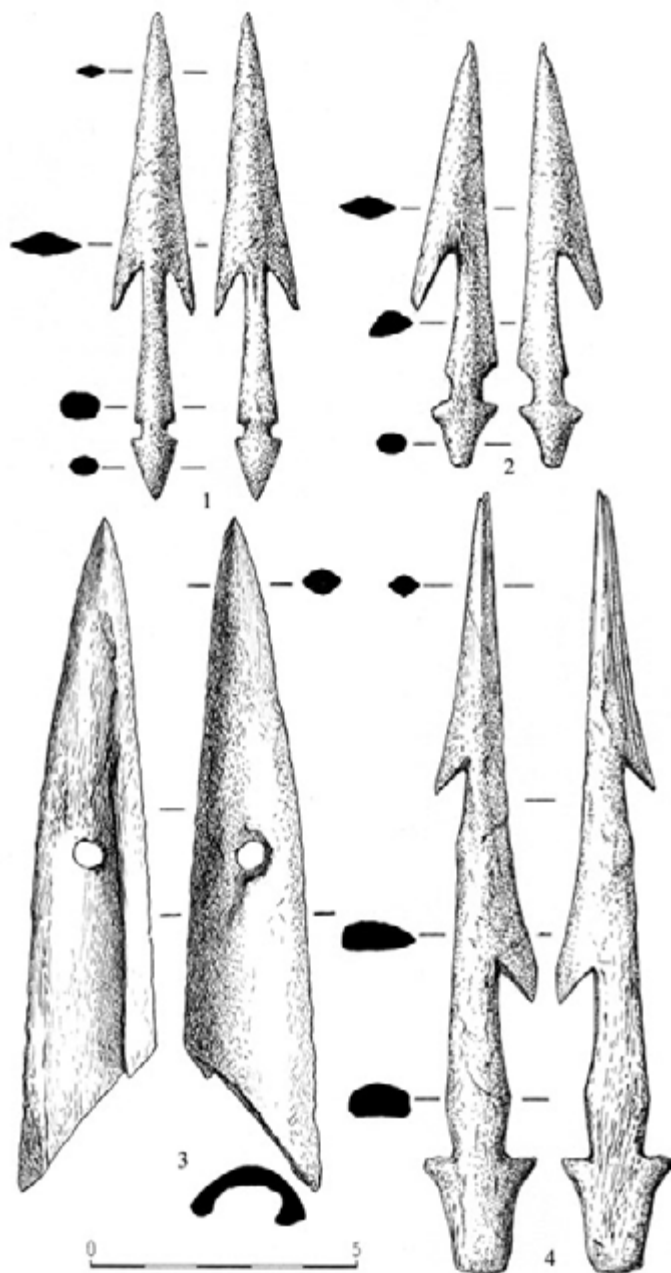

Рис. 3. Наконечники гарпунов: 1, 2 — погребение 14; 3 — 16-3; 4 — 16-4 (все — кость)

Fig. 3. Harpoon heads (bone). 1-2 — grave 14; 3 — 16-3; 4 — 16-4

поселения эпохи раннего металла Маяк II в Дроздовской губе на северо-восточном побережье Кольского полуострова (Гурина, 1997. Рис. 40).

Проколки — одна из наиболее часто встречающихся категорий инвентаря. Всего обнаружено 9 экз., почти все они сделаны из расколотых трубчатых костей животных. Основание для выделения типов — форма аккомодационной части.

К первому типу можно отнести два орудия из погребений 14 и 17-4. Они изготовлены из продольно расколотых длинных костей конечностей животных. Обе проколки имеют плоскую подпрямоугольную рукоять.

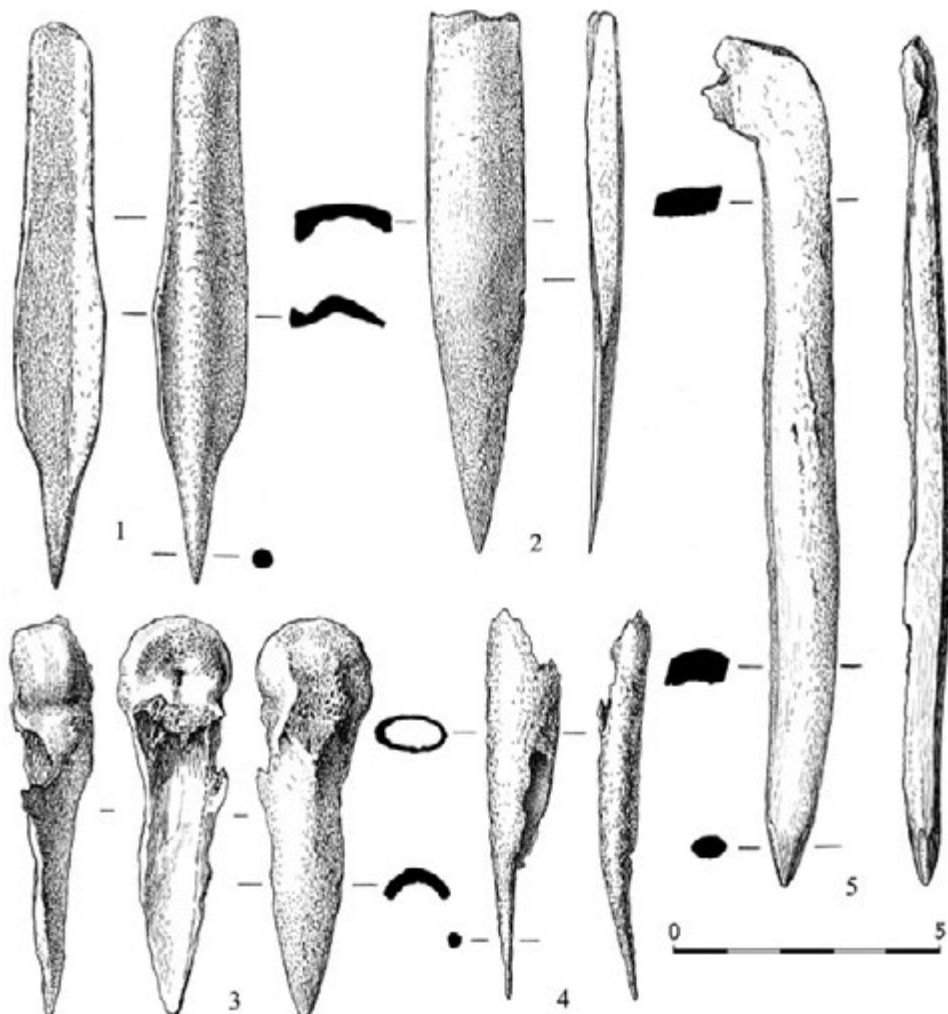

Рис. 4. Проколки: 1 — погребение 14; 2 — 17-4; 3 — 16-3; 4 — 15; 5 — 16-3 (1-4 — кость, 5 — рог северного оленя)

Fig. 4. Borers: 1 — grave 14; 2 — 17-4; 3 — 16-3; 4 — 15; 5 — 16-3 (1-4 — bone, 5 — reindeer antler)

Острие оформлено двумя сходящимися гранями: у проколки из погребения 14 оно — круглое в поперечном сечении (рис. 4, 1), у изделия из погребения 17–4 острие — плоское, линзовидное в поперечном сечении, благодаря чему орудие похоже на миниатюрный кинжал (рис. 4, 2).

Ко второму типу можно отнести три проколки (погребения 16–3, 18 и 19–5) сделанные из нижней части метаподии северного оленя, у которых на аккомодационной части оставлена часть эпифиза (рис. 4, 3).

Три орудия (одно — из погребения 15, два — из 16–3) сделаны на обломках костей случайной формы, аккомодационная часть специально не выделена, во всех случаях острие (округлое или подтреугольное в сечении) легко выделяется некоторой залощеностью (рис. 4, 4). Эта группа орудий имеет множество аналогий в материалах из погребений, изученных А. В. Шмидтом (Шмидт, 1930. Таб. III, 9) и Н. Н. Гуриной (Гурина, 1953. Рис. 17).

С некоторой долей условности к категории проколок можно отнести изделие из погребения 16–3, которое изготовлено из продольно расколотой кости, и представляет собой плоский стержень с коротким, линзовидным в поперечном сечении, острием. Рукояточный конец этого орудия изогнут под прямым углом, но в месте изгиба в древности был сломан (рис. 4, 5).

«Иглы» (3 экз.) — в погребениях взрослых (13–1, 16–2) и ребенка (19–5).

Миниатюрная игла из погребения 13–1 отличается от прочих изделий тем, что имеет квадратное поперечное сечение и ушко на расширяющейся части (рис. 5, 4). Именно по ушку в древности она была сломана. Такие иглы представлены в коллекции поселения эпохи раннего металла Маяк II (Гурина, 1997. Рис. 62, 13–19). Крупная игла из погребения 16–2 выделяется тем, что имеет прорезанное прямоугольное отверстие в центральной широкой и уплощенной части, а оба конца ее заострены. Поперечное сечение орудия в центральной части — линзовидное, на остриях — овальное (рис. 5, 6). Аналогий этому предмету в археологических памятниках Кольского полуострова не известно. Еще одно изделие из погребения 19–5 можно условно считать иглой (или заготовкой), так как оно имеет четкое сужение к острию и расширенную аккомодационную часть, поперечное сечение его — квадратное, ушко отсутствует.

Стержни (17 экземпляров) — обнаружены в погребениях взрослых (16–2, 16–3, 19–1, 19–4). Почти все они фрагментированы. Только один стержень (погребение 19–4) сохранился целиком (рис. 5, 1). Он округлый в поперечном сечении, примерно одинаковой толщины по всей

длине — 0.6–0.7 см. Один конец его тупой, другой, как насад у наконечников, оформлен одним уплощающим срезом.

Выделяются четыре овальных или круглых в поперечном сечении стержня (два — из погребения 16–2, один — из 19–1, один — из 19–4), имеющие расширение и уплощение в центральной части, причем это расширение четко обозначено и в трех случаях имеет линзовидное поперечное сечение (рис. 5, 3, 5). У одного предмета из погребения 16–2 расширение в поперечном сечении — овальное, у другого — на одном из краев расширения оформлено семь небольших зубцов.

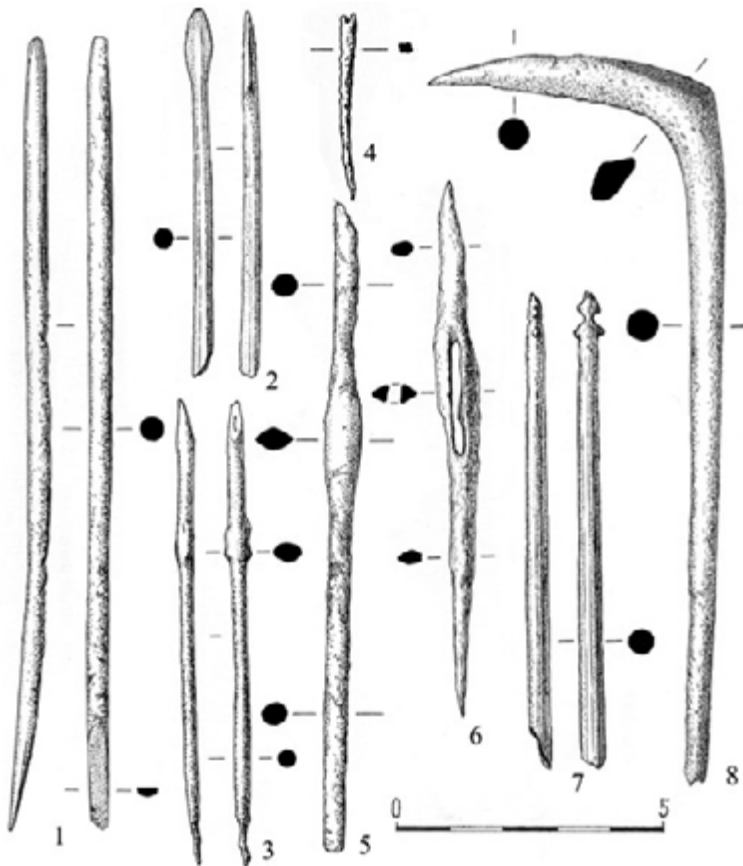

Рис. 5. Иглы и стержни: 1 — погребение 19–4; 2, 7 — 16–3; 3 — 16–2; 4 — 13–1; 5 — 19–4; 6 — 16–2; 8 — 19–4 (1–7 — кость, 8 — рог)

Fig. 5. Needles and rods: 1 — grave 19–4; 2, 7 — 16–3; 3 — 16–2; 4 — 13–1; 5 — 19–4; 6 — 16–2; 8 — 19–4 (1–7 — bone, 8 — antler)

Интересны два округлых в сечении, обломанных стержня из погребения 16–3. Один из них имеет уплощенное, четырехгранное расширение на одном из концов (рис. 5, 2), у другого — на расширенном конце вырезаны четыре зубца, расположенных попарно напротив друг друга, симметрично относительно длинной оси изделия (рис. 5, 7).

Еще один стержнеобразный предмет изготовленный, видимо, из рога имеет плавный изгиб под углом в 90° . В этой части он утолщается, имеет три грани и округлое в сечении острие (рис. 5, 8). Подобные предметы на археологических памятниках Кольского полуострова неизвестны.

Помимо этого были обнаружены обломки девяти округлых и овальных в сечении стержней (восемь — в погребении 16–2, один — в 19–4). Их классификация затруднена из-за фрагментированности, незначительных размеров или плохой сохранности.

Рыболовные крючки — 8 экз., найденные в погребениях взрослых (14, 16–3, 19–2, 19–4). Три из них сделаны целиком из кости, один — составной, два представлены костяными жалами от составных крючков. Составной крючок (погребение 14) изготовлен из двух частей (рис. 6, 1–3). Это небольшой каменный (из стеатита или сланца) стерженок с поперечными круговыми нарезками на концах, глубоким продольным пазом на одном конце и вставленным в него роговым (?) слегка изогнутым острием, для которых А. В. Шмидт предложил термин «коленчатое острие» (Шмидт, 1930. С. 142). Еще два таких острия были найдены отдельно в погребении 16–3 и при просеивании отвала у раскопа 1947–1948 г.г.

Пять остальных рыболовных крючков можно отнести к разновидностям типа II, выделенного В. Я. Шумкиным. Он характеризует этот тип как крючки «с фигурной головкой, массивным поддевом и бородкой» (Шумкин, 2001. С. 240).

Три крючка (погребения 14 и 19–4) изготовлены из продольно расколотой длинной кости крупного млекопитающего (лося или оленя) по той же технологии, что и многие другие орудия (кинжалы, проколки и др.). Они имеют подпрямоугольную форму поддева и плавно изогнутое в верхней части цевье (рис. 6, 5). На жале оформлена бородка. Прямой аналогией им является крючок из погребения IV (Шмидт, 1930. Таб. III).

Крючок из погребения 19–2 имеет сходную форму и изготовлен по той же технологии. Для него характерна подпрямоугольная форма поддева, крупная бородка на жале. Отличие заключается в том, что очень плавно изогнутое цевье заканчивается прямым, длинным стержнем, расположенным точно над жалом (рис. 6, 6). На этом стержне отсутс-

твуют нарезки или прорези, с помощью которых крючок привязывался к леске. Складывается впечатление, что мы имеем дело с незавершенным орудием. Хотя надо отметить, что крючков с оформлением головки в виде стержня в материалах могильника и других памятников Кольского полуострова до сих пор не встречалось.

К последнему варианту относится крючок (погребение 16-3), сделанный, видимо, из рога (?), с массивным поддевом U-образной формы, крупной бородкой на жале (рис. 6, 4). О форме головки судить сложно, поскольку она повреждена. Схожие крючки в материалах могильника

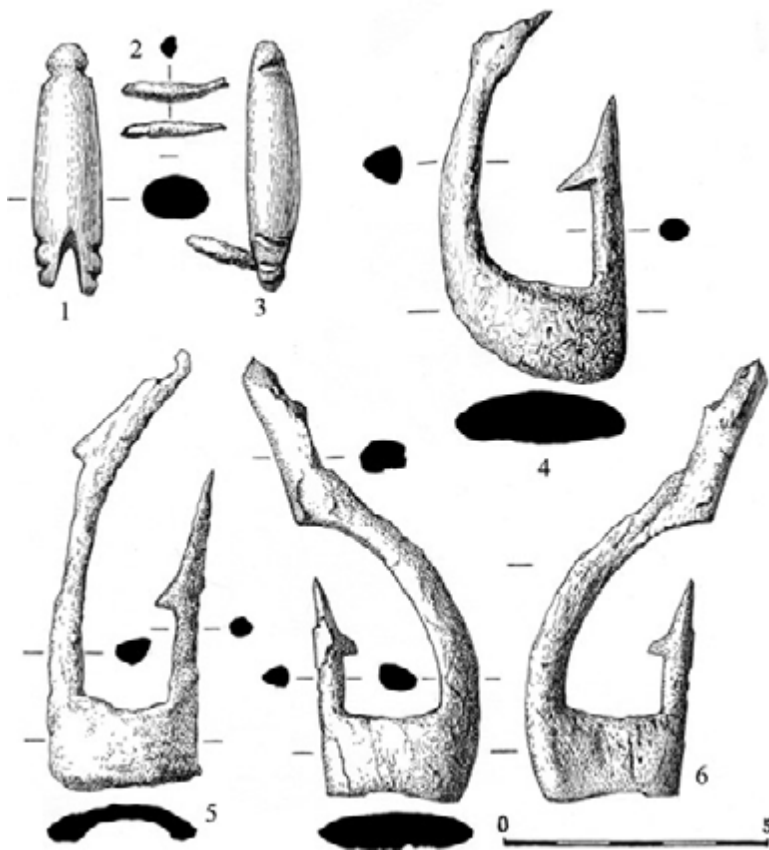

Рис. 6. Рыболовные крючки: 1-3 — погребение 13-1; 4 — 16-3; 5 — 14; 6 — 19-2 (1 — сланец; 2, 4 — рог (?); 3, 5-6 — кость)

Fig. 6. Fishing hooks: 1-3 — grave 13-1; 4 — 16-3; 5 — 14; 6 — 19-2 (1 — slate; 2, 4 — antler (?); 3, 5-6 — bone)

неизвестны, но присутствуют в материалах из раскопок поселения Маяк II (Гурина, 1997. Рис. 40).

«Гребни». Найдено 6 экз. «гребней» в погребениях взрослых (14, 15, 16–2, 19–1, 19–3). Довольно сложно судить об истинном назначении этих изделий, объединение их в одну категорию возможно на основании наличия зубцов, которые могут различаться формой, длиной и количеством. В четырех случаях выполнено определение материала, из которого «гребни» изготовлены — задняя метаподия ребро или рог северного оленя.

По количеству и форме зубцов орудия могут быть разделены на две группы. К первой — относятся два гребня из погребений 14 и 15, изготовленные по той же технологической схеме, что и кинжалы — из продольно расколотых метаподий северного оленя. Они имеют длинную прямоугольную рукоять и 12 недлинных зубцов, расположенных в торцевой части орудия (рис. 7, 1). Прямая аналогия этим гребням — изделие, найденное Г. Д. Рихтером и С. Ф. Егоровым в погребении II (Шмидт, 1930. Таб. V, 8).

Еще четыре предмета из погребений 16–2, 19–1 и 19–3 отнесены к «гребням» условно. Два изделия из погребения 16–2, сделаны из рога (?) и ребра (?) северного оленя,

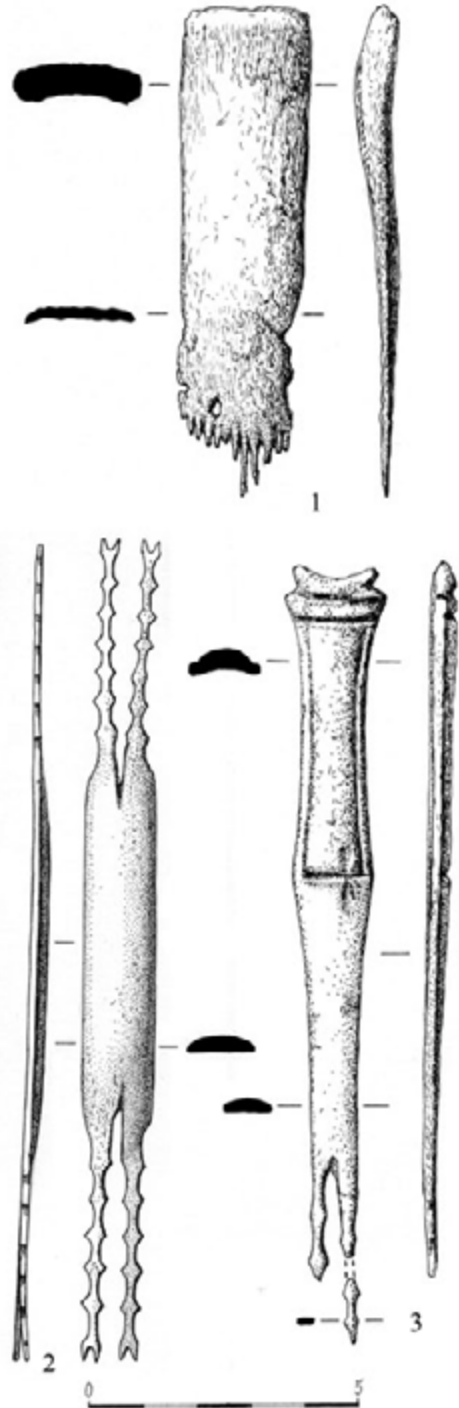

Рис. 7. Гребни: 1 — погребение 15; 2 — 19–3; 3 — 16–2 (1 — кость; 2 — кость (?); 3 — рог (?))

Fig. 7. Combs: 1 — grave 15; 2 — 19–3; 3 — 16–2 (1 — bone; 2 — bone (?); 3 — antler (?))

материал остальных не определялся. Плоская рукоять может иметь вытянутую подтреугольную или подпрямоугольную форму, на ее торцах располагается 2, 3 или 4 зубца (в последнем случае — две пары на разных концах рукояти). Длинные, плоские зубцы их то расширяются, то сужаются, образуя цепочку соединенных в линию ромбов (рис. 7, 2–3). У единственного целого «гребня» из погребения 19–3 каждый зубец раздваивается на конце. У остальных изделий зубцы обломаны, но в погребении 16–2 были обнаружены обломки таких же окончаний зубцов.

Эти изделия не имеют аналогий в материалах археологических памятников Кольского полуострова. Можно предположить, что это были украшения или составные части заколок

Тесла и долота — всего обнаружено 8 экз., из них: семь — в погребениях взрослых (16–3, 16–4, 19–2 и 19–4), один — в разрушенной части могильника. Эти изделия, изготовленные из различных костей и рога крупных млекопитающих, имеют разнообразное оформление рукояточной части, но объединяются по наличию скошенного, приостренного и слегка пришлифованного рабочего конца. Тесла-долота могут быть разделены на две группы по признаку сохранения эпифиза (или его части) на рукоятке. Внутри групп выделяются изделия, изготовленные из целых или расколотых вдоль длинной оси костей. Важным критерием может оказаться ширина рабочего лезвия орудий, но из-за незначительности выборки сейчас сложно обосновать это наблюдение.

Два долота из погребений 16–3 и 19–2 относятся к группе орудий с сохраненными эпифизами. В первом случае орудие сделано из продольно расколотой длинной кости млекопитающего и на рукояти сохранена часть эпифиза (рис. 8, 3). Второе долото фактически полностью сохранило форму кости, из которой было изготовлено (рис. 8, 4). Несмотря на кардинальное отличие этих двух изделий их объединяет незначительная ширина рабочего лезвия 1–1.5 см.

Три орудия (погребение 19–2 и подъемный материал) изготовлены из целых диафизов трубчатых костей и различаются только по размеру. Долота из погребения 19–2 имеют сильно разрушенную поверхность, поэтому сложно судить о форме рукоятей. По форме к этой группе очень близко роговое долото из погребения 16–4, оно отличается только более тупым углом лезвия (рис. 8, 1). Тесло или долото из погребения 19–4 оформлено на продольно расколотом диафизе длинной кости крупного млекопитающего. Рабочий край этого орудия поврежден, поэтому сложно точно оценить его первоначальную ширину (рис. 8, 2). В целом для этой группы изделий характерна большая ширина рабочего лезвия — 2.5–3.5.

Сходные предметы из погребений, изученных в 1947–48 гг., Н. Н. Гурина считала ложилами (Гурина, 1953. Рис. 19, 1–3).

«Рукоятки» (4 экз.) происходят из погребений взрослых (13–1, 16–1, 16–3, 19–3). При небольшой выборке эти изделия очень разнообразны

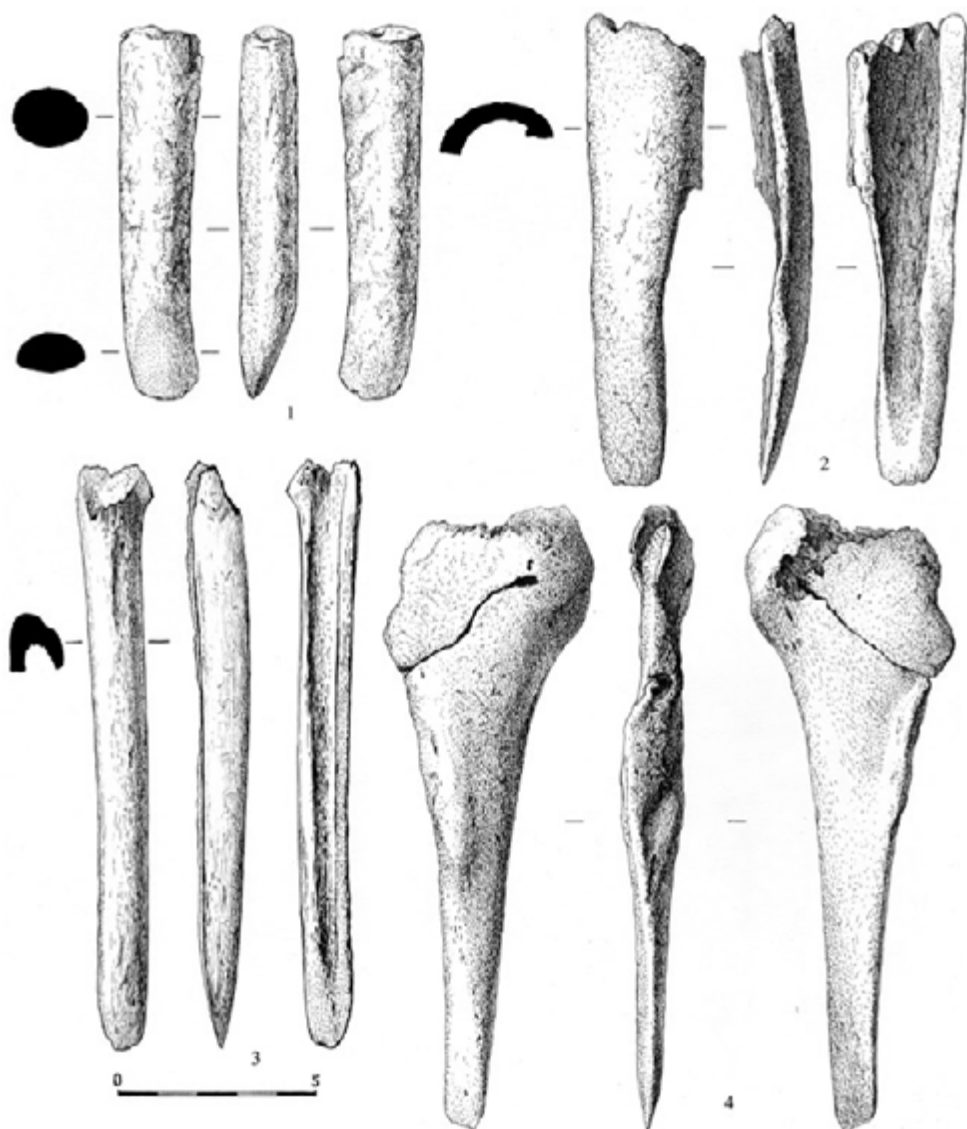

Рис. 8. Тесла и долота: 1 — погребение 16–4; 2 — 19–4, 3 — 16–3, 4 — 19–2 (1 — рог (?); 2–4 — кость)

Fig. 8. Adzes and chisels: 1 — grave 16–4; 2 — 19–4, 3 — 16–3, 4 — 19–2 (1 — antler (?); 2–4 — bone)

по форме, поэтому, с одной стороны, сложно говорить об их функциональном назначении, с другой — выделять типы.

Рукоять из погребения 13–1 изготовлена из кости (рога?) крупного млекопитающего и представляет собой короткий, округлый в сечении, полый стержень. Подобный предмет из погребения 19–3 отличается только наличием сквозной продольной прорези на одной из сторон (рис. 9, 2). Сходные «рукояти», но без прорезей, были найдены в погребении

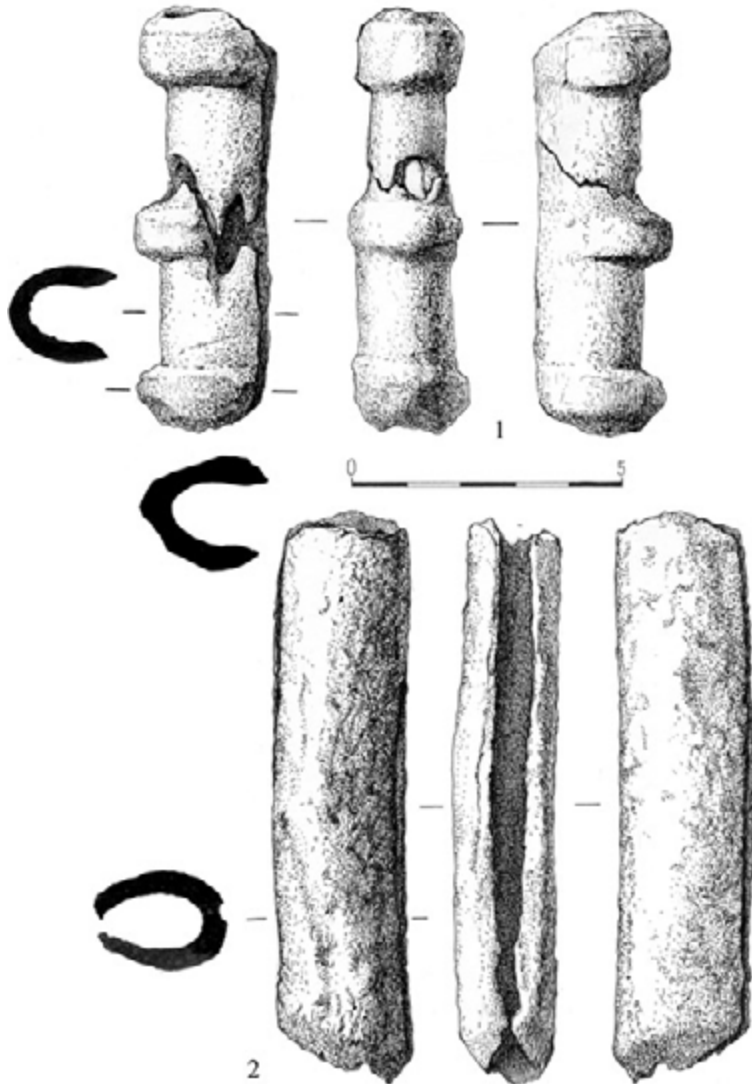

Рис. 9. Рукояти: 1 — погребение 16–3; 2 — 19–3 (1 — кость; 2 — рог (?))

Fig. 9. Hafts: 1 — grave 16–3; 2 — 19–3 (1 — bone; 2 — antler (?))

костяка IV А. В. Шмидтом (Шмидт, 1930. Таб. V, 9) и в погребении №7 Н. Н. Гуриной (Гурина, 1953. Рис. 16, 1–2).

Рукоять из погребения 16–3 изготовлена из кости северного оленя. Это — короткий, округлый в сечении стержень с широкой продольной прорезью вдоль одной стороны и двумя прямоугольными выемками — на противоположной (рис. 9, 1). Похожий предмет был найден на поселении Маяк II (Гурина, 1997. Рис. 41, 22).

Рукоять из погребения 16–1 изготовлена из рога северного оленя, представляет собой округлый в сечении стержень, расширяющийся и уплощенный к одному из концов, в торце которого прорезан глубокий паз, здесь же имеются два отверстия для заклепок. По всей видимости, это рукоять от составного кинжала с металлическим лезвием. Подобные предметы до сих пор не были известны в материалах археологических памятников Северной Фенноскандии.

Подвески обнаружены в количестве 17 экз. в погребениях взрослых (16–2, 16–3, 19–3, 19–4) и в отвалах около раскопа 1947–1948 гг. Они очень различаются по размерам и форме: первый тип — две крупные костяные подвески подпрямоугольной формы из погребений 16–2 и 16–3 (рис. 10, 8–9) имеют просверленное отверстие у одного из концов или в центральной части; ко второму типу, так называемых «китовидных» подвесок, относятся 9 изделий, найденных в погребениях 16–3, 19–3 и 19–4. Они изготовлены из тонких (около 1 мм) костяных пластинок. Подвески состоят из основной (овальной или трапецевидной) части, на конце которой имеется отверстие, и отходящего изогнутого и, в некоторых случаях, раздвоенного хвоста (рис. 10, 3). Такие подвески встречены в 1928 г. в погребении костяка VI, и А. В. Шмидт дал им такое определение (Шмидт, 1930. Таб. VI, 1).

К этому типу близки две подвески (погребения 16–3 и 19–3) подтрапецевидной формы с отверстием, расположенным на широком или узком конце (рис. 10, 1–2).

Две подвески из погребения 19–3 не имеют аналогий ни в материале могильника, ни в других памятниках Кольского полуострова. Одна — плосковыпуклой формы в сечении пластины с симметрично сужающимися концами, имеет круговую нарезку для подвешивания на одном из них (рис. 10, 6). Вторая — по форме напоминает каплю, трехгранная в сечении, с длинным стерженьком, имеющим расширение для привязывания. Выше расширения стержень имел продолжение — на этом месте он обломан (рис. 10, 5).

«Змеевидная» подвеска происходит из погребения 19–4, ее поверхность сильно разрушена. Подвеска представляет собой стержень треугольный в поперечном сечении в верхней части и плавно уплощающийся к низу, с несколькими изгибами; верхний конец раздвоен, возможно здесь она была сломана по отверстию (рис. 10, 4). Аналогичные предметы на памятниках Кольского полуострова до сих пор не найдены.

Еще одна подвеска (из подъемного материала) имеет биконическую форму, округлая в сечении, с обломанным округлым ушком, расположенным на одном из концов (рис. 10, 10). Это изделие, по всей видимости, изготовлено из клыка моржа.

Кинжаловидные «заколки». Найдено 4 экз. в погребениях взрослых 16–2, 19–2 и 19–3. Они изготовлены из стенки длинной кости крупного млекопитающего по той же технологии, что и кинжалы и представляют из себя длинные узкие стержни, оканчивающиеся острием. Основанием для выделения типов в этой категории орудий может быть форма рукояти.

У трех изделий (погребения 16–2 и 19–2) рукоять оформлена в виде плоской, прямоугольной пластины; к дистальному концу орудия постепенно переходят в округлый в сечении, заостренный стержень.

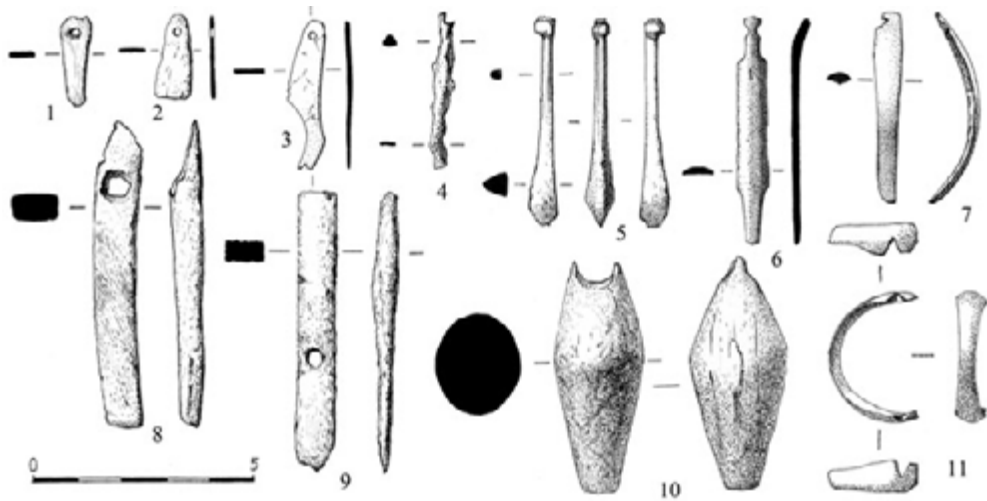

Рис. 10. Подвески: 1, 8 — погребение 16–3; 2, 5, 6 — 19–3; 3 — 19–4; 7 — 16–4; 9 — 16–2; 10 — подъемный материал; 11 — 19–2 (1–6, 8–9 — кость; 7, 11 — резцы бобра; 10 — моржовый клык (?))

Fig. 10. Pendants: 1, 8 — grave 16–3; 2, 5, 6 — 19–3; 3 — 19–4; 7 — 16–4; 9 — 16–2; 10 — подъемный материал; 11 — 19–2 (1–6, 8–9 — bone; 7, 11 — beaver incisor; 10 — walrus tusk (?))

На аккомодационном конце «заколки» имеют выступ, ограниченный от остальной части предмета тонкой нарезкой. Заколки из погребения 16–2 на поперечном выступе имеют одну–две поперечные нарезки. Подобным образом часто оформляются рукояти кинжалов. На рукояти одной из «заколок» из погребения 16–2 тонкими прорезанными линиями выполнен «струйчатый» орнамент (рис. 11, 1). Такой орнамент встречен на кинжалах и игольниках в некоторых погребениях могильника при раскопках 1928 г. и 1947–1948 гг. (Шмидт, 1930. С. 140–143; Гурина, 1953. Рис. 31).

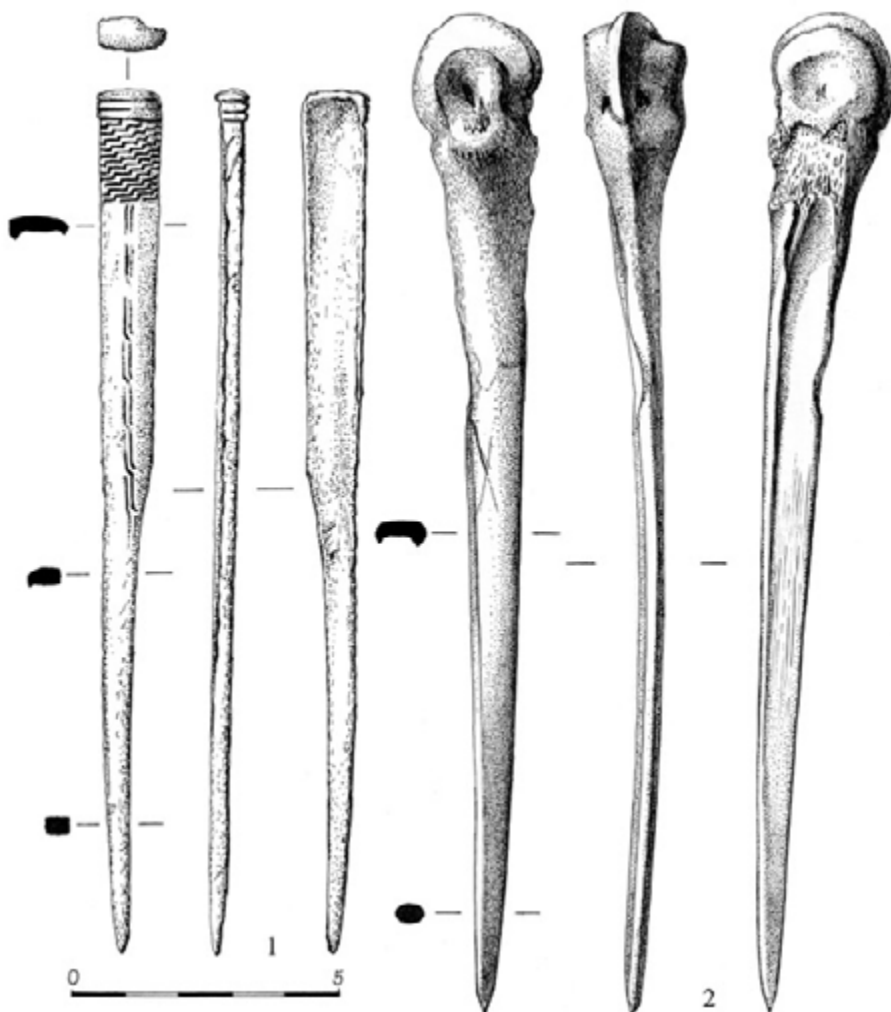

Рис. 11. Кинжаловидные «заколки»: 1 — погребение 16–2; 2 — 19–2 (1–2 — кость)

Fig. 11. “Dagger-like» pins: 1 — grave 16–2; 2 — 19–2 (1–2 — bone)

У кинжаловидной «заколки» из погребения 19–2 на рукояти оставлена часть эпифиза, что делает ее сходной с одним из типов проколов. Однако большая длина изделия, форма сечения рукояти и стержня у острия позволяет объединить его с «заколками» из погребений 16–2 и 19–3 (рис. 11, 2).

Функция этих изделий не совсем понятна. Они могут относиться к деталям костюма, прически и т. д. С. В. Гусев высказал предположение о том, что они использовались как «затычки для ран» во время охоты на морских млекопитающих. После извлечения гарпуна из тела животного, чтобы не вытекала кровь, края раны стягивают, подгибают и прокалывают такой заколкой (Гусев, персональное сообщение).

«Заколки с зубчатой головкой» — 5 экз. из погребений 13–1 и 16–3. Они представляют из себя недлинные, круглые в сечении стержни, уплощенные и расширенные к одному из концов. На этом уплощенном участке по противоположным краям расположены два ряда некрупных зубцов или зарубок. Три «заколки» имеют отверстие в центральной части «зубчатой головки». Другие детали оформления головки также сильно различаются.

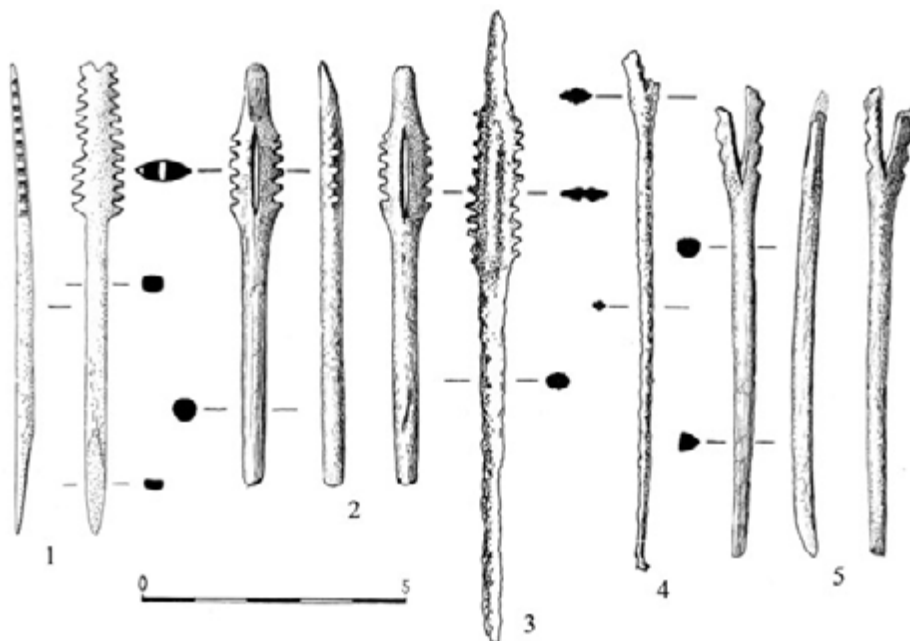

Рис. 12. «Заколки с зубчатой головкой»: 1, 3, 4 — погребение 13–1; 2, 5 — 16–3 (1–5 — кость)

Fig. 12. "Pins with notched head": 1, 3, 4 — grave 13–1; 2, 5 — 16–3 (1–5 — bone)

У изделия из погребения 16–3, лучше всего сохранившегося, в центральной части овальной «зубчатой головки» прорезано прямоугольное отверстие. В верхней части стержень обломан, в нижней — он аккуратно обрезан (рис. 12, 2). Сходную форму имеет одна из заколок из погребения 13–1, но в центральной части, с обеих плоскостей у нее оформлен желобок (рис. 12, 3). Поверхность этого изделия сильно повреждена, поэтому сложно говорить о ее целостности.

Одна из заколок из погребения 13–1 имеют головку прямоугольной формы без отверстия. Противоположный конец орудия уплощен и срезан (рис. 12, 1).

Еще две заколки из погребений 13–1 и 16–3 обломаны по отверстию, которое могло быть треугольной или линзовидной формы. Орудие из погребения 16–3 на краях уплощенного участка украшено не зубцами, а несколькими зарубками (рис. 12, 5). У второго предмета уцелела лишь небольшая часть «головки», при этом сама поверхность изделия плохо сохранилась, поэтому трудно судить о том, были ли у него зубцы или зарубки по краям «головки» (рис. 12, 4).

Эта категория артефактов не находит аналогий в материалах археологических памятников Северной Фенноскандии.

«Навершия жезлов» со схематизированными объемными изображениями головы северного оленя — 6 экз. (погребения 13–1, 16–2, 16–3 и 19–4). Одно навершие (погребение 13–1) изготовлено из ребра крупного копытного, остальные — видимо, из рогов северного оленя (для изделий из погребений 16–2 и 16–3 сделан остеологический анализ). Все они представляют собой прямоугольные в сечении стержни, с изогнутым под углом около 120° – 140° концом, на котором вырезано объемное схематизированное изображение головы северного оленя (рис. 13). Размеры и форма стержней могут варьировать: в одном случае — он плоский, с двумя нарезками для крепления, у двух экземпляров — имеется легкий изгиб, придающий всему изделию S-видную форму, у трех — на широком стержне имеется сквозная продольная прорезь. У всех изображений голова северного оленя непропорционально длинная, суженная в центральной части, расширяющаяся к морде. Морда имеет заметный скос от носа ко рту животного. В пяти случаях обозначены уши и рога животных: у двух оленей рога переданы длинным, изогнутым отростком с насечками на конце; у одного — коротким выступом с зарубками, направленным прямо надо лбом животного; еще у двух — они лишь намечены небольшими выступами. Два «навершия» украшены прорезным орнаментом на стержне: у первого — пересекающиеся линии, образуют

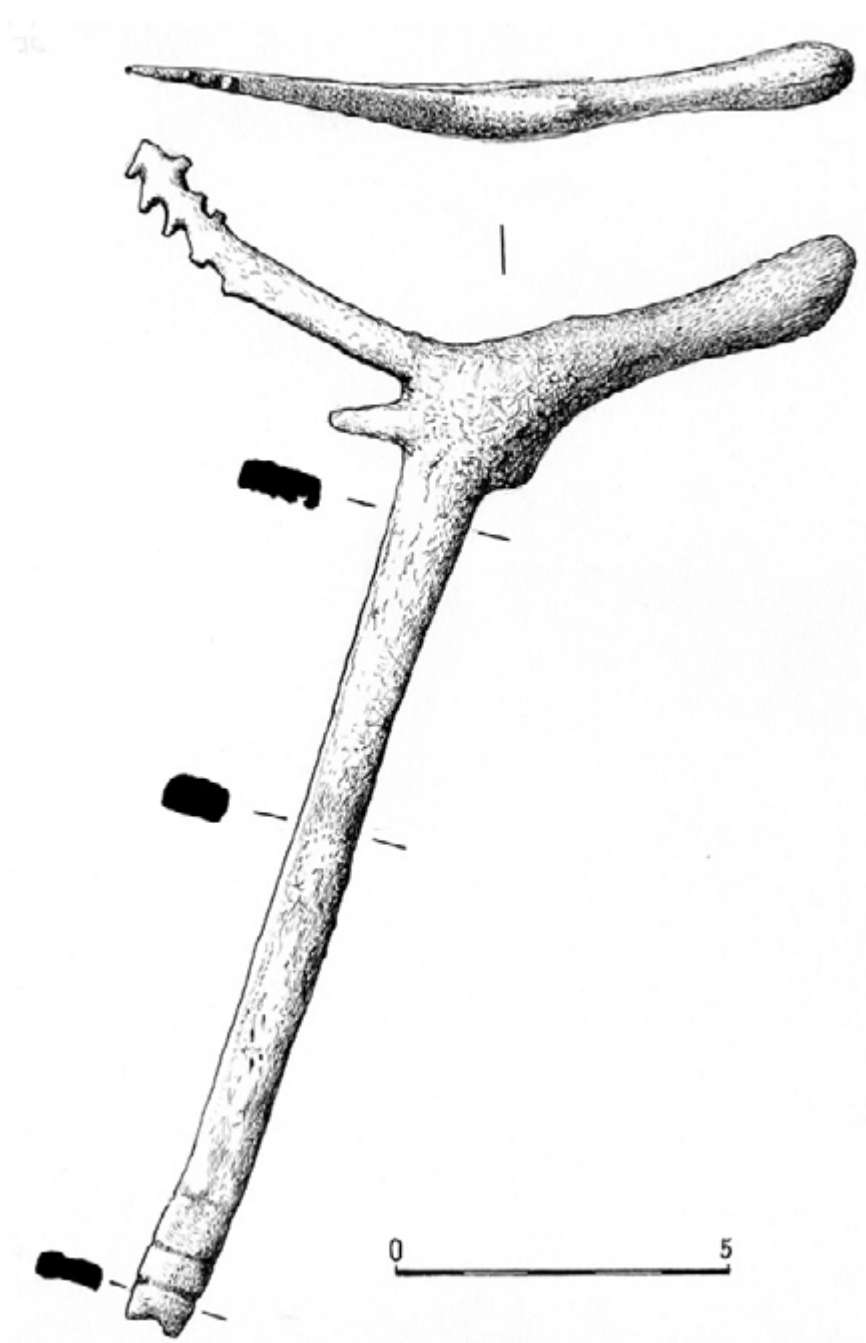

Рис. 13. «Навершие жезла» из погребения 16-3 (рог)

Fig. 13. "Wand head" from the grave 16-3 (antler)

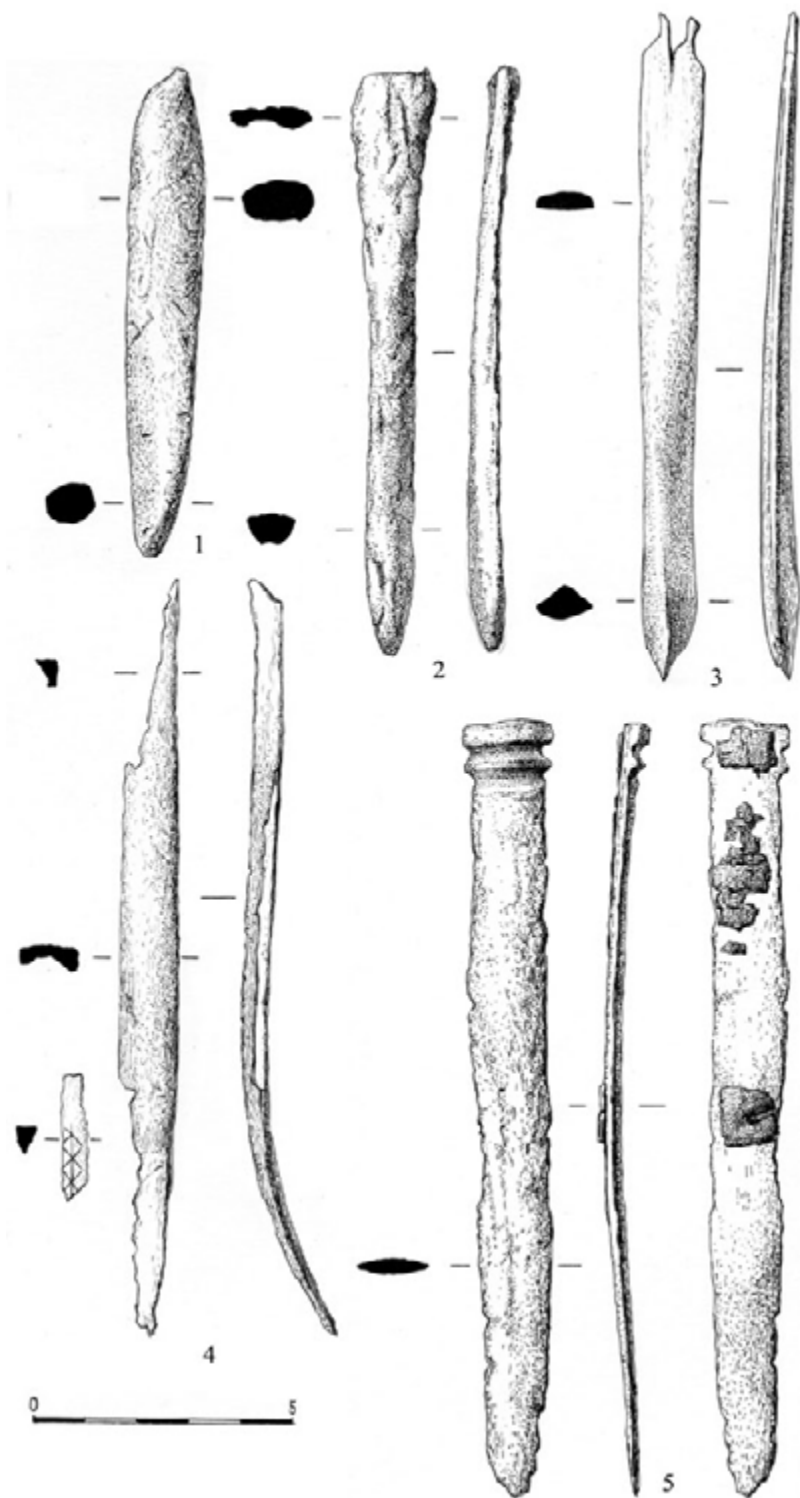
цепочку ромбов; у второго — серии косых линий образуют чередующиеся трапеции, расположенные под разным углом друг к другу. Аналогичное изделие было обнаружено Н. Н. Гуриной в 1948 г. в погребении № 8. Она предположила, что на нем изображена голова лося: «в скульптуре подчеркнуты характерные особенности этого животного — слегка отвислая нижняя губа и горбинка на морде» (Гурина, 1953. С. 375; Рис. 22).

Теперь, когда обнаружена серия изделий, появились основания считать их изображениями голов северных оленей. На это указывает ряд повторяющихся признаков. Во-первых, у шести из семи изображений переданы рога, на двух «навершиях» — это форма рогов именно оленей. При этом ни у одного скульптурного изображения лося во всей лесной зоне Евразии рога не передаются (см. например Студзицкая, 2004. С. 25–30.). Во-вторых, морды у всех животных (кроме изделия из раскопок Н. Н. Гуриной) имеют одинаковые черты: сужение — в средней части и расширение — к ноздрям и рту; они скошены — такую форму морды можно назвать «топорообразной». Для изображений лосей характерны совсем другие черты: «горбатость» и отвислая нижняя губа. В-третьих, угол схождения головы и предполагаемой шеи животного составляет примерно 120° – 140° , что передает своеобразное «летающее» движение оленя, совершенно нехарактерное для лося. У изображений лосей угол между шеей и головой гораздо меньше, из-за чего создается своеобразное ощущение «понуристости».

Говоря о «навершиях жезлов» необходимо упомянуть еще один стержнеобразный предмет, обнаруженный в погребении 16–3. Он относительно широкий, плоский, прямоугольный в сечении, сильно фрагментирован, один его конец изогнут в результате естественной деформации. К этому изделию относится небольшой фрагмент с прорезанным орнаментом в виде трех соприкасающихся вершинами ромбов (рис. 14, 4). Такие стержни, иногда с продольным разрезом, в том числе орнаментированные, имеют некоторые «навершия жезлов» (например из погребений 13–1, 19–4). В погребении 16–3 было найдено подобное «навершие», но оно было целым. Возможно, этот стержень принадлежал другому, не сохранившемуся артефакту.

Помимо серийно встреченных артефактов нужно отметить изделия, представленные в единственном экземпляре.

В погребении 19–3 было найдено **плоскостное зооморфное изображение**. Это плоская пластина, расширяющаяся к одному концу. В форме расширения можно уловить черты головы животного. На рукояти имеются четыре выемки расположенные попарно с двух краев предмета. По

всей видимости, они были предназначены для крепления изделия на какую-то основу. Такие же выемки, отделяющие рукоять от лезвия, имеет кинжал из погребения 13-1. Некоторые аналогии «плоскому зооморфному изображению» можно найти в Т-образных орудиях из погребения VIII 1928 г. (Шмидт, 1930. Таб. IV, 1) и из погребения 7 1948 г. (Гурина, 1953. Рис. 23).

Орнаментированная накладка из погребения 17-4 представляет собой роговую, слабо изогнутую в виде буквы «С» пластину. Одна из ее сторон украшена глубокими прорезанными линиями, образующими геометрический узор из ряда чередующихся косых трапеций, которые заштрихованы под разным углом. На концах пластины вырезаны два углубления для крепления (рис. 15, 3). Этот предмет напоминает накладки на небольшие сумки, которые еще недавно использовались саамами.

В погребении 16-2 был найден недлинный, массивный роговой, овальный в сечении стержень, сужающийся к одному концу. На этом конце видны следы заполировки. Возможно, это **посредник**, использовавшийся при изготовлении каменных изделий (рис. 14, 1). В этом же погребении обнаружено **роговое орудие с раздвоенным концом** (рис. 14, 3). Само орудие представляет из себя узкую плоскую пластину, на одном конце которой оформлены два недлинных тонких выступа, противоположный конец пластины — утолщенный, заостренный и трехгранный в сечении.

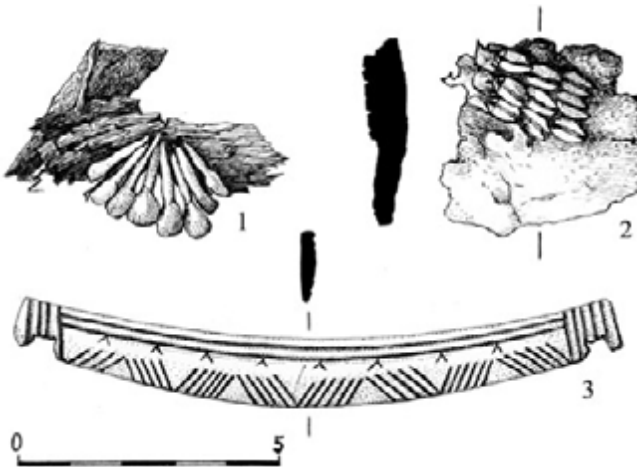

Рис. 14. (на стр 216) Не серийные изделия: 1, 3 — погребение 16-2; 2 — 19-3; 4 — 16-3; 5 — 16-2 (1, 3 — рог, 2, 4-5 — кость)

Fig. 14. (on page 216) Non-serial items: 1, 3 — grave 16-2; 2 — 19-3; 4 — 16-3; 5 — 16-2 (1, 3 — antler, 2, 4-5 — bone)

Рис. 15. Орнаментированная накладка и нашивки из зубов животных: 1 — погребение 19-4; 2 — 16-3; 3 — 17-4 (1-2 — зубы животных; 3 — рог).

Fig. 15. Ornamented plate and pendants made of animal teeth: 1 — grave 19-4; 2 — 16-3; 3 — 17-4 (1-2 — animal teeth; 3 — antler)

В погребении 19–3 обнаружено костяное (?) орудие — плоское и расширенное — на одном конце и утолщенное, округлое в сечении — на другом. Суженный массивный конец этого орудия позволяет считать его **отжимником** или посредником, но без трасологического анализа функцию этого изделия определить невозможно (рис. 14, 2).

В погребении 16–2 был обнаружен предмет, обозначенный как «**лопаточка**» (рис. 14, 5). По форме это — тонкая длинная костяная пластина с закругленным концом. Другой конец, как и у кинжаловидных «заколок», имеет поперечный выступ и нарезку.

В погребении 19–1 и 19–5 были найдены два роговых (?) предмета, обозначенных нами как обломки «**браслетов**». Их поверхность очень сильно разрушена, что не позволяет судить о характере ее обработки и технике изготовления предметов. Для обоих изделий характерна форма неполного кольца диаметром в несколько сантиметров. В одном случае — это, фактически, половина окружности, в другом — примерно одна четверть. Нужно отметить, что функцию этих предметов определить невозможно, аналогий им в материалах памятников Кольского полуострова нет.

Также в погребениях могильника встречаются **необработанные фрагменты и целые кости и зубы животных** (северный олень, бобр), мелких и крупных птиц. Особенно выделяются 3 группы (погребения 16–3, 19–3 и 19–4) из костей **черепов рыб или зубов (?)** расположенных друг на друге в три и два ряда так, что каждый ряд частично перекрывает предыдущий. Эти скопления были найдены в погребениях: в 16–3 — под черепом и в 19–3 — около черепа. По всей видимости, они представляют собой специально нашитые на одежду (на шапку?) украшения (рис. 15, 2). Еще одно скопление состоит из 7 зубов животных (?) (погребение 19–4) (рис. 15, 1).

К украшениям можно, видимо, отнести фрагменты резцов бобра, обнаруженные во многих погребениях. Только в двух случаях (погребения 16–4 и 19–2) они имеют нарезки, которые убедительно показывают, что эти изделия использовались как подвески или нашивки. В первом случае имеется одна нарезка на конце изделия (рис. 10, 7), во втором — две нарезки расположены симметрично на противоположных концах изделия (рис. 10, 11).

В заключении хочу отметить, что в результате исследования в 2001–2004 гг. могильника на Большом Оленьем острове произошло не только количественное увеличение коллекции костяного и рогового инвентаря, но и изменились наши представления о соотношении категорий

и типов изделий. Все это позволяет в ближайшем будущем при сравнении материала коллекций поселений Кольского полуострова и Северной Норвегии (Simonsen 1961, 1963; Solberg 1909) скорректировать тип-лист, разработанный В. Я. Шумкиным. Учитывая широкий территориальный и хронологический диапазон привлекаемых аналогий, такой тип-лист может стать универсальным инструментом для описания и систематизации коллекций, а также для постановки и решения комплекса исследовательских вопросов (хронология, культурная атрибуция, сложение хозяйственно-культурных типов и др.)

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев С. В., Боруцкая С. Б. Реконструкция физического типа и стрессовых влияний на население, оставившее могильник на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: международная научно-практическая конференция: сборник научных статей и докладов. Соловки, 2006.
- Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 39
- Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
- Студзицкая С. В. Изображение лося в мелкой пластике лесной Евразии (эпоха неолита ранней бронзы) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции, СПб., 2004.
- Хартанович В. И. О «лапоноидности» на Севере Европы (по антропологическим материалам могильников Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего острова Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: международная научно-практическая конференция: сборник научных статей и докладов. Соловки, 2006.
- Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник АН СССР. Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 23.
- Шумкин В. Я. Костяная индустрия охотников на морского зверя Баренцева моря // Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад, 2001.
- Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Записки ИИМК РАН. СПб., 2006. №1.
- Simonsen P. Varanger-Funnene II. Fund og udgravninger på fjordens sydkyst. Tromsø Museum Skrifter vol. VII, hefte II. Tromsø, 1961
- Simonsen P. Varanger-Funnene III. Fund og udgravninger i Pasvikdalen og ved den Østlige fjordstrand. Tromsø Museum Skrifter vol. VII, hefte III. Tromsø — Oslo. 1963.
- Solberg O. Die Eisenzeitfunde aus Ostfinnmarken. Videnskab-Selskabets Skrifter. Hist.-Filos. klasse, № 7. Christiania, 1909.
- Bone and antler inventory of the Bolshoy Oleny island cemetery in Kola bay of Barents Sea

Bone and Antler Inventory of the Bolshoy Oleny Island
Cemetery in Kola Bay of Barents Sea
(Excavation Materials 2000–2004.)
A. Murashkin

The Kola Archaeological expedition of IHMC RAS led by V. Ya. Shimkin resumed in 2001-2004 study of the Early Metal period cemetery on Bolshoy Oleny island in the Kola bay of Barents Sea. 9 single and collective graves including total of 22 burial remains were investigated. A unique assemblage including artifacts made of stone, bone, antler, ceramic, shells, metal objects was obtained. The present article describes the bone and antler artifacts.

The following categories of bone and antler inventory are distinguished: daggers, projectiles (arrows, darts, harpoons), borers, needles, rods, fishing hooks, combs, adzes and chisels, hafts, pendants, dagger-like «pins», «grooved-head pins», «wand heads». Some types are represented by single items. A number of category names used here are nominal, not reflecting the actual artifact function.

Some of the identified artifact categories and types do not have analogies in the inventory of settlements either on Kola Peninsula or in Northern Norway. Taking into account the new types will allow adjusting the type-list developed by V. Shumkin, which has a potential to serve as universal tool for description and systematizing assemblages.

Трасологическое исследование изделий из кости и рога из могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря (предварительные наблюдения)

Г. Н. Поплевко¹

Данная статья представляет собой первое предварительное трасологическое исследование предметов из кости и рога, полученных при раскопках могильника в 2002–2004 гг. (Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2006. С. 42–52). Дальнейшее изучение материалов позволит более подробно остановиться на каждой категории орудий и провести реконструкцию процесса изготовления отдельных типов изделий. В работе использована выборка из более чем 60 изделий из кости и рога.

В задачу входит: 1 — изучение сохранившихся микроучастков поверхности изделий для выяснения возможности проведения трасологического анализа и его результативности; 2 — проведение реконструкции технологических процессов обработки некоторых орудий после трасологического исследования поверхности изделий; 3 — определение материала орудия, которым был нанесен орнамент.

Рассматриваемая выборка включает изделия разных категорий инвентаря. Степень сохранности исследованных орудий разная, чаще плохая, что, вероятно, зависело от условий, влиявших на изделия из кости и рога, во время нахождения их в почве. Трасологическое исследование поверхности изделий и ее фотофиксация проводились под МБС–9 с помощью цифрового оборудования (с увеличением от $\times 4$ до $\times 10$ раз; рис. 1–8) и под металлографическим микроскопом «Olympus» (с увеличением $\times 50$, $\times 100$, $\times 200$ раз; рис. 18–20).

Захоронения, в которых обнаружены орудия из кости и рога, находились на глубине 0.5 — 0.9 м от современной дневной поверхности, в материковом светло-сером песке (Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2006. С. 42–52). В песке довольно редко сохраняется кость. Возможно, положительную роль для сохранности материала сыграл перекрывающий слой торфа. Он как бы «консервировал» погребения, перекрыв активный доступ кислорода и, таким образом, замедлив процесс разрушения костной ткани. Изделия из кости и рога были подвержены постоянно-му воздействию кислой среды (торфа), способствующей консервации

¹ Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).

(на торфяниковых стоянках хорошо сохраняются изделия из кости и рога). Все исследуемые предметы подверглись значительному разрушению корневой системой растений и влиянию различных процессов, происходивших в песчаной среде, которые также способствуют вымыванию кальция из костной ткани.

Почти все анализируемые предметы в древности были хорошо заполированы. Вся поверхность изделия или ее отдельные части были пришлифованы на мелкозернистом абразиве и затем дополнительно заполированы кожей или шкурой. Таким способом формировался плотный слой, который имел большую прочность и твердость, чем собственно поверхность кости или рога². Возможно поэтому изделия, которые были заполированы в древности, подверглись меньшему разрушению во время нахождения в почве. Они имеют относительно хорошую сохранность отдельных участков своей поверхности.

Описание исследованных материалов дано в порядке предварительных общих наблюдений.

Кинжалы. Заготовки: все изученные кинжалы изготовлены из продольно расчлененных трубчатых костей крупных животных (в шести случаях — из костей оленя). Можно проследить следующие технологические приемы их оформления. В начале трубчатую кость продольно раскалывали на две части. Затем у каждой части удаляли один эпифиз, а второй — частично спиливали. Спиленную часть (торец) — основание будущего кинжала — пришлифовывали горизонтально.

— Противоположный широкий конец кинжала имеет пришлифовку поперек длинной оси.

— Торцовая часть кинжала иногда имеет орнаментальные нарезки или просверленное отверстие (рис. 4, 1–4; 15, 11).

— Кинжалы с просверленным отверстием (рис. 4, 5, 6).

Острие кинжала пришлифовано на абразиве. Направление пришлифовки совпадает с продольной осью кинжала. Острие одних кинжалов пришлифовано по боковым ребрам расколота кости, а у других — пришлифовкой оформлены плоские грани, образующие ромбовидное сечение острия кинжала. Слой заполировки сохранил поверхность острия кинжалов от полного разрушения.

— Кончик острия кинжалов оформлен пришлифовкой. Пришлифовка осуществлялась параллельно боковым граням (рис. 1, 2; 2, 4–6).

— Кончик острия имеет четыре пришлифованные грани и подромбовидное сечение (рис. 1, 4; 3, 1–6; 9,3).

² Заполировка — плотный слой коллоидной пленки с большой долей кремнезема, в результате обработки материала на абразиве (Поплевко, 2005 С. 94–110; 2007).

— Боковые ребра кинжалов имеют шлифовку, она направлена продольно длинной оси кинжалов (рис. 1, 1, 5, 6; 2, 1–3; 5, 1–5).

— Кинжалы из широких плоских пластин имеют сильно шлифованную с внутренней стороны ровную гладкую поверхность и нарезки по боковым ребрам (рис. 9, 4–6).

Два кинжала изготовлены из широких плоских прямоугольных пластин-заготовок. Внешняя поверхность их остается естественной, а внутренняя — с губчатой массой — сильно шлифована до истирания этой массы и формирования слоя заполированной поверхности. На отдельных участках боковых ребер оформлены небольшие выступы (рис. 9, 4–5) и выделена рукоять (рис. 9, 5–6). Вероятно, они были необходимы для крепления кинжалов (?).

Наконечники копий. Заготовки: наконечники копий с двумя шипами изготовлены из плоских роговых или костяных пластинок. Для данного типа орудий была необходима плоская прямоугольная заготовка. Внешняя поверхность заготовки остается естественной, противоположная — тщательно шлифована на плоском широком абразиве. В процессе шлифовки полностью стирается губчатая масса.

— Наконечники с двумя боковыми шипами и кососрезанным широким плоским насадом (рис. 6, 1–6; 7, 1–6; 8, 1–6; 10, 1).

Изучение шипов позволяет предположить, что они были оформлены с помощью металлического режущего орудия. Это можно подтвердить тем, что острый конец шипа и собственно «тело» наконечника, от которого отделены шипы, имеют ровные прямоугольные грани и очень тонкий зазор у основания среза (рис. 10, 1). Выполнить каменным лезвием такую операцию можно, но при этом у шипа и «тела» наконечника не будет резко очерченных прямоугольных граней, а зазор между основанием шипа и «телом» наконечника будет значительно больше и будет иметь V-образный профиль (рис. 16, 1–4; 17, 1, 2).

Два наконечника с двумя шипами выполнены с помощью кремневых орудий (рис. 9, 1, 2; 10, 2, 3). У них более короткие шипы и шире расстояние между телом наконечника и шипом, насад косо срезан, затем тщательно шлифован и заполирован. Косой срез насада этих наконечников виден только в профиле.

— Наконечники с двумя боковыми шипами и срезанным с двух сторон острым насадом (рис. 10, 2, 3).

— Кончик острия наконечников часто имеет специальное оформление в виде шлифованного, заполированного четырехгранного сечения (рис. 9, 3).

Орудия для ловли рыбы.

Рыболовный крючок (рис. 10, 4). Рыболовный крючок изготовлен из прямоугольной плоской заготовки в виде пластины. Внешняя сторона изделия сохраняет естественную поверхность, внутренняя — имеет следы шлифовки, до истирания губчатой массы. Здесь можно проследить сочетание использования каменных и металлических режущих орудий в процессе его изготовления.

Гарпуны (рис. 11, 1–4). Наконечники гарпунов имеют по два боковых шипа и подпрямоугольный насад с выступами, приостренной формы, по обеим сторонам его верхней части. Гарпуны были изготовлены из широких плоских пластин. Внешняя сторона такой пластины оставалась естественной поверхностью, которая заполировывалась мягкими материалами (шкура или шерсть), придающими ей зеркальный блеск. Внутренняя сторона пластины шлифована на абразиве до истирания губчатой массы. Выступы на насаде служили дополнительным упором при креплении гарпуна к древку. При изготовлении гарпунов были использованы только кремневые орудия, так как отчетливых занозистых срезов, часто остающихся при применении металлического ножа, на изделии нет.

Орудия для работ по камню. Ретушеры (рис. 12, 1–2, 8). Эта категория орудий впервые была выделена и описана автором при трасологическом исследовании орудий из кости и рога энеолитического поселения Мешоко (Поплевко, 2002а. С. 45–48; 2002б. С. 249–250). В настоящей работе впервые представлены микрофотографии микроследов на кромке рабочего конца ретушеров при большом увеличении в $\times 50$, $\times 100$ и 200 раз.

Ретушеры изготовлены из фрагментов кости и рога. Изделия из кости имеют специально оформленный скругленный рабочий конец. Роговые ретушеры оформлены в виде продолговатых стержней овальных в сечении и с приостренным рабочим концом. Микроследы на рабочем конце ретушеров из кости с приостренным концом при увеличении в $\times 100$ и $\times 200$ раз представляют собой сильно выкрошенную поверхность на кромке. В профиль кромка скруглена (рис. 18, 1). Роговые и некоторые костяные ретушеры имеют более широкий рабочий конец. Микроследы на рабочем конце у них, помимо микровыкрошенности, имеют заполированные участки, наблюдаемые при увеличении $\times 100$ и $\times 200$ раз (рис. 18, 2; 19, 1,2). Не исключена возможность использования роговых ретушеров и в качестве посредников при расщеплении кремня (?), т. к. они достаточно массивны. На таблице 17 представлен эксперименталь-

ный роговой посредник (рис. 17, 3–5).

Орудия для работ по дереву. Долота (рис. 12, 3). В рассматриваемой выборке орудий они представлены всего двумя экземплярами. Долота изготовлены на фрагментах трубчатых костей, имеют подпрямоугольную форму в плане и широкий рабочий конец, который в свою очередь, приострен на абразиве. Ширина рабочего лезвия до 1.5 см, угол его заострения 30–35 градусов. На шлифованных участках кромки фрагментарно сохранились участки с микроследами использования.

Орудия для работ по шкуре. Проколки (рис. 12, 7). Эта группа орудий представлена довольно разнообразными формами. Часть их изготовлена на крупных фрагментах кости с тщательно обработанным или специально выделенным острым концом. Поверхность изделий была сильно заполирована в древности. Микроследы характерны для проколок (Поплевко, 2005. С. 94–110; 2007).

Проколки-острия (рис. 14, 5). Орудия изготовлены на фрагментах костей с сохранившимся эпифизом, который представляет собой естественный утолщенный конец-навершие. Кончик острия у таких изделий острый, тщательно оформлен и заполирован.

Длинные булавки с острым концом и выделенным навершием (рис. 12, 4–6; 14, 9, 10, 11; 15, 6). Группа булавок имеет довольно широкий спектр орнаментальных украшений в виде специально оформленного вырезанного утолщенного конца или навершия, имеющего форму «шляпки гвоздя». Навершие часто имеет резной орнамент, выполненный каменным орудием. Кончик у таких изделий — острый, специально заполирован и выглядит как проколка (рис. 20, 5, 6).

Булавки с одним или двумя острыми концами, прорезанным отверстием и орнаментальными нарезками (рис. 14, 8). Сохранность их поверхности хуже, чем у длинных булавок. По сохранившимся участкам поверхности можно определить, что данные изделия сначала были шлифованы, а затем тщательно заполированы. Нарезки выполнены каменным орудием. Такая же форма прорезных углублений, выполненных кремневыми орудиями, прослеживается на экспериментальных орудиях (рис. 16, 1–4; 17, 1–2).

Булавки с тупыми концами и орнаментальными нарезками (рис. 14, 6, 7).

В целом сохранность данной группы орудий относительно хорошая. Вся поверхность изделий была тщательно заполирована. Орнаментальные нарезки и отверстие выполнены кремневыми орудиями.

Навершия - «жезлы». *Навершия* — «жезлы» с орнаментальными нарезками (рис. 13, 1–8; 14, 1–4). Эта категория изделий наиболее слож-

на в исполнении. Все исследованные изделия выборки изготовлены на роговых пластинах. Орнаментальные нарезки выполнены кремневыми орудиями, которые оставляют широкую V-образную канавку, такую же, как на экспериментальных орудиях (рис. 16, 1–4; 17, 1, 2). Возможно, некоторые элементы оформления, такие как вырезание прямоугольного профиля некоторых деталей у одного навершия, были выполнены с помощью подправки металлическим лезвием (рис. 13, 3; 14, 1–4). Изделия орнаментированы нарезками.

Технология нанесения прорезного орнамента. Виды прорезного орнамента на изделиях из кости и рога (рис. 15, 1–11).

Изделия исследованной выборки содержат несколько основных видов орнамента в виде: 1) косых нарезок (рис. 15, 3–5, 7–10); 2) нарезок в виде косоугольного креста (рис. 15, 1, 2); 3) прямых неглубоких нарезок (рис. 15, 11); 4) зигзагообразных нарезок (рис. 14, 10).

Тщательность выполнения, глубина и ширина некоторых нарезок позволяет предположить, что для их выполнения использовались как кремневые, так и металлические орудия. На микрофотографии «канавки»-углубления прорезного орнамента прослеживается гладкое дно и четкие ровные края (рис. 20, 1–4).

ЛИТЕРАТУРА

- Поплевко Г. Н. К методике определения посредников и ретушеров из кости и рога // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Тирасполь, 2002а.
- Поплевко Г. Н. Орудия из кости и рога энеолитического поселения Мешоко // Северный археологический конгресс. Екатеринбург — Ханты-Мансийск, 2002б.
- Поплевко Г. Н. К методике определения орудий из кости и рога // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005.
- Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007.
- Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Записки ИИМК РАН. СПб., 2006. №1.
- кремнезема, в результате обработки материала на абразиве (Поплевко, 2005 С. 94–110; 2007).

Use-wear Analysis of Bone and Antler Artifacts from the Bolshoy Oleny Island Cemetery in Barents Sea.

G. Poplevko

The paper analyzes a limited sample of bone and antler artifacts from the cemetery on Bolshoy Oleny island in the Barents Sea. Several categories of tools undergo study: daggers, spearheads, harpoons, a fishing hook, pressure-flackers, chisels, borers, pins. It seems to be possible to identify the techniques of the surface treatment by means of the use-wear analysis for poorly preserved bone and antler artifacts with eroded structure based only on small areas. The main technique used to produce the bone and antler artifacts were edge-grinding, edge-polishing, notches and grooved geometrical ornament.

¹ Institute for the history of material culture, Saint-Petersburg.

«Лопь» и «лопарские» памятники Северной и Западной Карелии

М. М. Шахнович¹

Quousque tandem!

«Лопь» в Карелии. Для отечественной археологии последних лет характерен количественный рост работ на памятниках, культурный слой которых сформировался в позднесредневековое и новое время. Материальные комплексы XV–XIX вв. несут в себе ценную научную информацию, часто не подтверждающую сложившиеся представления об этнокультурных и исторических процессах различных регионов. При ретроспективном использовании материалов смежных наук для реконструкционных построений археологии необходимо освободиться от существующих стереотипов и выработать независимый взгляд на проблемы без поспешных ответов на вопросы, сформулированных в рамках других дисциплин (Макаров, 1997. С. 17).

Исследователи, работающие с материалами железного века и раннего средневековья Карелии, не могут не остановиться на так называемом «лопарском» вопросе. Нельзя безоговорочно утверждать, что существует единое мнение относительно хронологии и культурной интерпретации памятников «лопи» на территории Карелии.

«Лопь» письменных источников XIV–XV вв. обычно идентифицируется с саамским этносом, а все объекты «доновгородского времени» Карелии определяются как «лопарские древности». Эта тенденция основывается на утверждении, что понятия «саамы» и «лопь» равнозначны, и «по данным разных источников некогда обширный ареал лопаноидной расы» распространялся ранее на территории от Баренцева моря до Балтийского, а восточная граница обитания саамов доходила до рек Северная Двина и Мезень (Карпелан, 1979; 1982. С. 47; Кирпичников, 1984. С. 137; Кузнецов, 1990. С. 21–23; Лукьянченко, 1983. С. 88, 91; 1990. С. 211; Туркин, 1993. С. 61) Соответственно, «первыми этнически определёнными жителями в Западной Карелии являлись саамы, обитавшие здесь в начале I тыс. н. э. В русских источниках они названы «лопью», «лопарями»» (Жуков и др., 1999. С. 4). Период с середины I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. определяется для Карелии как «саамский» (Археология Карелии, 1996. С. 379).

¹ Карельский государственный краеведческий музей (Петрозаводск).

С другой стороны, многие авторы считают, что основные трудности в этом вопросе связаны с методикой исследования имеющихся источников — письменных, лингвистических, археологических и антропологических.

1. Палеолингвистические сведения не имеют хронологических реперов и с позиции критики источника в большинстве случаев не могут рассматриваться серьезно. Топонимисты отмечают «частую гадательность, произвольность и предвзятость построений», подстраивание выводов под предварительно поставленную задачу, часто имеющую национальную и политическую направленность. «При формальном расчленении местных названий на отдельные словосочетания, можно добиться истолкования чуть ли не с любого языка. Таким образом, различные авторы убедительно доказывают индо-иранские, норманские, саамские и другие этимологии местных названий» (Попов, 1953. С. 35). Из широкого распространения этнонимического топонима «лопь» нельзя выводить заключение об очень значительном расселении «лопи» — саамов в древние времена (Попов, 1953. С. 59). Вывод о распространении саамской топонимии на юг до Ленинградской и Вологодской областей можно считать курьёзом. Финскими археологами также отмечается несоответствие южной границы ареала «саамской» топонимии с реальным распространением археологических находок, которые бы связывались с «поздним саамским железным веком», соответствующим периоду средневековья. Последние встречаются только на территории Северной Фенноскандии (Карпелан, 1979. С. 143–144). На обширных пространствах Южной и Центральной Финляндии и Южной Карелии существование «саамских» памятников только предполагается, а схемы торговли и стадий «смешения пришельцев и коренного населения», «переход к оседлому образу жизни, интеграции с карелами и принятие их языка», не подкреплённые археологическими источниками, остаются малообоснованными гипотезами (Карпелан, 1979. С. 148–149; Косменко, 2006. С. 226).

2. Со времени Д. В. Бубриха традиционно считается, что «саамские родоплеменные группы» участвовали в формировании современного населения Карелии (Бубрих, 1947; Панкрушев, 1980. С. 158–159). Активно используются определения: «оттеснение на восток», «частичная ассимиляция», «саамы — протосаамы» и т. п. Но конкретные антропологические данные, указывающие на смешение карел и «южных лесных саамов», для территории Карелии отсутствуют. Самые «северные» краниологические «карельские» серии отличаются наиболее «консервативным», противоположным «лапоноидному» комплексом особенностей (Хартанович, 1991; 2002. С. 62).

3. При поиске «следов субстратного, палеоевропейского, дофинно-угорского населения» очень широко используется утверждение — «археологические данные подтверждают». Археологические материалы имеют относительную хронологию, но их этническая атрибуция для данного временного периода истории Карелии не всегда убедительно обоснована. Ни одной бесспорной категории вещей «саамского» происхождения в границах рассматриваемого региона пока ещё не выявлено (Спиридонов и др., 2006. С. 402). Недопустимо непосредственное отождествление этноса и археологической культуры.

4. Единичные письменные свидетельства противоречивы и часто используются очень «прямолинейно». Термин «Лопь» в широко известных документах XV в. применительно к Карелии необходимо рассматривать как географическое понятие (Шахнович, 2003. С. 115–116), как, например, «Тре», не несущее этнической нагрузки («... и ловища и на Лопе между пятиа роды, куды ходят корелские дети»). Как справедливо отметила И. И. Муллонен, в прибалтийско-финских языках «larpe — глухое, отдалённое место, край» (Юккогуба., 2001. С. 14) и поэтому не является «результатом непосредственных контактов коренного саамского населения с продвинувшимися сюда из более южных районов прибалтийскими финнами, которые обозначали этим названием места проживания или промысловые территории аборигенного населения» (Кузьмин, 2003. С. 346).

Приведем ряд упоминаний о «лопарях» Западной и Северной Карелии в документах XVI–XVIII вв. «Дозорная книга Лопских погостов» (1587 г.): «Да на Куйто-озере живут по лесам лопари крещённые и некрещённые, которые остались после немецкие войны, а иных лопарей немецкие люди побили и станы их пожгли: Иванко Игалов, Степанко Реттий, Иванко Кузьмин, ... пашни и сена нет, кормятся рыбою. ... Да в Куйтоозере жили по лесам 33 человека лопарей. А государеву дань платили з голов за 11 луков. А ныне в Куйтоозере лопарей 5 человек, пришли ново. А государева дань и пошлины платить им с полуторы луков» (История..., 1987. С. 214–215). В акте 1619 г. значится: «... Да по кольскому сметному списку 129-го году с лешие ж лопи з дву волосток с Рокколу и с Реболы дани и оброку на 129-й год в Коле взято рубль двадцать четыре алтын две деньги» (Приходо-расходные..., 1983. С. 320). «Книга Кольского острога и Кольского уезда Погосских волостей письма и дозору Алая Ивановича Михалкова» 1608, 1609, 1611 гг.: «Погостишка лешие лопи, а в них живут государя царя и великаго князя Василья Ивановича всей Руси лопари крещённые и не крещённые тяглые, а не пашенные ввехах... Погост Пя озеро, а Пяилакша тож стоит над Пя озером. Ввеже

Тимошка Юнчин сын да сын его Федотко прозвище Олица... на реке на Думце... Да погостишко Рува..., Да погостишко Ворья озеро..., а в нём лопари... Да на Ковде озере... И всего в трёх погостишках 11 веж, а людей вних лопян 27 человек. А угодыя за ними река Софьян да Пя озеро да Совгало озеро да Ор озеро и иные лешие озера, а ловят в них белую рыбу да на лесу зверь бьют и птицу ловят тем ся и кормят. А дани они давали государеву казну ... и того всего 2 рубля на год. А разводити им та дань меж себя самим по своим промыслом и по животом, а луки ведают сами меж себя по старине» (Харузин, 1890. С. 462). В описании Карельского пограничья, сделанном генерал-майором М. Матюшкиным в 1718 г., вместе с карельскими деревнями упоминается на р. Писте «. лопской Маселской погость, живут двоеданные лопари, платят подать царскому величеству и швецкому королю. И на том погосте вежей 4, луков 2 1/2, а с лука платят царскому величеству в годъ по 1 рублю 10 алтын» (Чернякова, 1998. С. 63).

Таким образом, в Западной Карелии в XVI–XVIII вв. проживало оседлое население, которое вычленялось из общей массы соседствующих крестьян-землепашцев по роду занятий и по типу поселений. Однако, даже в этом случае недостаточно данных, чтобы считать «лопь» Карелии «таёжными саами».

В конце XIX в. в российской научной литературе существовало мнение, что в народном языке легендарный термин «чудь» равнозначен понятию «доисторический», а «лопь» — «северный», «северянин», поэтому они не должны связываться с конкретной этнической индивидуальностью (Лихачёв, 1887. С. 170). Р.Б. Мюллер обращала внимание на неясность для Карелии употребления терминов «лопь», «лопяне» в документах XVI в. и считала, что под ними понималось всё население Карельского Поморья и Лопских погостов, относящееся, в основном, к карельскому этносу (Аграрная история..., 1978. С. 82). Г.Р. Державин в своих знаменитых «Подённых записках», написанных во время путешествия по Карелии в 1785 г., отмечая близость карельского населения северной части Повенецкого уезда Олонецкой губернии по языку, одежде, образу жизни к «смежным им россиянам» и «олончанам», упорно именует их «лоплянами». (Эпштейн, 1987. С. 112–119). Э. Леннрот, побывав в 1837 г. на Пяозере, писал, что «жители деревень, расположенных на южном берегу озера, называют лопарями всех, проживающих на северном берегу, хотя там обитают точно такие же финны, как и они сами. За деревнями Рува и Тумча, являющимися к тому же самыми северными финскими (карельскими) поселениями в России, начинается Коталамппи

(лопь живущая в вежах), но это не значит, что здесь живут одни лопари в своих вежах» (Лённрот, 1985. С. 187). Жители Центральной Карелии в конце XX в. «*lappalažet*» называют всех людей, проживающих севернее, даже в пределах одного микрорегиона (Юккогуба..., 2001. С. 24). Русское население широко употребляло понятие «лопарь» по отношению к аборигенам не только в Карелии и на Кольском п-ове. Ещё в начале XX в. так называли, например, мезенских и канинских ненцев (Лукьянченко, 1983. С. 90). Таким образом, понятия «корелянин», «чудин», «лопарь» имели не этническую, а больше географическую персонализацию. С этим соглашаются и другие исследователи (Агапитов, Логинов, 1992. С. 63; Паранин, 1990. С. 63–65; Шумкин, 1990. С. 122–123).

В настоящее время мы не можем точно ответить на вопрос об этнической принадлежности населения, жившего на территории Русской Карелии до активных миграций карел из Приладожья на север в X–XII вв. Можно только согласиться с формулировкой, что летописная лопь — это «своеобразное историко-этническое образование на этнокарте средневековой Европы» (Овсянников, 1985. С. 88).

По данным этнографии, зона хозяйственных контактов северокарельского и саамского населения в XIX в. отмечается в Олангской, Тихозерской и Кестеньгской волостях Кемского уезда Архангельской губернии, т. е. по широте Полярного Круга (Никольская, 1981. С. 77).

«Стационарные памятники лопарских древностей Беломорской Карелии: ямы и каменки». Финские ученые-путешественники XIX в. (Juvelius, 1889; Rääkkönen, 1898), часто посещавшие Беломорскую Карелию, писали, что северные карелы «лопарскими древностями» называли хорошо видимые на поверхности «стационарные памятники» — «лопарские каменки» и «лопарские ямы». Первые могли быть частью жилых построек, а вторые — остатками жилищ, охотничьих ловушек или другими хозяйственными объектами. Они отмечены финскими этнографами на озёрах по маршрутам путешествий (Киити, Кимас, Контокки, Костомукшское, Кенто, Койвас, Куйто и др.) (рис. 1).

«Наиболее многочисленными из встреченных в Русской Карелии памятников» являются «лопарские каменки» (рис. 2). Описание их следующее: «встречаются кое-где по берегам озёр, в большинстве своём, покрыты землей и мхом, и на них часто растут большие деревья. Их размеры колеблются: высота 1–1.5 локтя, диаметр основания 3–5 локтей. Иногда ещё ясно видны следы четырехугольного сруба, в углу которого находится каменка, но чаще он уже полностью исчез. Иногда около каменки встречаются небольшие ямы, которые, вероятно,

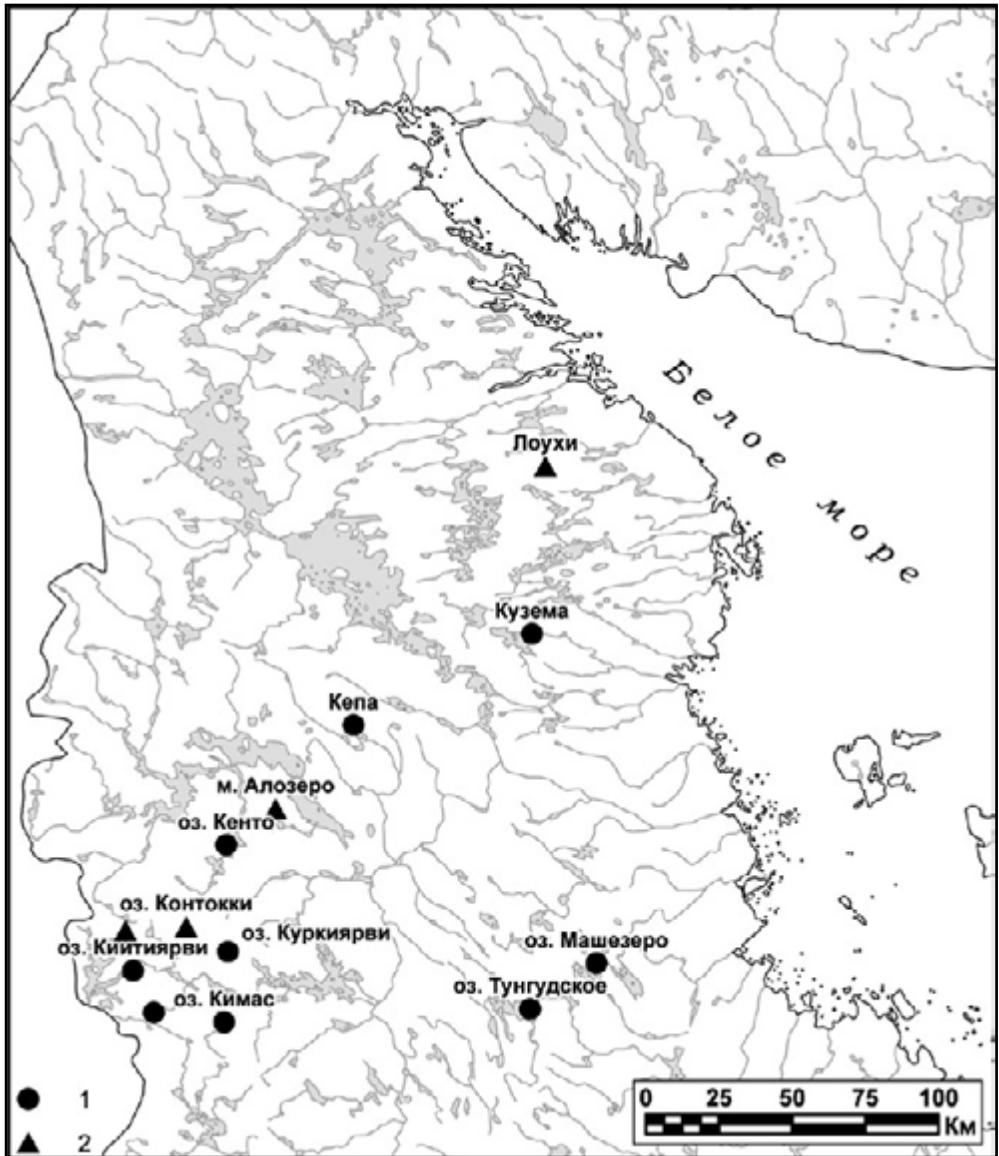

Рис. 1. «Поздние» памятники археологии Северной и Западной Карелии: 1 — охотничьи ямы; 2 — поселения

Fig. 1. «Late» archaeological sites of Northern and Western Karelia: 1 — huntings pits; 2 — settlements

были местами хранения продовольственных запасов. Разбирая каменки, можно заметить, что они сложены из валунов, обгоревших в огне» (Juvelius, 1889. P. 38).

Нельзя однозначно определять все каменные сложения только как остатки печей-«каменок». Отдельные группы «валунных куч» из одного–трех сложений встречаются на р. Кереть, р. Кемь (Сопоссалми, Белый Порог), Алаярви, оз. Тунгудском и др. Обычно они располагаются на первой береговой террасе, в 10–15 м от современного уреза воды, на мысах озёрных проливов (Шахнович, 2005. С. 260–276).

Без раскопок судить об их назначении невозможно. По этнографическим свидетельствам, каменные «кучи» могли возникнуть за долгий период в ходе ритуального приношения камней на участок, имеющий «памятный» характер: место преступления, сооружение «по обету» и т. п. (Кирпичников и др., 1992. С. 70). Часто это остатки базовой части деревянной конструкции памятного или определительного характера («навигационные», «имущественно-межевые знаки», «поклонные» кресты и т. п.). «На краю площадки стоял старый деревянный крест, снизу до половины обложенный камнями и увешанный разноцветными лоскутками... Карелы очень религиозны, и такие кресты вы встретите везде на дорогах. Расстояния между селениями здесь очень значительны, по 30–50 верст и более; их никто в точности не измерял, верстовых столбов нет, а вместо них поставлены кресты, обозначающие то четверть, то половину пути. Каждый пешеход старается сделать остановку у креста, неся к этому месту на память камень или оставляя лоскуток какой-нибудь материи» (Оленёв, 1917. С. 72). «Дело в том, что версты здесь считаются пятками и каждый пяток обозначается придорожным осьмиконечным крестом» (Майнов, 1877. С. 244). «Кресты устанавливались на поворотах дорог, у мест рыбацких промыслов...» (Каменев, 1910. С. 15). Каменные «кучи» могут оказаться и остатками небольших сельских железоделательных «домниц», как, например, было установлено в процессе раскопок могильника Алозеро в Калевальском районе (Шахнович, Хартанович, 2002. С. 103).

По мнению финских этнографов, «лопарские ямы» в Приграничной Карелии — ещё более распространённый памятник, чем «каменки». «Лопарские» впадины можно разделить на два типа: крупные, глубокие, «1.5–3 локтя глубиной, четырёхугольные, 4–10 локтей каждая сторона, иногда с бревенчатой обвязкой... бывшие, очевидно, жилищами» (Juvelius, 1889. С. 40, 42), и мелкие — «оленьи ямы» овальных очертаний. Одна из перечисленных С. Ювелиусом ям первого типа была за-

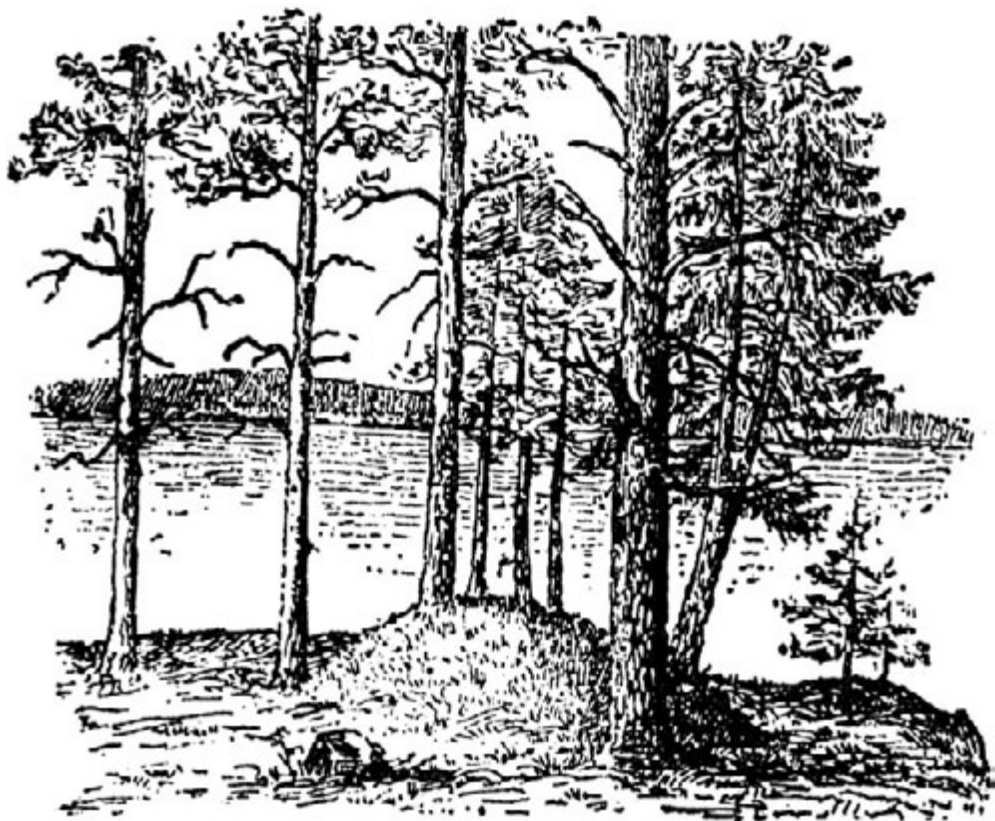

Рис. 2. «Лопарская каменка» на п-ове Сулкаманниemi. Озеро Кенто (Juvelius, 1889. Fig. 20)

Fig.2 “Lapp stone stove» on the Sulkamanniemi Peninsula. Lake Kento (Juvelius, 1889. Fig. 20)

фиксирована Северокарельской археологической экспедицией КГКМ на оз. Кенто в Калевальском районе в 2003 г. Она располагается на поздненеолитической стоянке Кенто ХХ, имеет чёткую прямоугольную в плане форму, ровное дно и глубину 1.3 м. Её размеры: внешний контур — 6×7.5 м, внутренний — 4×5 м. Недалеко от нее находились две неглубокие овальные впадины ($2.5 \times 2 \times 0.4$ м) и остатки сильно задержанной печи-«каменки» с примыкающей к ней ямой. Возможно, что эти конструкционно различные объекты не являются одновременными. Сооружение, подобное данной прямоугольной яме, было встречено автором ещё только один раз — на северном берегу оз. Пизанец в Муезерском районе. Сходная впадина «воронкообразной формы» зафиксирована на поселении раннежелезного века Берёзово XII в Беломорском районе

Республики Карелия (Жульников, 2003. С. 110). Очень предварительно их функциональное назначение можно определить, как место хранения продуктов — «ледник». Однако, ряд впадин подобного типа, может быть всё же можно интерпретировать, как остатки «поздних» жилищ. Например, описанную С. Ювелиусом «лопарскую яму» на острове около д. Вокнаволок (Костомукшский р-н Республики Карелия), «7–8 локтей, квадратная, глубиной 2.5 локтя», располагающуюся на энеолитической стоянке Лиетесуари II (Жульников, 2003. С. 111). В 2007 году автором недалеко от неё были зафиксированы ещё два подобных сооружения (2.8–3.5 м), квадратных в плане, с чётким валиком выброса, крутыми стенками и глубиной 1–1.3 м. Недалеко располагались семь впадин от охотничьих ям. В соседней провинции Кайнуу (по сведениям Э. Суоминена) известно только два подобных памятника — в Суомуссалми Хоса и Хюрюнсалми.

Объекты второго типа — широко распространённые в Фенноскандии «оленьи ямы» — остатки систем ловушек пассивной охоты на оленя и лося. Впадины, оставшиеся на месте ловчих ям, обычно имеют округлую форму диаметром — 3 м, глубиной — 0.5–0.6 м. Вал выброса песка на поверхности чаще всего визуалью не фиксируется. Ловушки находятся в сужениях песчаных островов, мысов, на береговых террасах «и вообще в тесных местах, ограниченных высокими хребтами, болотами или водой» (Juvelius, 1889. P. 40), одиночно, группами по две–три ямы или системами до 25 впадин.

Первым российским археологом, обратившим внимание на «охотничьи ямы» в Западной Карелии, была Н.Н. Гурина. Во время экспедиции в 1950 г. на оз. Кимас (Муезерский р-н РК) она не смогла пройти мимо «отчётливо прослеживающихся трёх углублений овальной формы (2 × 1,5 × 0,5 м), строго ориентированных на северо-восток» около стоянки Ногекса I (Гурина, 1961. С. 180). Долгое время предполагалось, что это — впадины от углублённых жилищ каменного века. Всего в Карелии раскопано четыре объекта данного типа: на памятниках Тунгуда XXIV, XXV, XXIX (Шахнович, 1993. С. 60–67). Планомерная фиксация ям-ловушек производилась очень редко (Василькова, 2001. С. 16–19). Пока мы можем говорить только о 14 известных пунктах: в Центральной Карелии — на оз. Тунгудском и оз. Машозеро, в Западной Карелии — на оз. Куркиярви, оз. Киитиярви, оз. Верхнее Куйто — о. Лиетесуари, оз. Кенто, оз. Кимас, оз. Лимсамо и оз. Репоярви, в Западном Прибеломорье — на р. Куземе, в Северо-Западном Приладожье — на оз. Янисъярви. Известны также отдельные впадины овальной формы вбли-

зи углублённых жилищных сооружений на крупных поселениях в Центральной Карелии и в Западном Приладожье, которые, по мнению А. М. Жульникова, вероятнее всего, являются специализированными местами для хранения продуктов (Жульников, 1999. С. 38). Небольшое количество выявленных охотничьих ям в Карелии можно считать только следствием незначительности проведённых в данном направлении работ. Например, в Северной Швеции совместными усилиями археологов и этнографов ко второй половине 80-х XX в. зарегистрировано около тридцати тысяч ловчих ям, а в провинции Кайнуу в Северной Финляндии, граничащей с Западной Карелией — 560 данных объектов (Суоминен, 2002. С. 120, 124).

Финляндские исследователи относят системы охотничьих ям к саамским древностям X–XVI вв. (Линкола, 1982. С. 50, 54). Данная атрибуция основывается на традиционных представлениях о визуально различимых земляных сооружениях как следах деятельности легендарной «лопи». Ещё в конце XIX в. в Северной Финляндии они описывались историками как «лапландские могилы» (Суоминен, 2002. С. 119). Конкретные доказательства «лопарской» принадлежности подобного типа «стационарных находок» Северной Финляндии и Карелии отсутствуют. В Фенноскандии ямы-ловушки датируются по C-14 в самом широком диапазоне: от позднего мезолита до позднего средневековья (Суоминен, 2002. С. 123). Самая древняя известная нам дата происходит со дна ямы на стоянке Пуоланка Хаутола в Северной Финляндии — 7310 ± 100 л. н. (Hel-4044) (Korteniemi, Suominen, 1998. P. 60).

Основными являются вопросы о времени создания «лопарских» сооружений и их этнической принадлежности: «места домов кемских жителей» или «лопарские руины»? Местные предания, связывающие их с «лопарями», уже 140 лет назад воспринимались во многом критично: «В любом случае, можем быть почти уверены в том, что не все упоминаемые под названием “лопарские каменки» очаги сооружены лопарями, так как иногда оно употребляется по отношению к очагам, вокруг которых есть старые каменные заборы и следы земледелия» (Juvelius, 1889. С. 40).

Как следует из описаний, в середине XIX в. они имели «древний вид», и у местного северо-карельского населения отсутствовали конкретные сведения об их создателях. В топонимии Беломорской Карелии термином *lapinkiuquat* («лопарские печища») обозначаются любые, не только «лопарские», некогда существовавшие места жительства (Кузьмин, 2003. С. 346). Это позволяет отнести предполагаемую верхнюю границу времени существования печей-«каменок» к первой половине XVIII в., когда

в ходе русско-шведских войн произошли последние (1718 и 1742 гг.) разорительные набеги из-за рубежа в Западную Карелию (Ребольский и Панозерский погосты). Многие деревни, упоминаемые по переписи 1678 г. в Ребольской корельской волости Кольского уезда, на карте 1718 г. отсутствуют: «неприятельские швецкие люди пожгли без остатку» или же от «хлебной скудости хозяева с детьми сошли безвестно». В ходе русско-шведского противостояния XVI–XVII вв. «приходы свитцких людей» в Северную и Западную Карелию были ещё более частыми. Уже во время переписи 1597 г. не удавалось установить имена бывших владельцев земельных участков: «а чьи следы, про то распросити некого, имен тех лопарей крестьяне не помнят» (Мюллер, 1947. С. 49). По наблюдениям исследователей XIX в., «лопарские очаги всегда расположены в центре жилища и образованы из сложенных по кругу валунов или подогнанных каменных плит, образующих под. Тогда как более крупные, высотой 1–1.5 локтя каменки, рядом с которыми обнаруживаются ямы и прослеживается нижний ряд бревен», можно отнести к постройкам карельского населения (Juvelius, 1889. С. 38). Относительно систем «оленьих ям» есть мнение, что они были заброшены с появлением крупномасштабного оленеводства в XVI в. (Линкола, 1982. С. 54).

Интересно замечание С. Ювелиуса о том, что карельское население не знает мест «лопарских могильников или святилищ». Предположительно как «лопарский сейд» он определил каменное сложение на мысе Аконниemi, у пролива между озёр Писто и Охта: «На берегу озера поставлен большой, высотой больше руки и около двух локтей в ширину и толщину, гладкий камень, сверху которого — камень поменьше, будто шапка на голове». По легенде, на этом месте «Лопь прокляла женщину с животом» (Juvelius, 1889. Р. 42). На реке Писте, на озере Конном известен ещё один сейд, поставленный на три «ножки» на скальной возвышенности недалеко от воды. Два «сейда» («валуны на камнях-ножках») зафиксированы на скальных выходах на болоте и на острове севернее п. Пяозерский, один — на горе Нуорунен и около шестидесяти — на горе Кивакка (Национальный Парк Паанаярви, Лоухский район РК).

Археологические работы на «поздних» памятниках Северной и Западной Карелии. В период 1993–2006 гг. археологическая экспедиция Карельского государственного краеведческого музея (КГКМ) проводила инвентаризацию «лопарских древностей» на некоторых озёрах в радиусе 50–70 км от г. Костомукши. Большинство местонахождений, которые описаны в конце XIX в., сохранились до сих пор. Археологические раскопки на «поздних» объектах Северной и Западной Карелии были осуществлены только на четырёх памятниках.

В 1999 г. А. М. Спиридонов исследовал группу каменных сложений в северо-восточной части оз. Киитиярви, в 20 км к западу от г. Костомукши. Памятник, названный «могильник Камалахти», находится в одном километре от воды, на склоне холма, поросшего вторичным лесом. Площадь объекта довольно обширная — до 5000 м² (100 × 50 м). На возвышенности, полого спускающейся к заболоченной низине, нерегулярно располагаются около тридцати невысоких каменных насыпей. По конструктивным особенностям А. М. Спиридонов подразделяет их на два типа: первый — округлые в плане кладки (девять штук) диаметром от 2 до 6 м и высотой до 0.4–0.8 м, состоящие из выложенных по периметру насыпи в два–три ряда в высоту крупных валунов (0.3–0.8 м), с заполнением внутренней части конструкции мелкими камнями; второй (около 20 штук) — кладки, меньшие по размеру (0.4–1.5 м в диаметре и высотой до 0.2–0.5 м), в плане — овальной или округлой формы и конусовидные или сферические в профиле, сложенные из небольших камней (до 30 см). Было разобрано одно каменное сложение, которое имело в плане овальную форму (3.6 × 2.8 м) и высоту 0.4–0.6 м. Уложенные друг на друга два ряда крупных валунов ограничивали кладку по окружности, создавая подобие «стен» конструкции. Внутренняя часть сооружения, не превышая уровня внешних валунов, была заполнена мелкими камнями. После удаления камней отмечено общее западание слоя почвы, соответствующее очертаниям каменной конструкции, а также тонкая (до 2–3 мм толщиной) прослойка истлевшей органики, «более всего напоминающая остатки шкуры», но, возможно, являющаяся остатками перекрытого слоя дерна. Следы перекопов и находки отсутствовали. Автор работ затрудняется определить точный возраст, назначение и культурную принадлежность объекта (Gorkovets et al., 2003. P. 318–321).

В 2003 г. Северокарельская археологическая экспедиция КГКМ осуществила на северном берегу оз. Контокки (г. Костомукша) раскопки «поздней» жилищной впадины, располагающейся на мезолитической стоянке Контокки V. На поверхности она имела прямоугольные очертания (5 × 7 м), длинной осью была ориентирована параллельно берегу озера. Её глубина относительно дневной поверхности данного участка песчаной террасы — 0.4 м. Расстояние до воды — 20 м. Ещё до начала раскопок визуально прослеживался условный «выход» — более покатый участок края углубления, ориентированный на озеро. Раскоп (площадью 59 кв. м) включил в свои границы впадину и прилегающую к ней территорию. Стратиграфическая колонка: незначительный моховый покров мощностью — 0.03 м; тёмно-серый подзол — 0.05–0.1 м — по периферии, в центре — 0.12–0.2 м; тёмно-жёлтый с красноватым

оттенком песок — 0.03–0.1 м; жёлтый материковый песок. В центре впадины находились остатки большого современного кострища, вероятно, 70-х гг. XX в.: чёрный слой песка, толщиной до 0.15 м и площадью 5×2 м. При общей значительной насыщенности песчаного грунта камнями, в границах впадины они отсутствовали, что свидетельствует об их преднамеренном удалении. Сразу после снятия мха проступили полосы древесного тлена шириной 0.5–0.6 м и толщиной 0.05 м, которые очерчивали «стенки» и прямые углы конструкции. В процессе раскопок определился наклонный «выход», к которому вела «тропинка» — полоса тёмно-серого подзола на общем фоне тёмно-жёлтого песка, шириной 0.5 м. Песок при углублении котлована выбрасывался во все стороны и перекрывал мезолитический слой. Следы подсыпки песка с внешней стороны строения отсутствовали. «Дно» ровное, без следов искусственных сооружений. находки периода каменного века (нуклеус и 5 отщепов кварца) были встречены в слое подзола, на участке, прилегающем к сохранившейся территории стоянки.

Реконструкция объекта. Для его создания использована естественная впадина на берегу озера, которая была углублена примерно до 0.6 м от уровня современной дневной поверхности террасы. По периметру искусственного прямоугольного котлована (5×4 м) были уложены брёвна. Выход к озеру находился в центре южной стены постройки. Подсыпка землёй или укладка дерна на крышу и по внешнему периметру дома не производилась. В 2 м к западу от входа была сооружена хозяйственная яма, а в 10 м ближе к воде находилось кострище. Отсутствие земляной подсыпки на внешние стены, печи-«каменки» или кострища внутри объекта говорят о его функционировании в тёплое время года.

Сооружение можно интерпретировать как небольшую полуземлянку с наклонной, лёгкой деревянной конструкцией, опирающейся на бревенчатый сруб. Данный тип жилища, но с каменным очагом внутри и с перекрытием стенок торфом, известен на саамских поселениях XV–XVI вв. в Финской, Шведской и Русской Лапландии (Карпелан, 1992, С. 134 — 138). «Лопарская вежа представляет собой шалаш из досок, усечённо пирамидальной формы, крытый дерном, основание его состоит из бревенчатого сруба из двух–трёх брёвен. В такой веже, величиною в 1–1,5 кв. сажени и высотой 2–3 аршина летом живет вся семья лопаря. Внутри в середине разводят на камнях огонь, дым выходит через отверстие в крыше» (Регало, 1914. С. 373). «В основании лопарской вежи лежал сруб из тонких брёвен, в 2–3 венца. Каркас покрывался берестой, а затем обкладывался дерном. Основание же жилища углублялось

в землю на 15 — 20 см. Перед входом делался шалаш — защита от ветра» (Лукьянченко, 1971. С. 100 — 104). По этнографическим данным в Северной Карелии в XVII—XIX вв. в подобных «лесных станах» в летнее время жили и карелы, производившие добычу смолы или изготовление древесного угля (Юккогуба et al., 2001. С. 218).

На северном берегу оз. Тунгудское (Беломорский район РК) П. Э. Песонен в 1988 г. и автором в 1990 г. были раскопаны четыре впадины. Они относятся к одной охотничьей системе из 21 ловчей ямы, находившейся на памятниках эпохи мезолита Тунгуда XXIV, XXV, XXIX (Шахнович, 1993. С. 60—67). Исследованные ямы были округлой формы, размерами $4 \times 4 \times 1.5$ м, с отвесными стенками, котлообразным дном, без сопутствующего инвентаря. В одном случае прослежены следы от верхнего перекрытия ловушки жердями. Во впадине на стоянке Тунгуда XXV были выявлены остатки необычного сооружения, которое можно реконструировать по стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям следующим образом. В круглой яме (диаметр — 3.4 м, глубина — 1.6 м) крутые стенки и плоское дно были укреплены берестой и лапником. На дне располагался прямоугольный деревянный ящик ($1.85 \times 0.8 \times 0.5$ м), в котором находилось «содержимое», завёрнутое в бересту. Поверх ящика был сделан куполообразный «свод» из бересты. Над ямой был устроен конус из жердей (Шахнович, 1993. С. 63—65). Первоначально данное сооружение было интерпретировано как погребение, близкое по ряду черт захоронениям могильника XII—XIII вв. Кузомень II на южном побережье Кольского п-ова (Гурина, 1981. С. 66—69). Но более вероятным будет предположение, что в этом случае мы имеем пример вторичного использования ямы-ловушки как места для хранения добытого мяса: «В Северной Карелии ямы делали овальной формы, стенки и дно их выстилали берестой. ... Саамы обкладывали стенки ям брёвнами и камнями, а дно — хворостом, на который укладывали мясо, завёрнутое в бересту» (Тароева, 1965. С. 122).

Сельский могильник Алозеро располагается на северном берегу оз. Юляярви, в 18 км к югу от п. Калевала или в 1.2 км к востоку от д. Алозеро. Памятник занимает западный участок единственного на озере песчаного склона, примыкающего на севере к каменистому озу. Его площадь определена в 750 м^2 (50×15 м). Деревенский могильник обнаружен этнографической экспедицией музея Кайнуу (Финляндия) в 1994 г. В 1997 и 2005 гг. КГКМ и Музей антропологии и этнографии РАН провели здесь спасательные раскопки на площади 48 м^2 . Было исследовано 39 грунтовых погребений, совершённых по православному обряду захоронения.

По находкам нательных крестов и фрагментам чернолощённой керамики время существования могильника — конец XVII—начало XIX вв. Анализ краниологического материала показал, что некрополь принадлежал общине северокарельского этноса, при отсутствии каких-либо признаков «лапоноидного» субстрата (Шахнович, Хартанович, 2002. С. 102–111).

В 2000 г. археологической экспедицией КГКМ на южном берегу оз. Малое Паново, в 2.5 км к юго-западу от п. Лоухи было зафиксировано селище Лоухи I. На ровной песчаной террасе располагаются остатки сруба и, несколько в отдалении, оплывшие впадины трех полуземлянок, врезанные в край берегового склона. Полуземлянки имеют прямоугольные очертания (4 × 5 × 0.6 м). Внутри их можно проследить земляные уступы «нар», развалы печей-«каменок» отсутствуют. Остатки небольшого дома (4 × 5 м), находящиеся ближе к воде, можно было выявить только по лёгкому древесному тлену под дерном, отмечающим периметр сооружения и хорошо сохранившейся печи (3.5 × 2 × 0.5 м), сложенной из крупных, плоских, необработанных каменных плит, скреплённых глиной. В центре печи была топочная камера с провалившимся сводом. Несколько западнее жилищных сооружений располагались четыре глубоких ямы округлой формы, диаметром 2–2.5 м и с чётким валиком выброса по краям. Данное поселение предварительно (из-за отсутствия аналогов в этом регионе) было интерпретировано как летнее промышленное становище XVIII–XIX вв. Тем не менее, нужно отметить сходство печи на памятнике и специфичных саамских «каменок» для выпечки хлеба в Русской Лапландии в XIX–XX вв. (Энгельгардт, 1897. С. 65). «Лопарский комелёк — род камина из плит, с широко открытым спереди отверстием, несколько напоминающий фигуру параллельно усечённого конуса, если его рассечь вдоль. Стоит в тупе, направо от входной двери» (Мелентьев, 1910. С. 15). «Очаг в роде большого камина с грудой плоских камней внутри, на которых лопари пекут ячменные лепёшки» (Ломберг, 1911. С. 32). Однако по данным Д. А. Золотарёва в 20-х гг. XX в. в избушках сплавщиков по р. Кеми были камины-камельки с трубой, напоминающие очаги в лопарских жилищах (Золотарёв, 1930. С. 4).

Выводы. Данные, позволяющие однозначно отождествлять «лопь» XV–XVI вв. на территории Карелии и саамский этнос, отсутствуют. «Лопарские древности» Западной и Северной Карелии, описанные этнографами во второй половине XIX в., с которыми связываются местные предания, могли принадлежать карельскому населению XV–XVIII вв.

В Северной и Западной Карелии памятниками, имеющими сходство

с саамскими объектами Лапландии, предварительно можно рассматривать селище Лоухи I и жилище на стоянке Контокки V. Внести большую ясность относительно этнической принадлежности «лопарских» сооружений Карелии позволят только целенаправленные археологические раскопки.

Гипотезы о широком расселении саамского этноса в период средневековья в Карелии и его активном участии в этногенезе карел не находят подкрепления в археологических и антропологических материалах. Этот вывод, в целом, подтверждает положения, ранее высказанные В. Я. Шумкиным, по ряду спорных вопросов этногенеза финноязычных народов (Шумкин, 1990. С. 122–123; 1996; 2002. С. 20–21).

ЛИТЕРАТУРА

- Агапитов В. А., Логинов К. К. Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежье. Петрозаводск, 1992.
- Аграрная история северо-запада России XVI века. Л., 1978.
- Археология Карелии. Петрозаводск. 1996.
- Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Василькова Н. Б. Некоторые итоги разведки на оз. Машозере // Проблемы археологии и этнографии Карелии. Петрозаводск, 2001. Вып. 3.
- Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. Л., 1961.
- Гурина Н. Н. Первые сведения о памятниках XII века на Кольском полуострове // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1981. Вып. 9.
- Жуков Ю. А., Кораблев Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. Исторический очерк. Петрозаводск, 1999.
- Жульников А. М. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
- Жульников А. М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск, 2003.
- Золотарёв Д. А. В северо-западной Карелии // Западнофинский сборник. Л., 1930.
- История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск — Йоенсуу. 1987.
- Каменев А. Из воспоминаний о посещении карельской деревни // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 5.
- Карпелан К. Финские саамы в железном веке // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
- Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982.
- Карпелан К. Археологические исследования в местах саамских зимних поселений в Инари (Финская Лапландия) // Древности славян и финно-угров. Л., 1992.
- Кирпичников А. Н. Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
- Кирпичников А. Н., Назаренко В. А., Сакса А. И., Шумкин В. Я. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб, 1992.
- Косменко М. Г. Проблемы изучения этнической истории бронзового века — раннего Средневековья в Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — средневековье). Петрозаводск, 2006.

- Кузнецов А. В. Лопарские «зимние деревни» в Белозерье и «осенние стойбища» в Прионежье // История и культура Вологодского края. Вологда, 1990.
- Кузьмин Д. К вопросу о заселении территории Панозерской волости в свете данных топонимии // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003.
- Линкола М. Образование различных этноэкологических групп саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982.
- Лихачев А. Следы бронзового века в Казанской губернии // Труды VII Археологического Съезда. Т. II. М., 1887.
- Ломберг М. Из воспоминаний о службе в Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1911. № 13.
- Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX — XX вв. М., 1971.
- Лукьянченко Т. В. К вопросу о «саамском» субстрате в культуре некоторых групп населения Европейского Севера // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1983. Вып. 11.
- Лукьянченко Т. В. Вопросы этногенеза и этнической истории саамов // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.
- Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877.
- Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.
- Мелентьев В. Из жизни лопарей // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 3.
- Никольская Р. Ф. К вопросу о карельско-саамских историко-культурных связях // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1981. Вып. 9.
- Овсянников О. В. Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
- Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою мурманской железной дороги. Хельсинки, 1917.
- Панкрушев Г. А. Происхождение карел (по археологическим данным) // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск. 1980.
- Паранин В. И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990.
- Попов А. И. Непочатый источник истории Карелии // Родные сердцу имена (ономастика Карелии). Петрозаводск, 1953.
- Путешествия Элиаса Леннрота. Петрозаводск, 1985.
- Регало К. В. Путешествие по Кольскому п-ову летом 1913 г. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1914. № 12.
- Спиридонов А. М., Герман К. Э., И. В. Мельников. Средневековая археология Кижей // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.
- Суоминен Э. Ловчие ямы в свете данных по провинции Кайнуу в Финляндии // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2002. Вып. 4.
- Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М., 1965.
- Туркин А. И. Прибалтийско-финский и саамский компоненты в антропогенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Труды ИЯЛИ КомиНЦ РАН. Сыктывкар, 1993. Вып. 36.
- Хартанович В. И. О взаимоотношении антропологических типов саамов и карел по данным краниологии // Происхождение саамов. М., 1991.
- Хартанович В. И. Антропология современного и древнего населения Карелии // Вест-

- ник Карельского краеведческого музея. Вып. 4. Петрозаводск, 2004. С. 48–69.
- Харузин Н. Русские лопари (очерки прошлого и современного быта). М., 1890.
- Шахнович М. М. Погребальный комплекс поселения Тунгуда XXIV–XXV // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1993. Вып. 1
- Шахнович М. М. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природа и историко-культурное наследие Северной Финноскандии. Петрозаводск, 2003
- Шахнович М. М., Хартанович В. И. Православие в Северной Карелии по данным археологии и антропологии // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2004. Вып. 4
- Шахнович М. М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10
- Шумкин В. Я. Саамы, лопь, лопари и финно-угорская проблематика // Исследования по древней истории и этногенезу финноязычных народов. Ижевск, 1990.
- Шумкин В. Я. Древнейшее население Финноскандии // Очерки исторической географии Северо-Запада России. Славяне и финны. СПб, 2002
- Чернякова И. А. О чём не рассказал Элиас Леннрот. Петрозаводск, 1998.
- Энгельгардт А. П. Русский Север. СПб., 1897.
- Юккогуба и её окрестности. Петрозаводск. 2001.
- Эпштейн Е. М. Г. Р. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987.
- Gorkovets V., Raevskaja M., Spiridonov A. On new type of stone structures on Kiitehenjarvi in the Kostomuksha Nature Reserve // Biodiversity and conservation of boreal nature. Kajani, 2003.
- Korteniemi M., Suominen E. Nuoliharju W-Suomen vanhin pyyntikuoppa? // Studia Historica septentrionalia. 34. Rajamailla IV. 1997, Juväskylä. 1996.
- Pääkkönen L. V. Kesämatkoja Venäjän Karjalassa sekä najanaisia kovauksia Karjalan nykyisyydestä ja entisyydestä // SMYA. XVIII. Helsinki, 1898.
- Shumkin V. On the ethnogenesis of the Saami: An archaeological view // Acta Borealia. 1990. Vol. 2.
- Shumkin V. Saam, Lop, Lopari: The problems of ethnocultural identification // Congressus 7 intern. fenno-ugristarum: Summaria dissertationum. 2 B. Debrecen. 1990.
- Shumkin. V. The origins of the Saami: The factors of originality // Historia Fenno-Ugrica. Oulu. 1996. Vol. 1. Pt. 2.
- Juvelius S. W. Muistoja Pohjoisen venäjän Karjalan Muinaisuudesta // SMYA — FFT. X. Helsinki, 1889.

«Lapps» and «Lapp» Monuments of Northern and Western Karelia

M. Shakhnovitch¹

The researchers analyzing the Iron Age and the Medieval period materials from Karelia are faced with the so-called «Lapp» question. The term “Lapps» is usually identified with the Saami ethnic formation. Opinions differ regard-

¹ Karelian State Regional Museum, Petrozavodsk.

ing the time the Lapps lived in the area and on those archaeological sites that are associated with the Lapps. There is a tendency to call all material artifacts from the “pre-Novgorod» period in Karelia the «Lapp» or «Saami antiquities».

Undoubtedly some people existed along with the Karelians and the Ves’ in the Early Middle ages on the territory farther north, but we do not know if in fact they were Saami. Palaeolinguistic data has no clear chronological attribution, and there are many censorious remarks regarding its study methods. Written sources are somewhat contradictory and they should be taken critically.

Physical-anthropological and concrete archaeological materials that could be linked with the Saami are absent in the region. One should not identify an ethnic group with the archaeological culture.

There existed an opinion in the Russian scientific literature as early as in the 19th century that the legendary Tchud’ in the folk language meant «pre-historic» , while another term «Lop» meant «northern», or «a northern man». This is the reason why these words should not be used for an ethnic group.

At present we cannot definitely answer the question about the ethnic background of the population that lived in Russian Karelia before the active migration of the Karelians from Ladoga lake towards the North in the 11th century.

In the 19th century the Finnish scholar travelers (S. Juvelius, L. Paakonon and others) wrote that the Karelians knew of the «Lapp antiquities» in the north of Russian Karelia — well visible exposed objects, for example, the «Lapp stone stove» and the «Lapp pit». The first one is possibly a part of dwellings, the second is a remains of dwellings, hunting traps, household objects. These objects are known on lakes Kimas, Kostomukshskoe, Kento, Koivas, Kiiti, Kuito and others.

In Northern Karelia archaeological work was carried out at the Stone Age sites, but only two «late» monuments were excavated. In 1999 A. Spiridonov investigated a stone construction in Kamalahti. In 2003 M. Shaknovitch excavated a house depression on lake Konntokki (Kostomuksha town), which has been identified as a remains of a summer house of forest men. Findings were absent. The Archaeological expedition of the Karelian State Regional Museum took a survey of the sites on the lake systems within a distance of 50 to 70 km from Kostomuksha town. Most of the sites the Finnish authors wrote about are well preserved and can be considered for archaeological work.

Летописец древностей Русской Лапландии

А. Д. Столяр¹

Археолог, работающий в научном институте, можно сказать, трудится на самого себя. Расплатой за такой личный выигрыш обычно является конечная ограниченность исторических параметров исследовательской задачи (отдельной темой, регионом, а то и отдельной группой и даже одним памятником). Следствием подобного, во многом преимущественно естественнонаучного, подхода к археологическим реалиям является привнесение некоторого ремесленничества в атрибуцию древней человеческой культуры, даже в случаях мастерского применения всех методик формального анализа.

Иной характер свойственен труду археолога, посвятившего себя преподаванию основ этой дисциплины. В этом варианте в сознание преподавателя неумолимо, нарастая из года в год, вторгаются, как правило, особо фундаментальные проблемы, представляющие лишь начатые наукой феномены всего исторически колоссального пути человека. При стимулируемых самим преподаванием многолетних попытках возможного объяснения таких социо-гуманитарных порогов эволюции изредка, наверное, выпадает нечто в «твердом остатке», может быть не совсем безразличном для продвижения знания.

К тому же, в этом (преподавательском) варианте наставнику порой достается совершенно особый, духовный по свойству гонорар — сохранение его уроков, а то и заповедей в пожизненной памяти бывшего студента. Сознаюсь в том, что именно момент знамения такого наследования важен для меня — особенно в тех, понятно, не частых случаях, когда уже при жизни бывший ученик поднимается на один уровень с тобой по одной из исследовательских программ. Именно такой дорогой подарок я получил от Владимира Яковлевича Шумкина, который, по существу, уже перерос доступный мне диапазон в изучении петроглифического наследия неолитической культуры европейского Севера.

Я знаю В. Я. Шумкина на почве личного общения на протяжении примерно сорока лет, а весь его жизненный путь представляю вполне документально. Он совершенно особый, включал в себя, позволю ска-

¹ Кафедра археологии исторического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург).

зять, нечто ломоносовское (конечно, только в миниатюре) в том смысле, что все реальные обстоятельства десятилетиями представляли очень трудные, а то и, казалось, непреодолимые препятствия. Решение стать археологом спонтанно проявилось у него в бытность учеником седьмого класса (14 лет) при совершенно случайных обстоятельствах. Можно сказать, что оно явилось очень своеобразным осложнением, когда поздняя корь уложила его на две недели в постель. В таком одиночестве в роли археологической бациллы проявила себя известная книга К. В. Керама «Боги, гробницы, ученые».

Казалось бы, что романтическое как флер желание должно было покинуть память вместе с выздоровлением. А оно, в связи с особой чертой характера юноши, определило особо трудную тропу его жизни. Путь к цели проходил через специально рассчитанное освоение специальности токаря, неподъемно восьмилетнее (!) вечернее обучение в ЛГУ, совмещаемое с дневным трудом токаря (5-й разряд!) на Кировском заводе, четырнадцатилетнее (!) лаборанство, почти непреодолимые препятствия при поступлении в заочную аспирантуру, а затем — в процедуре кандидатской защиты, осуществленной в конечном счете не в Институте, а в Alma mater (т. е. на истфаке ЛГУ). Уже в первые годы своего студенчества В. Я., в отпускное время, удовлетворял свою неумную жажду археологического поиска (экспедиции, в которых он участвовал, размещались на карте от Молдавии, Кавказа и Карелии на Западе до Тувы, Монголии и Дальнего Востока).

Университет он окончил в 1973 году без троек (в аттестате преобладают отличные оценки). В том же году он начал самостоятельные археологические изыскания на Кольском полуострове. Судьба справедливо увенчала его старт принципиально важным открытием петроглифического ансамбля в Чалмн-Варрэ (р. Поной).

С этого рубежа, уже на протяжении 34 лет, объектом археологического труда В. Я. является именно Кольский полуостров. Здесь им открыто более сотни древних памятников при особом внимании к выявлению и документации, а затем к мерам защиты свидетельств мировоззренческой составляющей культуры первобытной Лапландии. Здесь им выполнены масштабные исследования памятников классической ценности. Следовательно, вопреки естественной скромности нашего друга, его приходится именовать летописцем первобытного прошлого Колы.

В наши дни, когда наука обогащается материалами богатейшего петроглифического собрания Канозера и уникального могиль-

ника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря — археологических уникамов, изучаемых под руководством В. Я. Шумкина, такое определение представляется существенно объективным.

Научный авторитет В. Я. Шумкина, прежде всего в регионе Фенноскандии, совершенно ясен. По личным приглашениям он принимал участие в работах шести зарубежных экспедиций. Более половины его обобщающих докладов (их общее количество — около полусотни) было прочитано на конгрессах и особенно представительных конференциях. В ряде случаев мне довелось быть свидетелем актуальности и основательности этих акций (Сыктывкар, Танум, Кабли, Рованиemi и др.). Пожалуй особо в этом разделе уместно выделить доклад «Первоначальное освоение Евразийской Арктики», прочитанный В. Я. на престижной международной конференции, проходившей в парадном зале Французской Академии.

В финале нельзя полностью обойти вниманием индивидуальность юбиляра, следует хотя бы упомянуть отличительные активы его личности. Суммируя впечатления, оставленные в памяти множеством обыденных ситуаций и встреч, прежде всего считаю уместным назвать естественные, но сейчас отнюдь не всеобщие качества. Это — открытость и дружелюбие, товарищество и искренность, неподдельное гостеприимство. Глубже я его познал, когда существовал круглосуточно с ним в Кольских экспедициях 1988, 1991 и 1992 годов. Я памятно признателен их начальнику, относя проведенные тогда в тундре дни к числу наиболее светлых в моей жизни. Причиной тому была особая атмосфера жизни экспедиций, которая являла собой нечто подобное археологическому братству, проникнутому чувством единения, взаимного уважения и значительности общего дела. Очень большое впечатление оставляло владение В. Я. всей системой исследования и стиль руководства экспедицией. Глубже его органика определяется достойной и стойкой этикой, нравственной памятью, верностью своему пути и способностью оставаться самим собой в самых кризисных ситуациях.

На этом мы кончим хвалу юбиляру и обратимся к хуле в тот же адрес. Скромность его украшает несомненно. Но нельзя же самое положительное начало доводить до абсурда. Не следовало ли уже прочно расстаться с кандидатскими погонями? Известны случаи, когда подлинные и очень яркие ученые вообще отказывались от степеней (к примеру, А. Н. Карасев — от кандидатской, а С. Н. Замятин — от докторской),

обосновывая это принципиальными моментами. Я таких у В. Я. не наблюдал. Следовательно, давно пора, наконец, привести формальное обозначение ученого с его действительным местом в науке.

А резюмируя основные данные жизни юбиляра, считаю нужным как самое существенное подчеркнуть, что он вопреки всему прошел пешком очень трудный, но освещенный мечтой, и честный путь, притом исключительно на собственных харчах.

Сознаюсь по-стариковски в том, что я горжусь Володей, люблю его и верю в то, что близко время, когда уже выполненные им монографические исследования станут достоянием науки. Желая истинно человеческого успеха и счастья, здоровья, верных друзей и подруг. По-прежнему, с тропы своей ни в чем не сступая, быть самим собой.

Список публикаций В. Я. Шумкина

1974

Кольская экспедиция // АО (1973). С. 9–10. (Совместно с Н. Н. Гуриной).

1977

О работах Кольской экспедиции // АО (1976). С. 11–12. (Совместно с Н. Н. Гуриной, В. И. Тимофеевым).

1978

Исследования Верхневолжской неолитической экспедиции // АО (1977). С. 56–57. (Совместно с И. В. Верещагиной, Н. Н. Гуриной).

Исследования на Кольском полуострове // АО (1977). С. 12–13. (Совместно с Н. Н. Гуриной, В. И. Тимофеевым).

1979

Исследование мезолитических памятников на Верхней Волге // АО (1978). С. 59. (Совместно с Н. Н. Гуриной, Г. В. Сеницыной).

Исследование памятников на Кольском полуострове // АО (1978). С. 8–9. (Совместно с Н. Н. Гуриной, И. В. Гавриловой, Г. В. Сеницыной).

1980

Исследования Ловозерского отряда Кольской экспедиции // АО (1979). С. 39.

1983

Памятники эпохи раннего металла р. Териберки: (Кольский полуостров) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л. С. 119–126: ил.

Работа Кольской экспедиции // АО (1981). С. 13. (Совместно с Н. Н. Гуриной).

1984

Каменная и костяная индустрия мезолита — раннего металла Кольского полуострова: АКД / ЛГУ. — Л. 18 с.

Археологическое исследование Кольского Заполярья // АО (1982). С. 37 (Совместно с Н. Н. Гуриной).

Ключевые вопросы каменного века Кольского полуострова // Проблемы исследования каменного века Евразии: (К 100-летию открытия палеолита на Енисее): ТД Краевой конф. Красноярск. С. 165–167.

Роль экологической среды в заселении крайнего Севера-Запада Европы // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней: ТД. М. С. 79-80.

1985

Древняя история аборигенного населения Кольского полуострова: (к проблеме происхождения саамов) // Проблемы этнической истории балтов. Рига. С. 109–112.

Исследования на Кольском полуострове // АО (1983). С. 38–39.

Опыт применения нового материала при копировании наскальных изображений Кольского полуострова // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 15–19.

Die Steinzeit auf der Kola-Halbinsel und das Problem der Abstammung der Saamen // VI Международного. конгресс финно-угроведов. Т. 4. Этнография. Археология. Антропология. С. 162.

1986

Исследование Кольского Заполярья // АО (1984). С. 34-35.

Исторические судьбы древнего населения Кольского полуострова // История и культура Архангельского Севера. Вологда. С. 28–34.

К проблеме этногенеза саамов по археологическим данным // ТД Сканд. 10. Ч. 1. М. С. 206–208.

Мезолит Кольского полуострова // СА. № 2. С. 15–33: ил. Рез. англ.

1987

Исследование Кольского полуострова // АО (1985). С. 44–45: ил.

Новые наскальные изображения Северной Европы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюз. конф. М. С. 292–293.

1988

Исследования Заполярной экспедиции // АО (1986). С. 41–43.

К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова // КСИА. Вып. 193. С. 9–14

Некоторые вопросы развития искусства древней Лапландии // Семиотика культуры: ТД. Архангельск. С. 106–109.

1989

Каменный век Кольского полуострова и проблема происхождения саамов // Материалы 6-го Международного. конгресса финно-угроведов.

- Т. 1. М. С. 143–145.
- Методика фиксации петроглифов в полевых условиях // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР: ТД НПС. М. С. 49–51.
- Принципы классификации кварцевой индустрии // Комплексные методы исследования археологических источников: Материалы к 5-му совещанию. М. С. 23–24.
- Прогресс и регресс в развитии древних культур Северной Фенноскандии // Семиотика культуры: ТД. Архангельск. С. 84–87.
- Роль экологического фактора в развитии культур западного сектора Европейской Арктики // Региональная науч.-практич. конф. «Человек и среда его обитания»: ТД. Л. С. 70–3.
- Спорные вопросы раннесредневековой истории саамов // ТД Сканд. 11. Ч. 1. М. С. 176–178.

1990

- Влияние природно-экологического фактора на заселении арктических районов Северо-Запада Европы // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М. С. 50–61.
- Западные и восточные традиции культуры аборигенного населения Северной Фенноскандии // *Uralo-Indogermanika*. Ч. 2. М. С. 10–15.
- Истоки формирования народности саами // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л. С. 121–127.
- Лапландские нойды и саамский шаманизм // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: ТД. Л. С. 121–122.
- Новые наскальные изображения Северной Фенноскандии и старые проблемы их изучения // КСИА. Вып. 200. С. 39–44: ил., карт.
- О некоторых способах копирования петроглифов в полевых условиях // Полевая археология мезолита-неолита. Л. С. 117–123: ил.
- Петроглифы и писаницы Кольского полуострова // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М. 1990. С. 34–43.
- Саамы, лопь, лопари и финно-угорская проблематика // Исследования по древней истории этногенезу финноязычных народов. Ижевск. С. 122–123.
- Леонид Павлович Хлобыстин (02. III. 1931 — 11. III. 1988): [Некролог] // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М. С. 392–399: портр. (Совместно с О.В. Овсянниковой, В.И. Тимофеевым).
- Litt om labyrinter I ost // *Spor. Arg.* 5. № 2. S. 25: il.
- On the ethnogenesis of the Saami: An archaeological view // *Acta Borealia*. Vol. 2. P. 3–20: maps.

The rock art of Russian Lapland // *Fennoscandia archaeologica*. Vol. 7. P. 53–67: il., maps.

Saam, Lop, Lopari: The problems of ethnocultural identification // *Congressus 7 intern. fenno-ugristarum: Summaria dissertationum*. 2 B. Debrecen. S. 196.

1991

Традиционное природопользование лапландцев // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар. С. 148–151.

Этногенез саамов: (археол. аспект) // Происхождение саамов. М. С. 129–149: карт.

Rock art of Russian Lapland // *Rock art research*. Vol. 8. № 2. 109–112: il., maps. Рез. фр., нем., исп.

1992

Арктическая дилемма // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: ТДК. СПб. С. 30–33: ил. (Совместно с Б. Ольсен, К. Хельског).

Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб. С. 64–74: ил., карт. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым, В. А. Назаренко, А. И. Сакса).

Лапландские нойды и саамский «шаманизм» // Реконструкции древних верований. СПб. С. 162–169.

Новые наскальные изображения Лапландии // *Природа*. № 2. С. 76–80: ил.

1993

Древний человек в экосистемах Арктики: динамика природной среды и изменчивость моделей жизнеобеспечения // *Ad Polus*. СПб. С. 39–46. Рез. англ. (Совместно с В. В. Питулько).

Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. СПб. С. 34–59: ил., карт.

1994

Вклад представителей естественно-научных дисциплин в археологическое изучение Восточной Лапландии // Вопросы геологии и археологии. СПб. С. 72–74.

Каменные лабиринты Европы: опыт постановки проблемы // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Сыктывкар. С. 47–49.

- Культурное наследие и проблемы археологического изучения Заполярья // Вестник Карельского краевед. музея. Вып. 2. С 50–55.
- Наскальные рисунки Русской Лапландии // Европейский Север: ТД МНК. Сыктывкар. С. 106–108.
- Петроглифы и писаницы Восточной Лапландии // Международная конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. И. Равдоникаса: ТД. СПб., С. 87–89.
- Models of subsistence among the ancient population of the Kola peninsula // Fenno-ugri et slavi 1992. Helsinki. P. 146–150.

1995

- Каменный век Верхневолжского региона: (По материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН, провед. под руководством Н. Н. Гуриной). Вып. 1. РАН. ИИМК. СПб. 114 с. : ил. (Археол. изыскания; Вып. 27) (Совместно с И. В. Верещагиной, Г. В. Сеницыной, В. И. Тимофеевым, О. М. Тихомировой, Л. Г. Шаяхметовой).
- Каменные лабиринты Северной Европы // Congressus Octavus Intern. Fenno-Ugristarum. Pars II. Jyväskylä. S. 324.
- Наскальное искусство русской Лапландии // Культурные традиции народов Сибири и Америки. Чита. С. 107-108.
- Новые данные по археологии Кольского полуострова // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб. С. 20-23.
- Rock art of Russian Lapland // News 95 — International rock art congress. Torino. P. 102–103
- The Sami and the Lapps: Problems of identification: Abstract // FscandArch. Vol. 12. P. 187.
- Western and Eastern traditions in the aboriginal culture of Northern Fennoscandia: Abstract // FscandArch. Vol 12. P. 189.

1996

- Неолит Кольского полуострова // Древности Русского Севера. Вып. 1. С. 67–74: карт.
- Проблемы изучения раннеолитического периода Северной Фенноскандии // ТАС. Вып. 2. С. 34-38. Рез. англ.
- The origins of the Saami: The factors of originality // Historia Fenno-Ugrica. Oulu. Vol. 1. Pt. 2. P. 413–419. Рез. фин.

1997

- Археологическое наследие Баренцовоморского региона России: (Формирование региональной политики сохранения и использования) // Археологический фактор в планировании организации территории. М. С. 10-30. (Совместно с С. В. Гусевым).
- Дубовец (Пено-3) — поселение многократного заселения на оз. Пено: (Верхневолжская система озёр) // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб. С. 169–211: ил., карт.
- Исследования на Кольском полуострове // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб. С. 19–22.
- Костяная индустрия охотников побережья Баренцева моря // Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад. С. 79–80. Рез. англ., фр.
- Монументальное искусство Восточной Лапландии // Пещерный палеолит Урала. Уфа. С. 93-95.
- Монументальное искусство Восточной Лапландии как исторический источник // Археология Севера. Вып. 1. С. 177–184. Рез. англ.
- Монументальное искусство Восточной Лапландии как исторический источник // Славяне и финно-угры. СПб. С. 32–37.

1998

- К портрету исследователя // Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырскоо Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб. С. 7–18: портр. (Совместно с Н. Г. Грачёвой, В. В. Питулько, В. И. Тимофеевым).
- Проблемы сохранения археологического наследия Баренцовоморского региона // Мониторинг археологического наследия: ТД НПС. М. С. 29–30.

2000

- Новые петроглифы Кольского полуострова // АО (1998). С. 68-69.
- Проблема сохранения памятников наскального творчества на севере Европейской России // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. М. С. 101-105.
- Проблема сохранения памятников наскального творчества на севере Европейской России // АВ. 2000. № 7. С. 29–32: карт.
- Хронология и периодизация каменного века Кольского полуострова // Хронология неолита Восточной Европы. СПб. С. 92–94.
- The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi. P. 202–241: il., maps.

2001

Древнейшее население Фенноскандии // Очерки исторической географии. СПб. С. 17–22: карт.

Костяная индустрия охотников на морского зверя Баренцева моря // Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад. С. 235–242: ил.

Наскальные изображения р. Умбы: Новый уникальный комплекс Северной Европы // Археология в пути или путь археолога. СПб. Ч. 2. С. 88–107.

2002

Каменные лабиринты Северной Европы // Песоченский ист. археол. сб. Вып. 4. Ч. 1. С. 21–25.

Наскальное творчество Лапландии. Каменная летопись тысячелетия // Коренные народы севера. Археологические и этнографические исследования. Сборник докладов XXVIII областной (III международной) краеведческой научно-практической конференции. Мурманск, С. 3–10.

2003

Исследования Кольской экспедиции // АО (2002). С. 49–50. (Совместно с А. И. Мурашкиным).

Керамика древнего населения Кольского полуострова: (к вопросу о неолитизации в Северной Европе) // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб. С. 277–297: ил.

Новые данные о могильнике на Большом Оленьем острове Баренцева моря // АВ. № 10. С. 26–30: ил. Рез. англ. (Совместно с А. И. Мурашкиным).

Скандинавско-уральско-сибирские параллели в наскальном творчестве: Мифы и реальность // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 2. СПб. С. 194–195.

2004

Наскальные изображения Кольского полуострова как часть монументального творчества Фенноскандии // Невский археол. -историогр. сб. СПб. С. 371–382: и., карт.

Новые предметы мелкой пластики из могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря // Изобразительные памятники: Стиль, эпоха, композиции. СПб. С. 97–101: ил.

«Одиссея» вечерника // Санкт-Петербургский Университет. № 22–23. С. 46–48: ил.

Результаты археолого-антропологического исследования позднеэоли-
тического могильника Большого Оленьего острова Кольского залива
// Экология и демография человека в прошлом и настоящем: 3-и Ан-
тропологические чтения. С. 51–53. (Совместно с В. И. Хартановичем,
С. Б. Боруцкой, С. В. Васильевым).

Фенноскандия // Россия — Норвегия: Сквозь века и границы. М. С. 29–
30: ил.

2005

Концепция и программа действия по сохранению и использованию
петроглифов: (Бесов Нос) // Мир наскального искусства. М. С. 52–
59. (Совместно с С. В. Гусевым, А. М. Жульниковым, Г. Д. Мухиным,
П. М. Шульгиным, И. Г. Ивановой).

Опять смерть лучших выбирает: Памяти В. И. Тимофеева (14. 06.
1947 — 08. 2004): [Некролог] // *Stratum plus* (2003-2004). № 1. С. 524-
526: портр.

Памяти Владимира Ивановича Тимофеева: [Некролог] // АВ. № 12. С.
335–336: портр.

Работы Кольской экспедиции // АО (2004). С. 54-56. (Совместно с А. И.
Мурашкиным).

Fennoskandia // Norge — Russland. Naboer giennom 1000 ar. Oslo. S.
36–37: il.

2006

Археологические памятники о. Кильдин и прилегающего участка побе-
режья // Первобытная и средневековая история и культура Европейс-
кого Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.
С. 106–111. (Совместно с Е. М. Колпаковым, А. И. Мурашкиным).

Древности саамов российской Лапландии // *In situ*: К 85-летию проф.
А. Д. Столяра. СПб. С. 130–146: ил.

Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем ост-
рове // ЗИИМК. № 1. 42–52: ил. (Совместно с Е. М. Колпаковым, А. И.
Мурашкиным)

Составитель Л. М. Всевиов

Список сокращений

- АО – Археологические открытия. Москва
АВ – Археологические вести. Санкт-Петербург
ЗИИМК – Записки Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург
ИА – Институт археологии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения ИА АН СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МИА – Материалы и исследования по археологии
МНК – Международная научная конференция
НПС – Научно-практическое совещание
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология. Москва
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь
ТД – Тезисы докладов
ТДС – Тезисы докладов и сообщений
FscandArch – Fennoscandia Archaeologica. Helsinki
SMYA–FFT – Suomen muinaismuistijyhdistyksen aikakauskirja / Finska Fornminnesforeningens tidskrift

КОЛЬСКИЙ СБОРНИК
Сборник научных статей

Компьютерная верстка А. Ю. Городилов

Подписано в печать 18.12.2007. Формат 70x100^{1/16}
Уч.-изд. л. Усл. печ. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «Элексис Принт», СПб., ул. Моисеенко. 10